

Столыпин Петр

Аркадьевич

Полное собрание

речей в

Государственной

думе и

Государственном

совете 1906-1911

Петр Аркадьевич Столыпин

**Полное собрание речей в
Государственной думе и
Государственном совете**

1906-1911

**НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ
РОССИЯ...**

ПРЕДИСЛОВИЕ К. Ф. Шацилло

На административно-бюрократическом небосклоне в царствование последнего российского императора были на удивление тусклые «звездочки». Их представляли или выютюженные и застегнутые на все пуговицы вицмундира чиновники типа министра финансов и главы правительства в 1911-1914 годах В. Н. Коковцева, или старики-рамолики типа И. Л. Горемыкина, с искренним удивлением заявлявшего: «Не знаю почему, но меня третий раз вынимают из нафталина», или откровенные проходимцы и клинические больные вроде министра внутренних дел А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова, которыми заниматься впору не историку, а криминалисту и психиатру. Лишь два человека были значительно выше их по всем параметрам: звездой первой величины был крупнейший деятель пореформенной России Сергей Юльевич Витте (1849-1945) и на порядок менее яркий, но все же волевой, смелый и неглупый Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911).

Но если первый из них и у современников, и у историков получил более или менее однозначную оценку как государственный деятель, бесспорно, крупный, умный, хитрый, дальновидный, но и беспринципный, и карьерный, то оценки П. А. Столыпина и у современников, и у историков куда шире «по разбросу», а некоторые из советских журналистов дописались вообще до Геркулесовых столпов, объявив его не только создателем «столыпинской» реформы (которую, как это будет показано ниже, предлагал в самом начале XX в.

именно С. Ю. Витте), но и государственным деятелем, успешно доведшим ее до конца, что тоже не соответствует историческим фактам, — реформа эта, увы, «не состоялась», не реализовалась в жизни по целому ряду как объективных причин (не было достаточных средств на ее проведение, Россия не получила требуемых Столыпиным 20 лет покоя), так и, субъективных: отнюдь не все крестьяне радовались ей, очень многие вовсе не спешили выходить из общины, и властям сплошь и рядом приходилось ломать ее силой, [Зырянов П. Н. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907-1914 гг. Исторические записки. М., 1988. Т. 116] применение которой к решению чисто экономических задач, кстати говоря, стало отличительной чертой ближайшей российской истории.

В качестве одной из последних писательских трактовок этой проблемы хочется указать на предисловие Дмитрия Жукова к книгам В. В. Шульгина «Дни» и «1920». Автор уделяет в нем немало внимания и П. А. Столыпину, предлагая читателям искусственную схему, одну из тех, в которые никак нельзя уложить исторические факты без того, чтобы не искорректировать их. Как известно, еще министр финансов И. А. Вышнеградский (1887-1892), руководствуясь принципом «недоедим, а вывезем», форсировал экспорт хлеба; С. Ю. Витте еще в конце XIX в. ввел золотой рубль, а Д. Жуков все это ставит в заслугу П. А. Столыпину. А дальше продолжает: «На первом месте (в мире. — К. Ш.) по-прежнему оставались Соединенные Штаты. Но на Уолл-стрите понимали, что рано или поздно их монопольному превосходству в промышленности и сельском хозяйстве придет конец (!), и тогда были

приняты самые решительные меры. Для низвержения конкурента годилось все. Политика не исключала ни продолжения ее иными средствами, ни террора. Прежде всего решено было убрать носителя идеи «Сильной России», т. е. Столыпина. [Шульгин В. В. Дни, 1920. М., Изд-во Современник. 1989. С. 23]

А затем идет уже не история, а скорее детектив... Солидаризируясь со многими утверждениями В. В. Шульгина, автор предисловия кое в чем и не согласен с ним. Касается это, в частности, и вопроса о том, кто виноват в убийстве П. А. Столыпина, «Ход рассуждений Шульгина весьма зыбок, — глубокомысленно заявляет Д. Жуков. — Подумаем о том, что капитал — явление не сугубо национальное, что капиталисты в Америке, тесно связанные с президентами, со своими правительствами, тревожились в связи с растущей конкуренцией России, которая в результате столыпинских реформ и роста самого передового, по словам Ленина, финансового капитализма могла потеснить Америку. И тогда (!), хотя еще не существовало ЦРУ, прибегли к практике в отношении Столыпина, ныне в мировой политике не удивляющей никого...». [Там же. С. 26. Раз уж Д. Жуков решил взять себе в союзники В. Ленина, то надо было это делать корректно и ссылаться не на четверть фразы, а хотя бы на ее половину, которая звучит так: в России было «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитал!» (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 417). Но поскольку «самая дикая деревня» не могла наступать на пятки самому передовому американскому фермеру, Д. Жуков решил произвести «усекновении» Ленина по методу работы некоторых «ученых» в самые трудные для науки времена.]. Так

Столыпин пал жертвой евреев-банкиров с Уолл-стрита! Профессионалу-историку остается только в удивлении развести руками, настолько бездоказательно нелеп, а потому и неопровержим ход рассуждений Дмитрия Жукова.

Но разнбой в оценке П. А. Столыпина есть и в академической науке. Под пером одних — Петр Аркадьевич не только душитель и вешатель, давший своей фамилией название намыленной удавке, накидываемой палачом на шею приговоренного. Он предстает более или менее разумным государственным деятелем, искренне стремившимся выполнить не только первую половину своей формулы: «Сначала успокоение, а потом — реформы», но и вторую. Однако предложенная Столыпиным программа реформ «вызвала сопротивление помещного дворянства. Осуществление бонапартистского курса, проводником которого был кабинет Столыпина, отвечало широко понятым интересам дворянства, а задуманные им реформы были призваны укрепить и приспособить его к новой обстановке. Однако эти реформы вступили в противоречие с сиюминутными интересами той части помещиков, которые не могли приспособиться к капиталистическому развитию. Соглашаясь на аграрную реформу, помещное дворянство имело целью стравить крестьян между собой и отвести угрозу от собственных усадеб. Но за весь период осуществления реформы вышедшие из общины продали по преимуществу богатым крестьянам 3439 тыс. десятин земли, причем большая часть этих продаж приходилась на последние предвоенные годы. За период же 1905-1915 гг. из рук помещного дворянства ушло 10 801 тыс. десятин земли, что составляло 19,7 всего их земельного фонда в 1905 г., и из них 9795 тыс. десятин попали в

руки крестьян. [Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР, 1974. № 1. С. 85]. Экономическая угроза помещикам со стороны деревенской буржуазии была реальностью, и жалобы на обезземеление дворянства имели под собой явные основания». [Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. С. 21]. По мнению В. С. Дякина, на наш взгляд вполне справедливому, П. А. Столыпин, пытаясь осуществить и вторую половину провозглашенной им формулы, встретил яростное сопротивление со стороны тех сил, которые считали, что существующие в России порядки настолько совершенны и идеальны, что не требуют никаких реформ. «Столкновение бонапартистской и легитимистской группировок лежало в основе борьбы в верхах в 1907-1911 гг.», [Там же. С. 23] — утверждает В. С. Дякин.

С резкой критикой такого понимания политики Столыпина и такого определения места его в истории России выступил другой исследователь — А. Я. Аврех. „Согласно принятому взгляду, — писал он, — который целиком разделяет и автор этих строк, Столыпин — это именно и прежде всего правый крайний реакционер, проводник политики, вошедшей в историю под именем столыпинской реакции». [Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912-1914 гг. М., 1981]. Но, как известно, наука для того и существует, чтобы развивать и корректировать «принятые взгляды». Помочь в этом и профессионалам-историкам, и всем, интересующимся прошлым своей страны, поможет публикуемое полное собрание речей П. А. Столыпина в Государственном совете и Государственной думе.

Кто же он был — Петр Аркадьевич Столыпин, если принимать во внимание не мифы и легенды, сложенные о нем, а строгие исторические факты и свидетельства современников? Род Столыпиных известен с XVI века и связан был со многими именами, составлявшими славу и гордость России. Бабушка М. Ю. Лермонтова, воспитавшая его и проплакавшая, глаза после его преждевременной смерти, — урожденная Столыпина. Прадед — сенатор А. А. Столыпин — друг М. М. Сперанского, крупнейшего государственного деятеля начала XIX века. Отец — Аркадий Дмитриевич — участник Крымской войны, друг Л. II. Толстого, навещавший его в Ясной Поляне; жена Петра Аркадьевича — правнучка А. В. Суворова. Матримониальные связи, немало значившие в феодальном обществе, как видим, — отменныe. Да и личные качества кое в чем весьма привлекательны. Петр Аркадьевич не пошел по традиционной для его фамилии службе, не стал ни дипломатом, ни военным. Окончив Виленскую гимназию (детство его прошло в имении в Колноберже, недалеко от Ковно; кроме еще одного имения в Ковенской губернии, семья владела поместьями в Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях), Петр Аркадьевич в 1881 году неожиданно для многих поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, где, кроме физики и математики, с увлечением изучал химию, геологию, ботанику, зоологию, агрономию. [См.: Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. — В сб.: «Историки отвечают на вопросы». М., 1990, с. 108]. Изучал столь прилежно и глубоко, что на одном экзамене разгорелся научный

диспут между ним и Д. П. Менделеевым, с увлечением задававшим молодому студенту все новые и новые спорные вопросы. Наконец, великий химик спохватился: «Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно!». [Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953, с. 505]. После окончания университета Столыпин далеко не сразу «дошел до степеней известных». Только в 1888 году его имя впервые попало в «Адрес-Календарь», [Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 109] что могло свидетельствовать о каком-то общественном признании. Столыпин служил в Министерстве государственных имуществ на скромной должности помощника столоначальника и со скромным чипом коллежского секретаря. До через год он переводится в МВД уездным, предводителем дворянства в родные места — в Ковенскую губернию. Здесь он много занимается не только служебными делами, но и личными — сам ведет помещичье хозяйство в Колноберже. Через 10 лет П. А. Столыпин назначается ковенским губернским предводителем дворянства, а еще через три года — в 1902 году неожиданно для себя — гродненским губернатором. Назначение его губернатором — результат политики министра внутренних дел В. К. Плеве, взявшего твердый курс на замещение губернаторских должностей местными и землевладельцами, [Там же. С. 110] хорошо знавшими жизнь в губернии и твердо охранявшими помещичьи интересы.

В пореформенной России так называемый «аграрный вопрос» стал подлинной головной болью правительства. Деревня нищала, происходил процесс, официально определяемый как «оскудение центра России». В Петербурге и на местах шли заседания

«особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». В столице столкнулись две точки зрения. Одну выражал министр внутренних дел В. К. Плеве, другую — министр финансов С. Ю. Витте. Первая сводилась к сохранению крестьянской общины, которая всегда считалась царизмом опорой «порядка» в деревне, и к проведению экономической политики, направленной на всемерную поддержку государственными средствами и методами разорявшегося крупного дворянского землевладения. [Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 224 и др.]. Государство должно было активно вмешиваться в аграрные отношения помещика и крестьянина, переориентировать политику Крестьянского поземельного банка — и все с одной конечной чисто полицейской целью — ослабить борьбу крестьян с помещиками, защитить интересы последних. Этому же должна была способствовать и переселенческая политика, целью которой стало: не лишая помещичьи хозяйства дешевых рабочих рук, избыток их направить в те районы страны, где имелись избытки земли, и тем ослабить земельный голод в центре страны. Программа Плеве предусматривала и проведение ряда агротехнических мероприятий. Все это — вековая, традиционная «попечительная» политика царизма в аграрном вопросе: государственная поддержка разорявшегося помещичьего землевладения, государственная защита его от расширявшегося крестьянского движения.

Иной рецепт лечения больного аграрного вопроса предлагал министр финансов С. Ю. Витте. Он считал, что эта первостепенной важности проблема, затрагивавшая и разорявшихся помещиков, и вечно полуголодных

крестьян, вполне может быть решена на основе личной инициативы и капиталистической предприимчивости самих сельских хозяев. Витте решительно возражал против сохранения общинного землевладения, выступая за частную собственность на землю, за то, чтобы крестьянин чувствовал себя ее хозяином, чтобы его уравнили в правах с другими сословиями и превратили «из полуперсоны в персону». Все должны стать равноправными собственниками: крестьяне — клочка земли в несколько десятин, помещики — колоссальных латифундий в сотни, а то и тысячи гектар. Витте предлагал также активизировать деятельность Крестьянского банка, расширить выдачу банковских ссуд для всех желающих и способствовать переселению крестьян на неосвоенные земли. Предложения, выдвинутые Витте, получили поддержку большинства членов совещания, но не были одобрены царем, который утвердил проект министра внутренних дел. Нужны были уроки революции 1905-1907 годов, чтобы показать самодержавию «неблагонадежность» общины. Русская пословица «на миру и смерть красна» полностью подтвердилась в годы первой революции: действуя «миром» («скопом», как определяли официальные документы), крестьяне дружно сожгли в 1905-1907 годах одну шестую часть помещичьих усадеб (около 16 тысяч!), ломали амбары помещичьих экономий и растаскивали хранившееся в них зерно и имущество. Предложения С. Ю. Витте, сделанные еще накануне революции, предвосхищали «Указ», изданный в ее разгар в ноябре 1906 года и несправедливо получивший название «столыпинской реформы». «Витте понимал, что Столыпин «обокрал» его, т. е. использовал идеи, убежденным сторонником которых был Витте, для

проведения своей политики, а поэтому он не мог писать о Столыпине без чувства личного озлобления» — так справедливо считал крупнейший знаток истории России начала XX века А. Л. Сидоров. [Сидоров А. Л. Граф Витте и его «Воспоминания» Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. XXIX].

Но та же справедливость требует признать, что в споре Витте с Плеве Столыпин еще в 1902 году стал на сторону Витте, а не своего шефа. «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» имелось не только в столице. Было создано 82 губернских и областных и 536 уездных и окружных комитетов этого совещания, возглавлявшихся местной властью. Гродненский губернатор П. А. Столыпин решительно высказался за уничтожение общинной чересполосицы и расселение на хутора. При этом Столыпин заявил: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой, — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых не мыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью». [Иагоев А. П. Л. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М» 1912. С. 10]. Прочитав это высказывание П. А. Столыпина, советский исследователь П. Н. Зырянов справедливо заключает: «Иными словами, народ темен, пользы своей не понимает, а потому следует улучшать его быт, не спрашивая его о том мнения. Это убеждение Столыпин пронес черев всю свою государственную деятельность». [Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 111]. Однако убеждения Столыпина в это время были все же еще весьма далеки

от той довольно четкой программы Витте, которая была отклонена накануне революции 1905-1907 годов, но осуществлена в ее ходе под именем «Столыпинской реформы».

Гродненским губернатором П. А. Столыпин пробыл недолго. В 1903 году его назначили губернатором в более крупную и важную губернию — Саратовскую. Здесь-то и застала его первая революция, в борьбе с которой он применил весь арсенал средств — от обращения к черносотенной «общественности», возглавляемой епископом Гермогеном, до применения войск, жестоко расправлявшихся с восставшими крестьянами. При этом в деятельности самого молодого губернатора России проявились две отличительные черты, характерные, и для всей его будущей государственной деятельности. Во-первых, он не смущался карать не только «левых», но и «правых», если их деятельность выходила за установленные им рамки. (Разумеется, размеры этих «кар» были далеко не сопоставимы.) Так, когда черносотенная агитация «Братского листка», издававшегося под покровительством епископа Гермогена, переходила допустимые, с точки зрения губернатора, грани, он своей властью запрещал их распространение, а когда черносотенцы в Балашове пришли громить забастовавших земских медиков, присутствовавший там губернатор прислал казаков для защиты собравшихся в гостинице на собрание земских служащих. [Изгоев А. Указ. соч. С. 20]. Но несравнимо чаще Петр Аркадьевич вызывал войска для борьбы с революцией, а не с вопиющими безобразиями черной сотни.

Характерно и другое: в отличие от большинства высокопоставленных мерзавцев, отдающих кровавые

палаческие приказы из надежно защищенных кабинетов без малейшего риска для своей драгоценной персоны, Столыпин был лично храбр и не боялся оставаться лицом к лицу с разъяренной толпой. Он не просто заявил революционерам с трибуны Государственной думы: «Не запугаете!», но и на самом деле вел себя бесстрашно. Вот только один из многочисленных примеров, отличительный лишь тем, что он мало известен в литературе. Революция только-только началась, а богатый саратовский помещик Н. Н. Львов уже испытал на себе результаты вековой ненависти крестьян к помещикам. «Я видел ужасы, нечто вроде пугачевщины, — взволнованно рассказывал Львов своим друзьям. — Началось по соседству с моим имением у князя Волконского. Крестьяне стали рубить лес (считая его своим. — К. Ш.). У Волконского есть тяжба с ними, в которой он едва ли прав...» Волнение перекинулось и на имение Львова. На шестой день беспорядков приехал Столыпин с казаками. Сначала он пытался уговорить крестьян, призвал их прекратить незаконные действия. Созвали крестьянский сход. Но уговорить возбужденный «мир» было невозможно. «Когда он (Столыпин. — К. Ш.) стал им грозить, они тоже отвечали угрозами по отношению к полиции и казакам. Тогда, — рассказывает далее взволнованный Н. Н. Львов, — он один вышел к ним и сказал: «Убейте меня». Тогда они кинулись па колени. Но кап только он сел в сани, чтобы уехать, в него стали кидать камни. Тут же ранили пристава, несколько казаков и солдат. Крестьяне вооружились — насадили на палки какие-то пики». [Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 243].

Губернатор уехал, в дело вступили казачки, всласть порабатавшие нагайками. После их «воспитательной» работы Львов собрал «своих» избитых крестьян и обратился к ним с речью. Он заявил, что «нигде и никогда допускать грабежа нельзя, что в них будут стрелять, если они не образумятся.

Они: Подай нам планты!

— Какие планты?

У меня с ними не было тяжбы, — пояснял слушателям Львов. — Правда, — добавлял он, — у них давно был спор о нескольких пожалованных имениях, бывших государственных землях, в том числе и о нашем имении. Но ведь наше имение было пожаловано еще при Екатерине». [Там же. Л. 244].

Вот куда — к матушке Екатерине и даже еще дальше в глубь веков — уходили корни споров между крестьянином, который столетиями обрабатывал и поливал своим потом землю, и помещиком, не трудившимся на ней, но считавшим ее своей собственностью на основании государева пожалования.

События 1905-1907 годов показали глубокую революционность крестьянства, ошибочность расчетов самодержавия на любовь к нему «простого народа» и надежд на то, что крестьянская община — опора государственного порядка. Нелегкое бремя борьбы с революцией и поисков иной социальной опоры для самодержавной системы и легло на плечи П. А. Столыпина, когда он неожиданно для себя стал сначала министром внутренних дел (апрель 1906 г.), а всего через два с половиной месяца — и председателем Совета

министров. Редко кто из царских чиновников проделывал такую головокружительную карьеру.

Суть своей государственной деятельности на посту главы правительства П. А. Столыпин определил со свойственной ему лапидарностью: «Сначала успокоение, а потом — реформы!» Нет смысла пересказывать читателю меры по установлению «успокоения». Они включали в себя все — от введения «скорострельных» военно-полевых судов, когда тройка офицеров выносила приговор, не подлежащий обжалованию, до широчайшего применения армии «в помощь гражданским властям», как официально именовались подобные меры. «Армия не учится, а служит Вам!» — бросил в лицо Столыпину военный министр А. Ф. Редигер на одном из заседаний правительства. [Поливанов А. А. Из воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916 гг. М., 1924. С. 24]. И это было правдой. На «успокоение» были брошены все силы самодержавия. Ему удалось временно подавить революционное движение, водворить в стране «успокоение», в чем немалую роль сыграл и лично П. А. Столыпин. На этом этапе деятельность главы правительства пользовалась неограниченной поддержкой власть имущих. Столыпин был им необходим и стал всеобщим кумиром и дворянства, и правого крыла либеральной буржуазии (партии «октябристов», возглавлявшейся А. И. Гучковым), и лично «хозяина земли русской», как определил свою профессию Николай II при всеобщей переписи в 1897 году.

Нелепо представлять Столыпина просто кровавым монстром, лично подписывающим смертные приговоры, как это делал Сталин. 12 августа 1906 года эсерами-максималистами была взорвана дача Столыпина

на Аптекарском острове. Кроме двух террористов, погибло 25 невинных людей, пришедших на прием к главе правительства, ранены трехлетний сын и четырнадцатилетняя дочь Петра Аркадьевича. В ответ он ввел военно-полевые суды, приговоры которых должны были утверждать командующие военными округами. От них-то и зависела «скорострельная юстиция». Командующий Казанским военным округом генерал И. А. Карасс не утвердил ни одного смертного приговора. Он говорил, что готов пролить свою кровь за Россию, но не хочет на старости лет пачкать себя чужой кровью. [Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 116]. Другие же охотно выполняли палаческие функции. Так, известный черносотенец генерал А. В. Каульбарс, командовавший войсками Одесского военного округа, не колеблясь подписал смертный приговор двум юношам, которые даже не были на месте, где произошло преступление. Вскоре нашли настоящих виновников — и тоже расстреляли! [См.: Витте С. 10. Указ. соч. М., 1960. Т. 3. С. 481-482]. Вряд ли за действия Каульбарса и других подобных палачей непосредственную ответственность должен нести Столыпин.

Но и рыцарем в белых перчатках он тоже не был. 1 июня 1907 года Столыпин сделал в закрытом заседании II Государственной думы заявление, на основании которого она была распущена и произведен через два дня государственный переворот — изменен избирательный закон в Думу, что делать без ее согласия было нельзя. П. А. Столыпин не мог не знать, что в основе его заявления — грязная провокация, состряпанная охранкой через своих агентов Бродского и Шорникову, и все же воспользовался ею в политических целях: I и II Думы явно не «вписывались» в

самодержавную систему, и надо было создать новую Думу, более «покладистую», а для этого, по мнению Петра Аркадьевича, все средства были хороши! Третьеиюньский государственный переворот знаменовал собой конец революции 1905-1907 годов. Долгожданное «успокоение» было установлено, теперь надо было переходить к выполнению второй части обещанной формулы — реформам.

Но сделать это оказалось отнюдь не так легко, как это мыслилось первоначально П. А. Столыпину. Его политические друзья справа считали, что в ходе революции и так уж слишком много сделано уступок (манифест 17 октября 1905 г., указ 9 ноября 1906 г., которым была predeterminedлена аграрная реформа, получившая название столыпинской), и речь должна поэтому идти не о новых реформах, а об «усечении» старых. Однако Столыпин не собирался отказываться от своих планов и со свойственной ему твердостью пошел напролом в проведении реформ. Они, конечно же, не могли изменить основ самодержавия, верным слугой которого он был, но должны были хоть чуть-чуть модернизировать его.

Однако коса нашла на камень. Царь был крайне слабовольным человеком и, как часто случается с подобными людьми, столь же упрямым. Николай II не терпел в своем окружении ни людей с твердым характером, ни тех, кто превосходил его умом и широтой кругозора. Он считал, что подобные лица «узурпируют» его власть, «оттирают» самодержца на второй план, «насилуют» его волю. Именно поэтому не пришелся ко двору С. Ю. Витте, а теперь наступала очередь второго по величине после Витте государственного деятеля России начала XX века — П. А. Столыпина. Реформы,

задуманные им (преобразование местного управления, государственное страхование рабочих, введение всеобщего начального образования, законодательство о старообрядческих общинах, введение земства в западных губерниях и т. д.), не грозили устоям самодержавия, но революция была побеждена, и, как считали Николай II и его подсказчики из Совета объединенного дворянства, побеждена навсегда, а посему никаких реформ не требовалось вообще. [См.: К истории ареста и суда над социал-демократической фракцией II Государственной думы. Красный архив. 192С. № 3 (16). С. 76-117].

Приблизительно с 1909 года начались мелкие, но систематические придирки и кляузы крайне правых царю на главу правительства, что немало попортило крови Столыпину. Решено было создать Морской генеральный штаб из двух десятков человек. Поскольку это вызывало дополнительные расходы, Столыпин решил провести его штаты через Думу, которая утверждала бюджет. Немедленно последовал донос Николаю II, который был «верховным вождем армии» и считал, что все дела о вооруженных силах — его личная компетенция. Проведенный через Думу и Государственный совет законопроект о штатах МГШ Николай II демонстративно не утвердил. В это же время «святой старец» Г. Распутин, уже несколько лет вертевшийся при дворе, приобрел значительное влияние на экзальтированную царицу. Скандальные похождения «старца» заставили Столыпина попросить царя выгнать Распутина из столицы. В ответ на это, тяжело вздохнув, Николай II ответил: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». [Бок А. П. Указ. соч. С. 331]. Узнавшая об этом разговоре Александра Федоровна возненавидела

Столыпина и в связи с правительственным кризисом при утверждении штатов Морского генерального штаба настаивала на его отставке. [См.: Дякин В. С. Указ. соч. С. 138].

В марте 1911 года разразился новый и на этот раз более серьезный для Столыпина кризис. Он решил учредить земство в западных губерниях, введя при выборах национальные курии. Правые поспешили дать бой Столыпину в Государственном совете и, получив негласное разрешение царя, проголосовали против национальных курий, что составляло ядро законопроекта. «Итоги голосования, — справедливо пишет современный исследователь, — явились для Столыпина полной неожиданностью не потому, что он не знал, какова позиция Дурново, Трепова и их сторонников (крайне правых. — К. Ш.), а потому, что они не могли бы послушаться воли царя. Голосование означало, что Николай предал своего премьера, и Столыпин не мог этого не понять». На ближайшей аудиенции у царя Столыпин подал в отставку, заявив, что легитимистские лидеры «ведут страну к гибели, что они говорят: «Не надо законодательствовать, а надо только управлять», т. е. отказаться от какой-либо модернизации политического строя и его приспособления к изменившейся обстановке». [Там же. С. 218].

Столыпин был уверен, что получит отставку, но этого не произошло по двум обстоятельствам. Во-первых, царь не признавал за министрами права выходить в отставку по собственному желанию, считая, что это принцип конституционной монархии, самодержец же должен лишать министров их постов только по собственному усмотрению. А во-вторых, он подвергся довольно единодушной атаке великих князей и

вдовствующей императрицы Марии Федоровны, вдалбливавшей своему сыну в голову, что Столыпин все еще остается единственным человеком, способным привести Россию к «светлому будущему». [Там же. С. 219-221; см. также: Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 126].

Таким образом, Николай не принял отставки Столыпина, который, уверовав в свои силы, выдвинул перед царем ряд жестких условий. Он соглашался взять отставку назад, если, во-первых, Дума и Государственный совет будут распущены на три дня и законопроект будет проведен по специальной 87-й статье, предусматривавшей право правительства издавать законы во время перерывов занятий законодательных палат. Главных своих противников — П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова — Столыпин требовал удалить из Государственного совета, а с 1 января 1912 года назначить туда 30 новых членов по его выбору. Царь не сказал ни да, ни нет, но вечером его вновь атаковала великокняжеская родня, требуя уступить. Некоторым из членов Думы Столыпин показывал листок, на котором рукой царя были записаны все поставленные ему условия. [См.: Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 194].

Надо было хорошо знать своего государя, никогда и никому не прощавшего подобных «силовых приемов» в обращении с собой. Но Столыпин в результате 5-летнего руководства Советом министров потерял былую скромность, приобрел монументальность и величественность, «принял генералина», как острили злослыжные шутники. [Там же. С. 190]. Он не предвидел последствий своей пирровой победы. Царь начал мелко, но постоянно щелкать по носу своего премьера: не подписывал принятых обеими палатами законопроектов

(об отмене ограничений, связанных со снятием духовного сана), назначал в правительство активных противников Столыпина... Поползли слухи о скорой отставке премьера.

У Столыпина начало сдавать здоровье, усилилась стенокардия («грудная жаба», как тогда говорили доктора). «Не знаю, могу ли я долго прожить», — сказал он своему брату. [Вок М. П. Указ. соч. С. 330]. Но, несмотря на болезнь и явно возраставшую опалу царя, премьер-министр упорно продолжает работать над проектами реформ — планирует организовать восемь новых министерств (труда, местного самоуправления, национальностей, социального обеспечения, исповеданий, исследования и эксплуатации природных богатств, здравоохранения, переселения), для содержания их изыскивает меры для трехкратного увеличения бюджета (введение прямых налогов, налога с оборота, повышения цены на водку), намечает понизить земский ценз, чтобы допустить к местному самоуправлению владельцев хуторов и рабочих, владевшая небольшой недвижимостью. [Зеньковский А. В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. С. 73-87]. В разговоре со своим помощником он как-то прямо заявил, что, возможно, ему и не придется осуществить эти планы в качестве главы правительства, но в этом случае он подаст «всеподданнейший доклад» царю или Марии Федоровне. [Там же. С. 71].

В августе 1911 года Столыпин отдыхал в своем имении в Колнобреже, где работал над своим проектом. И отпуск, и работу пришлось прервать для поездки в Киев, где в присутствии царя должен был открыться памятник Александру II по случаю недавно исполнившегося юбилея Великой реформы. Пребывание

премьер-министра в Киеве началось с оскорблений — ему явно давали понять, что он здесь лишний и его не ждали. Столыпину не нашлось места в автомобилях, в которых следовали царь и его свита. Ему не дали даже казенного экипажа. Председателю Совета министров пришлось искать извозчика... Рассказывают, что ненавидевший его Распутин, увидев Столыпина, кликушески возопил: «Смерть за ним!... Смерть за ним едет!.. За Петром... за ним...». [Шульгин В. В. Дни. Л» 1925. С. 75-76]. Не отсюда ли родилась легенда, что охранка «гениальным полицейским нюхом» предвосхитила «тайное желание двора и камарильи избавиться от Столыпина»? [Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 40. 5 Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 133]. И двор, и камарилья не единожды избавлялись от неугодных им лиц куда более простым путем — отправляя их в отставку, что, по-видимому, грозило и Столыпину в самом недалеком будущем.

Политическая смерть Столыпина наступила гораздо раньше, чем провокатор Д. Г. Богров — смертельно ранил его 1 сентября 1911 года в Киевском оперном театре. Да, «Столыпин был «приказчиком» царя и помещиков, но ...он при всех своих отнюдь не исключительных качествах все же видел гораздо дальше и глубже своих «хозяев». Трагедия Столыпина состояла в том, что они не захотели иметь «приказчика», превосходящего их по личным качествам» 5, — с этими заключительными словами очень интересной статьи современного исследователя нельзя не согласиться.

К. Ф. ШАЦИЛЛО

П. А. СТОЛЫПИН ,

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

П. А. Столыпин не был профессиональным политическим деятелем-карьеристом. Не живи он в страшное переломное время, когда наше тысячелетнее государственное здание повисло над бездной, его жизненный путь сложился бы, вероятно, иначе.

Он увлекался поэзией, хотя сам не имел стихотворного дара. В его студенческой квартире собирался литературный кружок, где в монументальном кресле, способном выдержать его тяжеловесность, царствовал поэт Апухтин.

Он любил природу, что так ярко изобразил в своем «Красном колесе» Александр Исаевич Солженицын. Был близок к крестьянскому люду. Садился около той или иной крестьянской избы, пил принесенный ему стакан молока и беседовал с нашими литовскими крестьянами. Это были, пожалуй, одни из лучших моментов его жизни.

То, что П. А. Столыпин был бесстрашным, в достаточной мере показано А. И. Солженицыным. Можно добавить, что, будучи в разъездах по Саратовской губернии, П. А. Столыпин послал моей матери короткую записку: «Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов». А когда в 1905 г. саратовские террористы приговорили меня к смерти путем отравления (я был тогда двухлетним ребенком) и моя мать от страха потеряла голову, отец остался невозмутим: «Я буду продолжать свое дело. Да сбудется воля Господня!» »

Государственную власть принял он как тяжелый крест. Ознакомившись с общим положением дел Империи, понял, что нельзя терять ни минуты. Работал, порою, целыми ночами, что в конце жизни отразилось на состоянии его сердца. Спешил каждый вечер окончить работу, положенную на этот день. Глядя на часы, говорил порой с горечью: «Идите, проклятые!»

Отношение отца к деньгам было, если можно так выразиться, двойственно. В Совете министров у него бывали столкновения с бескорыстным, но, пожалуй, слишком бережливым министром финансов. Дело сельскохозяйственного переустройства требовало больших кредитов. Коковцев огрызнулся: «Не могу же я делать деньги из петербургского воздуха и из невской воды!» П. А. Столыпин отвечал резко; потом сожалел о своей вспыльчивости. «Там, где деньги — там дьявол», — говорил он. Но, зная, что без надлежащих кредитов нельзя повернуть народ на путь благополучия, он говорил также: «Деньги — это чеканная свобода».

П. А. Столыпин тосковал порою, когда думал о будущем России, говорил моей матери: «После моей смерти одну ногу вытащат из болота — другая завязнет». Это опасение усугублялось тем фактом, что отцу трудно было подыскать сотрудников. Были чиновники, честные и преданные своему делу. Но почти не было людей, обладавших подлинным государственным мышлением. Разрыв, происшедший еще в прошлом веке, между государственным аппаратом и либеральной интеллигенцией, приносил свои горькие плоды. Переговоры с лидерами кадетской партии привели к полному разочарованию. Не считаясь ни с чем, Милюков и его коллеги надменно требовали полноту власти (всем известно, что произошло в феврале 1917 года, когда они

власть получили). Наконец, мой отец сказал Царю: «Я охотнее буду подметать снег на крыльце Вашего дворца, чем продолжать эти переговоры».

К людям крупного масштаба, работавшим с моим отцом, можно отнести министра земледелия Кривошеина, министра финансов Коковцева и товарища министра внутренних дел Крыжановского. Сергей Ефимович Крыжановский был выдающимся деятелем. Проекты государственных преобразований времен моего отца были составлены почти все им лично. В первые годы эмиграции он написал свои воспоминания, ставшие теперь библиографической редкостью. В своей книге он уделяет много внимания преобразованиям, которые П. А. Столыпин собирался осуществить, вернее, к осуществлению которых он уже приступил, но которые были прерваны пулей убийцы. Эти неосуществленные реформы являются как бы продолжением государственной деятельности моего отца, отразившейся в его парламентских выступлениях.

Одно из этих преобразований касалось, в первую очередь, выделения части Холмского края из состава Польши. Проект по этому вопросу был составлен Крыжановским, по поручению П. А. Столыпина, в 1908 году. Согласно этому проекту, в состав новой Холмской губернии должны были быть включены лишь местности, в которых население сохранило русский облик. Те же части Холмщины, в которых население было ополячено и окатоличено, должны были остаться за Польшей. Согласно замыслу П. А. Столыпина, к Польше должны были быть прирезаны, взамен отторгнутых от нее частей Холмщины, некоторые части Гродненской губернии, населенные поляками. Речь шла о части Вельского и

Белостокского уездов. Таким образом была бы достигнута основная цель размежевания.

Официально вопрос о Холмщине был вызван ходатайствами местного русского населения, желавшего слиться с общерусской стихией. Но Крыжановский высказывает на этот счет и иные соображения:

«В действительности, — пишет он, — по официально никогда не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей, на случай дарования Царству Польскому автономии».

Полное отделение Польши от России отец намечал на 1920 год.

На деле все пошло по-иному. Проект о Холмщине поступил в конце 1909 года на рассмотрение специальной комиссии Государственной думы. Несмотря на возражения правительства, комиссия расширила пределы будущей Холмской губернии, включив в ее состав такие местности, в которых русское население составляло едва 30%. А об уступке Польше части Гродненской губернии депутаты вообще отказались слушать.

«Таким образом, — отмечает Крыжановский, — весь смысл меры выражал собою лишь стремление урезать пределы Польша». Это показывает, что даже трудоспособная Третья дума возвышалась лишь постепенно и с трудом до подлинного понимания наших государственных задач.

Проект был принят в этом искаженном виде нашими законодательными палатами уже после смерти моего отца.

Другое, на этот раз совсем неосуществленное, преобразование касалось децентрализации — разделения Империи на области, располагающие правами самоуправления, при наличии в этих областях представительных учреждений.

Согласно намерениям П. А. Столыпина, реформа должна была быть осуществлена в областях, представлявших однородное целое, если не всегда в этническом, то по крайней мере в экономическом и бытовом отношении.

Составление проекта о децентрализации мой отец поручил Крыжановскому в 1907 году. Вот что Сергей Ефимович пишет о смысле этой реформы в своих воспоминаниях: «Децентрализация открывала простор местным творческим силам и, что имело немалое значение, давала возможность применять в разных местностях разные системы выборов, приспособленные к особенностям их общественного строя».

Согласно проекту, значительная часть Империи должна была быть разделена на одиннадцать областей. В каждой из них — областное земское собрание и областное правительственное управление. Туда должны были быть привлечены местные деятели. Областные земские собрания, образуемые на общих основаниях, привитых для земских выборов, получали широкое право местного законодательства по всем предметам, не имевшим общегосударственного значения. На первых порах реформа должна была коснуться одиннадцати областей: Прибалтийской и Северо-Западной областей, Польши, Правобережной и Левобережной Украины, Московской области, Верхнего и Нижнего Поволжья, Северной России (две области), Степной области

(Западная Сибирь). Остальные части Империи — Казачьи области, Туркестан, Восточная Сибирь, Крым и Кавказ — пока оставались вне введения областного управления.

Проект этот был в 1909 году представлен на рассмотрение Императора с обстоятельно мотивированным на этот счет докладом П. А. Столыпина. Но, как это бывало порой, реакция Царя была двойственной и нерешительной. Предлагаемым преобразованиям он выразил свое полное одобрение, но решил отложить этот вопрос до того, как окончательно выяснятся результаты сотрудничества правительства с Третьей думой. Оттяжка оказалась равносильной отказу. Убийство моего отца положило конец этому замыслу.

Даже в случае безоговорочной поддержки Царем децентрализация заняла бы много времени и натолкнулась бы, вероятно, на ряд препятствий в наших законодательных палатах. Как пишет Крыжановский, «в последние годы его жизни мысли эти очень пленяли Столыпина. Но говорить о них громко он не решался и, кажется, кроме Кривошеина, да и то лишь впоследствии, никто в тайну их посвящен не был».

А времени терять было нельзя. В ожидании децентрализации надлежало произвести реорганизацию администрации и полиции Империи. Проект этих преобразований был составлен Крыжановским, по поручению Столыпина, в 1907-1908 годах.

Реорганизация администрации соответствовала политическим и социальным требованиям того времени. Состав наших чиновников, служивших в провинции, увеличивался количественно, но не качественно. А между тем, с развитием промышленности и техники на местах возникали все новые задачи. Это было

чувствительно особенно на окраинах государства. Поэтому в проекте предлагалось «ограничение русификационной политики и привлечение к управлению окраинами местных элементов».

Преградой к реорганизации на самых низах государственного здания являлась сословная иерархия. Во главе уездов стояли уездные предводители дворянства. Но, по причинам обеднения дворянства еще в конце прошлого столетия, многим предводителям приходилось служить в городах и появляться в своих уездах изредка. Связь между уездом и дворянством была подорвана. А между тем крепили и добивались права голоса другие слои населения: промышленники и купцы, городская интеллигенция, крестьяне-собственники и т. д. Учитывая это, в проекте предлагалось вместо предводителей дворянства поставить во главе уездов уездных начальников из местной среды, назначенных министром внутренних дел.

Ступенью выше проект предполагал объединение дотоле разрозненного управления в губерниях под руководством губернаторов. Архаическое раздробление властей в губерниях способствовало в 1905 году распространению смуты. Усиление власти губернатора должно было предотвратить повторение таких событий.

Параллельно с этим был разработан проект реорганизации полиции. Численность ее в те времена была далеко недостаточной. Сообразуясь с размерами страны, она была в пять раз малочисленнее, чем во Франции, и в семь раз малочисленнее, чем в Великобритании.

В области технических средств для борьбы с беспорядками наша полиция находилась в отсталом

состоянии. Это привело к роковым последствиям в пору революционных волнений 1905 года, а затем и в пору февральской революции.

По словам Крыжановского, «проекты эти получили окончательную редакцию под личным руководством Столыпина, чему он придавал с полным основанием весьма крупное значение».

Настала пора практического осуществления. Ранее, чем представить проекты в законодательные палаты, решено было их рассмотреть в недавно созданном Совете по делам местного хозяйства, по выражению П. А. Столыпина — в «Преддумии». В нем участвовал, наряду с чиновниками, ряд представителей нашей интеллигенции. И тут зачинателей преобразования постигло разочарование. Проект натолкнулся на резкую оппозицию значительного числа членов этого Совета. Как пишет Крыжановский, «оппозиция эта велась, главным образом, за кулисами, вне заседаний Совета, так как против цифр спорить было нельзя. А цифры были оглушающие».

Итак, это преобразование было остановлено на полном ходу. До рассмотрения проектов в Государственной думе дело не дошло. А преемники моего отца отложили это дело в долгий ящик. Административный и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно непригодным к новым требованиям, выдвинутым жизнью. Государству и народу пришлось тяжело за это поплатиться, когда настали грозные времена.

Очевидно, о перечисленных мною вопросах думал мой отец во время агонии, так ярко описанной А. И. Солженицыным. Думал он и о Финляндии, по отношению

к которой он не смог найти окончательного удовлетворительного решения. «Сейчас главный неразрешенный вопрос — это Финляндия», — были его последние слова на смертном одре.

Аркадий СТОЛЫПИН Париж, 1986

Некролог, опубликованный в газете «Новое время» 6 сентября 1911 г.

П. А. Столыпин — сын севастопольского героя генерал-адъютанта Столыпина от брака с княжной Горчаковой — родился в 1862 г., детство провел в имении Средниково под Москвой. По окончании курса в С.-Петербургском университете в 1884 г. он начал свою служебную деятельность в Министерстве внутренних дел, через два года причислился к департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством. Затем перешел на службу в Министерство внутренних дел ковепским уездным предводителем дворянства и председателем ковенского съезда мировых посредников и в 1899 году был назначен ковенским губернским предводителем дворянства. Служба предводителем дворянства близко познакомила П. А. Столыпина с местными нуждами, завоевала ему симпатии местного населения и дала административный опыт. В это время он был выбран почетным мировым судьей по инсарскому и ковенскому судебно-мировым округам. В 1902 г. П. А. Столыпину было поручено исправление должности гродненского губернатора, через год он был назначен

саратовским губернатором. Начало революционной смуты ему пришлось провести в должности губернатора в Саратове и принять решительные меры против революционной пропаганды и особенно по прекращению беспорядков в Балашевском уезде. В Саратове же он принимал живое участие в деятельности местных благотворительных учреждений. Местный отдел попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых избрал его в свои почетные члены. Когда в 1906 году Совет министров во главе с графом С. Ю. Витте вышел в отставку и новый Совет министров было поручено сформировать И. Л. Горемыкину, П. А. Столыпину был предложен пост министра внутренних дел. С этого времени — 26 апреля 1906 г. — П. А. Столыпин являлся до дня своей кончины деятельным руководителем министерства. После роспуска Первой государственной думы ему было повелено быть 8 июля 1906 г. председателем Совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел. С этого момента началась талантливая государственная деятельность Столыпина, направленная на умиротворение России путем стойкой борьбы с своеволием и беззаконием и путем разработки и проведения в жизнь новых законов. Став во главе Совета министров, П. А. Столыпин сумел вдохнуть в деятельность Совета единодушие, возратить государственной власти поколебленный престиж и укрепить его. Революционные партии террористов не могли примириться с назначением убежденного националиста и сторонника сильной государственной власти на пост премьер-министра и 12 авг. 1906 г. произвели покушение на его жизнь взрывом министерской дачи на Аптекарском о-ве. Было убито 22,

ранено 30 лиц (в их числе тяжело пострадала дочь и ранен малолетний сын Столыпина), но П. А. Столыпин остался невредим. Провидение сохранило его жизнь, и он с прежней энергией и увлечением отдался всецело государственной деятельности. Горячий приверженец порядка и законности, он шел прямым путем к скорейшему осуществлению нового уклада государственного строя. Просвещенный политик, экономист и юрист, крупный административный талант, он почти отказался от личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую с утомлением, вложил в дело государственного успокоения и строительства. Только летом, и то на самое непродолжительное время, он позволял себе отдых, уезжая преимущественно в свое имение, но и там не переставал давать направление правительственному механизму государства. Заболев весной 1909 г. крупозным воспалением легких, он согласился покинуть Петербург только по настойчивым требованиям врачей и провел в Крыму около месяца. Наибольшее время П. А. Столыпин посвящал руководству и председательству в Совете министров, созывавшемся обычно не менее двух раз в неделю, и в разного рода совещаниях по текущим делам и по вопросам законодательства. Заседания эти часто затягивались до утра. Утренние доклады и дневные приемы чередовались у него с личным внимательным просмотром текущих дел, просмотром русских и иностранных газет и тщательным изучением новейших книг, посвященных особенно вопросам государственного права. Неоднократно он, как председатель Совета министров, выступал в Государственной думе и Государственном совете защитником правительственных проектов. Он всегда

являлся блестящим оратором, говорил вдохновенно, сжато и дельно, развивая мастерски и ярко руководящие положения законопроекта или давая ответ и объяснения по различного рода запросам о действиях правительства. В 1909 г. он присутствовал при свидании Государя Императора с германским императором в финляндских шхерах. В разное время он совершил несколько поездок по России, ознакомился с результатами землеустроительных работ и с работами по хуторскому и отрубному разверстанию. Немало он приложил также стараний к улучшению водоснабжения в Петербурге и к прекращению холерной эпидемии. Государственные заслуги П. А. Столыпина были отмечены в короткое время целым рядом Царских наград. Помимо нескольких Высочайших рескриптов с выражением признательности, П. А. Столыпин был пожалован в 1906 г. в гофмейстеры, 1 января 1907 г. назначен членом Государственного совета, в 1908 г. — статс-секретарем.

Как человек П. А. Столыпин отличался прямодушием, искренностью и самоотверженной преданностью Государю и России. Он был чужд гордости и кичливости благодаря исключительно редким качествам своей уравновешенной натуры. Он всегда относился с уважением к чужим мнениям и внимательно — к своим подчиненным и их нуждам. Враг всяких неясностей, подозрений и гипотез, он чуждался интриганства и интриганов и мелкого политиканства. По своим политическим взглядам П. А. Столыпин не зависел от каких-либо партийных давлений и притязаний. Твердость, настойчивость, находчивость и высокий патриотизм были присущи его честной открытой натуре. Столыпин особенно не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти и преследовал их беспощадно;

в этом отношении он был горячий сторонник сенаторских ревизий.

П. А. Столыпин был женат на дочери почетного опекуна О. Б. Нейдгарт, имел пять дочерей и сына.

П. А. СТОЛЫПИН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

(Опубл. в газ. «Новое время» 6 сентября 1911 г.)

Столыпин выдвинулся и определился в Думе. Но, в то же время, он в значительной степени определил собой Государственную думу. Если Государственная дума в настоящее время работает и законодательствует, то этим она, до известной степени, обязана Столыпину. Столыпин интуитивно «чувствовал» Государственную думу. С самого первого же выступления основной тон был взят им совершенно правильно. Если вчитаться в ту первую речь, которую он произнес по запросу о действиях чинов охранного отделения, то мы найдем в ней целый ряд мелких черточек, в точности соответствующих тому облику большого государственного деятеля, который в последующие годы укрепился, развился и сделался популярным в России, но который в Первой государственной думе не был иным, чем во Второй и Третьей.

«...Оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю». Относительно действий Будатовского, царицынского полицмейстера и калязинской полиции расследование «передано в руки суда»; и если суд «обнаружит злоупотребления, то министерство не преминет распорядиться соответственным образом». Всякое упущение в области служебного долга «не останется без самых тяжелых последствий для виновных». Но каковы бы ни были

проступки и преступления отдельных подчиненных органов управления, правительство не пойдет навстречу тем депутатам, которые сознательно стремятся дезорганизовать государство. «Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка, поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие». «Бездействие власти ведет к анархии; правительство не может быть аппаратом бессилия». На правительстве лежит «святая обязанность ограждать спокойствие и законность». Все меры, принимаемые в этом направлении, «знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ». Но как же будет действовать правительство, если в его распоряжении еще нет реформированных законов? Очевидно, что для него имеется только один исход: «применять существующие законы впредь до создания новых». «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым».

Итак, программа намечается в высшей степени просто и отчетливо. Для того, чтобы провести необходимые реформы, нужно, прежде всего, утвердить порядок. Порядок яге создается в государстве только тогда, когда власть проявляет свою волю, когда она умеет действовать и распоряжаться. Никакие посторонние соображения не могут остановить власть в проведения тех мер, которые, по ее мнению, должны обеспечить порядок. Дебатирует ли Государственная дума шумливым образом о препятствиях, будто бы чинимых местной администрацией тем лицам, которые

поехали оказывать продовольственную помощь голодающим, — ответ приходит сам собой, простой ж естественный. Криками о человеколюбивой цели нельзя смутить ту власть, которая знает, чего она хочет: «насколько нелепо было бы ставить препятствие частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было и бездействовать по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных». Под каким бы предлогом ни проводилось то стремление захватить исполнительную власть, которое является естественным последствием парализования власти существующей, — министр внутренних дел, сознавая свою правоту, не будет смущаться: «носитель законной власти, он на такие выходки отвечать не будет».

Все эти тезисы кажутся в настоящее время простыми и само собой разумеющимися. Но если вспомнить, в какой именно период они были произнесены, то мы поймем, что человек, говоривший их, проявлял большую степень государственной зрелости. В те дни в России было очень много безотчетного увлечения Государственной думою, увлечения почти что мистического. Люди, претендовавшие на всестороннее знакомство с всемирной историей и готовившиеся занять министерские посты, разделяли всеобщее опьянение. Они наивно думали, что молодая, только что созванная Государственная дума силой тех речей, которые будут в пей произноситься, переменит движение жизни и из дореформенной России сразу сделает утопическое государство, в коем будут осуществлены и абсолютные политические свободы, и безусловное социальное равенство. Выступить в этот момент с трезвым словом, показать истинные пределы законодательной власти,

наметить ее соотношение к власти исполнительной и, главное, наметить для исполнительной власти те основные идеи, вне которых она не может ни работать, ни существовать: для всего этого требовался широкий ум, ясное понимание политического момента, глубокое проникновение в основные проблемы государственного властвования. Во Второй думе П. А. Столыпин выступает уже не с принципиальными афоризмами, а с подробной и строго продуманной программой реальной государственной деятельности. Впоследствии многие из его политических противников, с Милюковым во главе, обвиняли председателя Совета министров в том, что во Второй думе он, будто бы, выставлял программу иную, не ту, с какой он явился впоследствии в Думу третью. Но ближайшее рассмотрение обоих документов доказывает, что — за малыми исключениями — все основные пункты политического credo намечены были перед Думой кадетски-революционной совершенно так же, как и в п о с л е д с т в и и п е р е д Д у м о й националистически-октябристской. Правительство готово работать с Думой. «Его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в правительстве сотрудника». Но правительство это, очевидно, сознает свой долг: оно должно восстановить в России порядок и спокойствие; «оно должно быть и будет правительством стойким и чисто русским». Что же будет делать это правительство? Правительство будет создавать материальные нормы, «имеющие воплотить в себе реформы нового времени». «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое».

Для этого правительство должно разработать законопроекты о свободе вероисповедания, о

неприкосновенности личности, об общественном самоуправлении, о губернских органах управления, о преобразовании суда, о гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, о поднятии народного образования. Но основная задача, «задача громадного значения», первая задача, которую должно решить государство, есть забота о крестьянстве. Необходимо «содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным обеспечить себе безбедное существование путем занятия земледельческим промыслом». Эту задачу правительство считает настолько важной, что оно даже приступило к осуществлению ее, недожидаясь созыва Второй думы. «Правительство не могло медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения в России». К тому же, «на правительстве, решившем не допускать крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам на законный выход в их нужде». Правительство ведет, значит, успокоение и реформы — совершенно параллельно. Оно не отступает ни на шаг от возлагаемой на него государственностью обязанности обеспечить гражданский порядок; но оно сознает и свой нравственный долг намечать те органические пути развития общественной жизни, путем постепенного упрочения которых беспорядки сделаются ненужными.

Реформы и порядок. Таковы два мотива, проходящие через все думские речи Столыпина. Реформы, может быть, не очень казовые, но зато

прочные. Реформы, на которых трудно снискать себе быструю популярность, которые представляют собой «продолжительную черную работу», но без которых невозможно создание истинно свободной России. Путь этот скромный, но он хорош тем, что ведет не к «великим потрясениям», а к «великой России». Ибо аграрный вопрос нужно не «разрешить, а разрешать», хотя бы для этого потребовались десятилетия. Крестьянин должен сделаться личным собственником. Как мелкий земельный владелец он явится составным элементом будущей мелкой земской единицы. «Основываясь на трудолюбии и обладая чувством собственного достоинства, он внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток». «Вот тогда, тогда только — писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей, из чувства государственности и патриотизма».

Но, занимаясь реформой, правительство именно не должно забывать своей обязанности по сохранению порядка. «Когда в нескольких верстах от столицы и от царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше, когда начинал царить ужас и террор: тогда правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыв, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, — или действовать и отстоять то, что ей было вверено». Нападки оппозиции, рассчитанные на то, чтобы вызвать у правительства «паралич воли и мысли», «сводятся к двум словам: руки вверх». На эти два слова правительство «с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить двумя словами: не

запугаете». И затем шел прекрасный призыв, обращенный к Государственной думе во имя успокоения и умиротворения страны: «Мы хотим верить, господа, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставит всех нас встать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение». Покуда это слово не будет сказано, покуда государство будет находиться в опасности, «оно обязано будет принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада». «Это всегда было, это всегда есть и всегда будет». «Государственная необходимость может довести до диктатуры». Она становится выше права, «когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Только тогда, когда реформы пойдут параллельно с успокоением страны, они явятся выражением истинных нужд государства, а не отзвуком беспочвенных социалистических идей. «Наши реформы для того, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах». Такими национальными началами является прежде всего царская власть. Царская власть является хранительницей русского государства; она олицетворяет его силу и цельность; если быть России — то лишь при усилении всех сынов ее оберегать эту власть, сковавшую Россию и оберегавшую ее от распада. К этой исконно русской власти, к нашим русским корням, к нашему русскому стволу «нельзя прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок». «Пусть расцветет наш родной цветок, расцветет и развернется под взаимодействием Верховной Власти и дарованного ею представительного строя». Вторым исконным русским началом является развитие земщины. На низах должны

быть созданы «крепкие люди земли, связанные с государственною властью». Им может быть передана часть государственных обязанностей; часть государственного тягла. Но в самоуправлении могут участвовать не только те, кто «сплотился общенациональным элементом». «Станьте на ту точку зрения, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же, как носили его когда-то римские граждане, и вы получите все права». Русским же человеком может быть только тот, кто желает «обновить, просветить и возвеличить родину», кто предан «не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию».

Этими словами человека, который на деле подтвердил, что он не на жизнь, а на смерть предан Царю, мы можем закончить наш краткий очерк. Деятельность Столыпина в Третьей думе — его выступления по финляндскому вопросу, по Амурской железной дороге, по реорганизации флота и по другим более второстепенным вопросам — настолько еще свежи в памяти публики, что в настоящее время мы не считаем нужным к ним возвращаться.

Что бы ни говорили враги Столыпина, он первый дал в Государственной думе верный тон для взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью; он первый начертал ту программу обновления строя, которую он неуклонно проводил до последнего дня своей жизни и которая, надо полагать, будет осуществляться и впредь. Ибо для человека, погибшего трагической смертью на своем посту, не может и не должна быть лучшего признания заслуг, как если преемники его вдохновятся заветами, выработанными во время государственной бури и

оправдавшими себя в той сравнительно тихой гавани,
куда П. А. Столыпин привел Россию

П. А. СТОЛЫПИН

РЕЧИ

ОТВЕТ П. А. СТОЛЫПИНА, КАК МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ *, НА ЗАПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ О ЩЕРБАКЕ, ДАННЫЙ 8 ИЮНЯ 1906 ГОДА

Что касается Щербака *, то министр внутренних дел мало может прибавить к тому, что сообщено господином министром юстиции *. В Сумском уезде Харьковской губернии введено военное положение, и, на основании 8-й статьи военного положения, все меры по ограждению порядка и спокойствия принадлежат местному генерал-губернатору, который может и мог принять какие-либо меры по отношению к Щербаку. Я, со своей стороны, как только получил сведения о положении дела в Сумском уезде, внес это дело в особое совещание, которое рассмотрело его и постановило: ввиду производящегося о нем судебного дела и принятия его содержания под стражей, переписку об охране прекратить. Дело его в порядке охраны прекращено *.

На заявленный мне запрос от 12 мая * я не мог ранее ответить Государственной думе, так как считал необходимым отправить в некоторые города, где были беспорядки, особых уполномоченных мною лиц для проверки происшедшего. В настоящее время я получил

все нужные сведения и могу дать подробные объяснения, но желал бы сначала совершенно ясно, определенно поставить те вопросы, которые, очевидно, интересуют Государственную думу. Расчленив запрос, вникнув в его смысл, я нахожу, что он имеет в виду три предмета: 1) обвинение против деятельности департамента полиции, 2) заявление, что беспорядки, происходившие в Вологде, Калязине и Царицыне, обусловлены, вероятно, продолжением этой деятельности, и 3) желание знать, будет ли министр предотвращать такого рода беспорядки в будущем. Другими словами, заявляется, что в недавнем прошлом в министерстве творились беззакония, что они, вероятно, продолжаются и при мне и что я приглашаюсь ответить, буду ли терпеть их в будущем. Как иллюстрация приводятся слухи о заключении невинных людей в тюрьму.

Приступая к ответу, я желал бы сделать маленькую оговорку. Согласно статье 58 Учреждения Государственной думы, сведения и разъяснения со стороны министров могут касаться только незаконных действий, возникших после учреждения Государственной думы, то есть после 27 апреля. Оговорку эту я делаю потому, что, если бы мне пришлось отвечать на запросы по поводу всего происходившего ранее, я, вероятно, был бы поставлен в физическую невозможность дать ответы. Но в данном случае я решил ответить на запрос во всех его частях и вот почему. Мне кажется, что в запросе Думы главный интерес лежит не в обвинении отдельных лиц — отдельные должностные лица могут быть всегда обвинены, — тут нарекания на деятельность всего департамента полиции, на него непосредственно взводится обвинение в возбуждении одной части населения против другой, последствием чего

было массовое убийство мирных граждан. Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться в этом деле. Меня интересует не столько ответственность отдельных лиц, сколько степень пригодности опороченного орудия моей власти. Не предпослав этого объяснения, мне было бы трудно говорить о происшествиях настоящего. Поэтому остановлюсь сначала вкратце на инкриминируемой деятельности департамента полиции в минувшую зиму и оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю.

Суть рапорта чиновника особых поручений Макарова заключается в следующем: департамент полиции обвиняется в оборудовании преступной типографии и в распространении воззваний агитационного характера, затем в участии жандармского ротмистра Будаговского в распространении преступных воззваний и прокламаций того же характера, затем в бездеятельности властей департамента, не принявшего мер пресечения против преступных деяний. При производстве по этому делу тщательного расследования оказалось следующее: в середине декабря 1905 года жандармский офицер Комиссаров напечатал на отобранной при обыске бостонке воззвание к солдатам с описанием известного избиения в городе Туккуме полуэскадрона драгун, с призывом свято исполнять свой долг при столкновении с мятежниками. Это воззвание было послано в Вильну в количестве 200—300 экземпляров. Кроме того, был сделан набор другого воззвания к избирателям Государственной думы. В это время его начальству стало известно об этих его деяниях, и оно указало ему на всю несовместимость его политической агитации с его служебным положением и потребовало прекращения его деятельности, внушив ему,

что оставление на службе одновременно с политической деятельностью невозможно. Вследствие этого был немедленно уничтожен набор воззвания к избирателям и была послана телеграмма в Вильну об уничтожении тех экземпляров воззвания к солдатам, которые не были еще розданы.

Затем, что касается деятельности ротмистра Будаговского, то надо выяснить, что на почве участия в борьбе во время декабрьских событий у Будаговского в Александровске установились личные отношения к организациям, которые именовались «Александровский союз 17 октября» и «Александровская боевая дружина», причем ротмистр Будаговский употреблял свое влияние на распространение этих воззваний среди населения уезда. Однако после 14 декабря новых воззваний против революционеров и евреев уже не распространялось. Хотя приписываемое ротмистру Будаговскому подстрекательство к погромам юридически за невозможностью наказания не наказуемо, но, по получении сведений о его деятельности, он был вызван в Петербург, ему было внушено о несовместимости его деяний со службой в корпусе жандармов и категорически было приказано прекратить агитацию.

Что касается нареканий на департамент полиции за то, что им не принимались меры и что власть бездействовала, то я должен сказать, что хотя по рапорту Будаговского распоряжения своевременно не было сделано, но такое замедление должно объясняться тем, что этот рапорт поступил в разгар московского восстания, между 3 и 10 декабря, когда заведующий департаментом полиции Рачковский находился в Москве; когда же он вернулся в Петербург, то был освобожден от

заведования политической частью департамента. Позднее же, как было изложено ранее, Будаговский был вызван в Петербург, и, повторяю, ему было сделано соответствующее внушение. Надо принять во внимание также и то, что не только ожидавшийся 13 февраля погром в Александровске не имел места, но там вообще не произошло никаких беспорядков. Для полноты картины я должен сказать, что когда в департамент достигали слухи о возможных беспорядках, немедленно посылались нужные телеграммы об их прекращении.

Некоторые уяснения неправильных действий жандармских офицеров следует почерпнуть из воспоминаний о тех ужасных событиях, которые переживала Россия минувшей осенью и зимой, событиях, которые поселили во многих совершенно превратное понятие о долге перед родиной. Участие должностных лиц на собраниях крайних партий сменялось страстной агитацией против начал, проповедуемых этими партиями, причем оба эти явления несовместимы с сознательным положением должностных лиц и должны быть призваны в равной степени нетерпимыми. В частности, относительно ротмистра Будаговского надо принять во внимание обстановку, в которой ему приходилось действовать. Не имея в распоряжении своем достаточно войска и видя захват железнодорожной станции и земского начальника мятежной толпой, он решил, опираясь на сочувствующие ему общественные группы, подавить беспорядки, за что и получил Высочайшую награду, а никак не за агитацию. Теперь эти действия ротмистра Будаговского, а также последствия действий администрации послужили предметом нового запроса правительству. Я могу ответить на этот запрос только после того, как судебное следствие будет опорочено.

Мне кажется, что вообще из всего вышеизложенного видно, что департамент полиции не оборудовал преступной типографии и что последствиями его действий не могла быть масса убитых людей. Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволили себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет.

Я перехожу ко второй части запроса, касающейся происшествий в городах Вологде, Царицыне и Калязине, проверенных как чинами Министерства внутренних дел, так и чинами прокурорского надзора. В первом из этих городов, в Вологде, толпа сожгла народный дом, повредила 4 частных дома, разгромила типографию и пыталась разгромить дом городского головы. При этом на месте осталось двое убитых и 28 раненых. Дознание выяснило, что беспорядки начались вследствие насильственного закрытия лавок группою манифестантов, когда в город съехалась масса народу для закупок припасов ввиду двух праздников — Николина и Троицына дней. Затем, при столкновении с толпой, первый выстрел был произведен со стороны манифестантов. Губернатор, прокурор и полицмейстер прикрывали собою избиваемых; последний затапывал костры, сложенные из книг, выброшенных из народного дома.

Трудно даже себе представить, чтобы тут была обвинена администрация в устройстве и сочувствии в

учинении погрома. Причина была ясна — насильственное закрытие лавок, объектом же злобы народа явился народный дом, который был обычным местом сборища политических ссыльных, причем в октябре там на митингах раздавались речи о вооруженном восстании, а сцена была украшена надписью «Да здравствует республика», что тогда же вызывало протест и беспорядки со стороны простонародья. Такие же беспорядки повторились по этому же поводу в декабре. Что началом беспорядков послужили действия манифестантов, было видно из крайне враждебных отзывов прессы и из показаний всех опрошенных лиц. Погром не был своевременно прекращен вследствие малочисленности полицейских сил. Всего налицо было 59 человек, войска же приехали слишком поздно, так как они были вызваны из соседнего города по железной дороге. Нарекания со стороны некоторых лиц, вызванные действиями ротмистра Пышкина, который командовал стражниками и который будто бы действовал недостаточно решительно против толпы, объясняются тем, что стражники были только что сформированы и сам он получил от губернатора приказание не стрелять. При таком положении едва ли он мог действовать более активно. Однако, если бы судебное следствие, которое ведется по этому делу, показало обратное, то министерство не преминет соответственно распорядиться.

К сожалению, обстоятельства происшествия, бывшего в Царицыне 1 мая, дают основательный повод к нареканию на действия полиции, причем дело следствия — выяснить меру ответственности каждого должностного лица. Как теперь ясно, дело происходило приблизительно таким образом. День 1 мая прошел в

Царицыне спокойно, были маленькие беспорядки, которые были своевременно прекращены. Но к вечеру, около 7 часов, полицмейстер получил известие, что двигается толпа манифестантов. Он послал отряд казаков, которые разогнали эту толпу, причем трое оказались сильно пострадавшими. Толпа эта оказалась толпою ополченцев. Немедленно на место собралась толпа горожан, приехал полицмейстер, потребовал разойтись. На это последовало со стороны толпы насилие в виде брошенных камней. Затем раздался залп, и в конце концов оказалось 8 раненых, из которых трое тяжело, и они умерли. Происшествие это не останется, конечно, без самых тяжелых последствий для виновных.

Я не могу признать виновной полицейскую власть в г. Калязине. Дело произошло в г. Калязине таким образом. Судебный следователь привлек в качестве обвиняемого некоего Демьянова и заключил его под стражу. Толпа в несколько сот человек, явившись к следователю, потребовала освобождения его. Следователь, чтобы выиграть время и для того, чтобы прекратить беспорядки, обещал запросить по телеграфу прокурора о том, возможно ли освобождение этого лица; до получения на это ответа толпа начала действовать крайне вызывающе, спрашивала судебного следователя, правда или нет, что Демьянов повешен. Следователь просил прислать отца Демьянова и еще двух депутатов, чтобы убедиться, что Демьянов цел, и сам пошел по направлению к тюрьме, но толпа потребовала, чтобы ее туда впустили в количестве от двухсот до трехсот человек. Раздались угрозы по адресу следователя, и он едва успел только бегом скрыться в полицейском управлении; туда укрылся и исправник, который тщетно

убеждал разойтись другую толпу, которая осталась перед крыльцом судебного следователя.

В это время в окно полицейского управления были брошены камни; исправник распорядился таким образом: у него было 9 стражников, 5 из них он поставил у окон полицейского управления, а с четырьмя вышел на крыльцо довольно высокое, так что они стояли выше толпы. На просьбу разойтись, не действовать насильно и не освобождать насильно человека, который заключен под стражу по обвинению судебной власти, слышались насмешки, а затем посыпались камни. Тогда полицмейстер приказал дать залп. Так как стражники стояли выше толпы, то никто в толпе не был поврежден этими выстрелами. В ответ посыпался град камней. Когда был дан вторичный залп, то ранен был один человек, но два стражника, из которых один получил от камней повреждения ноги, дали тоже выстрелы, в результате которых оказалось два убитых. После этого спокойствие было восстановлено. Действия исправника в данном случае я не могу признать неправильными.

Кончив описание событий, бывших после вступления моего в должность, я все-таки должен сделать оговорку. Запросы Думы, конечно, касаются только таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе. Отвечая на них, я не скрывал неправильных действий должностных лиц; но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что большинство моих подчиненных не следуют велениям долга. Это, в большинстве, люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20 апреля их было убито 288, а ранено 383, кроме того было 156 неудачных покушений. Я бы мог на этом закончить, но меня еще спрашивают,

что я думаю делать в будущем и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо не виновными. Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел. Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем, правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок (шум). Порядок нарушается всеми средствами, нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации*... (шум).

Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный

круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым (шум, смех). В заключение повторяю, обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»» (шум).

Господа, я должен дать свое разъяснение теперь, так как, к сожалению, не могу остаться до конца — я должен ехать в Совет министров. Тут в речах предыдущих ораторов предо мною ясно предстали мысли говоривших, предо мною встал реальный ротмистр Пышкин и Пышкин как эмблема. Позвольте мне расчленить его в своей речи тоже таким образом. Отвечая на тот реальный упрек в неправде*...

...виноват, в неточности, который мне бросили, я должен сказать, что мне известны другие сведения о погроме, которые были мне доставлены лицами, специально мною посланными. Я должен указать на то, что ротмистр Пышкин немного неточен в речи Набокова. Дело в том, что стреляли, как точно установлено, в народный дом стражники пешие, а не те, которые были в распоряжении ротмистра Пышкина. Дело о погроме передано следствию, и если судебным следствием будет выяснена вина ротмистра Пышкина, то он, конечно,

будет в ответственности. Что же касается вологодского губернатора, тоже как реальной величины, то я должен сказать, что он подал в отставку ранее вологодского погрома. Затем, когда я его спрашивал по телеграфу о нареканиях, которые распространяются на администрацию и полицию, он ответил, что это сплошная ложь, — извините за это выражение, но эти слова были в телеграмме.

Затем я выслушал реальны(С) вопросы и нарекания от г. Винавера *. Он спрашивает о моем мнении относительно моих предшественников. Мне кажется, что распространять настолько право запроса не следует. Я не обязан отвечать на такого рода запросы. Относительно реального факта о действительном статском советнике Рачковском, который сидел на месте вице-директора, я заявляю, что этого места он не занимает и ни на какой определенной должности в департаменте полиции не находится.

Перейду к Пышкину как к эмблеме. Я выслушал здесь от князя Урусова, что мои сведения неточны, что я не осведомлен. Я должен сказать, что я приложил все усилия, чтобы выяснить ту картину, которая была брошена в нас как обвинение, я имел показания лиц, выяснявших это для бывшего председателя Совета министров, и документальные данные — на основании их только я могу ответить. Я могу показать их лицу, которое пожелает их видеть. Не знаю, настолько ли документальны данные князя Урусова и откуда он черпал свои сведения. Затем, он говорит, что, если даже министр внутренних дел одушевлен самыми лучшими намерениями, он лишен возможности сделать добро, ему мешают какие-то призраки ротмистра Пышкина в виде эмблемы. Я должен сказать, что по приказанию Государя

я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю. Затем меня упрекал г. Винавер в том, что я слишком узко смотрю на дело, но я вошел на эту кафедру с чистой совестью. Что я знал, то и сказал и представил дело таким образом, что то, что нехорошо, того больше не будет... (шум; крики: а Белостокский погром?!).

Одни говорят — ты этого не можешь, а другие — ты этого не хочешь, но то, что я могу и хочу сделать, на то я уже ответил в своей речи. Упрек, который мне сделал г. Винавер, что я узко смотрю на вопрос, я не совсем понимаю. Для меня дело стоит так: если я признаю нежелательным известное явление, если я признаю, что власть должна идти об руку с правом, должна подчиняться закону, то явления неправомерные не могут иметь места. Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, — я должен ответить на это, что это дело не мое. Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (шум, свистки). Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (шум, крики: отставка!).

ОТВЕТ НА ЗАПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ, ДАННЫЙ 12 ИЮНЯ 1906 ГОДА

Отвечая на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим * и затрагивая в первый раз этот вопрос громадной государственной важности, я должен отметить, что мы в настоящем году стоим перед необходимостью затратить громадные средства из общегосударственного бюджета на помощь жертвам неурожая и голода. В министерство поступают в настоящее время последние телеграфные сведения с мест о тех цифрах, которые необходимы для наших соображений. В настоящее время нельзя терять время для закупки семян. Надо успеть запастись ими, перевезти на место, раздать населению, сделать это так, чтобы не повышать чрезмерно цен и чтобы семена соответствовали местным потребностям. По этому делу министерство внесет в Государственную думу проект, затрагивающий разрешение крупного, многомиллионного расхода на этот предмет. В настоящее время я буду чрезвычайно краток, но уж из сказанного видно, что меры помощи по неурожаю должны быть обдуманы и они обдумываются своевременно: план действий принимается в то время, когда наступает первая тревога за посевы. Вследствие сего первый пункт запроса, мне предъявленного, касается не тех мер, которые намерено принять правительство, а тех мер, которые уже были своевременно приняты правительством в прошлом году.

Я постараюсь в нескольких словах обрисовать картину минувшей кампании, которая, кстати сказать, была самой крупной продовольственной кампанией из всех бывших до настоящего времени.

Бедствие коснулось 24 губерний и двух областей. На одно обсеменение было отпущено более 3,5 миллионов. Заготовка семян была поручена крестьянским учреждениям. К началу августа все семена на местах были розданы населению, посев был своевременно произведен, и жалоб на недостачу семян не поступало. Всходы были хороши. Вслед за семенной кампанией наступила кампания продовольственная и заготовка яровых семян. Обследование в этом отношении началось с 27 мая и кончилось в августе месяце. Тогда только представилась возможность определить приблизительно нужду населения, обрисовать всю громадность потребности, те десятки миллионов, которые отвечали нуждам голодающего населения. В этих целях было созвано особое совещание под председательством товарища министра. В совещании приняли участие не только должностные лица, но и председатели губернских земских управ, представители хлебных фирм, представители бирж, железных дорог, частных обществ. Был установлен план действий; были приняты следующие меры: во-первых, к закупке продовольственного и семенного хлеба и к выдаче его населению были привлечены крестьянские учреждения. К организации продажи хлеба по заготовительной цене и корма скота были привлечены земские организации. В организации общественных работ в местностях, пораженных неурожаем, приняли участие главное управление землеустройства, главное управление уделов, земские учреждения и общества домов

трудолюбия и работных домов. К организации благотворительной помощи, то есть выдаче безвозвратного пособия, были привлечены общественные благотворительные учреждения, главным образом общеземская организация.

Установив план действий, министерство приступило к его выполнению. Закупка продовольственного хлеба началась в сентябре; кончилась почти во всех губерниях в феврале, кроме северных губерний и Витебской, куда хлеб был привезен в конце марта, так как посев совершается там позже. Хлеб был куплен по цене недорогой; не было того нежелательного явления, которое наблюдалось в 1891 году, когда цены на хлеб поднялись до такой меры, что правительство было принуждено запретить вывоз его за границу.

Всего из общеимперского капитала на нужды обсеменения и продовольствия истрачено 54 196 717 рублей. Затем на организацию по продаже хлеба и кормов для скота по заготовительной цене министерство отпустило губернаторам и уездным земским управам 9162 650 р. Затем на организацию общественных работ истрачено было 3 738 622 р. Из них отпущено было земским учреждениям 1 910 922 р. и попечительству о домах трудолюбия 1 828 000 р. Наконец, по благотворительности было отпущено 3 056 000 р., из которых 2 000 000 р. на общеземскую организацию и остальная сумма — губернским земским управам. Таким образом, всего в текущую кампанию из общеимперского продовольственного капитала было отпущено 73 732 539 р.; но если считать запас, хлебозапасные магазины, если перевести их на деньги, то истрачено было более 80 000 000 р. Министерство внутренних дел имело, конечно, в виду всегда обеспечить население до нового урожая;

поэтому в тех местностях, где не предвиделось заработка весной, предельным сроком выдачи ссуд было определено 1 июля. К этому времени, особенно ввиду ранней жаркой весны настоящего года, была уже предположена возможность приступить к сборам нового урожая. Нет сомнения, что правительство и министерство, приняв все зависящие от него меры обеспечить продовольствие населению, тем не менее не может не удостовериться, что без самодеятельности самого населения оно не может вполне удовлетворить его потребности, так как по самому закону размер пайка продовольствия равняется для взрослого человека 1 пуд в месяц, а для малолетнего — 20 фунтам. Затем, в настоящее время в распоряжении министерства остается еще 300 000 р. из общеимперского продовольственного капитала, каковыми деньгами могут быть удовлетворены отдельные нужды, вновь появляющиеся в настоящее время.

Перейду к вопросу о заболеваниях. За всю продовольственную кампанию ни от местных властей, ни от земств, ни от Вольно-экономического общества министерство не получало каких-либо сведений о развитии эпидемических заболеваний на почве недоедания. Затем министерство, следя за сведениями, появляющимися в периодической печати, делало соответствующие расследования, но большею частью выяснялось, что сведения эти во многих случаях были преувеличены. Так, в Воронежской губернии в феврале месяце выяснилось, что случаи брюшного тифа имели характер спорадический. По Рязанской губернии разъяснилось, что не было никаких заболеваний цынгой. В Саратовской губернии, Хвалынском уезде и в Казанской губернии, в Тетюшском и Спасском уездах были

отдельные случаи заболевания цынгой между татарами, по большей части безземельными, но это — явление, которое повторяется из года в год, в самые даже урожайные, плодородные годы. Надо остановиться еще на Воронежской губернии; так, в селении Конь-Колодец обнаружены были случаи сыпного тифа на почве недоедания. Меры к прекращению этой эпидемии были приняты. Туда был направлен отряд Красного креста с врачом, сестры милосердия, председатель губернской земской управы и врачебный инспектор. Была усилена деятельность столовых, было послано еще 9000 пудов хлеба, затем еще 3000 пудов на усиление деятельности этих столовых.

Остановлюсь теперь на вопросе о лишении продовольствия и обсеменения полей тех крестьян, которые участвовали в аграрных беспорядках. Тут дело идет о циркуляре министра внутренних дел от 11 ноября минувшего года, который был вызван тем явлением, что местными крестьянами кое-где были разрушены и разграблены местные продовольственные магазины, а также запасы хлеба, купленные правительством для удовлетворения местной нужды. Вслед за этим некоторые губернаторы обратились к министру с вопросом о том, надлежит ли распространять это на семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках. Тогда же было сделано разъяснение, что это распоряжение семей касаться не может. Таким образом, и своевременно, и в настоящее время семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках, конечно, не могли быть лишены ни ссуды продовольственной, ни ссуды на обсеменение.

В заключение я должен дать объяснение по последней части запроса о том, намерен ли министр

внутренних дел допускать и впредь применение административных исключительных законов и полномочий по отношению к тем частным лицам и учреждениям, которые приходят на помощь населению, и ставить им препятствия, невзирая на нужды населения. Мне кажется, тут кроется некоторое недоразумение. Насколько я мог разобраться в делах министерства, некоторые препятствия встретили те лица, которые помимо благотворительной деятельности были уличены в деятельности другого рода. Так, в Казанской губернии некоторые препятствия встретили столовые, организаторы которых были арестованы и привлечены к судебной ответственности. Немедленно после привлечения к судебной ответственности, вместо закрытых столовых были открыты новые столовые членами того же кружка, которым это запрещено не было, а также были открыты столовые губернской земской управы. Относительно Елизаветинского уезда Херсонской губернии: там местный генерал-губернатор, действительно, отклонил предложение Пироговского общества врачей послать врачебно-продовольственный отряд, но вызвано это было тем, что медицинской помощи на месте было, по его мнению, достаточно; там и впоследствии эпидемических заболеваний не было.

Что же касается Нижегородской, Пензенской и Тульской губерний, то там случаев закрытия столовых Московского комитета помощи голодающим и Вольно-экономического общества, арестов и высылки уполномоченных не было. Встретил некоторые препятствия граф Толстой в Пензенской губернии, но путем телеграфных сношений препятствия были устранены. В Ефремовском уезде последнее время встретили препятствия тоже члены

Вольно-экономического общества, но опять-таки ввиду того, что некоторые из лиц, занимавшихся открытием столовых, были привлечены к ответственности на основании 1035 статьи уложения. Затем в Витебской губернии был случай, когда некий М. Н. фон Ренненкампф, член Вольно-экономического общества, обратился в губернское присутствие и там ему были даны все сведения, которых он требовал относительно частичного недорода. Он выехал на место и приступил к устройству столовых; оттуда он выехал за недостатком средств на поддержание столовых.

На будущее время я должен сказать, что ни местные организации, ни вообще частные люди не только не будут встречать каких-либо препятствий со стороны местной власти, но найдут всегда полное сочувствие в этом деле крайней необходимости. Мне кажется, насколько нелепо было бы ставить препятствия частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было бы бездействие власти по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных. Затем, если Государственной думе до издания законопроекта об ассигновании средств на помощь и обсеменение в нынешнем году желательно выслушать дополнительные объяснения, то их могут дать лица, ближайшим образом ведающие этим делом в Министерстве внутренних дел и присутствующие здесь в зале *.

Я вхожу на эту трибуну не для того, чтобы ответить на те речи, которые выслушал здесь *. Я внесу только маленькую поправку. Один из ораторов, речь которого я слушал с большим интересом, сказал, что министр внутренних дел заявил о том, что весь план всех действий и данные по предстоящему бедствию уже

разработаны в Министерстве внутренних дел. Я же сказал, что все числовые сведения с мест, все цифры, которые понадобятся, нами собираются и будут скоро собраны; затем я указал на то, что вопрос о том, какая нам предстоит кампания и сколько потребуется на нее миллионов, будет внесен в одно из ближайших заседаний Думы.

Речь князя Львова * глубоко меня заинтересовала — она относится к тому времени, когда продовольственная кампания прошла благополучно. Теперь, конечно, все мысли Министерства внутренних дел обращены к тому, чтобы нынешнюю кампанию провести насколько возможно благополучнее, то есть чтобы голодные были насыщены, поля обсеменены и чтобы к этому делу привлечь все живые общественные силы на местах, которые этому делу могут помочь. Затем, что касается нападок на те препятствия, которые встречали лица, работавшие в нынешнем году, то я должен напомнить, что мы переживали такое время погромов, страхов... (шум), что и наличность препятствий может быть легко понята. Затем скажу еще относительно тех лиц, которые, входя на эту трибуну слева, заявляли, что они не обладают ни самомнением, ни самообольщением; я скажу на их клеветы, на их угрозы, на их... (шум, крики: довольно!), на их угрозу захвата исполнительной власти (шум, крики: довольно!), что министр внутренних дел, носитель законной власти, им отвечать не будет... (шум, крики: довольно! Белосток! Погромщик! Довольно! Долой!).

ОТВЕТ НА ВОПРОС, КАСАЮЩИЙСЯ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ СЕДЕЛЬНИКОВА, ДАННЫЙ 22 ИЮНЯ 1906 ГОДА

Один из членов Государственной думы обратился ко мне с вопросом о том, могу ли я дать немедленное объяснение по нареканию, которое только что было высказано в Государственной думе *. Я должен сказать, что по этому поводу вчера вечером я получил по телефону сообщение от петербургского градоначальника. Он сообщил мне об этом печальном факте, и мною, конечно, были сейчас же приняты меры для того, чтобы этот факт был расследован, для того, чтобы он был для меня вполне ясен. Затем сегодня, в представленной мне суточной ведомости о происшествиях, он подробнее несколько описан. Но мне кажется несомненно, что министр внутренних дел может давать разъяснения и вступать в объяснения с Государственной думой только после того, как он будет вооружен совершенно беспристрастными фактами, когда события получили в его голове полную ясность и сложились из определенных слагаемых. Только тогда он будет в состоянии объяснить Государственной думе то, каким ему это событие представляется. В настоящее время я могу только удостоверить, что лицо, стоящее во главе управления внутренних дел, которому подчинена полиция, несомненно, примет все меры к тому, что, если окажется, что действие было преступное и незаконное, последствием этого было бы взыскание, как это и должно

быть по закону. Думаю, что Государственная дума не будет от меня теперь требовать более подробного объяснения, так как несомненно, что та версия, в которой мне было представлено дело, несколько расходится с той версией, которая была представлена здесь. Таким образом, всякие объяснения с моей стороны были бы по необходимости теперь неполными, вследствие невыясненности еще события, вызвали бы только страстность прений, разожгли бы еще более страсти, тогда как в этом деле нужно спокойствие, необходимо проявить власть законную... (шум и крики) *, а не действовать под влиянием страстей *.

Я должен заявить, что министр финансов может завтра прибыть в заседание только после перерыва, так как у него завтра всеподданнейший доклад. Так что если присутствие министра финансов является нужным, что, по моему мнению, необходимо, то я ходатайствовал бы о назначении продовольственного вопроса на после перерыва *.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ П. А. СТОЛЫПИНА ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ 6 МАРТА 1907 ГОДА

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности * я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину

законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая

противопологается мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые основы новоскладающейся государственной жизни России. Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке ст. 87 основных законов * и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и

кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка * в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога надельных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но, наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготовило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения

задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года*.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной Церкви и твердо установить, что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение

молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства. Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту

министерства должна явиться бессловная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы наделной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость наделных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими наделными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предполагается ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и

Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформой самоуправления земского и городского, реформой управления губернского, уездного и участкового и реформой полицейской.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним

администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в области

полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносят в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в

указанном отношении отступления от общего, порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением неизблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго*, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. п. Наряду с этим предполагается введение в полном объеме нового уголовного уложения, но согласования его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносятся также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства. Проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства — главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство

стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т. е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин* и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 мил. десятин *. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого

развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения,

реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения, установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о

защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35 300 верст до 61 725 верст.

Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного пролегающего по русской территории рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этому требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и

не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в

финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян * и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста. Происшедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни. Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву

места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее министерством финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов

общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. (Аплодисменты справа.)

РАЗЪЯСНЕНИЕ П. А. СТОЛЫПИНА, СДЕЛАННОЕ ПОСЛЕ ДУМСКИХ ПРЕНИЙ, 6 МАРТА 1907 ГОДА

Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой *, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно

строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстаивать то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство

несомненно не могло не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одною целью — сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая Второго. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи — не скамьи подсудимых, это место правительства. (Голоса справа: браво, браво.) За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум

словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете», (Аплодисменты справа.)

Приложение 1

Заявление П. А. Столыпина в связи с производством выборов во Вторую Государственную думу

С наступлением начала выборов некоторые политические партии, с целью склонить на свою сторону избирателей, не ограничиваются распространением среди населения своих взглядов и убеждений путем печати и собраний, но стремятся представить в искаженном свете действия и намерения правительства для проведения на выборах лиц, враждебно к нему настроенных. Вам как представителю власти, не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление на выборы. Подтверждаю неоднократные указания мои на обязанность вашу ограждать полную свободу выборов, пресекая лишь самым решительным образом попытки использовать публичные собрания для агитации революционной. Но, ограничив этим вмешательство администрации в выборную кампанию, считаю нужным указать вам на необходимость широкого опровержения всех ложных слухов, представляющих в извращенном виде действия и виды правительства.

Ясно и определенно поставленная программа правительства известна вашему превосходительству. Обнародованная 24 августа, она не нуждается в повторении. Но от вас, как от представителя правительственной власти на месте, должны исходить авторитетные указания на неизменность правительственной политики, не могущей поддаваться каким-либо колебаниям вследствие обстоятельств случайных и проходящих.

В ряду этих вопросов на первом месте стоит отношение правительства к Государственной думе. Призванная Государем служить основой законодательного строя в Империи, являясь важнейшим фактором воссоздания крепких государственных устоев и порядка, имея право законодательной инициативы, Государственная дума встретит в правительстве живейшее и искреннейшее стремление согласованной плодотворной творческой работы. При настоящем бурном течении общественной жизни правительство сознает громадную трудность безошибочной постановки и решения вопросов, связанных с изменением правовых и социальных норм, и в критике своих предположений, так же, как в детальном и практическом обсуждении предположений Думы, — оно видит залог успеха в деле преобразования государства. Относясь с полным уважением к правам Государственной думы в области законодательства, бюджета и запросов, правительство будет неуклонно держаться во всех своих действиях существующих законов, так как лишь строгим выполнением и подчинением законам как правительство, так и Дума могут сохранить Монаршее доверие, наличие которого одна обеспечивает возможность их совместной работы. Установив всю злонамеренность

толков о желании правительства созвать Думу лишь с целью ее непременно роспуска и возвращения к прежним, осужденным Государем порядкам, надлежит иметь на местах ясное представление о предположениях правительства в области ближайшего законодательства. Приближение органов самоуправления к населению в виде установления всеобщей волости как мелкой земской единицы, привлечение большего числа лиц к задачам самоуправления посредством уменьшения цензовых норм и расширение компетенции органов самоуправления будут предложены правительством в целях создания устойчивых самоуправляющихся ячеек, основы децентрализации. При введении подоходного налога правительство предполагает подкрепить средства земств и городов, передав им части некоторых казенных поступлений. Вместе с тем, введение местных выборных судей и объединение административной власти в губернии и уезде довершит упрочение устойчивого местного уклада. Но главнейшею, неустанною заботою правительства будет улучшение земельного быта крестьян. Не только создание земельного фонда и справедливая, на посильных условиях передача земель этого разряда крестьянам, но предоставление каждому трудолюбивому, энергичному работнику возможности создать собственное хозяйство, приложить свободный труд, не нарушая чужих прав, к законно приобретенной им земле — будут предметом предложений правительства в области землеустройства. Не менее важны подготовляемые правительством законопроекты в области рабочего, школьного и административного законодательства.

Приведенное краткое перечисление дает лишь приблизительное понятие о той громадной работе

переустройства, совершить которое является для Государственной думы, Государственного совета и правительства историческою обязанностью.

Переустройство это должно иметь основою укрепление и упорядочение начал истинной свободы и порядка, возвешенных с высоты Престола.

Ввиду этого правительство твердо и последовательно будет преследовать нарушителей права, прекращать со всей строгостью возникающие беспорядки и стоять на страже спокойствия страны, применяя, до полного ее успокоения, все находящиеся в его распоряжении законные средства.

Поздравления, присланные П. А. Столыпину

Телеграмма митрополита Антония П. А. Столыпину и ответная телеграмма председателя Совета министров

«Первое выступление министерства в Государственной думе в лице вашем было полно достоинства, авторитета и власти. Сердечно вас приветствую и призываю Божие благословение на дальнейшие труды ваши. Да направит Господь членов Думы к мирной работе на благо Родины.

Митрополит Антоний».

* * *

На эту телеграмму от гофмейстера П. А. Столыпина последовал следующий ответ:

«Счастливи́ был получи́ть ваш приве́т, Влады́ко. Глубо́ко верю́, что моли́твы ру́сских лю́дей спасу́т нашу́ правосла́вную Ру́сь. Испра́шиваю́ вашего́ благосло́вения и моли́тв.

Столы́пин».

* * *

Адрес П. А. Столы́пину, подпи́санный не́сколькими́ ты́сячами́ лю́дей после́ высту́пления П. А. Столы́пина в Го́сударственной́ ду́ме 6 ма́рта 1907 го́да

«Глубо́коува́жаемый́ Петро́ Арка́дьевич. Ваше́ спо́койное, убе́жденное сло́во, сказа́нное в Го́сударственной́ ду́ме, е́ще раз пока́зало Росси́и, что вла́сть, вверенная́ вам Го́сударем, нахо́дится в чи́стых, че́стных и тве́рдых ру́ках. Изму́ченная невзго́дами Роди́на ну́ждается пре́жде все́го в тако́м правите́льстве, кото́рое, про́являя́ широ́кое пони́мание наро́дных ну́жд, ставило́ бы вме́сте с тем сво́ей основно́й зада́чей охрани́ение по́рядка и зако́нности. В вас мы ви́дим гла́ву тако́го правите́льства. Приве́тству́я вас, же́лаем вам си́л и здо́ровья на исто́рически́ вели́кое слу́жение Роди́не в сто́ль тя́желое для́ нее вре́мя».

* * *

Пи́сьмо П. А. Столы́пина А. С. Сувори́ну, напи́санное в отве́т на полу́чение адре́са

Мило́стивый го́сударь, Алексе́й Серге́евич.

Вче́ра при пи́сьме без подпи́си мною́ полу́чен бы́л приве́тственны́й адре́с от лиц́ разны́х сло́ев о́бщества, по́крытый́ не́сколькими́ ты́сячами́ подпи́сей.

Вполне оценивая ту необычайно высокую честь, которой я удостоен, я хорошо понимаю, что отклик общества относится ко мне лишь постольку, поскольку я являюсь верным исполнителем волн и предначертаний моею Государя.

Благодарить в отдельности каждого подписавшего приветствие я лишен возможности, вследствие чего и обращаюсь к посредству вашей уважаемой газеты, чтобы выразить всем оказавшим мне глубоко тронувшее меня внимание мою самую сердечную благодарность и уверение, что в сочувствии общества Правительство почерпнет новые силы продолжать, с верою в светлое будущее России, порученное ему Государево дело.

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

18 марта 1907 г. П. Столыпин

* * *

Из ответа П. А. Столыпина на адрес, подписанный группой москвичей

Не могу выразить, до какой степени меня тронул бодрящий, живой голос родной Москвы. Москва для меня — олицетворение святой Родины. Москва — живая история России, живая летопись былых подвигов русских людей. В числе подписей — много имен, напоминающих мне дни детства, проведенного в Москве, и неизвестные, но дорогие мне отныне имена крестьян. Обращаюсь к вам с большой просьбой: доведите, когда и как это представится вам возможным, до сведения лиц, сделавших мне великое благо, подаривших меня откликом своей души, что чувствую и ценю духовное с ними общение и твердо верю и надеюсь не на себя, а на

ту собирательную силу духа, которая уже не раз шла из Москвы, спасала Россию и которой служить во славу Родины и Царя для меня высшая цель и высшее счастье.

* * *

Ответное письмо П. А. Столыпина на поздравление С. Ю. Витте

Милостивый государь, граф Сергей Юльевич!

Примите мою глубокую благодарность за Ваш теплый привет, особенно для меня ценный, как идущий от государственного человека, перенесшего столько испытаний, как Вы.

Прошу Вас верить в искреннее уважение мое и преданность.

7 марта 1907 г. П. Столыпин

* * *

Из передовой статьи немецкой газеты Tagliche Rundschau, 7 марта 1907 года

У г. Столыпина нет правительственного большинства, но зато большинство, выступающее против него, распалось в вопросе о тактике. Государственная дума, по-видимому, решила относиться к г. Столыпину с доверием. Без преувеличения можно сказать, что будущее России покоится на плечах г. Столыпина. Очень возможно, что он и есть тот герой-рыцарь, которого ждет Царь для спасения России...

ОБЪЯСНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА, ДАнные ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 9 МАРТА 1907 ГОДА

Правительство желает сделать заявление по постановке вопроса. Правительство полагает, что, согласно статье 5 Учреждения о Государственной думе, Государственная дума может для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел образовывать из своей среды отделы и комиссии. Затем статьи 31, 32, 33 разъясняют, какие дела подлежат ведению Государственной думы. Ведению ее подлежат дела, требующие издания законов, затем предположения об отмене или изменении действующего закона. Наконец, Государственная дума может обращаться к министрам с запросами. В данном случае предложено Государственной думе образовать комиссию для рассмотрения отчета по продовольственному делу. Собственно говоря, из отчетов рассмотрению Государственной думы подлежит только отчет государственного контроля. В данном случае все сегодняшние речи имеют характер запроса к правительству о незаконных его действиях. Поэтому предложение, поданное здесь, правительство понимает как запрос к нему, и так как в скором времени, на днях, должен быть обнародован отчет о продовольственной и семенной кампаниях, то правительство и внесет этот отчет как ответ на запрос.

Затем, согласно статье 40 Положения о Государственной думе, Государственная дума может

обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел. Если комиссия по рассмотрению отчета обратиться к министру внутренних дел или иному министру за тем или иным разъяснением и дополнением, то такое разъяснение будет немедленно представлено Государственной думе. Затем, независимо от сего, правительство имело войти в Государственную думу с ходатайством о дополнительном ассигновании на продовольственное дело. Следовательно, при рассмотрении этого ходатайства Дума точно так же может обратиться к правительству за разъяснениями, которые и будут Государственной думе представлены. Несомненно, в порядке 40-й статьи правительство представит Государственной думе самые подробные разъяснения, так как правительство желает исключительно пролить на это дело полный свет. Правительство доказало уже это на несчастном деле Лидваля *, само приложив все усилия к тому, чтобы это дело представить в его настоящем виде. Что касается самого продовольственного закона, то правительство не скрывает дефектов, существующих в этом законе, и вносит в Государственную думу новые временные продовольственные правила на ее утверждение. Затем, что касается существа тех нападок, которые правительство слышало тут, то, полагая, что эта комиссия имеет существенно важное значение и не будет только орудием для опорочения правительства в глазах народа, правительство будет и по существу дела представлять свои объяснения в самой комиссии, а по окончании ее работ тут, в Государственной думе. Поэтому я заявляю, что правительство всецело и

всемерно присоединяется к предложению, внесенному членом Думы Родичевым *.

РЕЧЬ О ВРЕМЕННЫХ ЗАКОНАХ, ИЗДАННЫХ В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ДУМАМИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 13 МАРТА 1907 ГОДА

По обсуждаемому вопросу я, прежде всего, должен обратить внимание Государственной думы на то, что, по мнению правительства, он получает неправильное направление. Временные законы, которые вошли в силу во время приостановления действия Думы, могут быть отменены только согласно ст. 87 Основных государственных законов. Статья 87 гласит, что действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятый мерам законопроект. Следовательно, самим законом установлен порядок прекращения такого временного закона. Казалось бы, что другого порядка быть не может, но если даже принять другую точку зрения, то есть что и временные законы могут быть прекращены таким же порядком, как и законы постоянные, то есть согласно ст. 55 Учреждения о Государственной думе, то и в этом случае обсуждаться по существу этот вопрос может не ранее месяца после

представления г. председателем Думы письменного о том заявления за подписью 30 членов Думы. Итак, по закону вопрос этот мог бы обсуждаться не ранее 12 апреля, так как 12 марта было подано такого рода заявление. Если проект наказа противоречит этому закону, то проект неправилен, а потому он и не был опубликован Сенатом в прошлом году. Я говорю только для того, чтобы установить, что в порядке ст. 87 или ст. 56 закон о военно-полевых судах законным образом мог бы, во всяком случае, потерять силу не ранее конца апреля. Но это, господа, формальная сторона дела. Тут прения шли по существу.

Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?

Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, необоснованы, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу. Я буду говорить о нападках на самую природу этого закона, на то, что это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основы самого государства.

Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова *. Если бы я

начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов, как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г. Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же принцип, — я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, — оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения.

Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать.

Вот возникают два вопроса. Может ли правительство, в силе ли оно оградить жизнь и собственность русского гражданина обычными способами, применением обыкновенных законов? Но может быть и другой вопрос. Надо себя спросить, не является ли такой исключительный закон преградой для естественного течения народной жизни, для направления ее в естественное, спокойное русло?

На первый вопрос, господа, ответ не труден, он ясен из бывших тут прений. К сожалению, кровавый бред, господа, не пошел еще на убыль и едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям. Второй вопрос сложнее: что будет, если противоправительственному течению дать естественный ход, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тут заявление группы социалистов-революционеров. Я думаю, что их учение не

сходно с учением социалистических и революционных партий, что тут играет роль созвучие названий и что здесь присутствующие не разделяют программы этих партий. На заданный вопрос ответ надо черпать из документов. Я беру документ официальный — избирательную программу российской социальной рабочей партии. Я читаю в ней: «Только под натиском широких народных масс, напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство, падут твердыни самодержавного деспотизма, только борьбою завоюет народ государственную власть, завоюет землю и волю». В окончательном тезисе я прочитываю: «Чтобы основа государства была установлена свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было созвано учредительное собрание всеобщим, прямым, равным и тайным, без различия веры, пола и национальности голосованием; чтобы все власти и должностные лица избирались народом и смещались им, — в стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями; чтобы Россия стала демократической республикой». Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе перед началом действия Государственной думы. В резолюции я читаю: «Съезд решительно высказывается против тактики, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством при самоограничении рамками Думы для многих основных законов, не санкционированных народной волей». Затем резолюция окончательная: «Съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов

власти, имеющих руководящее, административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем, съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для этого расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки, основные требования широкого народного движения, имеющего перейти во всеобщее восстание».

Господа, я не буду утруждать вашего внимания чтением других, не менее официальных документов. Я задаю себе лишь вопрос о том, вправе ли правительство, при таком положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, шаг в сторону формального нарушения закона? Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сделать главную уступку революции?

Вдумавшись в этот вопрос, всесторонне его взвешивая, правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а оказательства веры. Мы хотим верить, что от вас, господа, мы услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие. Мы верим, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение.

В ожидании этого слова правительство примет меры для того, чтобы ограничить суровый закон только самыми исключительными случаями самих дерзновенных преступлений, с тем чтобы, тогда Дума толкнет Россию

на спокойную работу, закон этот пал сам собой путем невнесения его на утверждение законодательного собрания. Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь померилось, кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить трудно больного. (Аплодисменты справа.)

**РЕЧЬ В ЗАЩИТУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
ДОХОДОВ И РАСХОДОВ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 20
МАРТА 1907 ГОДА**

Господа! Я не буду долго утруждать ваше внимание. Я вхожу на Кафедру в качестве министра внутренних дел лишь для того, чтобы сделать маленькую поправку к речи члена Думы Николая Николаевича Кутлера *. Речь эту я слушал с особым вниманием, и то, что я скажу, является результатом внимательного отношения к речи г. Кутлера. Я полагаю, что рассмотрение бюджета в Государственной думе есть одно из самых существенных ее прав. Результатом его должно быть пролитие света на такие теневые стороны бюджета, выяснение которых ожидается от Государственной думы. Я полагал, что речь Кутлера должна пролить этот свет еще и потому, что у него не может быть тайн в бюрократическом мире, в котором он так долго служил. Слушая его речь, я

остановился на одном его упреке, а именно: «В то время, — говорит Кутлер, — когда манифестом Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, в то самое время министерство внутренних дел увеличило оклад начальника главного управления по делам печати и его помощника». Кажется, я не ошибаюсь. Это было сказано именно так. (Голоса справа: «да», «да».) Я должен сказать, что замечание это вызвало со стороны членов Государственной думы и аплодисменты, и смех. Против этого я ничего не имею. Смех прекрасное оружие и бич, в особенности для правительства, и я думаю, что можно смеяться над человеком или учреждением, если они ставят себя в смешное положение. Было ли в данном случае такое положение? Было бы, если бы замечание члена Думы Кутлера было основано на фактах. Это условие особенно важно для серьезной речи, основанной на предварительном изучении вопроса, не могущей не произвести впечатления, загладить которое не всегда возможно, не имея под руками документов. В течение получасового перерыва мне трудно было проверить достоверность сказанного, но я все-таки это сделал и теперь могу сказать, что утверждения г. Кутлера не соответствуют действительности. Другого выражения я не могу подобрать. Ни начальник главного управления по делам печати, ни один из служащих никакой прибавки к содержанию не получили. (Аплодисменты справа.) Я докажу это документами. Штаты главного управления по делам печати существуют с 1862 г. Бывший начальник главного управления. по Высочайшему повелению, вместо прибавки в 3 000 рублей, которые он получал к своему содержанию, получил 8 августа 1902 г. 3 000 р. квартирных. Эти деньги ассигновывались из сумм

«Правительственного вестника», и отпуск их был продолжен и теперешнему начальнику главного управления по делам печати 1 апреля 1905 г., то есть до манифеста 17 октября. Помощника у начальника главного управления нет, поэтому прибавки содержания некому было и делать. (Аплодисменты и смех на правых скамьях.) Остальные служащие удовлетворяются по штату 1862 г., и так как штаты эти весьма незначительны, то они получали добавочное содержание из сумм «Правительственного вестника» по 150 000 рублей в год. Так было в 1902, 1903, 1904 годах. Но так как эти суммы «Правительственного вестника» были обращены на другие расходы, то эти именно 150 000 р. были внесены в 1907 г. в общегосударственную смету. Знать это господину Кутлеру следовало бы, так как перенесение кредита в общую смету было произведено тем Советом министров, председателем которого я не был, но членом которого состоял г. Кутлер. (Смех на правых скамьях.) Здесь был нанесен вверенному мне ведомству удар сильный и смелый, но пришелся он, воистину, не по коню, а по оглоблям. (В зале движение, на правых скамьях смех и аплодисменты.)

Приложение 2

Письмо председателя Государственной думы

Ф. А. Головина председателю Совета министров

и ответное письмо П. А. Столыпина председателю
Государственной думы

Ф. А. ГОЛОВИН — П. А. СТОЛЫПИНУ

В письмах ваших от 22, 24 и 26 сего марта * за №№ 164, 167 и 168 вы изволите сообщать мне о незакономерных, по вашему мнению, действиях думских комиссий и в то же время настаиваете о сообщении вам в самом непродолжительном по возможности времени, какие меры приняты и будут принимаемы со стороны президиума Государственной думы к ограждению установленного законом порядка и к предупреждению возможности его нарушений на будущее время.

Я считаю своим долгом покорнейше просить вас не отказать меня уведомить, на основании каких статей закона председатель Совета министров может обращаться с подобного рода запросом к председателю Государственной думы. В учреждении Государственной думы есть ст. 33, которая дает Государственной думе право обращаться к министрам и главноуправляющим с запросами по поводу их незакономерных действий, но нет статьи, которая давала бы право министрам делать запрос Государственной думе или ее председателю.

П. А. СТОЛЫПИН — Ф. А. ГОЛОВИНУ

Вследствие письма за No 266, имею честь уведомить, что при обсуждении затронутого в нем вопроса вы изволили упустить из виду статью 63 учреждения Государственной думы, а равно раздел II Высочайшего указа Правительствующему сенату 20-го февраля 1906 года и Высочайше утвержденные 18 февраля сего года правила о допущении в заседания Государственной думы посторонних лиц.

За силою приведенных узаконений правила о порядке допуска в заседания Думы посторонних лиц устанавливаются по соглашению председателя Государственной думы с председателем Совета министров и утверждаются Высочайшею властью, причем до издания их действуют временные правила, устанавливаемые соглашением председателя Совета министров с председателем Государственной думы. При таких условиях очевидно, что правила эти, как состоящие под охраною обеих приходящих в соглашение сторон, создают для них не только право, но и прямую обязанность вступать в сношения во всех тех случаях, когда возникает разномыслие в понимании правил или последние нарушаются одною из сторон.

Так именно вы и изволили поступить, обратившись ко мне с требованием принять меры к точному соблюдению заведующим охраной Таврического дворца Высочайше утвержденных 18-го февраля сего года правил, и так как заявление ваше вполне согласовалось со смыслом сих правил, то, не выжидая запроса по этому предмету со стороны Государственной думы, я и отдал

соответствующее распоряжение к удовлетворению вашего требования.

В дальнейшем вам угодно было вступать со мною в том же порядке в сношения по вопросу об изменении этих правил в смысле, между прочим, отвода в Думе особых мест для приглашенных в ее заседания посторонних сведущих лиц. С своей стороны, письмом от 21-го марта за No 163, я сообщил вам, что совершенно бесспорные, на мой взгляд, соображения исключают возможность допускать таковых лиц в заседания Государственной думы. Вслед за сим до сведения моего дошло, что, не выждав Высочайшего соизволения на изменение действующих правил и не получив даже моего на то согласия, вы изволили допустить в Думу лиц, участие коих в занятиях последней законом не предусмотрено.

Отсюда возникла для меня обязанность принять немедленно меры к устранению сего нарушения и предупредить возможность его повторения в будущем. Предо мною лежали два пути. Первый из них, формально предуказанный законом, давал мне право распорядиться, на точном основании ст. 4 и 21 Высочайше утвержденных 18-го февраля сего года правил, чтобы заведывающий охраной Таврического дворца не допускал в последний никого из лиц, не имеющих на то права. Другой путь, вытекавший, как мне казалось, из законов вежливости, побуждал меня обратиться предварительно к вам с письмом, прося уведомить, какие меры угодно будет принять вам и образованному для соображения общих вопросов президиуму в видах устранения замеченного нарушения закона. Этот именно путь и был первоначально избран вами; этот же путь избрал и я. Но так как вам не угодно далее на кем оставаться и вы

желаете придерживаться единственно лишь пути формального, то и мне приходится отказаться от всяких попыток устранить путем переписки возникающее между нами разномыслие и, пользуясь принадлежащим мне правом, отдать заведывающему охраной Таврического дворца приказ не допускать в стены последнего никаких вообще посторонних лиц, за исключением указанных в Высочайше утвержденных 18-го февраля сего года правилах.

29 марта 1907 г.

**ОТВЕТ НА ЗАПРОС, ВНЕСЕННЫЙ 7
МАЯ 1907 ГОДА ПРАВЫМИ
ПАРТИЯМИ ДУМЫ, ОБ
ОБНАРУЖЕНИИ ЗАГОВОРА
ПРОТИВ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ
НИКОЛАЕВИЧА И П. А.
СТОЛЫПИНА**

Господа члены Государственной думы, я прежде всего должен заявить, что только что оглашенный председателем Государственной думы запрос * не относится к разряду тех, по которым правительству предоставлено право давать Государственной думе разъяснения, так как по ст. 40 Учреждения Государственной думы разъяснения эти даются по предметам, непосредственно касающимся рассматриваемых Государственной думой дел, а по ст. 58 — касающихся поступков или действий незаконных.

Тем не менее, ознакомившись из газет со слухами, крайне преувеличенными, правительство нашло возможным, понимая тревогу гг. депутатов о священной особе Государя Императора, прочитать сообщение, которое сегодня должно появиться в сообщениях «Осведомительного Бюро» и «С.-Петербургского телеграфного агентства»:

Правительственное сообщение о заговоре

В феврале текущего года отделение по охранению общественного порядка и безопасности в Петербурге получило сведение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда террористических актов.

Установленное в целях проверки полученных сведений продолжительное и обставленное большими трудностями наблюдение обнаружило круг лиц как вошедших в состав указанного сообщества, так и имевших с членами его непосредственные сношения.

Сношения, как выяснилось, происходили между некоторыми из членов сообщества на конспиративных квартирах, постоянно менявшихся, при условии строгой таинственности, были обставлены паролями и условленными текстами в тех случаях, когда сношения были письменные.

Установленный наблюдением круг лиц, прикосновенных к преступному сообществу, в числе

28-ми человек, был 31 марта подвергнут задержанию.

Вслед за этим отделение по охране общественного порядка и безопасности 4 апреля донесло прокурору с.-петербургской судебной палаты о данных, послуживших к задержанию 28-ми лиц.

С своей стороны прокурор судебной палаты, усмотрев в этих данных указания на признаки составления преступного сообщества, поставившего своей целью насильственные посягательства на изменение в России образа правления (ст. 103 уг. улож.), того же 4-го апреля предложил судебному следователю по особо важным делам при с.-петербургском окружном суде приступить к производству предварительного следствия, которое было начато немедленно, под непосредственным наблюдением прокурорского надзора с.-петербургской палаты, и производится без малейшего промедления.

В настоящее время предварительным следствием установлено, что из числа задержанных лиц значительное число изобличается в том, что они вступили в образовавшееся в составе партии социалистов-революционеров сообщество, поставившее целью своей деятельности посягательство на священную особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого Князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров, причем членами этого сообщества предприняты

были попытки к изысканию способов проникнуть во Дворец, в коем имеет пребывание Государь Император. Но попытки эти успеха не имели *.

Господа члены Государственной думы! * Я не думал выступать сегодня по этому делу и не ждал запроса, который только что тут оглашен, так что он является для меня полною неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, как начальник полиции в государстве, выступить с несколькими словами в защиту действий лиц, мне подчиненных. Дело, которое сегодня, теперь, тут поднято, будет, вероятно, рассмотрено после обсуждения его в комиссии; вероятно, мне придется дать объяснение и в порядке запроса о незаконных действиях полиции. Теперь же я желаю дать только предварительное разъяснение. Насколько мне известно, дело произошло таким образом: столичная полиция получила сведения, что на Невском собираются центральные революционные комитеты, которые имеют сношения с военной революционной организацией. В данном случае полиция не могла поступить иначе, как вторгнуться в ту квартиру — я этого выражения не признаю, — а войти, в силу власти, предоставленной полиции, и произвести в той квартире обыск. Не забудьте, господа, что город Петербург находится на положении чрезвычайной охраны и что в этом городе происходили события чрезвычайные. Таким образом, полиция должна была, имела право и правильно сделала, что в эту квартиру вошла. В квартире оказались, действительно, члены Государственной думы, но кроме них были лица посторонние. Лица эти, в числе 31, были задержаны, и при них были задержаны документы, некоторые из которых оказались компрометирующими. Всем членам Государственной думы было предложено, не

пожелают ли они тоже обнаружить то, что при них находится. Из них несколько лиц подчинились, а другие лица отказались. Никакого насилия над ними не происходило, и до окончания обыска все они оставались в квартире, в которую вошла полиция. Теперь я должен, в оправдание действий полиции, сказать следующее: на следующий день были произведены дополнительные действия не только полицейской, но и следственной властью, и обнаружено отношение квартиры депутата Озола к военно-революционной организации, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках. В этом случае, господа, я должен сказать, и заявляю открыто, — что полиция и впредь будет так же действовать, как она действовала (Аплодисменты справа. Шум.) Незакономерного ничего не было. Если были какие-либо неправильности в подробностях, то это и будет обнаружено. Я должен сказать, что кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителях власти, лежит еще другая ответственность — ограждение общественной безопасности. Долг этот свой мы сознаем и исполним его до конца, и в этом отношении я считаю своей обязанностью, перед лицом всей России, как начальник, как ответственное лицо за действия полиции, сказать несколько слов в ее защиту, сказать, что если будут доходить до нее слухи, подкрепленные достаточными данными, о серьезных обстоятельствах, за которые правительство и администрация несут ответственность, то она сумеет поступить так же, как поступала, а судебное ведомство исполнит свой долг и сумеет обнаружить виновных *. (Аплодисменты справа.)

РЕЧЬ ОБ УСТРОЙСТВЕ БЫТА КРЕСТЬЯН И О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 10 МАЯ 1907 ГОДА

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетентным ведомством в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские

люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту. Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господина Караваев, Церетели, Волк-Карачевский * и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных по мне цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен,

тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованного класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах, — что же из этого

выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельюю землю, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 дес, в Архангельской даже по 1309 дес, в 14 губерниях недоетало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 000 мещан, — а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части

населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год. Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000 душ естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения земель одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 дес. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны?

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Все и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным

социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, — этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, — [но нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самую силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле.

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств (голос из центра: «ого»), и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравниных и разоренных полях России? А эта переброшенная и уравниная Россия, что, стала ли бы она

и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не .приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены. Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких пародов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение — там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал,

что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянами право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчудить земли крестьян, они не будут отчуждены, и по-этому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе — это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3 000 десятин будет отнято 2 500 десятин, и за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет по нашим понятиям культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен — по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы — на соседнюю помещичью землю? Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю

отменяется; она изъемлетя из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчуждаемую землю в среднем по 80 рублей на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда к земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200— 300 рублей за десятину и вложили в нее все свое достояние. Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. Интересно еще в проекте партии народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я к этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мне кажется несколько противоречивым провозглашаемому принципу принудительного отчуждения. Если признать принудительное отчуждение, то как же наряду с этим

признать необходимость для всего населения, для всего государства, для всех классов населения придти на помощь самой нуждающейся части населения? Почему наряду с этим необходимо с этой целью обездолжить 130 000 владельцев, и не только обездолжить, но и оторвать их от привычного и полезного для государства труда? Но, может быть, господа, без этого обойтись нельзя?

Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь — это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин простолюдин к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожделений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает. Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему. Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные

правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». (Голоса: верно, правильно.) Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались |. ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой!

Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами, я скажу только, что при наличии их, и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Государственной думе, можно предвидеть и наличие новых попыток приобретения земли силою и насилием. Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далеко, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не дозволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения. Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству губельною для страны, а проект партии народной свободы, то есть полуэкспроприация, полунационализация, в конечном

выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57 000 000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства

находится только 10 000 000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, — мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на

помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей,

чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных в конец землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не

количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими земель, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, роли бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! * (Аплодисменты справа.)

ЗАЯВЛЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ 1 ИЮНЯ 1907 ГОДА

В ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Имея в виду, что в настоящее время, в связи с обыском в квартире члена Государственной думы Озола *, предварительное следствие выяснило главнейшие данные по делу об организации преступного сообщества, в состав которого вошли некоторые члены Государственной думы, и представляется необходимым немедленное принятие мер к обеспечению правильного хода правосудия, я прошу Государственную думу выслушать представителя судебного ведомства, прокурора С.-Петербургской судебной палаты, который ознакомит Государственную думу с постановлением судебного следователя о привлечении нескольких из ее членов в качестве обвиняемых. Дальнейшие пояснения по прочтении этого акта может дать Государственной думе присутствующий в заседании министр юстиции. Обязуюсь присовокупить, что всякое промедление со стороны Государственной думы в разрешении предъявленных к ней на основании ст. 16 и 21 Учр. Государственной думы требований или удовлетворение их не в полной мере поставило бы правительство в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве *.

ПЕРВАЯ РЕЧЬ П. А. СТОЛЫПИНА В ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 16 НОЯБРЯ 1907 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то что я еще так недавно излагал перед второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные

элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».)

Противопоставить этому явлению можно только силу (возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа). Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени — этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. (Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (Голоса в центре и справа: «браво».)

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы, задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. (В центре и справа возгласы «браво».)

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устройению.

Устройство это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. (В центре и справа возгласы «браво».)

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (рукоплекскания центра и справа), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (Рукоплекскания в центре и справа.)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст. 87 зак. Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не

способных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с ним. Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в

области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого — о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. (Рукоплекания справа.)

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей. (Рукоплекания в центре и справа*)

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (Рукоплекания в центре и справа.)

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас,

посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основной, но и самой срочной. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

С своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя черен Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя. (Рукоплескания в центре и справа.)

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (бурные рукоплескания и

возгласы справа «браво») ...историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (Бурные рукоплескания и возгласы «браво» в центре и справа.)

**РЕЧЬ П. А. СТОЛЫПИНА,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 16
НОЯБРЯ 1907 ГОДА В ОТВЕТ НА
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЛЕНА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В.
МАКЛАКОВА**

Господа члены Государственной думы!

Слушая раздававшиеся тут нарекания и обвинения против правительства, я спрашивал себя, должен ли я, глава правительства, идти по пути словесного спора, словесного поединка и давать только пищу новым речам в то время, как страна с напряженным вниманием и вымученным нетерпением ждет от нас серой повседневной работы, скрытый блеск которой может обнаружиться только со временем. И конечно, не для пустого спора, не из боязни того, что правительство назовут безответным, так же, как понапрасну называли его в прошлой Думе «безответственным», выступаю я с

разъяснением, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, в чем именно правительство будет черпать руководящие начала своей деятельности, куда оно идет и куда ведет страну.

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени правительства, несомненно, затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня. Не мне, конечно, защищать право Государя спасти в минуты опасности вверенную Ему Богом державу (рукоплескания в центре и справа). Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живем, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех. Его верноподданных (рукоплескания в центре и справа).

Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что правительство стремится создать в России какое-то полицейское благополучие, что оно стремится сжать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии. Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости, и о том, что я слышал о политической деятельности служащих.

То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех прибывших сюда со всех сторон России ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат — иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет, несомненно, и политический характер. Вспомните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым *, нарисовавшим нам картину убийства всех свидетелей до последнего, до шестилетней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз, и при политическом хаосе, гипнозе он может иногда действовать и несвободно.

Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех случаях, когда на местах стоят люди не достаточно твердые, когда дело идет о спасении родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной. Я упомянул тогда об одной из передовых стран — страна эта Франция, — где несменяемость судей была временно приостановлена, — этому нас учит история, ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и

созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти.

Затем перейду к дальнейшему.

Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права — то правовое основание, в котором несомненно нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. (Рукоплескания в центре и справа.) Для того, чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги — это чеканенная свобода». Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных

земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (Рукоплескания в центре и справа. Возгласы «браво».) При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда административного, который необходим как основа всякого успеха в местном управлении.

Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что против этого правительство возражать не будет, но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной. (Рукоплескания в центре и справа.) Нам говорилось о том, что в 1828 г. в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 г. Я на это отвечу следующее: теперь, может быть, не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что называли себя гражданами «второго

разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. (Бурные рукоплескания в центре и справа.)

Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет! (Бурные рукоплескания в центре и справа.) Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права. (Рукоплескания в центре и справа.)

Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, ведь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное самосознание, все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных

обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления так же, как наш идеал наверху — это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти.

Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилении всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада. Самодержавие московских Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины Второй и Царя-Освободителя. Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. (Бурные рукоплескания в центре и справа.)

Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве. Но этого недостаточно, недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна

другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна. Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. (Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.)

Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам (рукоплескания в центре и справа) в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада, это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию. Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел. (Бурные рукоплескания в центре и справа.)

Приложение 3.

Сообщение корреспондента «Нового времени» о заседании Государственной думы 17 ноября 1907 года

Началось все тихо и довольно мирно: г. Милюков, говоривший первым, хотя и старался «насолить» правительству и правым *, но это ему, по обыкновению, не удавалось, и «глава» кадетской партии снова сбивался на мелочи, опять перелистывал и перечитывал какие-то документы вроде постановлений дворянских съездов и организаций и, забывая главное — правительственную декларацию, моментами нагонял изрядную скуку.

Комичным и скучным был кавказец Сагателян *, ломившийся, по примеру своих достойных предшественников — Рамишвили, Джапаридзе * и пр. в открытую дверь и желавший подтвердить истину «что есть, то есть, а чего нет — того нет». ...Достаточно снотворным был на этот раз и неугомонный г. Пуришкевич *, не ограничившийся несколькими здравыми замечаниями и желавший во что бы то ни стало выложить весь багаж своих познаний и по русской литературе, и по истории Польши и Австрии. Оратор приводил даже синодики польских писателей и журналистов и требовал репрессии для печати,

занимающейся натравливанием одной части населения на другую, забывая при этом «Русское знамя».

Все это было мало интересно, многое уже высказано раньше, и такие речи начинали утомлять, тем более что предстояло еще выслушать чуть не семьдесят ораторов.

После небольшого перерыва на трибуну поднялся г. Родичев. Он начал с повторений доводов г. Маклакова, перешел на гражданские мотивы о патриотизме, национализме и закончил защитой польских интересов. Слова оратора: «Мы, любящие свое отечество... мы, защищающие порядок...» — вызывали смех на скамьях крайних правых, и оттуда в ответ часто слышались напоминания о выборгском воззвании.

Выкрики с мест, не прекращавшиеся несмотря на неоднократные замечания председателя, видимо, еще сильнее взвинчивали г. Родичева; он становился все более и более резким, терял самообладание, злоупотреблял жестикуляцией — и, не находя подходящих выражений, выбрасывал неудачные афоризмы.

Когда г. Родичев, вспоминая выражение Пуришкевича о «**муравьевском воротнике**», сказал *, что потомки его назовут это «**столыпинским галстуком**», зал в одно мгновение преобразился. Казалось, что по скамьям прошел электрический ток. Депутаты бежали со своих мест, кричали, стучали пюпитрами; возгласы и выражения негодования сливались в невероятный шум, за которым почти не слышно было ни отдельных голосов, ни звонка председателя. Полукруг перед трибуной мгновенно наполнился депутатами, а сидевшие позади оказались в первых рядах.

Долой, вон, долой!..

Не расстались со своим Выборгом! * Выгнать его, немедленно вон!..

Нечестно, подло!.. Вы оскорбили представителя Государя...

Мерзко, недостойно члена Думы, недостойно высокого собрания...

Крики неслись со всех сторон. Октябристы, умеренные, правые — все столпились около трибуны, к которой тянулись десятки рук, и казалось, что зарвавшегося, забывшегося г. Родичева моментально силою стащат с трибуны. Несколько человек уже стояло за пюпитрами секретарей, а г. Пуришкевич порывался бросить в г. Родичева стаканом.

Н. А. Хомяков начал было звонить *, но, когда увидел, до какой степени разгорелись страсти, покинул трибуну и прервал заседание. За председателем удалились и остальные члены президиума.

Взволнованный, бледный П. А. Столыпин при первых же криках встал со своего места и, окруженный министрами, вышел из зала почти одновременно с Н. А. Хомяковым. За председателем Совета министров тотчас же поспешило несколько депутатов. Родичев все еще стоял на трибуне, краснел, бледнел, пробовал что-то говорить и затем будто замер, видя, что его выходкой возмущена почти вся Дума, за исключением, может быть, небольшой кучки лиц.

Наконец сквозь ряды депутатов к кафедре протискивается высокий старик, кадет г. Покровский *, и прикрывает руками г. Родичева, который при несмолкавших криках: «вон», «долой», «вон» —

спускается к своему месту и затем, окруженный кадетами, выходит в Екатерининский зал.

Едва трибуна освободилась, на нее вбегают г. Крупенский, стучит кулаком и переругивается с левыми.

Г. Шульгин старается увести не в меру разгорячившегося депутата *.

По фракциям, по фракциям! — раздаются возгласы, и депутаты с шумом покидают зал.

Два года не дают работать...

Оставались бы себе в Выборге, коли не отучились ругаться...

С первых шагов снова делают скандалы...

Это все больше голоса крестьян, которые более всех других были взволнованы и удручены скандальной выходкой и сыпали по адресу кадетов весьма нелестные замечания.

Сами кадеты только разводили руками и почти не находили оправданий для непонятного выступления своего лидера... Он не обобщал, а говорил лишь о потомках г. Пуришкевича — только и могли сказать кадеты, видимо крайне недовольные скандальным инцидентом.

Во время перерыва правые, умеренные и октябристы в своих фракционных заседаниях приходят к одинаковому решению — применить высшую меру наказания и исключить Родичева на пятнадцать заседаний.

Н. А. Хомяков, не желая допустить никаких прений, предвосхищает это, и Дума громадным большинством

против 96 голосов левых, поляков и кадетов исключает г. Родичева на 15 заседаний.

Н. А. Хомяков перед этим с большим достоинством напоминает, что в руках депутатов священный сосуд, неприкосновенность которого каждый должен хранить, как самого себя.

Г. Родичев в большом смущении произносит свои извинения и просит верить в их искренность. Позднее раскаяние хотя и смягчает вину, но прискорбного, непозволительного факта не изменяет. Если его и могло что сгладить, то разве те бурные овации, которые Дума под конец устраивает П. А. Столыпину, оставшемуся на своем месте до конца заседания.

Выходка г. Родичева произвела на всех депутатов тягостное впечатление.

— К чему это? Чем это объяснить? — спрашивали со всех сторон.

— Какое недостойное, возмутительное оскорбление!..

Депутаты волновались, не могли скрыть негодования, не находили оправданий, разводили руками и пеняли, главное, на то, что снова Думе ставятся препятствия при первых ее шагах.

— И зачем только они все это говорят? — недоумевали крестьяне. Зачем г. Милюков и г. Пуришкевич по целому часу говорили — что, от этого мужицкий хлеб станет белее, что ли? Школы сами настроятся, разбои и грабежи прекратятся?..

— Они хотят в Думу эти пожары перенести...

— Много ли на пятнадцать заседаний!.. Я бы для острастки на всю сессию исключил, — разошелся какой-то депутат, недовольный, что в наказе нет высшей меры наказания.

Во время перерыва стало известно, что председатель Совета министров, взволнованный неожиданным оскорблением, потребовал от г. Родичева удовлетворения.

В комнату председателя Думы Н. А. Хомякова явились двое министров, г. Харитонов, и г. Кауфман *, и просили передать об этом г. Родичеву, который и не заставил себя ждать. Извинение происходило в присутствии министров, Н. А. Хомякова и саратовского депутата П. Н. Львова*.

Г. Родичев признавался, что он совершенно не имел в виду оскорбить главу кабинета, что он искренне раскаивается в своих выражениях, которые не так были поняты, и просит его извинить.

— Я вас прощаю, — сказал П. А. Столыпин, и объяснение было окончено*.

П. А. Столыпин, как передают, был при этом крайне взволнован, а г. Родичев казался совершенно подавленным.

Известие о том, что председатель Совета министров принял извинение, быстро облетело залы и внесло первое успокоение.

Сообщение «С-Петербургского телеграфного агентства»

**о речи П. А. Столыпина,
произнесенной им 3 марта**

**1908 г. в вечернем заседании
Комиссии**

по государственной обороне

Убеждать людей трудно, переубедить почти невозможно. Ваше решение уже готово. Мнения членов комиссии разделяются на две категории. Часть членов находит свободный линейный флот России совершенно ненужным: Россия — не морская Держава, ей нужны только оборонительные береговые сооружения; Россию можно защищать без флота. Могу понять эту точку зрения, но мысли этой не разделяю, ибо если не будет флота, то придется отойти в глубь страны. Но понимаю, что, становясь на эту точку зрения, нужно отказаться в средствах на постройку флота.

Другая часть членов полагает, что России нужен большой, свободный, линейный флот. Для отказа от этой мысли должны быть действительные, высокие основания. У авторов доклада этих оснований два: недостаточная подготовленность морского ведомства и отсутствие строго выработанной судостроительной программы. Мысль ясна: денег на флот не нужно, ибо они будут брошены в воду. Лозунг комиссии — ждать. Мне кажется, члены комиссии думали, что правительство может

присоединиться к этому мнению: ведь правительству во флоте не отказывают, флот будет, но надо обождать. Если согласиться с посылкой комиссии, то нужно согласиться и с выводами. Не могу усиленно не возражать против этих посылок. Мысль о реформе морского ведомства давно глубоко признана правительством. Не только задумана реформа, но и близка к осуществлению. Ей глубоко сочувствует Государь Император. Накануне этих реформ ведомству говорят: «Нужно подождать». Это — не стимул для новой воодушевленной работы. Все сразу реформировать нельзя. От осуществления этих реформ нас отделяют, быть может, не месяцы, а недели, и нецелесообразно лишать в этот момент ведомство энергии и говорить, что не нужно работать.

По поводу отсутствия планомерной программы воссоздания флота в прошлый раз я уже докладывал, что Государь Император повелел своему правительству, то есть объединенному Совету министров, согласовать все действия отдельных ведомств, ведущие к обороне государства. Этим повелением Государя работа правительства влита в другое русло. Когда сводится громадная работа, когда она еще не доведена до конца по своей громадности, нам говорят: «Нужно подождать».

В слове «подождать» нет разногласия между комиссией и правительством, куда план, о котором я говорил, не облекся в реальную форму. Тут говорилось, что план морского ведомства должен быть внесен на законодательное утверждение. Должен сделать оговорку: устройство армии и флота — прерогатива Государя Императора; поэтому правительство в финансовом смысле будет делиться с законодательными учреждениями плодами своей работы, но детальный план

и стратегическое его исполнение в законодательное учреждение допущены быть не могут, ибо это результат решения и воли одного лица — Государя Императора.

Возвращаясь к посылке, что «нужно ждать», я говорю, что правительство держится того же мнения. Но ждать надо умело, ждать так, чтобы не убить жизнеспособности флота, не лишать флот возможности осуществить скромную задачу защиты наших берегов и сохранить то ядро, из которого может развиваться будущий флот.

Как обучить личный состав, не имея ни одной цельной эскадры, не имея судов нового типа, которые строит весь мир? Остановка предлагаемая вами, обратит наш флот в коллекцию старой посуды. На этой старой посуде вы хотите заставить плавать людей талантливых и способных. Этим вы убьете дух, до сих пор живой во флоте. Вот почему правительство предложило свою сокращенную временную программу, дающую нам пока одну эскадру, правда, смешанного типа.

С другой стороны, я не слышал еще обстоятельного ответа относительно заводов морского ведомства. Я говорю о массе знаний и опыта, накопленных в этих заводах. Я говорю о национальном судостроении. И я с положительностью удостоверяю, что из 5 заводов морского ведомства 4 приспособлены для постройки больших судов и брони. Переделать эти заводы для постройки малых судов стоит больших денег, которых вы нам не дадите, да и какую массу миноносцев пришлось бы построить, чтобы занять все эти заводы. Держать же эти заводы закрытыми — роскошь слишком большая для небогатого государства, так как сохранение их оборудования и главных технических сил будет стоить

около 2 миллионов в год. И так, вследствие остановки судостроения остановятся заводы. В этом деле ждать нельзя. Заводам нужно дать некоторую работу. Если вы этой работы не дадите, то вы уничтожите не только флот настоящий, но и будущий русский флот. Это надо знать, на это надо идти сознательно.

Говорят, остановка будет только на один год. Этому я не верю. Если вы не ассигнуете денег, то сделаете остановку на много лет. Идеалы постройки нового русского флота так разнообразны, что о них не сговориться не только ко внесению сметы на будущий год, но и многие еще годы.

Дело специального судостроения не может решаться в большой коллегии. Тут нужна вера, доверие к ведомству, к лицам, стоящим во главе ведомства. К сожалению, на это ведомство обрушивается весь одиум прошедшего. Это ведомство и в прессе называется «цусимским ведомством». Ему и теперь делаются упреки в прошлом. Думаю, при таких условиях флот никогда не будет построен. Раз ведомство идет к переустройству, раз оно идет искренно, с глубоким воодушевлением, то заграждать ему дорогу, мешать ему действовать, не давая материальных сил, — большая ошибка. Вы навеки угашаете царящие в ведомстве воодушевление и живой дух.

По поводу несогласованности наших судостроительных предположений должен сказать, что это не совсем так. Вследствие нового повеления Государя Императора о сосредоточении реального создания обороны государства и проведения ее в жизнь, в Совете министров идет по этому поводу общая планомерная большая работа, внутренний же смысл принятой ныне

сокращенной программы объяснен мною в предыдущем заседании.

Должен при этом заметить, что Комитет государственной обороны не отрицал никогда вывода, к которому пришла и редакционная подкомиссия, о том, что свободная линейная эскадра Государству необходима.

В конце концов, я, конечно, чувствую себя в положении защитника лица, уже вперед приговоренного. Если я все-таки взял на себя эту тяжелую задачу, то потому, что я не являюсь защитником, кем-либо назначенным, а защитником по велению совести, и потому, что судьи, которые здесь присутствуют, не враги флота и не с ненавистью, а со скорбью смотрят на наш приспущенный Андреевский флаг. Долг моей совести сказать вам, что после того, как вы откажете в деньгах на флот, Россия выйдет в международном положении преуменьшенной. Удар, нанесенный вами, не будет ударом дубинки Петра Великого, ударом его дубинки-подгонялки. Вашим ударом вы вышибете из рук морского ведомства, из рук рабочего самое орудие труда, вы вышибете дух живой.

Наконец, решение ваше для правительства, которому поведено создать план обороны государства, которое надрывается над этой работой, будет равносильно изъятию из создаваемого им здания одного из краеугольных, одного из самых важных камней. Я мог бы закончить, но я хотел бы, чтобы вы хорошо поняли, что я сказал все это не для того, чтобы создать с вами конфликт.

Решение ваше свободно. Но не могу не повторить, что это решение, этот отказ будет остановкой, шагом

назад в разрешении задачи, которая проводилась государством в продолжении многих лет. При теперешнем мировом состязании народов такая остановка гибельна. Страны, которым наносились сильные удары, показывали живучесть только тогда, когда брались с большой энергией и охотой за дело своего обновления. Эта остановка кажется мне даже опасной. Опасна она потому, что в свойстве нашего русского характера есть известного рода склонность к промедлению. Я согласен с членом Думы Марковым, что мы пришли сюда не для красноречивых фраз. Никаких пышных фраз я произносить и не желаю, но в данную минуту мне припоминаются слова, сказанные создателем русского флота, все тем же Петром Великим, при котором впервые застучал топор русского строителя на русских верфях. Эти слова нам нужно надолго запомнить. Вот они: «Промедление времени — смерти безвозвратной подобно».

Речь на 50-летию Земского отдела Министерства внутренних дел, 4 марта 1908 г.

Ваши высокопревосходительства и милостивые государи! С особым теплым чувством, не только в качестве главы ведомства — министра внутренних дел, но и как деятель крестьянских учреждений, как бывший председателем съезда мировых посредников, знающий и сознающий всю громадную важность работы этих

учреждений, приветствую я в сегодняшний день земский отдел.

В жизни народа полвека — мгновение. Сохранить жизненность могут лишь государственные учреждения, сознающие это и дорожащие связью с прошлым и преданиями, которые придают этим установлениям историческую ценность. В этом отношении земский отдел особенно счастлив.

Отдел зародился в атмосфере великодушных чувств и в минуту яркого поднятия народного самосознания. В нем живы воспоминания величайшей реформы минувшего столетия, в его рядах служили сподвижники великих деятелей освобождения крестьян. Казалось, данный тою эпохой импульс к усиленной работе отразился на всей дальнейшей деятельности отдела. Действительно, нельзя не признать громадным труд отдела по устройству на необъятном пространстве России быта различных разрядов сельских обывателей, по разработке узаконений в развитие и дополнение великого акта 19 февраля.

В течение пятидесятилетия деятельная инициатива земского отдела не ослабевала, но к концу его, на пороге нового полустолетия, потребовалось вновь напряжение всех его сил для новой громадной работы. Вновь, как 50 лет тому назад, Царь обратил свои взоры к русскому крестьянству, и внук Царя-Освободителя решил укрепить земельное положение раскрепощенного от рабства крестьянства. И вот, как в прежнее время, закипела работа в земском отделе: разрабатывается Указ 5-го октября 1905 года, уничтожающий последние ограничения крестьянского сословия, разрабатывается Указ 9-го ноября, дающий возможность крестьянину

осуществить, наконец, обещанное еще при освобождении право стать хозяином, собственником своей земли там, где общинный строй уже отжил, и кроме того — разрабатывается широкий план упорядочения всего местного управления.

Наряду с этим земский отдел участвует в работах по землеустройству и посылает лучшие свои силы на места для упорядочения этого нового дела. Не могу при этом не удостоверить, что и в глухой провинции, вдали от центра, чины крестьянских учреждений прониклись всецело великодушными указаниями Царя, воодушевлены идеею крестьянского устройства и работают с верою в успех своего дела. Дело это в зачатке, сопоставлять его с блестяще завершенным делом освобождения крестьян никто не посмеет, но да не будет дерзостью, а лишь проявлением глубокой веры в будущность России — воспоминание о том, что и в 1861 году наша Родина только что вышла из тяжелого испытания и, путем внутренней работы, подъема лучших своих чувств и сил, обновилась и поднялась на невиданную дотоле высоту.

Будем же верить, что и в наши дни земский отдел сослужит Государю ожидаемую от него службу и внесет в общегосударственную работу свою долю воодушевленного труда.

Память о сегодняшнем дне увековечена будет в земском отделе актом заботливости о наименее обеспеченных его чинах, канцелярских чиновниках, служителях и низших служащих, для которых образуется из государственных средств особый неприкосновенный благотворительный фонд в 5 тысяч рублей.

Позвольте закончить мое краткое слово предложением обратиться в этот памятный для нас день к тому, кто руководит судьбами России и державною рукою направляет ее на путь величия и славы. Я предлагаю послать Его Величеству нижеследующую телеграмму: Его Императорскому Величеству Государю Императору. Служащие и ранее служившие чины земского отдела, учрежденного волею в Бозе почивающего Деда Вашего Императорского Величества в целях исполнения работ по освобождению крестьян от крепостной зависимости, празднуя сегодня пятидесятилетие со дня основания и с благоговейною гордостью вспоминая деятельное участие славных предшественников своих в великом подвиге Царя-Освободителя, повергают к стопам Вашего Императорского Величества выражение верноподданнических чувств и готовность посвятить все силы свои беззаветному служению Самодержцу Всероссийскому на благо дорогой Родины.

РЕЧЬ О СООРУЖЕНИИ АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 31 МАРТА 1908 ГОДА

Господа члены Государственной думы! Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог

предвидеть сколько-нибудь горячих прений по этому вопросу и в первый раз, когда он был поставлен на повестку, я в Думу даже не приехал. Теперь я вижу, что дело стоит иначе — вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого, выслушав ораторов главных думских партий, я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно бы быть разномыслия. Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников.

Доводы эти, как я понял, сводятся, главным образом, к следующему: трата 238 000 000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно все напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, самый процесс самоизлечения будет обречен на неуспех и на неудачу. Между тем, правительство берется за случайное предприятие, идет против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнетом нового непомерного долга.

Но мало того, правительство берется за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное; правительство, по-видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько

всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России губительна. Что касается стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве только легким призом для наших неприятелей и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдаленном крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что же остается? Нельзя же серьезно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годовая температура ниже нуля.

Чтобы представить полную картину возражений, надо припомнить еще одно возражение, на этот раз идущее из самой комиссии, которая находит, что начальный пункт дороги должен быть не в Нерчинске, а в Куенге. Если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности правительственного плана, признания ошибки в его расчете, что тем более непростительно, что правительством не только внесен в Думу законопроект, но он уже приводится в исполнение на основании ст. 87 Зак. Осн. Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность. (Голоса справа и из центра: браво!)

Большинство думских партий находит, что у правительства не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной

побудительной силы, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия. Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики. Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой *gouverner c'est prévoir*, «управлять — это предвидеть». Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынность отдаленной окраины, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, — говорил

Менделеев, — что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде». Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?

Я прежде всего останавлиюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. И в этом отношении военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических соображений. Некоторые из них развивал тут помощник военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. Как же не

понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения? Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Верно то, что говорил предыдущий оратор, что война — это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку защищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии. Поэтому, в стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем, богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На пашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того, чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?

Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдою и истиной, что не трудно ее восстановить.

Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем ее и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии — это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы — толстого слоя торфа и мха. При победоносном шествии человека, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта

уходит в глубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура выше. В июле месяце в Амурской области температура выше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве.

Край этот не есть край неизведанный. Тут упоминалось об исследованиях Старжинского, Крюкова и Семенова *. Действительно, Семенов говорит, что ему край этот кажется подобным Германии времен Тацита, когда Германия считалась непроходимой вследствие заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями? Обратите внимание на Уссурийский край, о котором предшествующий оратор говорил, что он не заселяется. Господа, он заселяется. Заселяется, может быть, не так скоро, как было бы желательно, но те места в Уссурийском крае, которые недавно считались еще заболоченными таежными, составляют в настоящее время одну из главных приманок для переселенцев.

Вообще на возможности заселения этого края, хотя об этом много говорилось, мне все-таки приходится несколько остановить ваше внимание. Железная дорога, как вам известно, пройдет по двум областям и дойдет до третьей. Начинается она с Забайкальской области. Эта область по своему климату несколько суровее соседней Амурской, но климат в ней вместе с тем и более сухой, так что в климатическом отношении не было никогда и сомнения в том, что полевая культура в нем возможна; несмотря на то, что подробных исследований всего этого

края не производилось, но отчасти он все же обследован. В настоящее время производится обследование его северной части — Баргузинской тайги: эта тайга представляет из себя большой интерес, потому что там земли, годной под полевую культуру, до 2 000 000 десятин. Уже 500 000 десятин земли, по соглашению ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с Кабинетом Его Величества, обследованы. Там отводятся участки для переселенцев.

Баргузинская тайга интересна тем, что она граничит с Витимским побережьем, с бассейном р. Витим; там много плодородных земель; эта местность уже заселяется, и если она будет в районе железной дороги или если железная дорога будет к ней приближена, то, несомненно, это богатый край для заселения. В нем 13 000 000 десятин, если считать от Баргузинской тайги на восток до Амурской области. В настоящем году будут обследованы 2 000 000 дес. Баргузинской тайги, до 2 000 000 дес, в Витимском побережье и отведено будет под переселение 151 000 дес. земли.

Я должен на Забайкальской области остановить ваше внимание, так как тут интересен один привходящий вопрос, к которому потом мне не придется вернуться. Я говорю о начальном пункте дороги. Как известно, тут являются разногласия между Правительством и комиссией путей сообщения. Правительство предлагает начальным пунктом Нерчинск, комиссия предлагает Куенгу. Мне кажется, что для выбора начального пункта нужны стратегические соображения с одной стороны, переселенческие — с другой.

О стратегических соображениях вам тут говорил помощник военного министра*, что касается интересов

переселения, что же надо иметь в виду? Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил.

Говорят, что разница расстояния между куенгунским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно. Затем, по нерчинскому направлению дорога проходит по долине р. Нерчин, и в самой долине этой теперь уже до 750 000 дес. земель, назначаемых для переселения; затем, эта долина очень удобна для проведения колесных дорог. Удаляя дорогу в Куенгу, вы ее удаляете как можно дальше от заселенных мест и прячете в каменный мешок. Дорога пройдет здесь в скалистом ущелье и будет не только удалена от переселенческого района, но будет для него недоступна; переселенец через несколько лет будет недоумевать, почему начало дороги проведено по местности не населенной, которая и не может быть заселена, и при том по местности скалистой, недоступной.

Приведу еще одно соображение. Изменение направления, несомненно, послужит к замедлению самой постройки. В настоящее время все ведь налажено для нерчинского направления; затем, если изменить направление, изучать новое направление, составлять чертежи новых мостов, то это, несомненно, будет серьезным тормозом и может привести нас к потере

целого строительного периода. Что касается финансовой стороны, то куенгинское направление представляет уже не такое крупное преимущество, так как даст, конечно, гораздо более расходов по ремонту скалистого пути и затем вызовет необходимость в постройке соединительной ветви между станцией Нерчинск и городом Нерчинск.

Это я сказал попутно и теперь возвращаюсь к железной дороге. Дальше она пойдет по Амурской области. В Амурской области климат более влажный, там более жаркое лето, и, конечно, для наших серых зерновых хлебов он менее удобен, чем наши средние европейские губернии. Но, господа, пора оставить то рутинное мнение, что наши переселенцы должны двигаться, неся с собой наши серые зерновые хлеба. Тот же самый Крюков, о котором здесь так часто упоминали, удостоверяет, что область эта вполне пригодна для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей.

Край этот не есть загадка: в нем живут. О низменности между Зеей и Буреей тут много говорилось. Там уже взято 800 000 десятин земли под переселение. В этой равнине живут только те молокане, о которых гут упоминалось, степень культуры которых высока и которые обрабатывают землю американскими машинами. На этих пресловутых американских машинах позвольте, господа, остановиться. Предыдущий оратор сказал, что тот, кто призывает страну к жертвам, должен представить полную картину мотивов, вызывающих эти жертвы. Господа, мне кажется, что и то лицо, которое опровергает мотивы правительства, должно тоже представить вам верные основания своей аргументации; поэтому я полагаю, что оно должно входить на эту

кафедру с проверенным багажом и то, что оно вам говорит, должно соответствовать не только правде, но и истине. (Рукоплескания центра и справа.)

Между тем я удостоверяю, что предыдущий оратор не ознакомился даже с представлением правительства в Государственную думу относительно снятия порто-франко, потому что если бы он прочел его, то для него стало бы ясным, что правительство, уничтожая порто-франко, возвращается к закону 1900 года, по которому — я цитирую самое представление — «все фабрично-заводские производства, как-то: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения, земледобриательные вещества, орудия, ремесленно-строительные материалы освобождаются от уплаты пошлины». (Рукоплескания справа и центра.) Поэтому мне кажется, что наши молокане, которые живут и достигли в достаточной степени благосостояния в этой местности, являются для нас живым примером не только прошедшего, но и того, что может быть достигнуто в будущем.

Но не только бассейн между Зеей и Буреей должен вас интересовать. Вверх по р. Зее имеются громадные пространства земли, годные под переселение. Если брать от Зеи на запад, в направлении к Забайкальской области, вдоль течения не только реки Зеи, но и Уркана, мы найдем до 13 000 000 десятин земли, годной под переселение. Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший урожай кукурузы, бахчи, арбузов и дынь. Затем по строящемуся колесному тракту от Благовещенска до Хабаровска открываются еще миллионы десятин земли, годных под заселение.

Но железная дорога оживит, несомненно, и конечный пункт, в который она упирается, она оживит находящиеся отчасти в Приморской области долины рек Виры, Куры и Амгуни. Тут важно не только полеводство, тут важно и скотоводство, тут важны особенно рыбный промысел, лесной промысел. Пора оставить то поверье, что переселенец может жить только там, где преобладает земледелие; достаточно уже китайские старатели унесли нашего золота в Китай.

Много лежит нашего богатства в той области, стоит только упомянуть о лесной торговле. В Китай и Японию привозится исключительно американский (орегонский) лес, а наши амурские лесные богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умеем принаравливать к потребностям покупателя, потому что мы не умеем разрабатывать наши лесные материалы. Уже этих данных, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие.

Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры... (рукоплескания справа и центра); эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги,

они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию.

Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание, господа, на то, что даже тут между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обосновано. Надо знать, что в 1899 году было провезено по Сибирской дороге 41 000 000 пудов груза, в 1906 г. было провезено уже 103 000 000 пудов груза. Это доказывает, что вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом. Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?

Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит. Затем, это было бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении. Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амура.

Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость ее в 238 000 000 рублей; тут ее исчислили в несколько большей цифре, по даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из

6%, то и то на уплату процентов потребуется 15-16 млн. рублей в год. На покрытие же убытков — правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна, — если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, придется точно так же уплачивать 5—6 миллионов рублей в год, так как убыток будет равняться от 2 500 до 3 000 рублей в год на версту.

Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые

дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы... (бурные рукоплескания справа и из центра)... в силу его не только экономическую, но и в культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины. (Бурные рукоплескания справа и из центра.)

Господа, действительно, верно, что вам впервые придется подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до престола Монаршего дойдет голос и ваш, голос народных представителей, которые созданы Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнозвучии с сознанием и стремлением русского народа.

Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы

заставите его только истечь кровью. (Рукоплескания справа и из центра.)

Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России. (Рукоплескания справа и из центра.) Ваше решение одно даст возможность найти и средства на посильных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово — произнесите. (Продолжительные рукоплескания справа и из центра.)

РЕЧЬ О ФИНЛЯНДИИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 5 МАЯ 1908 ГОДА

Господа члены Государственной думы, поднятый сегодня впервые в Государственной думе вопрос, касающийся отношений Империи к составной ее части — Финляндии, мало известен широким слоям русских образованных людей, но вместе с тем он вызывает к себе особенно страстное отношение и общества, и печати. Вот почему, может быть, в нарушение установившихся

обычаев, я решился поделиться с вами моими мыслями о Финляндии в первой стадии развития этого вопроса, так как говорить об этом вопросе надо с особенным спокойствием и самообладанием, и мне кажется, что этим путем дело упростится, может быть, сократится и обсуждение его, так как правительство сразу выскажет свою точку зрения на отношение Империи к Великому княжеству.

Но прежде всего я должен объяснить вам, почему я считаю необходимым давать вам пояснение по финляндским делам. Ведь существует мнение, что Финляндия — совершенно особое государство, управляемое особыми своими законами через особое свое правительство. Если придерживаться этой точки зрения, то русское имперское правительство не имеет никакого касательства к Финляндии, и Государь Император, управляя Империей через имперское правительство, управляет Финляндией через особое финляндское правительство — Сенат, разрешая лишь в случае надобности создавшиеся между двумя соседними подвластными Ему государствами недоразумения. Существует и другая точка зрения, что Финляндия есть такая же окраинная провинция, как, скажем, при-вислинские губернии или Кавказ, и что вся задача управления Финляндией сводится к тому, чтобы приблизить форму этого управления к форме управления Империей.

И та, и другая точка зрения неправильны. Что и как думает правительство, я разьясню дальше, но теперь с самого начала я хотел бы установить, что имперское правительство считает и будет считать себя ответственным за финляндские события, так как Финляндия — составная часть русской Империи, а

Империя управляется объединенным правительством, которое ответственно перед Государем за все происходящее в государстве. (Рукоплекскания справа и из центра.)

Что же, господа, происходило и происходит в Финляндии? Я должен признаться, что счел бы весьма трудной и неблагодарной задачу опровергать все факты, которые лежат в основе поданного в Государственную думу запроса *. Ведь, господа, у всех на памяти действия финляндской красной гвардии с ее пресловутым предводителем капитаном Коком во главе. Этот бывший офицер финляндских войск еще в мае 1906 года в Котке открыто заявлял, что мы, то есть красная гвардия, естественные помощники русской революционной армии и если по счастливым обстоятельствам нам пришлось достигнуть первенствующего значения, то это лишь случайно. Всем памятны и действия красной гвардии в октябрьские дни 1905 года, когда она останавливала и действие железных дорог, и телеграфа, производила насилия над чинами жандармского надзора, а когда кончилась забастовка, начала производить открыто воинские упражнения, учения и парады по всей территории Финляндии, даже под стенами русской крепости Выборг.

Памятно также и отношение к этому местных властей. Так, когда губернатор по настоянию коменданта крепости запретил эти упражнения в районе крепости, то высшие власти в крае отменили это распоряжение, заявив, что красная гвардия — это мирное, невооруженное учреждение, это классовая организация внутреннего финляндского значения. Эта мирная организация через несколько времени, однако, принимает участие в свеаборгском бунте, портит полотно

железной дороги, взрывает железнодорожный мост, вступает в бой с полицией, обстреливает воинский поезд. Но подавлен свеаборгский мятеж, и после этого финляндский Сенат объявляет учреждение красной гвардии закрытым.

В это время в Финляндии уже начинает действовать и укрепляться другая, гораздо более сильная, организация — общество «Воймы» — по-русски «сила». Если судить по отзывам печати того времени, то Войма получила повсеместное распространение по стране, проникла во все слои населения. Случайные отголоски газет и из залы суда, где возникают отрывочные дела о складах оружия, дают яркую характеристику Воймы. Некто Тидеман заявляет в то время, что Войма заполнила тот пробел, который образовался в Финляндии вследствие упразднения финляндских войск; другой финляндец, один из главарей красной гвардии, дал показание о том, что под видом спортивного общества Войма распространила в Финляндии много тысяч винтовок. А что распространение оружия приняло в это время большие размеры — это подтверждается фактами. Я думаю, что подвоз в Финляндию целых нагруженных оружием кораблей был бы признан за провокационную сказку, если бы опять-таки не факты.

Один из самых ярких примеров и фактов — это случай с пароходом «Джон Графтон»; этот пароход случайно садится в финляндских шхерах на мель, к нему сейчас же подплывают два финляндских лоцмана, их встречают 20 человек вооруженной команды, принуждают их покинуть пароход, затем сама команда садится на парусную шлюпку, берет курс в море, и тут последовательно на «Джон Графтоне» раздаются три взрыва, и пароход идет ко дну. На обломках этого

парохода всплывает оружие, винтовки, и через некоторое время у окрестных жителей отбирают до 1 300 винтовок, а водолазы находят ящики с множеством винтовок и огнестрельного оружия *.

Совершенно почти однороден случай с моторной шхуной «Петер», упоминаемой в запросе. Этот случай не менее романичен. Команда, которая состояла из финнов и шведов, во время перехода морем связывает капитана, арестовывает его, затем высаживается на берег, выгружает груз. После этого полиция устанавливает, что груз этот получен в Любеке из Базеля и состоит из сотен ящиков опять-таки огнестрельного оружия и карабинов.

Я думаю, что самый интересный из всех транспортов оружия — это транспорт парохода «Ханхи». Груз этот прошел через Гельсингфорскую таможню, и только вследствие подозрительности носильщика, который нашел его чрезмерно тяжелым, обнаружилось его содержимое, то есть оружие. Обнаружено его происхождение из Бьерпборга, откуда успели уже отправить в Куопио целый вагон винтовок. Обнаружен был и получатель этого груза, некто Маннелин. Маннелин показал, что груз этот принадлежал умершему уже в то время председателю союза Воймы, который отдал в его распоряжение некоторую часть оружия для вооружения местных кадров национальной милиции. Маннелина судили, и финляндский суд присудил его за нарушение таможенного устава к штрафу в 300 марок!

Затем, господа, в течение всего 1907 года ввоз оружия в Финляндию продолжался, и целые партии его были арестованы в Англии. Полиция установила даже фирму в Гамбурге, которой оружие заказывалось. Установлены, господа, не только месяцы, установлены

числа, дни месяца, когда эти партии направлены были в Финляндию. В начале действий общества Воймы местные власти относились к ним довольно снисходительно. Вот отзыв прокурора. Когда обнаружен был преступный характер тайного общества Воймы, то прокурор Сената в первоначальном своем заключении не находил ничего преступного в том, что члены общества ставили своею целью защиту закономерного и общественного строя, как против всякого режима, нарушающего конституцию края и благоприобретенные права граждан, так и против других враждебных обществу элементов.

Точно так же установлено участие в этих враждебных действиях некоторых должностных лиц. Вполне удостоверена на судебном процессе виновность таммерфорсского полицмейстера — Нандельштадта — и бьернборгского — Эмана; они оба устранены были от должности, и первый из них был даже судим. Что касается воззваний общества Воймы, то полиция неоднократно обращала внимание на них финляндских властей, но судебные финляндские власти относились подозрительно к показаниям нашей полиции, даже подозревая подлинность этих воззваний и намекая на то, что они русского происхождения. Ввиду этого, мне пришлось в очень категорической форме напомнить финляндским властям, что нельзя безнаказанно обвинять клеветническим образом целое ведомство в таком проступке, притом в официальном документе.

Точно так же довольно подозрительно относились финляндские власти к заявлениям русской полиции о действиях наших революционеров в Финляндии. Между тем, господа, опять-таки полицией установлено, что в течение одного 1907 года, начиная с февраля и кончая декабрем, на территории Финляндии происходило 25

конференций и собраний именно революционного характера. На территории Финляндии, господа, готовились и организовывались и многие их тех покушений, которые имели место в Петербурге. Там организован был взрыв 12 августа 1906г.* , ограбление в Фонарном переулке* , причем похищенные деньги увезены были в Финляндию; покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова * , убийство генерала Мина * , убийства генерала фон дер Лауница * , главного военного прокурора Павлова * , начальника Петербургской тюрьмы полковника Иванова* , Дерябинской тюрьмы — Гудима * , Акатуевской тюрьмы — Бородулина * и начальника Главного тюремного управления Максимовского *. Там же подготавливалось покушение на военного министра, покушение на министра юстиции, наконец, покушение на Великого князя Николая Николаевича * , и если бы не своевременный арест знаменитого Карла * , организатора всех этих убийств и покушений, то нельзя было бы, вероятно, предотвратить и покушение посредством взрыва в зале Государственного совета.

Всем памятно, господа, что в течение нынешней зимы предупреждено было покушение на ограбление, посредством взрывчатых веществ, кассы конторы Императорских театров, так как своевременно арестована была вся злодейская шайка революционеров. Конечно, на памяти у вас и лаборатория взрывчатых веществ в Хаполе, затем 20 начиненных бомб, найденных под льдом в течение текущей зимы около станции * Куоккала вместе со всеми приспособлениями и массой взрывчатых веществ. Конечно, господа, и на территории Империи приготавливались и приводились в исполнение такие же террористические акты, но если принять во

внимание, что территория Финляндии равняется территории одной нашей хорошей губернии, то и в наше даже ненормальное время только что описанные мною явления не могут быть признаны нормальными.

Но нормален ли, правилен ли и другой ряд явлений, затронутых в запросе, — направление тех дел, которые имеют общеимперское значение, которые касаются и Финляндии, и России? Я не хочу, господа, касаться личностей; не хотел бы никого обвинять и хотел бы оставаться в мире фактов, и в этой области я должен признать, что многое обстоит неблагополучно. Еще 1 августа 1891 года состоялось Высочайшее постановление о том, чтобы по тем законодательным делам, которые касаются равномерно и Империи, и Финляндии, министр статс-секретарь запрашивал заключение подлежащего министра Империи. Таким образом, по самой основной постановке вопроса, финляндское должностное лицо, финляндский министр статс-секретарь, является вершителем вопроса, касается ли данное дело интересов Империи или не касается. От его доброй воли, от его усмотрения зависит, запросить по этому поводу имперские власти или не запрашивать.

Такая постановка вопроса, конечно, дала себя знать очень скоро и привела, конечно, к ненормальным результатам. Уже в следующем году после издания Высочайшего повеления, а затем и в 1896 году были изменены некоторые параграфы учреждений финляндского Сената, именно по милиционной его экспедиции без запроса военного министра. Затем, 20 апреля 1906 г., был издан закон о русском языке в делопроизводстве присутственных мест Финляндии — опять без запроса русских властей. По закону о печати пропозиция сейму была предложена без запроса русских

имперских властей. Самый же законопроект о печати дошел до моего сведения вследствие запроса министру внутренних дел по одному только пункту, между тем сам генерал-губернатор считал необходимым и заключение министра юстиции, министра Двора и министра иностранных дел.

Таким образом случайно, благодаря одному лишь пункту, мне стало известно о законе, который в других пунктах, в других параграфах, в целом своем касался очень существенных интересов России и русских уроженцев. Затем многие законопроекты мне стали известны только из газетных слухов. Правильно ли это? Между прочим, таким образом я узнал о законопроекте о промыслах, об оскорблении Величества, наконец, об отзыве сейма, по предложению Государя Императора, относительно ассигнований сумм на те расходы, на которые не хватало ординарных средств. Это тот самый отзыв сейма, на который, после обсуждения в Совете министров, последовала резолюция Государя Императора, позднее опубликованная, подтвердившая незыблемость прав Монарха распоряжаться статным и другими правительственными фондами Финляндии.

Даже самый сеймовый устав 1906 г. чуть было не миновал имперских властей, так как по инициативе только Государя Императора была в то время образована комиссия, под председательством статс-секретаря Фриша, для обсуждения тех вопросов этого устава, которые касались интересов Империи. Наконец, в самое последнее время, в феврале месяце 1907 г., без сношения с имперскими властями министр статс-секретарь доложил Государю Императору о том, что Сенат приступил уже к составлению проекта новой формы правления. Между тем этот проект клонится к

почти полному освобождению Финляндии от связи, от уз ее с державным государством, с Россией. По этому законопроекту предполагается проводить в порядке финляндского законодательства даже некоторые такие определения, которые нашли себе место в Основных законах и которые никоим образом не могут составить предмета законодательства местного.

Наконец, запрос касается еще железных дорог. Вопрос о соединении железных дорог имперских и финляндских — вопрос давнишний. Еще Император Александр Второй, когда ему предложили подписать законопроект, по которому финляндская колея была уже имперской колеи, отказался утвердить его и тогда же выразился так, что «этого Ему никогда бы не простил русский народ». Впоследствии точными и категорическими указаниями и повелениями Государя Императора вопрос этот приблизился к благополучному разрешению, и в настоящее время, как вам известно, Государем Императором утверждено направление той соединительной ветви, которая будет соединять русские железные дороги с финляндскими. Совет министров уже разрешил министру путей сообщения внести представление в Государственную думу об ассигновании одного миллиона рублей на приступ к сооружению этой ветви, а финляндские власти обещали в скором времени внести в русское казначейство ту сумму, которая причитается на долю Финляндии.

Точно так же в настоящее время уже действует комиссия, которая производит пробу движения наших вагонов, наших локомотивов по финляндской колее, и по первым опытам комиссии надо думать, что габарит наших вагонов подойдет к финляндской колее и сквозное движение окажется возможным и будет осуществлено.

Что же касается проведения новых железных дорог в самой Финляндии, то этот вопрос вызывал уже недоразумения между нашим Генеральным штабом и Статс-секретариатом, и я полагаю, что и в этом случае, как и во многих случаях такого рода, разногласия должны были бы повергаться на Высочайшее благоволение не только одной заинтересованной стороной. Вот, господа, те факты, тот материал, который я могу представить вам по тем вопросам, которые затронуты авторами запроса.

Но при этом я думаю, что корень зла совершенно не в незаконных действиях или бездействиях властей, а лежит гораздо глубже. К этому я сейчас перейду, но раньше, вскользь по крайней мере, я должен сказать несколько слов о том, что делала русская правительственная власть за эти два года. Я не буду вас утомлять рассказами, пересказами тех сношений, которые имели почти все министерства с финляндскими властями как по поводу «Воймы», «красной гвардии», так и общего законодательства, так как для этого нужно было бы вам прочесть целые тома; я не буду говорить и о трудности действия нашей полиции в Финляндии, у которой там нет специальных агентов, — скажу только, что эти самоотверженные действия, может быть, предупредили не одно злодейское покушение в Империи.

Я принужден, однако, хотя мимоходом указать на то, что правительство употребило все усилия, чтобы установить такой способ, который бы обеспечил сохранность нашего государства. Вот в этом смысле велись переговоры с финляндским Сенатом, и в течение 1906 г. было найдено как будто соглашение, так как гражданская экспедиция Сената в октябре 1906 г. издала циркуляр относительно способа обысков, арестов, и,

наконец, выдачи нашим властям наших русских революционеров. Но циркуляр этот не имел реального значения, не имел последствий, так как финляндская полиция, по собственной инициативе, наших русских революционеров не преследовала. Ввиду этого революционеры, перешедшие границу, находили себе в Финляндии, на территории русской империи, самое надежное убежище, гораздо более надежное, чем в соседних государствах, которые с большой охотой приходят в пределах конвенций и закона на помощь нашей русской полиции в этих преследованиях.

Таким образом, когда наступили особенно тревожные события, когда ежеминутно готовились из Финляндии покушения на русских министров и Великих князей, то само собой разумеется, что правительство должно было подумать о каких-нибудь экстренных мерах. Это была, несомненно, его обязанность, так как, опять-таки повторяю, за 26 верст от столицы, от резиденции Государя, готовились ежеминутно злодейские покушения. В это время и состоялось Высочайшее повеление о том, что если не будут ликвидированы самые опасные организации революционеров в Финляндии, то объявить Выборгскую губернию на военном положении.

И вот, почти накануне объявления Выборгской губернии на военном положении, стараниями русской полиции, которая организовала это дело, был задержан и арестован тот знаменитый Карл, о котором я упоминал выше, т. е. организатор всех последних покушений; с ним вместе была задержана, захвачена масса документов, которые осветили революционное движение в Финляндии, причем, к сожалению, почти одновременно с арестом другого революционера, Вайнштейна,

документы, задержанные с ним, через два дня были похищены из канцелярии местного лендсмана вооруженной шайкой, напавшей на эту канцелярию. Вследствие помянутых арестов необходимость военного положения временно отпала, и Государь Император ограничился повелением установить по границам Финляндии сплошной военный кордон для того, чтобы механически не допускать подозрительных лиц, революционеров, из Финляндии в Россию.

Вот таким заслоном, таким путем и была временно огорожена наша граница, обеспечена безопасность столицы со стороны Финляндии, обеспечена от вылазок из Выборгской губернии, из Выборга, который когда-то был завоеван Петром и назван им «подушкой» Санкт-Петербурга. После всего этого дальнейшие переговоры с финляндскими властями повели к тому, что мы теперь ближе к более реальному осуществлению надзора на местах, при совместных усилиях и русских, и финляндских властей, за нашими революционерами, и от доброй воли, от успеха этих совместных действий зависит спокойствие столицы.

Точно так же, господа, и по одному вопросу — вопросу об общем законодательстве — правительством принимались те меры, которые были правительству доступны без нарушения местных финляндских узаконений. Я обратился с просьбой ко всем министрам и главноуправляющим, чтобы те заключения, которые посылаются ими министру статс-секретарю по запросам его относительно общих законопроектов, были предварительно посылаемы в Совет министров для общего их объединения и направления. Таким образом, Советом министров был рассмотрен целый ряд очень важных законопроектов, между прочим, законопроект

относительно выплаты известного денежного вознаграждения Финляндией за отбытие или, вернее, за неотбытие финляндскими гражданами воинской повинности в минувшие два года. Затем рассмотрен был законопроект относительно приобретения прав гражданства русскими уроженцами, законопроект, который предполагалось направить сначала в порядке финляндского законодательства, причем в этом порядке отменялись бы даже некоторые статьи нашего Свода законов.

Но, господа, все эти мероприятия правительства по проявлениям, затронутым в запросе, имеют, по-моему, второстепенное значение. Для того, чтобы разрешить вопрос в корне, нужно, прежде всего, отдать себе отчет, в чем причина тех ненормальных отношений, которые создались между государством и завоеванной силой его оружия провинцией. Механически разрешить этот вопрос нельзя. Мне кажется, что для этого недостаточно даже, может быть, и глубокого теоретического его изучения, тут нужно проникновение во внутренний мир противной стороны, и для того, чтобы разрешить домогательства, предъявленные России со стороны мирных, честных, культурных, трудолюбивых наших финляндских сограждан, нужно с полной справедливостью, без всякой предвзятости отнестись к этим домогательствам.

Я не желаю, господа, затрагивать каких-нибудь теоретических правовых вопросов — это дело ученых исследований, ученых диспутов. Я хотел бы лишь остановить ваше внимание на некоторое время на всем известных, впрочем, исторических фактах, которые в разном освещении, взятые с различных углов зрения, приводят к различным выводам, что и служит причиной того неопределенного, даже, скажу, тягостного

положения, в котором находятся наши отношения к Финляндии.

Попробуем же, господа, проникнуть в мировоззрение финляндцев. Но для этого, господа, необходимо считаться с тем, что почти все политически мыслящие финляндцы, почти все финляндские политические партии в отношении своих исторических верований единодушны и почти солидарны. Это мировоззрение их основано, прежде всего, на том заявлении, которое было сделано на Сейме в Борго в 1809 г. Императором Александром Первым. Вот, господа, подлинные слова его грамоты:

«Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь подтвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества, в особенности, и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой их силе и действии».

Таким образом, финляндцы все признают, что на Сейме в Борго Император Александр Первый даровал Финляндии конституцию и признал особую финляндскую государственность. Дальше в течение всего своего царствования, Александр Первый неоднократно подтверждал, что он желает свято хранить все старинные установления и законы Великого княжества. Особенно ярко подчеркнул это Император Александр Первый в манифесте от 1816 года. Вот, господа, выдержки из этого манифеста.

«Быв удостоверены, что конституция и законы, к обычаям, образованию и духу финляндского народа примененные и с давних времен положившие основание гражданской его свободе и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отменяемы без нарушения оных, Мы, при восприятии царствования над сим краем, не только торжественнейше утвердили конституцию и законы сии с принадлежащими на основании оных каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, Мы, учредили особенное правительство под названием Правительствующего совета, составленного из коренных финляндцев, который доселе управлял гражданской частью края сего и решал судебные дела в качестве последней инстанции, не зависев ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными Монаршей Нашей воли».

Наконец, Монарх заявляет, что он конституцию и законы, им для Финляндии утвержденные, «силою сего акта во всех отношениях паки утверждает».

Затем, господа, Император Александр Второй, созывая вновь Сейм в 1863 году, упоминает о конституционной монархии. В 1869 г. Император Александр Второй утвердил Сеймовый устав. Затем он даровал Финляндии особую монету и особое войско. Сеймовый устав был признан нерушимым основным законом, который не мог изменяться без согласия Монарха с земскими чинами. Общеизвестно также, что

все русские Государя, после Александра Первого, вступая на престол, торжественными манифестами подтверждали особое положение Финляндии в составе русского государства, особую организацию ее судебной и административной части. Все эти акты, в связи с другими актами, с другими действиями тех же Государей, получают и другую окраску. Но согласитесь, господа, что эти исторические прецеденты были достаточны для того, чтобы внушить финляндской интеллигенции твердую веру в то, что Финляндии присуще особое государственное устройство, существенно отличная от России государственность.

Это сознание укрепилось у финляндцев еще тем, что в конце прошлого столетия Россия, занятая своими домашними делами, мало интересовалась финляндскими делами, а от местных генерал-губернаторов требовалось только спокойствие и установление добрых отношений к финляндским гражданам. Вот почему эти принципы отдельной финляндской государственности начали понемногу переходить в особую науку своеобразного финляндского государственного права. Для того, чтобы создать эту науку, подбирались масса документов, причем, конечно, громада таких документов, не подтверждавших этих принципов, отбрасывалась в сторону. Эта теория укреплялась еще проповедью профессоров Александровского университета, местными учеными и лицами свободных профессий. В Александровском университете все питомцы проникались этим политическим мирозерцанием, а затем, так как эти питомцы занимают все должности в крае, начиная с должности сенатора и кончая должностями лендсманов и даже констеблей, то учение это и проникало с успехом в самую толпу народа. Народные университеты и

публичные лекции продолжали это же дело, и совершенно естественно, что теория скоро перешла в верование, верование перешло в догмат, догматы же трудно опровергать какими-либо рассудочными доказательствами. По этому догмату Финляндия — особое государство и притом государство конституционное, правовое государство, которое имеет задачи, совершенно различные от задач России; и чем теснее связана будет Финляндия с Россией, тем осуществление этих задач станет невозможнее. Вот, господа, то верование, которое из теории начало переходить в своеобразную науку финляндского государственного права, и для того, чтобы перейти в практическую науку, должно было быть проведено сначала в жизнь. На это и направлены были старания всей финляндской интеллигенции, начиная с 1863 года, начиная с возобновления созыва Сеймов. Старания эти были направлены, главным образом, на область административного законодательства и финансовую прерогативу Монарха. Вам известно, господа, что законодательство Финляндии делится на две категории: первая категория — это сеймовое законодательство, принадлежащее Сейму, вторая же, весьма обширная категория законодательства, обнимающая всю область общего хозяйства, принадлежит исключительно Монарху и называется законодательством административным или экономическим. По учению финляндцев, если в каком-нибудь вопросе административного законодательства следует сделать добавление сеймового характера, то весь вопрос раз навсегда переходит в ведение Сейма. Таким образом к Сейму перешли все почти нормы промыслового права и многие другие. По проекту новой формы правления, о которой я говорил,

все школьное дело, начиная от низших школ и кончая университетом, передвигается в сеймовое законодательство. А что касается финансовой области, то известны, конечно, неоднократные попытки сузить самое право распоряжения правительственными фондами и затем уменьшить самое питание этих фондов: статного, милиционного и других.

Вам, конечно, памятен, господа, перенос доходов с винокуренного налога и гербового сбора из области статного фонда в фонды временных налогов, т. е. сеймовые; точно так же были попытки передвинуть в разряд сеймовых законов все таможенное законодательство со всеми таможенными доходами; наконец, непрерывно проходит во всей истории политической жизни Финляндии попытка сузить финансовые прерогативы Монарха, право Государя распоряжаться статным фондом.

Вот, господа, в этой политической атмосфере и застают Финляндию события 1905 года, послужившие пробным камнем и для многих русских, которые в это время, может быть, усомнились в будущности России. Поэтому понятно, что и многие политические деятели Финляндии должны были естественно, *bona fide*, задать себе вопрос: не наступил ли психологический момент для осуществления накопившейся политической мечты, если не обособления Финляндии, то приобретения ею насколько возможно большей самостоятельности. А так как горячие головы идут всегда впереди интеллигенции, идут, может быть, дальше, чем хотела сама создавшая их сила, то станут понятны и появление красной гвардии и Воймы, и наполненные оружием корабли, которые нам

кажутся как бы страницей, вырванной из романов Майн Рида.

Помянутое настроение и господствующее политическое течение, может быть, и получили бы естественное развитие, может быть, и привели бы к широкому развитию финляндской самостоятельности и почти полному обособлению этой страны, с сохранением только фактической ее связи с Россией, если бы в это время навстречу финляндской волне не хлынула другая волна — волна русского народного самосознания, русской государственной мысли.

Но прежде чем объяснять вам, господа, какие притязания с русской стороны должны считаться, по мнению правительства, справедливыми и обязательными для России, мне приходится на время вернуться вспять. Я напоминаю вам, господа, что часть Финляндии, восточная ее часть, составляет древнее достояние России, закрепленное за нею еще Ореховским договором 1323 года. Затем, понемногу мы утрачивали эту территорию, и уже при заключении Столбовского мирного договора в 1617 г. граница русского государства была отодвинута приблизительно до Тихвина. Я упоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть, что Император Петр Великий силою оружия в течение 20 лет отвоевывал эти земли, что ему удалось отвоевать их почти все и кроме того взять Выборг, который он тогда и назвал «**подушкой Санкт-Петербурга**», определив его политическое значение. Эти земли, а также и те, которые были отвоеваны позднее Императрицей Елизаветой Петровной и закреплены по Абоскому мирному договору 1743 г., были инкорпорированы в состав России; с ними обращались как с землями завоеванными, управлялись они Санкт-Петербургской камер-коллегией и другими

коллегиями. Из них образована была сперва Выборгская губерния, затем Выборгское наместничество и затем опять губерния. По Ништадтскому и Аборскому договорам земли эти отошли к России в вечное неотъемлемое владение.

Но наступает царствование Александра Первого и новые войны. Еще до окончания войны Александр Первый объявляет всем западным державам о том, что «страну сию, таким образом покоренную, Мы навсегда присоединяем к Российской Империи». Затем наступают события Боргского сейма и то заявление Императора Александра Первого, которое я вам цитировал и которое составляет основание всей догмы, всего политического верования финляндских политических партий. Но нам, русским, надобно смотреть на эти события с другой точки зрения; нам надобно помнить, что после этого, после Боргского сейма, был заключен Фридрихсгамский мирный договор, который составляет тот документ, тот акт, по которому мы владеем Финляндией и которым определяются отношения Империи к Великому княжеству. А статья 4 Фридрихсгамского договора гласит:

«Его Величество король шведский, как за Себя, так и за преемников Его престола и Королевства Шведского, отказывается неотменяемо и навсегда в пользу Его Величества Императора Всероссийского и преемников Его престола и Российской Империи, от всех своих прав и притязаний на губернии ниже сего означенные, завоеванные оружием Его Императорского Величества в нынешнюю войну от державы Шведской, а именно: на губернии Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгусскую, Абоскую и Биернеборгскую с островами

Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазаскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как го постановлено будет в следующей статье о назначении границ».

«Губернии сии со всеми жителями, городами, портами, крепостями, селениями и островами, а равно их принадлежности, преимущества, права и выгоды будут отныне состоять в собственности и державном обладании Империи Российской и к ней навсегда присоединяются». Вот, господа, тот акт, тот законный титул, по которому Россия владеет Финляндией, тот единый акт, который определяет взаимоотношения России и Финляндии. И, господа, слова и действия Императора Александра Первого не находятся в разногласии. Никто из современников в этом его не упрекал. Он сам изумился бы, если бы ему сказали, что он создал особое Финляндское государство. Почти одновременно с Сеймом в Борго Александр Первый вводит всю Финляндию в 8-й Российский округ путей сообщения. На этом самом Сейме депутаты высказались за принятие рубля в качестве монетной единицы, «дабы Финляндия в отношении монетной системы не отличалась от остальных провинций России». Вот что постановил тот самый Сейм, который служит основанием всех финляндских притязаний.

Для современников было ясно, что Россия отвоевала от Швеции 6 финляндских губерний, которые не имели особого публичного правового устройства; это отдельные губернии, которые не могли войти в унию с Россией, так как для унии, как реальной, так и унии личной, необходимы две равноправные величины. Между тем Финляндия была признана состоящей в собственности и

державном обладании России. Император Александр Первый даровал Финляндии внутреннюю автономию, он даровал ей и укрепил за ней право внутреннего законодательства, подтвердил все коренные законы, весь распорядок внутреннего управления и судопроизводства, но определение отношений Финляндии к Империи он оставил за собою и определил его словами: «собственность и державное обладание».

Становится после этого понятным, почему император Александр Первый объединил в одном управлении Старую и Новую Финляндии. Александр Первый не дарил завоеванную кровью наших предков часть Финляндии другому, соседнему, стоящему под его скипетром государству. Император Александр Первый только устраивал управление отдельных областей, входящих в состав государства. Манифест 11 декабря 1811 года, устанавливающий это управление, не был сеймовым законом. Это был единоличный акт верховного управления Александра Первого, он был основан на Высочайше утвержденном мнении Государственного совета. Опять-таки повторяю, что все внутренние законы, порядок внутреннего управления Император Александр Первый торжественно подтверждал, но вместе с тем оставлял за собою определение отношений Финляндии к России. Вы не найдете в финляндском законодательстве никаких норм, устанавливающих, определяющих взаимные отношения Финляндии и России, их там быть не может. Отношения Финляндии к России определяются односторонним державным правом России, а за Россию в то время решал Монарх.

За отсутствием в то время одного общего пути для выражения воли Монарха и для превращения ее в законодательные акты, Император Александр Первый в

вопросах взаимных отношений Финляндии и России опирался, как и последующие Монархи, на целый ряд тайных и явных финляндских комитетов. Так делал и Император Александр Второй. Александр Второй, когда торжественно подтверждал, что основанием к новому Сеймовому уставу служат древнешведские акты, то есть форма правления 1772 г., и акт соединения безопасности 1789 г., конечно, имел в виду подтвердить именно внутреннюю автономию Финляндии, так как в этих актах вы не можете найти, да и хронологически это невозможно, ни одной статьи, которая могла бы регулировать отношение Финляндии к державному государству.

Не мешает при этом припомнить, господа, что Император Александр Второй, который считается благодетелем Финляндии, посетивши финляндский Сенат, сказал сенаторам: «Помните, господа, что вы принадлежите к великой семье, во главе которой стоит русский Император». В соответствии с действиями помянутых государей, развивая установленные ими положения, действовали и последующие Государии. В соответствии с этим находится и рескрипт Императора Александра Третьего от 1891 г., который требует усановления порядка в делах общего законодательства в России и Финляндии. В соответствии с этим находится и акт 1899 г., регулировавший в то время эти отношения.

Ведь совершенно естественно, господа, что раз Финляндия и Россия составляют одно общее политическое тело, то общими и едиными не могут быть только одни внешние международные отношения, а должно быть и единство некоторых государственных задач. Конечно, затруднительно было бы сейчас же вам представить исчерпывающий список этих задач, но,

конечно, для всех ясно, что к ним относятся, например: общая защита всеми подданными Русского Государя общего отечества, наблюдение за крепостями, наблюдение и защита береговых вод, наблюдение за почтовыми учреждениями, управление телеграфом, некоторые отрасли железнодорожного, таможенного управления и, наконец, упорядочение прав русских уроженцев в Финляндии.

Все это настолько близкие России вопросы, они настолько задевают наши кровные интересы, что не могут быть предметом решения одних только финляндцев, в порядке одного только финляндского законодательства. Ведь этим порядком могли бы быть, действительно, отменены и некоторые статьи нашего Свода законов.

Русская точка зрения совершенно ясна. Россия не может желать нарушения законных автономных прав Финляндии относительно внутреннего ее законодательства и отдельного административного и судебного ее устройства. Но, господа, в общих законодательных вопросах и в некоторых общих вопросах управления должно быть и общее решение совместно с Финляндией, с преобладанием, конечно, державных прав России.

Финляндцы толкуют иначе.

Они полагают, что ни один общегосударственный закон не может воспринять силы, если не будет утвержден Сеймом; но если стать на эту точку зрения, то мы можем прийти к нелепому положению: один и тот же вопрос будет обсуждаться и решаться нашими законодательными учреждениями и финляндским

Сеймом. Скажем, что разрешен будет этот вопрос различно, не получится единогласного решения, и в Империи не будет той державной воли, державной власти, которая могла бы разрешить этот вопрос. Вопрос останется неразрешенным или приведет к острому конфликту. Это, господа, конечно, ненормально, и повторяю, не в бездействии властей, не в незаконных их действиях, коренится зло, а в том, что целая область нашего законодательства, громадная область наших взаимоотношений с Финляндией не урегулирована совершенно.

Господа, этот громадный пробел нетерпим, его надо пополнить. Господа, нельзя такие важные вопросы оставлять на произвол случая, случайных обстоятельств, случайных людей и событий. Не может и Дума постоянно регулировать их путем запросов. Запросами вы не можете уловить всех возникающих в этой области фактов. Затем, господа, я должен вам напомнить, что у нас есть теперь один незыблемый способ для разрешения всех законодательных дел, определенный статьею 86 Основных законов. Это путь через Государственную думу и через Государственный совет.

В интересующей нас области общего для России и Финляндии законодательства надлежит различать два момента. Первый момент — подготовительный — разрешение вопроса о том, касается ли вопрос Империи или нет. При этом весьма важно, чтобы Монарх был осведомлен о тех вопросах, которые касаются России, своим же русским правительством как при предложении законопроекта, так и при его утверждении. Этот первый момент принадлежит к области Верховного управления, и относительно разрешения этого вопроса я получил совершенно определенные указания Государя

Императора, которые и будут приведены в действие. Но есть и другой момент законодательства. Это самое рассмотрение и разрешение законодательных вопросов. Определен он может быть, конечно, только законодательным порядком. В этой последней стадии, несомненно, нужно знать мнение и нужно считаться с точкой зрения финляндцев. На обязанности и правительства, и Государственной думы лежит, однако же, поднятие вопроса о выработке общего порядка законодательного рассмотрения наших общих с Финляндией дел.

Повторяю, вопрос этот слишком важен; он касается распространения власти Государя Императора по общеимперским делам через общеимперские учреждения на протяжении и пространстве всей Империи. (Возгласы: браво; рукоплескания в центре и справа.) Господа, в этом деле не может и не должно быть подозрения, что Россия желает нарушить автономные, дарованные монархами права Финляндии. В России, господа, сила не может стоять выше права! (Рукоплескания в центре и справа; голоса: браво!). Но нельзя также допускать, чтобы одно упоминание о правах России считалось в Финляндии оскорблением.

Господа, в Финляндии (и в обществе, и в печати) раздаются голоса, что финляндский вопрос поднят в России темными силами реакции, ищут защиты в более интеллигентных, вероятно более либеральных, кругах, которые должны защитить Финляндию, финляндские права от надвигающейся бюрократической грозы. Прислушиваются в Финляндии к тем голосам, которые не понимают, не могут понять, что суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцию, в связи с творческой силой, стремящейся преобразовать и

местный, и общий строй, имеет одну цель — установление на пространстве всей России стройного правового порядка. (Голоса «браво», рукоплескания в центре и справа.)

Я не понимаю, господа, каким образом могут заподозрить правительство, творящее волю Государя и совокупно с представительными учреждениями стремящееся водворить в России спокойствие и прочный порядок, зиждущийся исключительно на законах; заподозрить его в том, что оно стремится рушить подобный же порядок у наших финляндских сограждан. Забывают, что с введением нового строя в России поднялась другая волна реакции, реакция русского патриотизма и русского национального чувства, и эта реакция, господа, вьет себе гнездо именно в общественных слоях, общественных кругах. В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать рассыпанную храмину русского народного чувства, и выразителями этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить от себя ответственность за удержание этих державных прав России. (Рукоплескания справа и в центре.)

Вы, господа, не можете отвергнуть от себя и обязанностей, несомых вами в качестве народного представительства. Вы не можете разорвать и с прошлым России. Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Петр Великий державные права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе, а постепенная утрата, вследствие нашего национального слабосилия

или нашей государственной близорукости, равнялась бы тому же отказу, но прикрытому личиной лицемерия. Сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено в скалах и водах Финляндии.

Простите, что я вспоминаю о прошлом, но и забывать о нем не приходится. Ведь один, с морским флотом, построенным первоначально на пресной речной воде, с моряками, им самим обученными, без средств, но с твердой верой в Россию и ее будущее шел вперед Великий Петр. Не было попутного ветра, он со своими моряками на руках, на мозолистых руках, переносил по суше из Финского залива в Ботнический свои галеры, разбивал вражеский флот, брал в плен эскадры и награждал чернорабочего творца новой России Петра Михайлова скромным званием адмирала. (Голоса: браво.)

Господа, неужели об этой стремительной мощи, об этой гениальной силе наших предков помнят только кадеты морского корпуса, которые поставили на месте Гангутской битвы скромный крест из сердобольского гранита? Неужели об этой творческой силе наших предков, не только силе победы, но и силе сознания государственных задач, помнят только они и забыла Россия? Ведь кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну (рукоплескания справа и в центре), а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи — в племена, племена — в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед. Неужели и тут скажут, что нужно ждать, пока окрепнет центр, неужели в центре нашей государственной мысли,

нашего государственного чувства ослабло понимание наших государственных задач?

Да, господа, народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы. Мы обращаемся к вам не за жертвой, мы не требуем от вас угнетения другой, менее сильной народности — нет, господа. Правительство просит от вас лишь вашей нравственной поддержки в том деле, которое оно считает правым. Я уверен, господа, что вы отвергнете запрос*; но вами, в ваших русских сердцах, будут найдены выражения, которые заставят, побудят правительство представить на ваш же суд законопроект, устанавливающий способ разрешения наших общих с Финляндией дел, законопроект, не нарушающий прав маленькой Финляндии, но ограждающий то, что нам всего ближе, всего дороже, — исторические державные права России. (Продолжительные рукоплескания справа и в центре; возгласы: браво.)

РЕЧЬ О МОРСКОЙ ОБОРОНЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 24 МАЯ 1908 ГОДА

После всего, что было тут сказано по вопросу о морской смете, вы поймете, господа члены Государственной думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцев кредиты, с которым я приступаю к тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти

проигранное дело. Вы спросите меня: почему же правительство не преклонится перед неизбежностью, почему не присоединится к большинству Государственной думы, почему не откажется от кредитов?

Ведь для всех очевидно, что отрицательное отношение большинства Государственной думы не имеет основанием какие-нибудь противогосударственные побуждения; этим отказом большинство Думы хотело бы дать толчок морскому ведомству, хотело бы раз навсегда положить предел злоупотреблениям, хотело бы установить грань между прошлым и настоящим. Отказ Государственной думы должен был бы, по мнению большинства Думы, стать поворотным пунктом в истории русского флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить под главой о Цусиме для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честного упорного труда, страницами воссоздания морской славы России. (Возгласы: верно; рукоплескания.)

Поэтому, господа, может стать непонятным упорство правительства: ведь слишком неблагоприятное дело отстаивать существующие порядки и слишком, может быть, недобросовестное дело убеждать кого-либо в том, что все обстоит благополучно. Вот, господа, те мысли, или приблизительно те мысли, которые должны были возникнуть у многих из вас; и если, несмотря на это, я считаю своим долгом высказаться перед вами, то для вас, конечно, будет также понятно, что побудительной причиной к этому является не ведомственное упорство, а основания иного, высшего порядка.

Мне, может быть, хотя и в слабой мере, поможет в этом деле то обстоятельство, что, кроме, конечно, принципиально оппозиционных партий, которые всегда и во всем будут противостоять предложениям правительства, остальные партии не совершенно единодушны в этом не столь простом деле, и среди них есть еще лица, которые не поддались, может быть, толу чувству самовнушения, которому подпало большинство Государственной думы. Это дает мне надежду если не изменить уже предрешенное мнение Государственной думы, то доказать, что может существовать в этом деле и другое мнение, другой взгляд и что этот другой взгляд не безумен и не преступен.

Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство. Оно не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор. Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды; оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие мероприятия, которые оно решило проводить и планомерно, и последовательно. При этом

правительство не могло не задать себе вопросов: нужен ли России флот, какой флот России нужен, и можно ли с этим делом медлить.

На первых двух вопросах я долго останавливаться не буду, так как мнение правительства было подробно высказано в комиссии государственной обороны, и оно соответствует тому мнению, которое выражено в формуле постатейного перехода к чтению отдельных номеров сметы морского министерства, предложенной вашему вниманию. Для всех, кажется, теперь стало ясно, что только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения. Для них флот являлся предметом народной гордости; это было внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удержать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя одними крепостными сооружениями защищать береговую линию.

Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот.

Это поняли все прибрежные народы. Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Конечно, можно при благоприятных обстоятельствах некоторое время прожить на суше и без крова, но когда налетает буря, чтобы противостоять ей, нужны и крепкие стены, и прочная крыша. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом. Вот почему спуск каждого нового корабля на воду является национальным торжеством, национальным празднеством.

Это отдача морю части накопленных на суше народных сил, народной энергии. Вот почему, господа, везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей; они дома у себя наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество.

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот дееспособный. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами.

Покончивши с вопросами, в которых правительство вполне солидарно с комиссией государственной обороны, позвольте мне перейти и остановиться несколько дольше на третьем вопросе, на котором начинается между нами разногласие. Это вопрос о том, насколько спешно и настоятельно устройство наших морских сил. Ответ на это комиссии государственной обороны совершенно ясен и определен: комиссия говорит, что ранее всего нужно вырешить все вопросы морской обороны в связи с

обороной всего государства; затем необходимо переустройство морского ведомства, наконец, необходимо представление на суд законодательного собрания финансовой программы судостроения, и только после этого уже можно будет приступить к постройке линейных кораблей, к воссозданию флота.

Эти положения были тут подкреплены беспощадной логикой блестящих речей целого ряда ораторов. Вопрос этот совершенно исчерпан: для Государственной думы безусловно ясно, что после того страшного урока, который получило морское ведомство, необходимо переустроить это министерство, необходимо положить конец и неурядицам в нем, и злоупотреблениям: необходимо обновить самый дух ведомства, и нельзя строить новый флот, не имея полной программы судостроения. Под всеми этими положениями я готов подписаться. Я иду далее. Я уверен, что ответственные представители флота, отвечающие перед Государем Императором за морское дело, не будут этих положений отвергать.

Но, господа, именно для ответственных лиц выводы из этих положений не так просты. Я приглашаю вас на время, на короткое время, отказаться от того чувства возмущения, которое владеет вами, о котором только что говорил член Государственной думы Гучков *. Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте, и последуйте за мной в область бесстрастного разрешения вопроса, в пределах одной государственной пользы и государственной необходимости.

Позвольте мне для этого вернуться к тому сравнению, к которому я прибег в начале моей речи, и

сопоставьте положение правительства с положением полководца на следующий день после поражения. В таком положении первая задача лица, власть имеющего, разрешить вопрос о том, как же быть с остатками, с обломками разбитой неприятелем силы. Это задача правительства, задача морского ведомства. Вторая задача — как реорганизовать то ведомство, которое не оказалось на высоте положения, и как возобновлять разрушенную силу, в данном случае — какие строить суда. Это задача специальных технических органов, которая должна быть разрешена после утверждения ее выводов Верховной Властью. Наконец, третья задача — как организовать морскую оборону в связи с обороной государства. Это задача правительства, которая может быть вырешена после разрешения двух /первых/ задач.

Если следовать за комиссией государственной обороны, то, конечно, все эти три задачи можно решить только одновременно и независимо от вопроса об организации министерства, о затрате колоссальных сумм на воссоздание всего нашего флота, невозможно и требовать каких-либо ассигнований на устройство наших расстроенных морских сил, для придания им какого-либо боевого значения. Но правительство, господа, должно смотреть на дело иначе: правительство имеет дело с живым организмом — флотом, с живыми людьми; оно имеет еще одну капитальную задачу: на нем лежит обязанность оградить государство, во всякую данную минуту, от всяких случайностей. Поэтому правительство должно было прежде всего осмотреться и незамедлительно решить вопрос, как же быть с остатками, с обломками нашего флота.

Я не буду, господа, вводить вас в специальные вопросы, я нахожу, что в таком собрании не могут быть

разрешены вопросы о том или другом типе котлов или двигателей, на которых останавливался член Государственной думы Марков*; я буду приводить вам простые данные, понятные, по-моему, как для обывателя, в положении члена Государственной думы, так и для штатского министра, не носящего кортика. Если взять кавалерийскую часть, то для вас станет понятно, что она может иметь силу только, если она вся посажена на одинаковых коней, одинакового хода, так как иначе вся часть должна будет равняться по отстающим; вся часть, все всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, так как иначе часть пуль не будет долетать, огонь этой части не будет действителен; вся часть должна быть одинаково снаряжена, все всадники должны быть одеты в одинаковые мундиры защитного цвета, иначе часть всадников будет более уязвима, чем другая.

Это все применимо и к флоту. Отдельные корабли, и это было уже указано, не могут иметь никакой силы, если они будут механически соединены в отряды: в этом случае каждое отдельное, более быстроходное судно должно будет равняться по наиболее тихоходному во всей эскадре, должно будет стрелять на такое расстояние, на которое будут долетать снаряды наихудше вооруженных судов, наконец, вся эскадра станет более уязвимой, если часть ее будет хуже других бронирована. Такое сборище судов будет никуда не годным сбродом; это будет отряд, неспособный не только на оперирование, но и на маневрирование. Для того чтобы маневрировать, нужно иметь, по крайней мере, несколько судов одного типа, несколько линейных кораблей, несколько бронированных крейсеров, несколько простых крейсеров, несколько миноносцев;

между тем остатки наших судов не могут составить ни одной эскадры: эти остатки напоминают собой ту разношерстную кавалерию, о которой я только что упомянул, посаженную на разных коней, вооруженную разным оружием, обмундированную кто в кирасу, кто в китель, кто в мундир.

И вот перед правительством встал вопрос: что же — ожидать разрешения общих вопросов или остановиться на задаче использования остатков наших морских сил путем некоторого их пополнения и придания им хоть некоторого боевого значения? Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительного разрешения общих вопросов невозможно. Общая оборона государства — дело весьма сложное, затрагивающее интересы всех почти ведомств. Тут замешано не одно только Морское или Военное министерство. В ряды мер по обороне должно быть введено и ведомство путей сообщения, так как тут важна постройка стратегических железных дорог, и ведомство переселенческое, так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей, и Министерство внутренних дел, так как кроме железных дорог для защиты страны нужны грунтовые дороги, нужны почты и телеграфы, затронуто Министерство торговли, так как необходимо учесть и значение торгового флота.

Дело разрослось в вопрос громадного государственного значения, рассматривавшийся Советом министров, на журнале которого от 2 марта Государь Император положил такого рода резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия, по его

утверждении он должен неуклонно и последовательно быть приводим в исполнение».

Что же касается переустройства морского ведомства, то, несмотря на полное напряженно сил этого министерства, нельзя было требовать от него излишней, в ущерб качеству работы, спешности, излишней торопливости, в которой нас, правительство, только что в другой области так упорно обвиняли. Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. С тех пор Государем Императором было утверждено образование должности помощника морского министра, что сияло с морского министра целый ряд хозяйственных забот. Был образован Морской генеральный штаб, было установлено новое, автономное устройство судостроительных заводов. Наконец, в самое последнее время, придана новая организация высшему командованию флотом. Об этих реформах мною упоминалось в комиссии государственной обороны, и если беспристрастно судить, то нужно признать, что за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие.

Много, господа, и осталось сделать, и многое еще будет совершено. Но нет, нет, господа, той волшебной палочки, от соприкосновения которой в один миг может переустроиться целое учреждение. Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой.

К чему же, господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки, о которой красноречиво говорили некоторые из предыдущих ораторов, было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил. То, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно прийти в расстройство.

Член Государственной думы Львов говорил * о том, что не было бы беды, если бы наши заводы сократили несколько свою работу; но, господа, другие страны находят, что национальное судостроительство является плодом усилий целых поколений, результатом национального порыва, который достигим только с громадным напряжением сил. Всякий регресс, всякий шаг назад в этой области уже ведет к расстройству этого дела. Морской министр в комиссии приводил цифры, говорил о том, что для поддержания наших заводов на теперешнем уровне нам нужно заказов на 22 миллиона рублей в год. В настоящее время заводы имеют заказов только на 11 миллионов рублей и то только на один год. Вторым последствием остановки была бы необходимость обучать личный состав на тех отдельных разношерстных судах, о которых я вам говорил.

Член Государственной думы Бабянский доказывал вчера *, что можно обучать личный состав и нижних

чинов, и офицеров на тех двух броненосцах, которые имеются в Балтийском море. Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов? Нас, с одной стороны, упрекали в том, что морское ведомство заказывало такие суда, как «Рюрик», которые являлись отсталыми; с другой стороны, град упреков был обращен на нас за то, что мы хотим заказывать суда новейшего устройства, как тут насмешливо было сказано, «сверх-корабли» — «дредноуты». Но третье последствие остановки в устройстве наших морских сил было бы длительное беспомощное положение России в отношении морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбие, я думаю, что такая беспомощность не соответствует мировому положению России.

Вот, господа, те доводы, которые побудили нас спрашивать у вас не утверждения полной программы кораблестроения, а временно, до установления плана общей обороны государства, постройки только четырех броненосцев в течение четырех лет для того, чтобы несколько пополнить расстроенные ряды нашего флота и придать им некоторый боевой смысл. Я старался обрисовать вам, господа, что выигрывает государство принятием правительственного предложения; я должен при этом еще упомянуть, что постройка этих 4 броненосцев не идет вразрез ни с одной из программ судостроения. Эти 4 броненосца входят во все программы. Они будут служить для осуществления любой из них, хотя бы на первом плане была поставлена программа укрепления наших морских сил на Дальнем

Востоке. Таким образом от принятия правительственного предложения не может последовать для государства никакого ущерба.

Остановливаясь на том, что может побудить Государственную думу отказать правительству в ничтожной, сравнительно с общим нашим бюджетом, сумме в 11 250 000 рублей, надо прийти к логическому выводу, что здесь, как и говорил член Государственной думы Гучков, надо искать мотивов симптоматического, педагогического свойства. Очевидно, большинство Государственной думы хочет хирургическим образом избавить морское ведомство от одержимой им болезни. Большинство Думы полагает, что после нанесенного ему удара, после того шока, который ему готовится, Морское министерство станет на новый путь плодотворной работы.

Я думаю, что это не так. Я думаю, что, кроме того реального ущерба, о котором я упоминал, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущерб. Вы, господа, верите в силу реорганизации учреждения. Несмотря на то, что, независимо от готовящегося вами удара, ведомство это будет реорганизовано, нельзя все же не признать, что главная сила не в учреждении, а в людях. Людей, господа, мало во всех учреждениях, мало их и в морском ведомстве, и, может быть, еще меньше потому, что, как указывал член Государственной думы Капустин *, лучшие, быть может, силы фронта лежат теперь на дне океана. Но как-никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит

ответственность! И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас?

Вы говорите, господа, что вы отказываете в кредите только на несколько месяцев, — но так ли это? Вы ждете реорганизации ведомства? Реорганизовать ведомство можно в несколько месяцев — но можно ли в тот же короткий срок дожидаться результатов реформы? Чем через несколько месяцев может похвалиться перед вами морское ведомство? Работой ли заводов, расстроенных тем, что им не будут даны заказы, личным ли составом, обескураженным неопределенностью своего положения? Нет, господа, я лично уверен, что и через несколько месяцев вы найдете, что еще не наступил момент для ассигнования средств на судостроительство.

Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. (Продолжительные рукоплескания.) Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть может, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неурядица. Нельзя же преграждать учреждениям и людям возможность доказывать желание улучшить положение, нельзя всех поголовно считать «рабами лукавыми».

Да, господа, для «лукавых рабов» нет лучшего разрешения вопроса, чем предлагаемый вами. Ведь они, на основании вашего решения, могут предаться полному ничегонеделанию. (Смех слева.) Ведь, господа, для лукавых рабов ваше решение будет мягкой подушкой для сладкого сна. (Смех слева.) Господа, нельзя наказывать гимназиста, срезавшегося на экзамене, лишением его учебных книг, учебных пособий. (Смех слева; возгласы справа: браво.) А вы делаете нечто подобное с флотом (рукоплескания справа и в центре)... и, может быть, делаете худшее.

Вы хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот — флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич *, — этим и ничем более. Вы станете выше партийных расчетов, выше фракционной тактики. Не сетуйте, господа, если и правительство высказало вам свое мнение прямо и определенно.

Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него губительной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед». (Рукоплескания справа и в центре.)

РЕЧЬ О ПОСТРОЙКЕ АМУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 31 МАЯ 1908 ГОДА

Вопрос о постройке Амурской железной дороги настолько исчерпан, что я не позволю себе утомлять внимание Государственного совета положительной стороной этого дела. Я в Государственной думе приводил доказательства в пользу постройки этой железной дороги. Против этого говорили многие члены Государственной думы, а здесь члены Государственного совета. Я полагаю, что у г.г. членов Государственного совета сложилось совершенно определенное мнение как за, так и против приведенных доводов и решение их зависит в настоящее время от того субъективного впечатления, в которое вылилась в их глазах вся совокупность аргументаций как сторонников, так и противников этого предприятия. Если я все же несколько неожиданно для самого себя вступил сегодня на эту кафедру, то только для того, чтобы внести самые краткие поправки к тем доказательствам, которые были приведены противниками этой дороги. Мне кажется, что это будет способствовать выяснению вопроса, а следовательно, и более безошибочному его разрешению.

Я с самого начала должен упомянуть, что правительство с полнейшим уважением и серьезностью отнеслось к доводам противников железной дороги, понимая всю тяжесть ответственности, которую чувствуют при разрешении этого важного дела г.г. члены

этого высокого учреждения, ответственности, быть может, двойной, так как Верхняя палата призвана высказать свой взгляд по существу вопроса, считаясь с уже принятым решением Государственной думы.

Поправки свои я разобью по категориям соответственно доводам противников.

Мне кажется, что самый главный и самый сильный довод — это довод финансового свойства, но на нем подробно остановился министр финансов. Я полагаю, что он вас убедил, что Россия не дошла еще до такого положения, чтобы отказываться от защиты интересов, которые для нее являются жизненными. К чему же, поэтому, сведен весь вопрос? К тому: не есть ли постройка железной дороги просто плод правительственного легкомыслия. Нужно ли направлять финансовые силы государственного казначейства и экономические силы страны именно в этом направлении? Может быть, существуют какие-либо другие нужды, более важные и настоятельные.

Хотя вопрос финансовый очень подробно был разъяснен министром финансов, я не могу не отметить, что и мне несколько странными показались как будто бы преувеличенные расчеты, которые были приведены противниками железной дороги. Сначала стоимость дороги исчислялась в 300 миллионов рублей, затем эта цифра возросла до 500 миллионов и, наконец, до 800 миллионов. Были приняты в расчет и дальневосточные крепости, и Китайская дорога, и усиление Уссурийской железной дороги. К этому были прибавлены расходы по восстановлению материальной части войск, и цифра возросла уже до 1100 миллионов рублей. Сюда затем были почему-то отнесены и убытки по Китайской

восточной дороге. В конце концов, цифра вышла настолько колоссальной, что предприятие Амурской железной дороги могло показаться уже и совершенно нелепым.

Я не буду возражать ни против необходимости дальневосточных крепостей, ни против второй колеи Сибирской железной дороги, ни против усиления Уссурийской железной дороги — все это необходимо. Но мне кажется, что эти потребности отнюдь не вытекают из предположений правительства по постройке Амурской железной дороги. Я понимаю довод оппозиции о необходимости располагать расходы по степени их важности, но для меня несомненно, что постройка Амурской железной дороги не увеличит, а уменьшит расходы по другим предприятиям. Ведь несомненно, что при наличии Амурской железной дороги придется Дальний Восток снабжать меньшим количеством войска, а следовательно, придется строить меньшее количество казарм; что касается второй колеи Сибирской железной дороги, то никто и не спорит против необходимости проведения этой колеи, но странно при этом оспаривать потребность в продолжении этой второй колеи, каковой и является Амурская железная дорога.

Что касается защиты Китайской восточной железной дороги и тех денег, которые она стоит, то это к данному вопросу как будто и совершенно уже не относится. Таким путем можно дойти до совершенной нелепости. Можно, например, на Амурский счет отнести и второй мост на Волге; а при большом напряжении изобретательности — и Охтенский мост в Петербурге. Во всяком случае в конце концов ясно, что и с финансовой стороны, как выразился министр финансов, это предприятие не есть нелепость — это предприятие для государства посильное. Вместе с

тем, так как в дело это введен принцип известного рода постепенности, то очевидно, что всякое ассигнование на дорогу будет разрешаться в соответствии с другими культурными нуждами страны.

На этом придется остановиться несколько дольше.

Один из членов Государственного совета очень образно разъяснил, каким образом государственный корабль перегружается, каким образом он ушел в море ниже ватерлинии, вследствие чего появляется уже страх, что корабль может перевернуться. Мне кажется, что после того несчастья, которое мы пережили, после ужасной войны, которая потрясла весь государственный организм до самых основ, нам придется еще долго тратить деньги и испрашивать ассигнования двоякого рода: на меры культурных начинаний и на меры восстановления физической мощи страны. Ведь вам, несомненно, долго еще после окончания постройки Амурской железной дороги придется одновременно ассигновывать большие средства, с одной стороны на усиление армии, может быть, на устройство крепостей, на сооружение стратегических дорог, а с другой стороны на школы, на землеустройство, на переселение, на улучшение административного устройства.

Таким образом эти расходы пойдут по двум параллельным руслам. Мне кажется, что мудрость решающей инстанции будет заключаться в том, чтобы наметить в каждой из этих областей расходов то, что окажется нужным поставить в первую голову на первое место, и на этом уже остановиться и добиться определенного результата, добиться выполнения намеченной задачи. Поэтому если признать, что в ряде параллельных мер меры по обороне государства должны

начаться с постройки Амурской дороги так же, как меры по внутреннему переустройству должны начаться с того или другого культурного мероприятия, то и к той и к другой мере должен быть приложен принцип безостановочного действия, принцип полного государственного напряжения. В просторечье это называется — принатужиться.

Вот это, господа, и вызвало недоразумение, так как это напряжение в одном направлении всех государственных сил квалифицируется оппозицией как поспешность, торопливость правительства. Мне кажется, что тут торопливости нельзя видеть никакой, так как с самого начала правительство всегда указывало, что дозирование расходов на Амурскую дорогу и постепенность их ассигнования будут зависеть от законодательных учреждений, которые будут рассматривать эти вопросы в порядке сметных назначений. Несомненно, что законодательные учреждения учтут, насколько могут быть напряжены финансовые силы страны, насколько может быть натянута струна.

Указание члена Государственного совета Стаховича * на то, что мы совершенно забываем другие насущные, культурные нужды государства, и другие вызывающие недоразумения упреки оппозиции должны отпасть еще и по другим причинам. Для внесения их надлежит обратиться к другим нападкам на нецелесообразность того, что некоторые называют здесь Амурской авантюрой. Оппозиция, видимо, употребила здесь стратегический или скорее тактический прием, все мотивы правительства были расчленены на отдельные части и затем была сделана попытка разбить эти расчлененные мотивы, каждый в отдельности. Между

тем, нигде, быть может, более, чем в данном деле, в деле Амурской железной дороги, не соединены так гармонично совершенно разнообразные интересы, военный, политический и экономический.

Быть может, если мотивы правительства брать в отдельности, то можно еще доказывать, что постройка Амурской дороги несвоевременна, но если взять все эти мотивы в совокупности, то для России представляется неизбежным задачу эту осилить. Рассматривая мнение 10 членов Государственного совета, вставших в оппозицию к этому делу, я, к изумлению своему, нашел некоторые мотивы для меня непонятные. Так, например, говоря о чрезвычайной стоимости этого сооружения, приводят такой мотив: до сооружения Амурской железной дороги план защиты дальневосточной нашей окраины мог быть комбинирован так или иначе, но вопрос о сооружении крепостей остается открытым.

Несомненно, господа, это призыв к полной бездеятельности. В порядке сокращения расходов это, безусловно, способ дешевый, но точно так же самым дешевым способом жизни было бы ничего не есть, не одеваться, ничего не читать — но нельзя при этом считать себя великим и мужественным. Народ сильный и могущественный не может быть народом бездеятельным. Я иду дальше по пути стратегических соображений отдельного мнения 10 членов Государственного совета. Я положительно не усваиваю себе указания на преимущество Китайской восточной дороги в стратегическом отношении и не понимаю, каким образом может быть придано какое-либо стратегическое значение Маньчжурской линии, проходящей по чужой территории.

Непонятен мне и упрек в уязвимости того направления Амурской железной дороги, которое принято или предположено правительством. Я должен сказать, что в этом отношении правительство руководствовалось мнением компетентных учреждений; оно иначе, конечно, в этом вопросе и не могло действовать, но если говорить об уязвимости, то уязвимым может быть всякое сооружение; тогда не надо строить ни кораблей, ни крепостей, так как они тоже уязвимы. Дело искусства полководца — оградить в трудную минуту уязвимое место и использовать его возможно лучше!

Говоря о направлении дороги, я должен вернуться к одному недоразумению: тут говорилось о том, что комиссия Государственного совета указала на одно направление, которым пренебрегло правительство, — о направлении на Николаевск. Член Государственного совета Стахович упомянул о том, что следствием этого явился пункт 3 так называемой Правительственной декларации, в котором говорится, что правительство распоряжение строительными работами будет ставить в зависимость от производства на широком основании изысканий.

Это толкование, безусловно, неверно, так как пункт 1-й заявления правительства твердо устанавливает, что дорога будет проводиться от Куэнги до Хабаровска. От этого принципа правительство отступить не может. Северное направление прямо на Николаевск не было принято правительством, так как нельзя же было нарочито выбирать для проведения железной дороги совершенно бесплодную, ненаселенную местность, раз в предположения правительства входило эту местность заселить и использовать ее в целях переселения. Таким

образом, совершенно верно то, что сказал министр путей сообщения, что это дело второй очереди, что, несомненно, наступит время, когда Николаевск будет связан железной дорогой, но будет связан с одним из промежуточных пунктов Амурской железной дороги.

Что касается повторявшегося и тут неоднократно вопроса об окитаянии железной дороги, то я точно так же не могу понять рекомендуемого тут средства наложить, в предотвращение окитаяния, какое-то «табу» на весь этот край. Рекомендуют, насколько возможно, приуменьшить энергию и деятельность правительства в этой области, чтобы не создать приманки для китайцев. Но ведь, господа, я говорил в Государственной думе и тут повторяю, что просачивание желтой расы, диффузия существует уже в настоящее время, и вы не остановите законов природы. Предлагают поставить это просачивание в наиболее благоприятные условия путем совершенного устранения соревнования русских колонистов.

В настоящее время, даже если руководствоваться предположением члена Государственного совета Стаховича, совершенно забыть о железной дороге и дать 300 миллионов рублей исключительно на колонизацию Забайкальской и Амурской областей, то и такое героическое средство при отсутствии дороги не поведет к заселению этих областей. Послушайте людей, которые там живут и которые управляют этими областями. Ведь есть время года, когда из Забайкальской области в Амурскую можно пролететь только на воздушном шаре. Тот крестьянин, который ищет места для переселения, предпочтет, конечно, поехать по железной дороге в

Уссурийский край, чем доехать до Сретенска и затем сотни верст проходить по тундре пешком.

В числе стратегических мотивов в особом мнении 10 членов Государственного совета было приведено еще одно соображение. Я читаю на странице 10 этого мнения, что не следует особенно напрягать государственные средства для обороны этой пустынной области, что нужно придерживаться теперешних способов ее обороны. Я спрашиваю, что значит теперешний способ обороны? Мне кажется, что мы испытали этот способ в прошлую войну и он привел нас к крайне печальным результатам. Мне кажется, что надо пользоваться минутами политической передышки, пользоваться для того, чтобы спешно укреплять государство, хотя бы и ослабленное предыдущим поражением.

Вчера я выслушал тут еще один упрек: было высказано, что правительство прибегло, для того, чтобы добиться своей цели, к патриотическому стимулу, слишком приувеличило опасность положения края. Тут повторили мои слова в Государственной думе, что этот край теперь находится в таком опасном положении, что скоро можно отпасть, отсохнуть, безболезненно отвалиться. Но, господа, я имел в виду не только одну стратегическую опасность, тут опасность другая и очень большая.

Эта опасность — опасность мирного завоевания края чужестранцами.

Господа, эту опасность пренебрегать нельзя, так как край этот нельзя приравнивать, как это было тут сделано, к побережью Ледовитого океана, это не край, который можно было бы забросить, а край, которым заняться мы обязаны. Упрекали правительство в том, что

нет достаточных изысканий, что трудно решаться на такой значительный расход, на такое колоссальное предприятие, когда мы не знаем, на что мы отпускаем эти деньги, но я должен обратить ваше внимание на то, что ведь этот край не вновь завоеван, он находится во власти России уже десятилетия. У нас есть реальные факты относительно добычи в нем металлов, цифры весьма интересные по этому вопросу (я не хочу утомлять вас ими) находятся в распоряжении министра финансов; есть сведения о приобретении в Амурской области пшеницы для Приамурского военного округа, цифры в подкрепление этого приводились приамурским генерал-губернатором в комиссиях Государственного совета. Эти цифры растут с каждым годом, теперь они уже превышают 1 миллион пудов.

Я совершенно не противник детальных обследований, но мне кажется, что эти детальные обследования должны идти параллельно с правительственным действием, с постройкой железной дороги. Все мы помним, господа, какое удручающее впечатление производили на нас, скажем, на людей провинции, те многотомные, весьма почтенные изыскания, которые производились в течение многих лет и которые в конце концов ни к какому действию правительства не приводили. Не будет ли в этом отношении жизненнее, здоровее, если все такого рода изыскания, вроде комитетов по обследованию сельскохозяйственной промышленности и других комиссий, следовали бы параллельно с правительственной работой, в данном случае с постройкой железной дороги?

Не забывайте, господа, что у России нет и не будет других колоний, что наши дальневосточные владения

являются единственными нашими колониальными владениями, что у нас нет другого на востоке входа в море. Если судьба нас поставила в особенно благоприятные условия, если от наших колоний нас не отделяет большое водное пространство, то ясно, что насущной для России потребностью является соединение этих дальних владений железным путем с метрополией.

Тут я опять-таки обращусь к соображениям члена Государственного совета Стаховича. Он это предприятие относит к разряду тех, которые утолщают броню и перегружают корабль. Едва ли это так! Амурская дорога — предприятие несомненно культурное, так как оно приближает к сердцевине государства наши ценные колониальные владения. Мне кажется, что если бы можно было перекинуть железную арку от Сретенска в Хабаровск и далее во Владивосток и построить по этой арке железную дорогу, в совершенно безопасных условиях, то эту железную дорогу пришлось бы поставить в более опасные условия, спустив ее на землю на мерзлую тундру, так как к ней русский человек должен приложить свой труд, труд, который уже окупается, в котором нуждается русский человек и с каждым годом будет более нуждаться.

Я отдаю себе отчет, насколько трудную минуту мы переживаем. Но если в настоящее время не сделать над собою громадного усилия, не забыть о личном благосостоянии и встать малодушно на путь государственных утрат, то, конечно, мы лишим себя права называть русский народ народом великим и сильным.

Теперь два слова по поводу мнения четырех членов Государственного совета. Нас обвинили в неожиданном

выступлении с так называемой Правительственной декларацией, в противоречии ее с решением Государственной думы. Я, однако, принужден подтвердить, что на заявлении этом правительство настаивает, что оно ни в чем не идет вразрез с решением Государственной думы, ни в чем ему не противоречит. Если ваше мнение сходится с мнением правительства и с намерениями его приступить энергично к постройке Амурской дороги, с запада на восток, то внесение новых редакционных поправок в Думский законопроект поведет в настоящее время, конечно, лишь к отсрочкам, притом к отсрочкам для дела опасным, и будет принято правительством как выражение полного к нему недоверия.

РЕЧЬ О ЗАДАЧАХ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 13 ИЮНЯ 1908 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

Я попросил слова, так как чувствую ответственную обязанность объяснить перед Государственным советом, что именно просит у него правительство и почему оно считает себя вправе и обязанным предъявить к нему свои домогательства.

В нескольких словах я припомню ход дела. По окончании войны морское ведомство принуждено было обдумать план и способ воссоздания наших морских сил — это был его долг, его обязанность. Пути к этому ему

были указаны Высочайшим рескриптом 29 июня 1905 г.: сначала — обеспечение морской обороны берегов, а затем воссоздание боевых эскадр. Задание было вполне ясное, морское ведомство поняло его вполне определенно и приступило к составлению судостроительных программ. Оно конечною отдаленною целью не могло не ставить себе осуществления того, чем обладает всякая держава, владеющая морем, — я разумею свободный линейный флот. Держава, владеющая морем, само собою, ведет и морскую торговлю, интересы которой проникают в самые отдаленные уголки вселенной, и для того, чтобы поддерживать эти интересы, государство должно обладать такой силой, которую оно могло бы перекинуть через моря. Иначе эти интересы оказались бы необеспеченными.

Великие мировые державы имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот — это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем.

Поэтому понятно, что морскому ведомству виделось в отдалении возрождение наших морских сил, тем более что по окончании нашей несчастной войны в пользу отказа от наших морей в России не раздавалось, кажется, ни одного малодушного голоса. Но эта задача — задача будущего, так как в том самом рескрипте, о котором я только что упомянул, она была поставлена в зависимость от государственных средств. Поэтому вначале задача Морского министерства суживалась, она сокращалась

пределами одной только береговой обороны. Но суживалась эта задача не качественно, а количественно.

Я не буду приводить многочисленных доводов в подтверждение этого положения, но напомним вам, что большая часть наших морских авторитетов стоит на том, что оборудовать нашу береговую оборону одними только маленькими судами — подводными лодками и миноносцами — невозможно. Нет и не может существовать наступательного и оборонительного флота, как нет и не может быть наступательной и оборонительной армии: наступает и обороняется в зависимости от условий, в зависимости от задания одна и та же живая боевая сила. Эта сила на суше — армия, на море — флот. Морское ведомство не могло не воспользоваться уроком несчастной войны, оно не могло не проникнуться мыслью, что флот, обороняясь или атакуя, должен побеждать, и, создавая морскую оборону, оно должно было создавать эту живую боевую силу — орудие победы — линейный флот.

При этом морское ведомство не могло пренебрегать тремя условиями: во-первых, каждая затраченная копейка должна служить в будущем для создания более грозной морской силы. Во-вторых, надо было употребить все усилия для того, чтобы не дать погибнуть с таким трудом созданному у нас русскому судостроительству, и, наконец, надо было немедленно спаять в отдельные единицы уцелевшие разрозненные, разнотипные наши суда, пополнить их кораблями, которые цементировали бы в одно целое обломки нашего флота.

Я привел все это, господа, для того, чтобы напомнить вам, каким образом, хронологически во времени, созданы были те судостроительные программы,

о которых так много говорилось и в обществе, и в печати, и в Государственной думе. Этих программ было три. Первая отвечала идеальным целям, соответствующим задачам будущего. Цель эта была — создание эскадр во всех наших морях: в Тихом океане, в Балтийском и в Черном море. Это так называемая большая программа судостроения. Так как для выполнения ее нужны были громадные суммы, чуть ли не миллиарды, то морское ведомство должно было сократить ее, ограничив проектируемую программу постройкой эскадр только для двух морей, для Черного и Балтийского, в том расчете, что в случае настоятельной необходимости из Балтийского моря суда могут быть переведены на Дальний Восток. Но на осуществление и этой программы требовались громадные средства, — поэтому морское ведомство должно было составить третью временную краткую программу судостроения, которая и предложена вашему вниманию.

Эта краткая программа отвечает всем тем требованиям, всем тем заданиям, которые ставились Морскому министерству. Она, во-первых, не обременительна для государственного казначейства, так как гарантирует испрошение на судостроение в продолжение четырех лет не более 31 миллиона рублей в год; во-вторых, она служит началом, зародышем для всех других более широких судостроительных программ; в-третьих, она соответствует первейшим задачам морского ведомства: она сводит в единое разумное целое суда, не имеющие в отдельности никакого боевого значения.

Я знаю, что тут может раздаться упрек, который неоднократно и повторялся: почему морское ведомство идет путем сужения своей программы, применяясь к

финансовым условиям страны? Почему оно не представляет законодательным учреждениям широкой планомерной программы, ставя только постепенность ее выполнения в зависимость от финансовой возможности минуты?

На это ответ двоякий. Во-первых, Морское министерство должно было, создавая свою программу, озаботиться тем, чтобы каждый этап судостроения соответствовал не только цельности картины будущего воссоздания флота, но отвечал бы и потребностям настоящего, способствовал бы приданию нашим наличным силам по возможности боевого значения. Затем Морское министерство, создавая свой план судостроения, несомненно, могло действовать лишь в своей ведомственной сфере, не задаваясь более широкими целями. И Морское министерство, и Совет государственной обороны могут ставить себе целью лишь свои особые боевые стратегические задачи — и не имеют, конечно, задачу согласовать с ними задачи, хотя бы касающиеся обороны страны, но зависящие от других, не военных, ведомств или от общего плана нашей финансовой политики. Это задача объединенного правительства, и это объединенное правительство и представило об этом Государю Императору, который 2 марта соизволил приказать Совету министров свести воедино задачи всех ведомств по обороне страны.

Поэтому понятно, что морской министр не мог требовать от законодательных учреждений ассигнования ему в настоящее время колоссальных сумм, растянутых на многие годы, вне соответствия с другими культурными потребностями государства. Он сделал первый верный небольшой шаг к цели, предоставив государственной власти развить в будущем эти пути согласно общим

задачам страны. Это вернее и понятнее, чем развивать, не двигаясь с места и ничего не предпринимая, широковещательные программы будущего возрождения флота.

Созданная таким образом краткая программа судостроения была утверждена Государем Императором на четыре года, на первый судостроительный период, именно ввиду того, что в настоящее время государство не обладает достаточными средствами для того, чтобы одновременно обслужить культурные надобности страны и широкую программу судостроения — восстановление наших боевых сил незамедлительно в полном размере. Я не буду повторять тех доводов, которые так часто приводились в подтверждение всего того, что государство выиграет от принятия этой программы, и всего того, что оно проиграет, отклонив ее.

Достаточно было говорено о необходимости поддержать наше национальное судостроение, о том, как трудно готовить личный состав для эскадры, не имея в наличности этой эскадры, и о том, наконец, как отразится на духе флота отсутствие в нем судов улучшенной конструкции. Я хочу, я должен обратить ваше внимание на другую сторону дела. Как я сказал, краткая временная программа была составлена компетентным ведомством, я имел честь доложить Государственному совету, почему она была составлена и в каких пределах утверждена Верховною властью. Представлена она была па благоусмотрение Высочайшей власти на точном основании статьи 14 Основных законов, проведена же в жизнь она может быть лишь в соответствии с статьей» 96 тех же Законов, так как реальное и конкретное осуществление ее, приступ к началу судостроения, может состояться только путем

испрошения на этот предмет в законном порядке необходимого ассигнования.

Вот почему этот вопрос и представлен на ваше рассмотрение. В настоящем деле права Государственного совета чрезвычайно широки. От вашей дискреционной, бесспорной власти зависит отклонить этот законопроект, и флот в таком случае строиться не будет. Смысл статьи 96 Основных законов, если сопоставить ее с статьей 86 тех же Законов, состоит в том, что на обсуждение законодательных учреждений представляется вопрос о необходимости ассигнования государственных средств на определенные мероприятия в соответствии с государственной возможностью этого ассигнования. Но засим, когда это мероприятие признано законодательными учреждениями необходимым, когда признано, что государство может, с финансовой стороны, осуществить это мероприятие, то самое осуществление и проведение его в жизнь есть уже предмет устройства армии и флота и подлежит ведению исключительно Верховной власти, в данном случае предуказавшей одобрением краткой программы судостроения, какими способами это мероприятие должно быть проведено в жизнь.

Таким образом, в настоящее время обсуждению Государственного совета подлежит вопрос, нужен ли России флот и если этот флот нужен, то осилит ли Россия оборудование, сооружение четырех броненосцев в течение четырех лет с ассигнованием в настоящем году на этот предмет 11250 000 рублей. Что России флот нужен — в этом, кажется, никто не сомневается. Главнейшие доводы в пользу этого я приводил, говоря о программе судостроения. Что отпуск этих кредитов посилен государственному казначейству, в этом, кажется,

сомнений тоже не представляется. Следовательно, для отклонения этого законопроекта нужны другие соображения, и, действительно, те мотивы, которые слышатся в пользу отклонения правительственного законопроекта, мотивы, которые послужили Государственной думе в пользу этого отклонения, суть мотивы, доводы иного порядка.

II правые, и левые члены Государственной думы сошлись на одном: сначала необходимо перестроить морское ведомство, очистить его от всех тех элементов, которые были причиной неслыханного нашего поражения, а затем приступить к созданию нового флота, в полной уверенности, что государственные средства не будут потрачены даром. Способ указывался только один: отклонение испрашиваемого правительством ассигнования. Большинство Государственной думы полагало, что этим способом оно выполняет долг, свято выполняет те обязанности, которые были возложены на него Государем; я не буду оспаривать по существу вышеприведенные ходячие доводы в пользу отклонения кредита, упомяну я вскользь только о том, что все необходимые и желательные реформы во флоте будут проведены законным порядком, велением Верховной власти. Не могу не упомянуть и о том, что в Балтийском и Черном морях существуют достойные, твердые начальники, которые незаметно, тихо, неслышно делают большое дело упорядочения нашего флота прививкой ему чувства дисциплины и сознания долга.

Но указать я, главным образом, хотел на другое.

Все те доводы, все те соображения, которые приводятся для того, чтобы подвинуть законодательные учреждения к отклонению испрашиваемого кредита,

имеют целью побудить правительство принять меры чисто исполнительного характера, которые зависят от Верховной власти. Незаметно толкают законодательные учреждения на довольно опасный путь: советуют отказать в кредите не потому, что флот не нужен, а чтобы добиться известных перемен в личном составе, известных реформ во флоте, чтобы заставить строить суда такого, а не иного типа. Говорят: сделайте то-то и то-то, и деньги получите. Вместе с тем уверяют, что это единственный способ для верноподданного члена законодательного учреждения довести правду до Царя.

Я думаю, что наши Основные законы указывают для этого на другой путь: это путь запросов о незаконных действиях властей. Я полагаю, это этим путем возможно изобличить незаконные действия всякой власти, поставленной Государем на ответственное место, как бы высоко носители этой власти ни стояли. Я полагаю, что согласно нашим Основным законам у Государя нет и не может быть безответственных подданных и что в России нет безответственной власти. Может быть другое, может быть власть по особому своему положению безответна, поставленная в невозможность отвечать на обвинение общего характера. Но в чем я совершенно уверен, это в том, что переход от пути запросов к пути воздействия на исполнительную власть способом, на который я указал выше, может привести страну к положению весьма неустойчивому.

Я не призван, господа члены Государственного совета, развивать перед вами теорию той или другой формы правления, доказывать вам совершенно несомненную для меня губительность, скажем, перемены каждые 2—3 месяца в России правительства вследствие неблагоприятного для него вотума законодательных

палат, но я уверен, что опаснее всего был бы бессознательный переход к этому порядку, бесшумный, незаметный переход к нему путем создания прецедентов. Опаснее потому, что это создает положение, при котором действительность, практика не соответствовали бы нашим Основным законам, и это несоответствие грозило бы большим нестроением.

Вникните, господа, в создаваемое таким образом положение: в парламентарных странах правительство ответственно перед парламентом, у нас в России, по Основным законам, правительство ответственно перед Монархом. Но если Государственный совет и Государственная дума станут на путь вмешательства в исполнительные действия правительства, то создастся положение полной безответственности; не будет существовать уже власти в государстве, несущей эту ответственность. При таком положении правительство не может уже нести ответственности и перед Монархом, так как не будет иметь материальной возможности приводить в исполнение необходимые мероприятия, несмотря на признание их необходимости всеми подлежащими инстанциями. Точно так же законодательные учреждения, Государственный совет и Государственная дума, не могли бы нести этой ответственности, не имея в своих руках исполнительной власти.

Испрашивая кредит на судостроение, правительство, конечно, сознавало, что, отпустив его, вы возлагаете на морское ведомство громадную ответственность, но отказ в этом кредите не по мотивам ненужности флота или недостаточности средств, а с целью выразить морскому ведомству недоверие был бы для нас тяжелее, так как это знаменовало бы

установление хаотического состояния, состояния государственной безответственности. Государственная дума, хотя и под напором патриотических чувств, но встала на эту точку зрения. Поэтому, господа, я апеллирую к Государственному совету, состоящему из лиц, умудренных государственным опытом, и лиц, избранных самыми устойчивыми группами населения. Я апеллирую к Государственному совету, потому что думаю, что он обязан иногда вносить поправки в решение Нижней палаты; если бы этого не было, если бы Государственный совет полагал, что он всегда и во всем должен соглашаться с Государственной думой, то тогда самая двухпалатная система потеряла бы, утратила бы всякий смысл. Поэтому в Государственном совете я не считаю своего дела наперед проигранным. Я знаю, что это дело непопулярно, что общественное мнение искало бы удовлетворения в более резком решении, но правительство не может вступить на этот путь; правительству всякий изгиб был бы губителен.

Мы — рулевые, стоящие у компаса, и должны смотреть только на стрелку, и как бы привлекателен, как бы соблазнителен ни был приветливый берег, но если по дороге к нему есть подводные камни, то курс мы будем держать стороною; мы — межевщики, которым доверены межевые признаки, и если они утрачиваются, мы будем на это указывать; мы — часовые, поставленные для охраны демаркационной линии, и свои ли, чужие ли будут ее нарушать, мы не будем малодушно отворачиваться в сторону. И мы просим вас, раз вы находите, что флот России нужен, раз вы находите, что Россия не настолько обнищала, чтобы отказаться от своих морей, то, господа члены Государственного совета, не избавляйте нас от той ответственности, от которой

нас не избавил закон, от которой нас не освобождает Государь.

РЕЧЬ О ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНОПРОЕКТЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ КРЕСТЬЯН, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 5 ДЕКАБРЯ 1908 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу, после того, как громадное большинство Государственной думы высказалось за проект в его целом, то делаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью, значит исказить закон, значит лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать ему свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. (Голоса в центре и справа: bravo.,)

Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли. Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом.

Противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том, как понимает правительство термин «личная собственность» и что понимают противники законопроекта под понятием «собственности семейной». Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но, вместе с тем, ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самостоятельность.

Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определенное владение не тому или иному лицу, а за известной группой лиц, за теми лицами,

которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли наделной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю.

Но что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли, по предложению сторонников семейной собственности, не может, без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина, ни продавать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собой, ни отвести надел к одному месту: он стеснен во всех своих действиях. Что же из этого может выйти?

Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того, чтобы заплатить верхи, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, занять деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, многолетнее решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю?!

Как бы, господа, не наплодить этим не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполосицей, а в настоящую минуту она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина.

Во имя чего все это делается?

Думаете ли вы этим оградить имущество детей отцов пьяных, расточительных или женившихся на вторых женах? Ведь и в настоящее время община не обеспечивает их от разорения; и в настоящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник надельного участка может отказаться от него и за себя, и за своих совершеннолетних сыновей. Нельзя создавать общий закон ради исключительного, уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету.

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор, гр. Бобринский * Второй? Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развить институт опеки за расточительность, который в настоящее время Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недростоимости участков. Но главное, что необходимо, это, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. (Рукоплескания центра.)

Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалека, когда вера в будущее России была

поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина. (Рукоплескания справа и в центре.) Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. (Рукоплескания центра и отдельные — справа.)

Многих смущает, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа, но левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. (Голос слева: здорово; голос из центра: верно.) Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? (Голос из центра: верно.,)

Нельзя возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. (Голос из центра: браво.) Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия. (Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; голос слева: а от виселиц?) И настолько нужен для переустройства нашего

царства, переустройства его на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, настолько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции». (Бурные рукоплескания центра.) Затем дальше: «С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями».

Поэтому сторонники семейной собственности и справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются. Нельзя, господа, идти в бой, надевши па всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи.

Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного

труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог пашен силы в будущем, земля — это Россия. (Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; иронические восклицания слева.)

ДВЕ РЕЧИ О ПРОДЛЕНИИ ДЕЙСТВИЯ ВРЕМЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ШТАТОВ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 30 ДЕКАБРЯ 1908 ГОДА

Я почитаю необходимым представить Государственному совету, прежде чем он перейдет к рассмотрению дела по существу, некоторые соображения об отношении правительства к законопроекту Государственной думы и о продлении действия временных учреждений и штатов Министерства путей сообщения. Как известно Государственному совету, правительство вошло в законодательные учреждения с представлением о временном продолжении помянутых учреждений и штатов, впредь до издания постоянного по этому предмету законоположения. Правительство при этом исходило из следующих соображений: преобразование ведомства путей сообщения, столь разросшегося за последнее время, должно быть строго обдуманно сообразно с современными требованиями

путейской службы и представлено на законодательное уважение скорее с опозданием, чем в виде не вполне разработанном.

Не рассчитывая добросовестно выполнить эту работу до 1 января 1909 года, правительство вошло с ходатайством о том, чтобы до преобразования ведомства временно не ломались нынешние учреждения, которые, как никак, поддерживают существующий порядок. При этом смею заметить, что правительство никогда не настаивало на совершенстве существующей организации, а наоборот, всегда признавало, признает и теперь, необходимость коренного преобразования ведомства путей сообщения. При этом оно лишь полагало, что можно разрушить существующую организацию, заменить ее другою, но, сохранив ее, опасно наспех вносить в нее коренные изменения, могущие послужить во вред ходу работ.

Государственная дума взглянула на это дело несколько иначе и хотя, правда, не тронула существующих учреждений, но вместе с тем нашла возможным уничтожить в советах и комитетах штатных членов от ведомств, заменив их представителями тех же ведомств, но без присвоения им особого вознаграждения. Правительство не сочло возможным стать на эту точку зрения и в Государственной думе отстаивало свой первоначальный взгляд, основываясь на соображениях двоякого порядка. Первая категория соображений формального свойства касалась того обстоятельства, что Совет по железнодорожным делам существует не на основании временного закона о продолжении учреждений ведомства путей сообщения, но на основании закона постоянного — Высочайше утвержденного в 1885 году мнения Государственного

совета. Казалось бы, что постоянный закон уничтожить или изменить возможно лишь в порядке законодательной инициативы, но не попутно при изменении особых временных законоположений.

Другой ряд соображений касается существа дела.

Правительству казалось и кажется, что Государственная дума, сохранив существующие учреждения, лишила их, вместе с тем, возможности производительно работать. Механизм управления путями сообщения зиждется на положении коллегиальном. Дурно ли, хорошо ли, но эти коллегиальные учреждения производят громадную работу. Правительству казалось рискованным в настоящее время дезорганизовать эту работу. Между тем, трудно возложить на должностных лиц, занятых своей прямой обязанностью, участие в комитетах и советах, из которых некоторые собираются чуть ли не ежедневно, невозможно поручить участие в местных советах совершенно иногда неподготовленным лицам, иногда даже уездным чиновникам; этим самым нарушается самый признак, самый принцип коллегиальности, о котором я только что говорил. Особенно это важно в советах местных управлений казенных железных дорог, где ведомству путей сообщения совершенно необходимо иметь представителей независимых, самостоятельных от местного железнодорожного управления.

Эту сторону дела более подробно разовьют присутствующие здесь представители заинтересованных ведомств. Мне же позвольте осветить принципиальную сторону дела в той стадии, в которой оно находится в настоящее время. Из моих слов уже ясно, я думаю, милостивые государи, что правительство возражает, и

возражает самым определенным образом, против принятия думского законопроекта.

Но я должен заметить, что правительству трудно высказаться и против безусловного его отклонения, и вот почему. С 1 января 1909 года прерывается действие Высочайшего повеления о продлении учреждений Министерства путей сообщения и штатов центральных установлений этого ведомства. В случае безусловного отклонения Государственным советом законопроекта Государственной думы правительство потеряет совершенно надежду провести законодательным порядком вопрос о временном продолжении существования этих учреждений и может заслужить упрек в намеренном желании провести этот вопрос в ином порядке.

Между тем, в случае направления дела к соглашению правительство имело бы возможность временного, в административном порядке, приспособления к промежуточному положению вещей, впредь до окончательного разрешения дела Государственным советом и Государственной думой. По мнению правительства, дело это не должно быть искусственно обострено. Формальная сторона — законный титул существования Совета по железнодорожным делам — скорее вопрос необходимой оговорки со стороны правительства.

Во всем остальном пожелания законодательных учреждений по существу сводятся, по-видимому, к необходимости сокращения расхода. Идти по этому пути так далеко, как желала того Государственная дума, правительство не может, но, с другой стороны, оно чувствует себя обязанным идти навстречу этим

пожеланиям, тем более что оно далеко от того взгляда, чтобы создавать какие-либо осложнения на этой почве. Наоборот, ведомства пойдут в сторону полного напряжения сил своего личного состава и предложат, в пределах возможного, сокращение расходов.

Я питаю надежду, что Государственная дума оценит готовность правительства и не останется непреклонною в своем решении. Не мне говорить о высоком призвании Государственного совета брать на себя в подобных вопросах инициативу соглашения. Моя задача скромнее. Я считаю необходимым указать, что настоящий случай — случай классический для применения статьи 49 Учреждения Государственного совета, то есть правил о согласительных комиссиях.

Милостивые государи!

Мне кажется, что Государственный совет может остаться под впечатлением только что выслушанных соображений *. Одно из этих соображений сводится к тому, что спешность в настоящем деле предложена правительством для того, чтобы господа, сидящие на министерских скамьях, дали бы возможность другим господам, сидящим в разных комиссиях и комитетах, получать какое-то добавочное вознаграждение.

Я должен сказать, что это положительно не так. Во-первых, все лица, которые получают в комитетах и советах вознаграждение, получают его не в качестве добавочного, а получают так же, как и все мы, так же, как и вы, господа, за совершение известной работы. Поэтому, хотя бы мимоходом, я считаю долгом оговориться, что противоположное утверждение не верно — это не так. Спешность, господа, необходима

была правительству не с этой целью, а по причинам гораздо более важным.

Позвольте мне припомнить вам ход того же дела в прошлом году. В минувшем году правительство было совершенно в таком же положении, как и в настоящем. 1 января 1908 года точно так же кончилось действие Высочайшего повеления о продлении временных штатов и учреждения центральных установлений ведомства путей сообщения. Правительство, исходя в своих соображениях из того, что главную роль играют в этом деле не штаты Министерства путей сообщения, а более общий закон, устанавливающий обязанности ведомства, обязанности Министерства путей сообщения, и полагая, что Государственная дума не успеет до 1 января провести в законодательном порядке закон о продолжении этих временных штатов, испросило ввиду того, что постоянный закон не был изготовлен, повеление Государя Императора о продолжении этих штатов в порядке Верховного управления.

После этого в Государственной думе раздался голоса: «Это недоверие со стороны правительства, почему же правительство думает, что до 1 января Государственная дума и Государственный совет не успеют рассмотреть этого дела?» Учитывая эти соображения, в настоящем году правительство своевременно, в начале сентября месяца, внесло соответствующий законопроект о продолжении помянутых штатов в Государственную думу, ввиду того что постоянные штаты, как я имел честь уже указывать в первой своей речи, не были еще достаточно разработаны. Теперь почти накануне 1 января 1909 года

штаты эти не имели возможности пройти в законодательных учреждениях в установленном порядке.

Нам говорят: «Что ж из этого? Из этого выйдет только то, что некоторые господа не будут более получать добавочного содержания». Но ведь это абсолютно не так. Имейте в виду, что к 1 января настоящего года прекращается не только течение выдачи содержания членам советов и комитетов, но упраздняются совершенно *ipso facto* центральные учреждения Ведомства путей сообщения, все министерство, кроме министра и его товарищей! Все министерство перестает существовать! Мне кажется, что это уже не мелочное соображение и что спешность в этом деле должна быть признана по действительно важным соображениям. Но нам говорят: «Почему же при таком положении вещей не принят законопроект Государственной думы, раз пострадают от этого только некоторые чиновники, прекратится течение им содержания и они будут заменены другими должностными лицами, этого содержания не получающими?»»

Но тут позвольте мне обратиться к некоторым соображениям, только что высказанным графом С. Ю. Витте. Он говорил о том, что в данном случае надо иметь в виду, что та коллегиальность, на которой настаивает правительство, служит только во вред правительству и во вред делу. Коллегиальность эта могла существовать при прежнем режиме, при прежнем порядке, когда не было объединенного правительства, когда в этих коллегиальных комиссиях, в этих советах на местах были в качестве членов — соглядатаи от разных ведомств,

которые караулили друг друга и доносили своим принципалам о незаконных действиях соседних ведомств.

Нам говорилось о том, что было бы, может быть, благом, если бы это коллегиальное начало было уничтожено. Я лично смотрю несколько иначе на это дело. Я полагаю, что коллегиальность на местах может выражаться не в соревновании ведомств, а в содействии друг другу представителей различных ведомств с целью упорядочения дела. Но, независимо от моего личного мнения, остановлю ваше внимание, милостивые государи, на том, что это вопрос существа; когда будут разрабатываться постоянные учреждения и штаты Министерства путей сообщения, тогда можно будет об этом говорить, и тогда, может быть, и само правительство откажется от этой коллегиальности. В настоящее же время нарушение ее есть нарушение существующего порядка, о временном продлении которого, ввиду невозможности в настоящее время поступить иначе, правительство и ходатайствует.

По поводу коллегиального принципа тут проскользнула в одной из речей мысль о том, что в настоящее время местные коллегии заменены объединенным министерством. Было сказано, что министерство, Совет министров или глава объединенного министерства должны сами выстроить всех в одну линию, должны всех воодушевить одним желанием и должны действовать не через коллегиальное учреждение, а опираться на единоличную власть. Я вот этого не могу себе представить. Я не знаю, каким образом, покуда коллегиальные учреждения не отменены, покуда они существуют, каким образом Совет министров или глава правительства, скажем, Председатель Совета министров

заменит собою членов-представителей ведомств — в местных железнодорожных советах.

Мне кажется, что такое отсечение этих членов внесет только дезорганизацию в дело. Мне кажется также, что предложение М. М. Ковалевского о том, что должен быть принят думский законопроект * и что одновременно правительство должно внести в установленном порядке другой законопроект о временном продолжении действия этих коллегиальных учреждений, — мне кажется, что это предложение точно так же неприемлемо. Это предложение внесет полную уже дезорганизацию в дело, так как временно, с 1 января, наступит момент полного бездействия или невозможности работать для этих коллегиальных учреждений, с тем, что через несколько месяцев эти коллегии начнут работать снова.

Конечно, в настоящее время направлением дела на соглашение в согласительную комиссию не устраняется та грань, тот момент, который наступает 1 января 1909 года, когда временное центральное учреждение Министерства путей сообщения юридически как будто должно перестать существовать. Но в данном деле, повторяю, правительство должно присматриваться не только к букве закона, но и придерживаться его духа. Нельзя, господа, мириться с таким положением, когда вопреки общему духу законов, вопреки обязанности ведомства обслуживать известные общественные группы в их законных потребностях центральная организация перестала бы существовать. Тут наступает момент той *force majeure*, при которой правительство должно, считаясь с существующими законами, применяться к духу этих законов, дающих возможность и возлагающих обязанность на правительство сохранять необходимые

учреждения до замены их другими и не ставить их в положение органа с отсеченными руками.

У нас, у господ, сидящих на министерских скамьях, не только обязанность издавать, как тут было сказано, какие-то указы, у нас есть другая обязанность, обязанность дать возможность обывателям пользоваться благами, которые обеспечиваются центральным управлением и органами управления, теми благами, которыми вправе пользоваться каждый, обязанность предоставить возможность безопасно, как говорил один из ораторов, без всякого риска для наших семей, для нас самих, для господ членов Государственного совета точно так же, как и для всех обывателей, продолжать пользоваться после 1 января, независимо от вступления в действие в узаконенном порядке тех постоянных учреждений министерства, путями сообщения, которые должны быть к услугам каждого гражданина.

РЕЧЬ О ДЕЛЕ АЗЕФА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 11 ФЕВРАЛЯ 1909 ГОДА В ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ № 51 И 52

Господа члены Государственной думы!

Прежде, чем Государственная дума примет какое-либо решение по заявлению об азефском деле, я хочу поделиться с вами теми сведениями, которые правительство по этому делу имеет. Несмотря на то только что высказанные соображения, заявление по этому делу представляется мне недостаточно обоснованным;

данные, на которых построено заявление, противоречат тем материалам, которые имеются в распоряжении правительства. Обвинения, которые вытекают из запроса, раздались впервые и раздаются и теперь всего громче из революционного лагеря. Поэтому я думаю, что Государственная дума, выслушав меня, может быть, найдет, что в действиях правительства нет оснований для запроса о действиях незаконных.

Если, господа, я не выступил раньше, то потому, что возводились против правительства голословные обвинения, я же хотел иметь в руках хотя какие-нибудь данные, против которых мог бы возражать, так как мне казалось, что те лица или партии, которые подняли дело об Азефе * в Государственной думе, хотят поставить правительство в положение невыгодное, сбить его на определенную позицию, которая дала бы заявлениям правительства желательную для противников его окраску. Эта позиция, это положение — положение стороны обороняющейся, став на которую правительство едва ли могло бы освободить свои объяснения от полемического оттенка.

Между тем, дело Азефа — дело весьма несложное, и для правительства и для Государственной думы единственно достойный, единственно выгодный выход из него — это путь самого откровенного изложения и оценки фактов. Поэтому, господа, не ждите от меня горячей защитительной или обвинительной речи, это только затемнило бы дело, придало бы ему ведомственный характер; отвечая же лично на этот запрос, я хотел бы осветить все это дело не с ведомственной, не с правительственной даже, а с чисто государственной точки зрения. Но, прежде чем перейти к беспристрастному изложению фактов, я должен

установить смысл и значение, которое правительство придает некоторым терминам.

Тут в предыдущих речах все время повторялись слова «provokator», «provokacija», и вот, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений, я должен теперь же выяснить, насколько различное понимание может быть придано этим понятиям. По революционной терминологии, всякое лицо, доставляющее сведения правительству, есть provokator; в революционной среде (возгласы слева) такое лицо не будет названо предателем или изменником, оно будет объявлено provokatorом.

Это прием не бессознательный, это прием для революции весьма выгодный.

Во-первых, почти каждый революционер, который улавливается в преступных деяниях, обычно заявляет, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступление, а во-вторых, provokacija сама по себе есть акт настолько преступный, что для революции не безвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией. А между тем, правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считает provokatorом только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-provokatora. (Возглас слева: верно!)

Таким образом, агент полиции, который проник в революционную организацию и дает сведения полиции, или революционер, осведомляющий правительство или полицию, eo ipso еще не может считаться provokatorом.

Но если первый из них, наряду с этим, не только для видимости, для сохранения своего положения в партии выказывает сочувствие видам и задачам революции, но вместе с тем одновременно побуждает кого-нибудь, подстрекает кого-нибудь совершить преступление, то, несомненно, он будет провокатором, а второй из них, если он будет уловлен в том, что он играет двойную роль, что он в части сообщал о преступлениях революционеров правительству, а в части сам участвовал в тех преступлениях, несомненно, уже станет тягчайшим уголовным преступником. Но тот сотрудник полиции, который не подстрекает никого на преступление, который и сам не принимает участия в преступлении, почитаться провокатором не может.

Точно так же трудно допустить провокацию в среде закоренелых революционеров, в среде террористов, которые принимали сами участие в кровавом терроре и вовлекали в эти преступления множество лиц. Не странно ли говорить то же о провоцировании кем-либо таких лиц, как Гершуни, Гоц, Савинков, Каляев, Швейцер *, и др.? Но смысл и выражение запроса не оставляют никакого сомнения в том, что Азефу приписывается провокация в настоящем смысле этого слова, а также и активное, последовательное участие в целом ряде преступлений чисто государственных.

Кто же такой Азеф? Я ни защищать, ни обвинять его не буду. Такой же сотрудник полиции, как и многие другие, он наделен в настоящее время какими-то легендарными свойствами. Авторами запроса ему приписывается, с одной стороны, железная энергия и сила характера, при чем сведения эти почерпнуты из заметки «Нового времени», которой почему-то приписывается и придается чуть ли не официальный

характер. С другой стороны, ему приписывается целый ряд преступлений, почерпнутых из источников чисто революционных. Правительство же, как я сказал, может опираться только на фактический материал, а считаться с разговорами, которые, несомненно, должны были создаться вокруг такого дела, с разговорами характера чисто романического, фельетонного на тему «Тайны департамента полиции», оно, конечно, не может.

Поэтому, господа члены Государственной думы, перейдем к фактам, пересмотрим данные, внешние данные из жизни Азефа, проследим по совету члена Государственной думы Покровского * революционную карьеру Азефа и, параллельно, его полицейскую карьеру и рассмотрим его отношения к главнейшим террористическим событиям последнего времени. По расследовании всего материала, имеющегося в Министерстве внутренних дел, оказывается, что Азеф, в 1892 г. живет в Екатеринославе, затем он переезжает за границу, в Карлсруэ, кончает там курс наук со степенью инженера, в 1899 году переселяется в Москву и остается там до конца 1901 года. После этого он уезжает за границу, где и остается до последнего времени, временами только наезжая в Россию, о чем я буду говорить дальше.

Отношения его к революции, опять-таки, конечно, по данным департамента полиции, таковы: в 1892 г. он в Екатеринославе принадлежит к социал-демократической организации, затем, переехав за границу, вступает в ряды только что сформировавшегося в то время союза российских социал-революционеров; затем в Москве он примыкает к московской революционной организации, упрочивает там свои связи и сходится с руководителем этой организации Аргуновым*. К 1902 г., опять-таки,

конечно, по данным департамента полиции, относится его первое знакомство с Гершуни, Гоцем и Виктором Черновым*. Это — люди революционного центра. Первые двое играли главнейшую роль в революции — Гоц в качестве инструктора, а Гершуни в качестве организатора всех террористических актов.

В это время влияние Азефа растет, растет именно благодаря этим влиятельным знакомствам; в это время он получает и некоторую случайную, но, благодаря именно этим связям, ценную для департамента полиции осведомленность. К концу 1904 г. и относится вступление Азефа в заграничный комитет партии. Заграничный комитет не есть еще тот центральный комитет, который дает директивы и руководит всеми действиями революционеров. В это время, после ареста в 1903 году Гершуни, опять-таки по сведениям департамента полиция, во главе боевого дела партии находится Борис Савинков, и только после ареста Савинкова, с 1906 г., Азеф, уже в качестве члена центрального комитета, подходит ближе к боевому делу и становится представителем этой организации центрального комитета.

Таким образом, с мая месяца 1906 года, по сведениям департамента полиции, Азеф получает полную осведомленность о всех террористических предприятиях, а до того времени осведомленность его была случайная и далеко не полная. Сведения эти основаны на донесениях самого Азефа, на донесениях заведующих розыскною частью и подверглись, конечно, и контрольной проверке. Так, в 1905 г. в нашу миссию в Брюсселе является молодой человек, который заявляет, что он должен был

совершить террористический акт, но он раскаялся и готов дать откровенные показания.

Оказалось, что это лицо предложило себя в качестве исполнителя смертного приговора революционной партии, революционерами было направлено в Париж, вошло в переговоры с центральным комитетом и переговаривалось там с Савинковым и Черновым, а Азефа не видело, что было бы, конечно, трудно допустимо, если Азеф в то время был бы уже членом центрального комитета. Затем, из данных розыскных органов, которые по обязанностям своим должны следить за сотрудниками посредством внутренней агентуры и посредством наружного наблюдения, подтверждается только что мною описанное положение Азефа в партии. Такие же сведения давали и другие сотрудники, работавшие параллельно в партии, как, например, упоминавшийся тут Татаров *, впоследствии убитый революционерами. Определивши все то, что знало министерство об отношении Азефа к революции, позвольте мне перейти к отношению его к полиции.

В число сотрудников Азеф был принят еще в 1892 году. Он давал сначала показания департаменту полиции, затем, когда приехал в Москву, поступил в распоряжение начальника охранного отделения, но посылал свои донесения и непосредственно заведующему особым отделом департамента полиции Ратаеву; затем переехал во второй раз за границу, опять давал сведения непосредственно департаменту полиции, а когда назначен был директором департамента Лопухин *, то переехал в Петербург и оставался в Петербурге до 1903 г. Затем из-за границы сносился опять с департаментом. В 1905 г. поступил в распоряжение к

только что тут упоминавшемуся Рачковскому *, который в то время заведовал политическим отделом; в конце 1905 г. Азеф отошел временно от агентуры и затем работал в петербургском охранном отделении. Конечно, временами, когда Азефа начинали подозревать в партии или после крупных арестов, которые колебали его положение, он временно отходил от агентуры, но потом опять приближался к ней.

Вот, господа, после выяснения отношения Азефа к службе розыска и к революции, позвольте мне перейти к террористическим актам того времени для того, чтобы выяснить, как понимал департамент, как понимало министерство отношение его к этим актам. Но прежде позвольте мне установить одно обстоятельство: во всех выдвигаемых против Азефа обвинениях его имя связывалось с именем Рачковского. Так вот, я хотел выяснить, как тут, впрочем, и говорилось, — что Рачковский до 1902 года действительно заведовал особым отделом департамента, но в 1902 г. он вышел в отставку и был в отставке до 1905 г. В этом году генерал Трепов * был назначен петербургским генерал-губернатором, и Рачковский был снова принят на службу, зачислен чиновником особых поручений и откомандирован в его распоряжение. Когда генерал Трепов стал товарищем министра, заведующим полицией, то он поручил Рачковскому управление политическим отделом департамента полиции, которым он и заведовал до конца 1905 года, а затем с 1906 года, как я говорил в Первой думе, Рачковский уже никаких обязанностей по Министерству внутренних дел не исполнял.

Я не знаю, почему член Государственной думы Пергамент нашел какое-то противоречие * в этом

заявлении с правительственным сообщением. В правительственном сообщении говорится, что никто из должностных лиц, а в том числе указанный в газетных статьях действительный статский советник Рачковский и другие чины никогда и ни в какой мере не были прикосновенны к террористическим актам и иным преступным предприятиям революционеров. Несомненно, что это относится к тому времени, когда Рачковский исполнял активные поручения по департаменту полиции, а никак не к настоящему времени. Таким образом, с 1902 по 1905 годы, то есть за время наиболее активной деятельности Азефа, Рачковский находился в отставке.

Возвращаясь к террористическим актам, позвольте мне обратить ваше внимание на некоторые выводы, которые вытекают из изучения вообще истории терроризма за последние годы в России. Следствия, дознания, все данные департамента полиции с большей яркостью указывают на то, что главари революционных организаций для того, чтобы укрепить волю лица, непосредственно исполняющего террористический акт, для того, чтобы поднять его дух, всегда сами находятся на месте преступления. Так, Гершуни был на Исаакиевской площади во время убийства егермейстера Сипягина *. Он был на Невском рядом с поручиком Григорьевым во время неудачного посягательства на обер-прокурора Победоносцева *. Он был в Уфе во время убийства губернатора Богдановича *, он сидел в саду «Тиволи» в Харькове во время покушения Фомы Качуры на князя Оболенского * и даже подтолкнул его, когда заметил в последнюю минуту с его стороны колебание.

Точно так же Борис Савинков во время убийства статс-секретаря Плеве и Великого князя Сергея Александровича *, во время замышлявшегося покушения

на генерала Трепова и во время метания бомб в Севастополе на Соборной площади в генерала Неплюева * был на месте преступления. Поэтому, изучая отношения Азефа к преступным деяниям, необходимо наряду с другими обстоятельствами иметь в виду и этот террористический прием, обычный и, очевидно, свойственный руководителям террористических актов в России.

Я опускаю террористическую летопись 1902. года, то есть убийство егермейстера Сипягина и посягательство на Победоносцева, так как эти действия не инкриминируются Азефу. Я только хочу напомнить, что к этому 1902 г. относится первоначальное знакомство Азефа с Гершуни, и тогда же немедленно Азеф сообщает департаменту полиции о преобладающей роли некоего Гранина, того же Гершуни, в революционных организациях, а затем изобличает всю подавляющую роль Гершуни в террористических действиях России за эти годы. Изучение процессов Фомы Качуры и Григорьева дает богатый материал для истории русской революции этого времени. Показания этих лиц указывают то значение, которое имели в революции, в подготовке всех террористических актов Гершуни и Мельников. Азеф в это время только случайно, через фельдшерицу Ременникову, узнает подробности посягательства на Победоносцева и сообщает о них департаменту полиции.

За это же время из переписки о выдаче террориста Гоца из Неаполя и из переписки последнего с Гершуни точно так же обрисовывается главенствующая деятельность Гершуни и Мельникова. Из этой переписки ясно, как возникает первоначально мысль об убийстве статс-секретаря Плеве; в этой переписке имеется характерная фраза о просьбе Мельникова прислать бомб:

«Петя просит апельсинов». 1903 год ознаменовывается убийством в Уфе губернатора Богдановича; в этом убийстве уличается Гершуни. Азеф находится безвыездно в Петербурге. За это же время открывается и предупреждается целый ряд других террористических актов и назревает убийство статс-секретаря Плеве, которое приписывается здесь Азефу, несмотря на то что он только что перед этим раскрыл покушение на того же статс-секретаря Плеве со стороны некой Клитчоглу *.

Я повторяю, что ни защищать, ни обвинять Азефа я не намерен. Я передаю только те данные, * которые имеются в распоряжении Министерства внутренних дел. Поэтому, чтобы беспристрастно отнестись к роли Азефа, надо, как мне кажется, поставить себе 4 вопроса: во-первых, где был Азеф в это время; во-вторых, какое положение было его в партии; в-третьих, какие сведения и данные сообщал он за это время полиции и затем, проверяла ли полиция, департамент — на это, кажется, тут кто-то и указал — деятельность своих сотрудников после совершения этих террористических актов. Я на этом акте останавливаюсь особенно долго потому, что Азеф именно был в это время в России, иначе мне достаточно было бы сопоставить положение Азефа в партии и осведомленность его с самим совершением акта. Но Азеф был в это время в России, и по тем данным, о которых я раньше сообщил, еще близко к боевому делу не стоял, а знал только то, что могли сообщить ему сильно законспирированные центровки.

Где был Азеф — это удостоверяется его письменными донесениями из разных городов России, так что по числам можно совершенно ясно установить, в каком городе когда он был. Я должен сказать, что он ездил в это время в Уфу и имел там свидание с братом

Сазонова *, Изотом, сообщал о том, что Изот не имеет сведений о своем брате Егоре, бежавшем из тюрьмы и готовящем что-то чрезвычайно важное. Затем, 4 июня Азеф появляется в С.-Петербурге и открывает департаменту полиции, что лицо, погибшее во время взрыва в Северной гостинице во время приготовления бомб, очевидно, для покушения на статс-секретаря Плеве, был некто Покатилов *, что соучастники его находятся в Одессе и в Полтаве. После этого он немедленно едет в Одессу, откуда сообщает, что готовится покушение на статс-секретаря Плеве, что оно отложено только потому, что не приготовлены бомбы. Примерно через месяц после этого Плеве погибает от руки именно Егора Сазонова, посредством брошенного им разрывного снаряда. В это время, однако, Азефа в России уже нет, так как от 16 июля имеется телеграмма его из Вены.

После такого потрясающего преступления, как удавшееся покушение на министра внутренних дел, департамент полиции, конечно, расследовал, что делал в это время его сотрудник. Директор департамента Лопухин выписывает заведующего агентурой Ратаева из-за границы, расследует все дело и оставляет Азефа на службе, на которой он и находится за все время директорства Лопухина. Вот те внешние сведения, которые имеются в департаменте полиции по делу статс-секретаря Плеве. Немедленно после этого Азеф посылает чрезвычайно ценные и важные донесения, которые ведут к раскрытию целого ряда преступных замыслов, но наряду с этим он дает и менее важные сведения, то есть такие, на которые в это время мало обращали внимания. Он сообщает, например, о конгрессе революционеров в Париже, решившем собрать в Париже

конференцию всех революционных и оппозиционных партий. Эта конференция состоялась между 17 и 24 сентября, и, согласно донесению Азефа, на ней были: от революционеров — он и Чернов, а от конституционалистов — Петр Струве, Богучарский, кн. Долгоруков и Павел Милюков *. (Голоса в центре: Хорошее знакомство, хороши приятели! Смех.)

5 февраля 1905 года совершается в Москве убийство Великого князя Сергея Александровича и подготавливается в Петербурге покушение на генерала Трепова. Опять-таки по тому положению, которое, по сведениям департамента полиции, занимал Азеф в партии, от него можно было бы ожидать донесений более подробных по этому делу, если бы он был в это время в России и имел бы возможность эти сведения достать от тех лиц, которые конспиративно вели это боевое дело.

Дело об убийстве Великого князя с полной ясностью освещено как судебным следствием, судебным процессом, так и литературой по делу, особенно изданиями подпольными. Но до настоящего времени мы нигде не встречали имени Азефа в рядах соучастников этого преступления. Дело это совершено Каляевым, организовано Борисом Савинковым, участвовала в нем еще Роза Бриллиант *. Азеф же находился в это время за границей; по документальным данным департамента полиции, до покушения он был в Париже, 3 февраля был в Женеве, в Швейцарии, и непосредственно после этого находился во Франции, в Париже.

Что же касается покушения на генерала Трепова, то оно было раскрыто Татаровым, который дал имена всех организаторов покушения, но не называет между ними Азефа, хотя о роли этого сотрудника департамента

полиции он, конечно, не знал; наоборот, Азеф сообщает дополнительные данные по этому делу. В одном из заявлений сказано, что в это же время был направлен революционный отряд в Киев для убийства генерал-адъютанта Клейгельса *. Об этом ни в департаменте полиции, ни в охранном отделении никаких сведений нет.

Были сведения в охранном отделении о том, что в Киеве действовала местная дружина, которая была известна охранному отделению и которая была вся своевременно ликвидирована. Других покушений в Киеве за это время не было, но вот наступает 1906 год, арестуется Борис Савинков, и тут, как я уже говорил, Азеф становится близко к боевому делу в качестве представителя центрального комитета в боевой организации.

Интересна дальнейшая его роль. Я утверждаю, что с того времени все революционные покушения, все замыслы центрального комитета расстраиваются, и ни одно из них не получает осуществления. Указание в запросе на покушение на министра внутренних дел Дурново * неосновательно, так как оно, собственно говоря, и открыто с участием Азефа. Затем дальше идет поразительный ряд преступлений: покушение на Дубасова, взрыв на Аптекарском острове, ограбление в Фонарном переулке, убийство Мина, убийство Павлова, убийство гр. Игнатьева *, Лауница, Максимовского. Но все эти преступления удаются благодаря тому, что они являются делом совершенно автономных, совершенно самостоятельных организаций, не имеющих ничего общего с центральным комитетом. Это удостоверено и процессами, это удостоверяется и данными из революционных источников. Орган соц.-рев. в No 4

«Революционной мысли» за 1909 г. указывает на «полное бессилие партии в смысле боевой деятельности» в такие решительные моменты, как конец 1905 г. и кровавый период, последовавший за разгоном Первой думы, каковые данные свидетельствовали, что в центре партии существовала измена, сознательно парализующая все усилия партии в сторону широкого террора.

Успешно работали только боевые летучие отряды, особенно северные; но удачная их работа объясняется только тем, что они были автономными, не связанными с центром партии. Замыслы их не могли поэтому быть известны центральному органу. Я говорю, что это подтверждается всеми процессами того времени. Все эти покушения — дело максималистов, летучих отрядов, дружин и тому подобных организаций. Повторяю, что все покушения, все замыслы центральных организаций того времени не приводят уже ни к чему, расстраиваются и своевременно разоблачаются.

Тут упомянуто было о террористическом замысле в 1908 году на Священную особу Государя Императора. Я удостоверяю, что это принадлежит к области вымысла и, очевидно, центральный комитет распускал эти слухи для того, чтобы оправдать этим свою бездеятельность в глазах революционных партий.

Вот, господа, все, что по данным министерства внутренних дел известно об Азефе. Я изучал подробно это дело, так как меня интересовало, нет ли в нем действительно улики в соучастии, в попустительстве или в небрежении органов правительства. Я этих данных, указаний и улики не нашел. Что касается Азефа, то я опять-таки повторяю, что я не являюсь тут его защитником и что все, что я знал о нем, я сказал вам.

Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу.

В этом деле для правительства нужна только правда, и действительно, ни одна из альтернатив в этом деле не может быть для правительства опасна. Возьмите, господа, что Азеф сообщал только обрывки сведений департаменту полиции, а одновременно участвовал в террористических актах: это доказывало бы только полную несостоятельность постановки дела розыска в Империи и необходимость его улучшить.

Но пойдем дальше. Допустим, что Азеф, по наущению правительственных лиц, направлял удары революционеров на лиц, неугодных администрации. Но, господа, или правительство состоит сплошь из шайки убийц, или единственный возможный при этом выход — обнаружение преступления. И я вас уверяю, что если бы у меня были какие-либо данные, если были бы какие-либо к тому основания, то виновный был бы задержан, кто бы он ни был.

Наконец, если допустить, что Азеф сообщал департаменту полиции все то, что он знал, то окажется, что один из вожаков, один из главарей революции был, собственно, не революционером, не провокатором, а сотрудником департамента полиции, и это было бы, конечно, очень печально и тяжело, но никак не для правительства, а для революционной партии.

Поэтому я думаю, что насколько правительству полезен в этом деле свет, настолько же для революции необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужас увлеченного на преступный путь, но идейного, готового жертвовать собой молодого человека или девушки, когда

перед ними обнаружится вся грязь верхов революции. Не выгоднее ли революции распускать чудовищные легендарные слухи о преступлениях правительства, переложить на правительство весь одиум дела, обвинить его агентов в преступных происках, которые деморализуют и членов революционных партий, и самую революцию? Ведь легковверные люди найдутся всегда. Я беру как пример печатающиеся теперь в газете «Matin» разоблачения Бакая, теперешнего революционера и бывшего сотрудника департамента полиции.

Я недавно получил от Бакая письмо. Он просит меня ознакомиться с теми документами, которые были задержаны при нем во время обыска в 1907 году, и предлагает вернуться в Петербург для того, чтобы помочь дальнейшим разоблачениям. Документы эти, видимо, готовились также для прессы, они почти тождественны с теми, что печатаются в «Matin», но, конечно, составлены в гораздо более скромном масштабе. В «Matin» они раздуты и разукрашены. Относятся они к 1905 г., скорее к сыскному отделению, чем к охранному, ко времени апогея революции в Варшаве.

Я должен сказать, что в свое время некоторые сведения по этому делу проникали в печать, и я года полтора тому назад приказал полностью расследовать все это дело и должен удостовериться, что все то, что Бакай говорит, есть по большей части сплошной вымысел; например, его рассказ про Щигельского *, который был здесь упомянут, и о том, что прокурор хотел привлечь его к ответственности, — не соответствует истине. Точно так же неверны только что здесь оповещенные с трибуны сведения о том, что какое-то лицо, приговоренное к смертной казни, состоит

начальником охранного отделения в Радоме. Я должен заявить, что это не только не так. но в Радоме нет и охранного отделения. (Смех.)

Таким образом, очевидно, не безвыгодно продолжать распускать нелепые слухи про администрацию, так как посредством такого рода слухов, посредством обвинения правительства можно достигнуть многого; можно переложить, например, ответственность за беспорядки в революции на правительство. (Рукоплескания справа и в центре.) Можно, господа, этим путем достигнуть, может быть, упразднения совершенного секретной агентуры, упразднения чуть ли не департамента полиции. Эту ноту я и подметил в речах предыдущих ораторов, надежду на то, что само наивное правительство может помочь уничтожить преграды для дальнейшего победоносного шествия революции. И дело Азефа, скандал Азефа послужит таким образом *ad majorem gloriam* революции.

А насколько, господа, такого рода секретная агентура губительна для революции, насколько она в революционное время необходима правительству, позвольте мне объяснить словами того же Бакая. Позвольте мне поделиться некоторыми размышлениями Бакая, напечатанными в последнем номере журнала «Былое».

Бакай в этом номере сообщает, что когда в конце 1904 г. в заговорщический боевой отряд польской социалистической партии вошли два провокатора, то отделу в течение почти целого года не удалось, несмотря на все усилия, убить варшавского генерал-губернатора, двух приставов и освободить одного арестованного, причем все планы террористов рушились, и почти вся

группа была арестована. А с конца 1905 года в боевой организации так называемых провокаторов уже не было, тогда за год ограблены опатовское, либартское и мазавецкое казначейства на сумму более полумиллиона рублей, совершены экспроприации на сумму около 200 тысяч рублей; убиты: военный генерал-губернатор, помощник генерал-губернатора, один полковник, два подполковника, два помощника пристава, воинских чинов 20, жандармов — 7, полицейских — 56; ранено военных — 42, жандармов — 12, полицейских — 42, а всего 179 человек; произведено 10 взрывов бомб, причем убито 8 и ранено 50 лиц; разгромлено и ограблено 149 казенных винных лавок. Эта справка дается не казенной статистикой, и видно, что так называемая, ныне упоминаемая провокация правительства, то есть, я думаю, правильная агентура, приводит скорее к сокращению преступлений, а не к их увеличению. Но во всяком случае из всего этого видно, что единственно возможный выход для революции из азефского скандала — это, конечно, встречный иск правительству, предъявление к нему обвинения в тягчайших преступлениях.

Я, господа, указал на обвинение, мне остается указать на обвинителей. Их трое: первый из них тот самый Бакай, о котором я только что сообщал. Бывший фельдшер Михаил Ефимович Бакай в 1900 году собственноручно подал докладную записку в екатеринославское охранное отделение о своем желании поступить сотрудником в охрану. Сначала в Екатеринославе он открыл революционную, а отчасти и боевую организацию, обнаружил типографию в Чернигове, а затем раскрыл целую группу революционеров, арестованных в разных местах России.

После этого в революционной партии последовал так называемый его провал; он оказался провокатором, и вследствие этого он должен был быть переведен в Варшаву, где помогает раскрытию польской соц.-рев. организации, предупреждает покушение на генерал-адъютанта Скалона * и даже чуть не погибает при задержании преступника, который должен был бросить в генерала разрывной снаряд.

Но одновременно с этим в охранном отделении возникает против Бакая подозрение. Дело в то, что обнаружилась проделка двух евреев, неких Зегельберга и Пинкерта, которые через, очевидно, весьма осведомленное в охранном отделении лицо узнают о тех делах, которые направляются к прекращению, и, соображая, какие лица должны быть скоро освобождены из-под ареста, начинают вымогать у родственников этих лиц крупные суммы денег якобы за их освобождение. (Возгласы негодования в центре.)

Таинственные сношения Бакая с этими лицами заставили охранное отделение немедленно и категорически потребовать от него подачи его в отставку, чему Бакай немедленно и молчаливо подчинился, хотя перед этим он усиленно просил о переводе его в Петербург, мотивируя это тем, что он в Варшаве участвовал во многих политических процессах, которые кончались смертными приговорами, и потому пребывание его там небезопасно.

После отставки Бакай немедленно передается на сторону революционеров, дает революционерам секретные документы, улавливается на этом, ссылается в Сибирь, бежит за границу и уезжает в Париж, где и теперь занимается тем, что обнаруживает своих

сотрудников и дает в подпольную прессу секретные документы и свои измышления; кроме того, он старается письменно совратить в революцию и своих прежних товарищей, сотрудников департамента полиции. Вот вам, господа, фигура одного из видных парижских делателей русской революции.

Второй обвинитель — Бурцев *. Он с 23-летнего возраста принадлежит к партии «Народной воли», обвиняется в этом, ссылается также в Сибирь, точно так же бежит и проживает после этого в Швейцарии, Болгарии, Англии и Франции. Революционная вера Бурцева — сплошной террор; убийства, цареубийства, террор посредством разрывных бомб — вот проповедь Бурцева. Господа, я не хочу быть голословным, я опять-таки говорю, что основываюсь исключительно на фактическом материале: ведь самыми свободолюбивыми странами, кажется, считаются Англия и Швейцария — обе эти страны признали Бурцева преступным.

В Англии, когда Бурцев начал издавать свой журнал «Народоволец», начал проповедовать цареубийство, террор, он был привлечен к судебной ответственности и в 1898 году центральным уголовным судом был осужден на 18 месяцев принудительных работ. Отбыв их, он отправился в Швейцарию, где сначала издал брошюру «Долой Царя», а затем книжечку своего собственного сочинения «К оружию», и за проповедь анархизма и терроризма швейцарским правительством был выслан из пределов Швейцарии.

Третий обвинитель — Лопухин, бывший директор департамента полиции. В настоящее время Лопухин привлечен к следствию по обвинению в пособничестве партии социалистов-революционеров, выразившемся в

том, что он обнаружил партии службу Азефа делу розыска. Данные предварительного следствия, не опровергаемые и самим Лопухиным... (Возглас слева: «Не подлежит оглашению!») Виноват: я слышу тут — «не подлежит оглашению». Я считаю, что как лицо, стоящее во главе правительства, я имею право рассматривать данные предварительного следствия, и, раз они в настоящее время не признаны судебной властью секретными, я могу ими воспользоваться и сообщить их предварительному собранию. (Возгласы слева и в центре: «Правильно!»)

Поэтому я и говорю — по данным предварительного следствия, не опровергаемым самим Лопухиным, осенью минувшего года во время случайной, будто бы, встречи его с Бурцевым в Германии, а затем во время посещения его, Лопухина, 10 декабря минувшего года в Лондоне в гостинице тремя террористами — Савинковым, Аргуновым и Черновым, он подтвердил им, что Азеф был сотрудником департамента полиции.

Я, господа, упоминаю об этом не для того, чтобы оценивать поступок Лопухина, его оценит нелицеприятный суд. (Возгласы слева: «Нет его в России!») Если бы правительство не довело этого дела до суда, если бы оно терпимо отнеслось к сношениям бывших высших административных лиц с революционерами, с проповедниками террора, с участниками даже кровавого террора, к разоблачениям этих бывших сановников, хранителей государственных тайн, перед революционным трибуналом, то это знаменовало бы не только боязнь перед разоблачениями, не только трусливую робость перед светом гласности, а

полный развал государственности (рукоплескания центра).

Но я не берусь, господа, объяснить вам, почему Лопухин сделал то, что он сделал; мне нужно было знать другое, а именно: не обладал ли он сведениями о преступности Азефа, о соучастии его в террористических деяниях. С этой точки зрения я и рассматривал следственный материал и могу утвердительно сказать, что Лопухин этими данными не обладал, что он о преступных деяниях Азефа в этом смысле ничего революционерам не сообщал, а напротив, представители революционных партий сообщили Лопухину якобы об активном даже соучастии Азефа в убийстве Великого князя, в убийстве статс-секретаря Плеве и в подготовке цареубийства.

Таким образом, выходит, что революционер, убежденный проповедник террора, разоблачает перед бывшим директором департамента полиции бывшего его сотрудника, не сообщая ему при том никаких фактов в подтверждение, так как Бурцев указал Лопухину, что у него есть много источников для улик против Азефа, но сообщил ему только об одном — о показаниях Бакая, а бывший директор департамента полиции на основании этих данных предает революционерам бывшего сотрудника департамента полиции, якобы опасаясь дальнейшей его вредной деятельности. Я полагаю, что факты и сведения, могущие предотвратить такого рода несчастья, скорее уместны в руках правительства, чем в руках террористов, и поэтому решил, что если были такие данные, то пусть на них прольет свет процесс Лопухина; но, видимо, и этот процесс даст только те

голословные данные, которые оглашаются уже теперь заграничной прессой.

Какие же, господа, из всего этого выводы?

Вывод первый, о котором я упомянул, что у меня в настоящее время нет никаких данных для обвинения должностных лиц в каких-либо преступных или незаконных деяниях. В настоящее время у меня нет в руках и данных для обвинения Азефа в так называемой провокации. Второй вывод, вывод печальный, но неизбежный, — что покуда существует революционный террор, должен существовать и полицейский розыск. Познакомьтесь, господа, с революционной литературой, прочтите строки, поучающие о том, как надо бороться посредством террора, посредством бомб, причем рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунные, для того чтобы было больше осколков, или чтобы они были начинены гвоздями. Ознакомьтесь с проповедями царубийств.

Ознакомьтесь с проповедью, с горячей проповедью о необходимости продолжения террора, каковая резолюция была еще принята партией революционеров в Лондоне в 1908 году и которая принята теперь группой парижских революционеров уже после бегства Азефа, и скажите, господа, может ли правительство по совести удовольствоваться только внешней, наружной охраной или на его ответственности, на его совести лежит охранять и Государя, и государственность другими путями, путями внутреннего освещения.

Я знаю, мне скажут: этот путь опасен; это путь, который влечет и к превышению власти, и к провокации. Я, господа, не буду утомлять ваше внимание перечислением ряда инструкций, циркуляров, которые

даны были мною по полиции для предупреждения таких явлений; не буду указывать на то, что в настоящее время усердно работает комиссия под председательством государственного секретаря Макарова по больному для нас вопросу о реформе полиции. Напомню только, что все те случаи провокации, которые доходили до правительства, подвергались судебному расследованию. Ведь недавно еще жандармский офицер осужден к арестантским отделениям; недавно еще в Калуге сотрудник департамента полиции был предан суду, несмотря на то, что он угрожал, что откроет всех остальных сотрудников и все известные тайны; точно так же и в Пензе сотрудник предан суду, несмотря на то, что он в прежнее время оказал ценные услуги департаменту полиции. Я пойду дальше, господа, и скажу, что хотя в настоящем случае я расследовал добросовестно дело и не нашел следов провокации, но в таком деле злоупотребления и провокации возможны, и напрасно ссылаются на мою речь в Первой государственной думе.

Я говорил тогда, что правительство, пока я стою во главе его, никогда не будет пользоваться провокацией как методом, как системой. Но, господа, уродливые явления всегда возможны! Я повторяю, что когда уродливые явления доходят до правительства, когда оно узнает о них, то оно употребляет против них репрессивные меры. Я громко заявляю, что преступную провокацию правительство не терпит и никогда не потерпит. (Рукоплескания справа.)

Но, господа, уродливые явления нельзя возводить в принцип, и я считаю долгом заявить, что в среде органов полиции высоко стоит и чувство чести, верности присяге и долгу. Я знаю службу здешнего охранного отделения, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся к

смертельной опасности. Я помню двух начальников охранного отделения, служивших при мне в Саратове, я помню, как они меня хладнокровно просили, чтобы, когда их убьют, я озаботился об их семьях. И оба они убиты, и умерли они сознательно за своего Царя и свою родину. А недавний случай в Москве, когда на пустой даче в окрестностях Москвы была устроена ловушка и в эту ловушку попал наряд охраны, когда с крыши чердака революционер наверняка расстреливал каждого подходящего к этой даче, разве задумались ночью начальник охранного отделения и его помощник и не бросились ночью же выручать своих товарищей? Оба были тяжело ранены, но разве они не доказали, что доблесть и честь для них дороже жизни? Я хотел, я должен был на этом кончить, но предыдущие речи меня убедили, что из моих выводов могут построить превратное заключение.

Мне могут сказать: итак, провокации в России нет, охранка ограждает порядок и русский гражданин должен быть признан счастливейшим из граждан (смех слева). В настоящее время так легко искажают цели и задачи нашей внутренней политики, что, чего доброго, такое заключение и возможно, но я думаю, что для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны были бы быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый труд и сила на борьбу с разъедающей язвой революции — конечно, не цель, а средство, средство дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что и в законодательное учреждение были попытки бросать бомбы! А там, где аргумент — бомба, там, конечно,

естественный ответ — беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой.

Ведь изнеможенное, изболевшееся народное тело требует укрепления; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это с низов. И тогда, конечно, сами собой отпадут и исключительные положения, и исключительные кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты Престола, и на вас лежит громадный труд выполнить эту задачу.

Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере, в главных очертаниях здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России. (Шумные, рукоплескания справа и в центре.) И время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда. (Рукоплескания справа и в центре.)

Приложение 4. Письма П. А. Столыпина — С. Ю. Витте

11 февраля 1909 г. Милостивый Государь, Граф Сергей Юльевич,

Немедленно по прочтении присланной Вами мне статьи я приказал обсудить в комитете по делам печати, какие возможно принять меры против газет, напечатавших инкриминируемую статью.

Из прилагаемой справки* Вы изволите усмотреть, что обвинение может быть возбуждено лишь в порядке частного обвинения.

Очень жалею, что не могу оказать Вам содействие в этом деле, и прошу Вас принять уверение в искреннем моем уважении и преданности.

П. Столыпин *

4 мая 1909 г., С.-Петербург Милостивый Государь, Граф Сергей Юльевич,

Ввиду выраженного Вашим Сиятельством мнения мною будут приняты меры к ознакомлению читающей публики с существом дела Дуранте *, как оно выясняется последним журналом Совета Министров.

По подробном ознакомлении с делом (протекавшим в мое отсутствие) я предложу на обсуждение Совета Министров вопрос о том, в какой форме это всего удобнее будет сделать.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

**РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О
ВЫБОРАХ ЧЛЕНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОТ
ДЕВЯТИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ 8 МАЯ 1909
ГОДА**

Господа члены Государственного совета! По только что выслушанному вами докладу * я имею от имени правительства заявить, что ныне действующий закон о выборе членов Государственного совета от девяти западных губерний с самого начала его действия признавался правительством несовершенным. Предполагалось, что, с введением в этих губерниях земских учреждений, распределение выборщиков по национальностям получит более правильное разрешение и интересы русского населения окажутся в полной мере огражденными. К сожалению, вопрос о введении земства по некоторым обстоятельствам затянулся, и теперь мы стоим перед новыми выборами, на которых предстоит применить закон, не удовлетворяющий принципу справедливости.

Так как основная мысль предложения 33 членов Государственного совета * в общем признается правительством приемлемою и имеет целью устранение дефектов закона, признаваемых и правительством, то последнее признает желательным передать это предложение для всестороннего рассмотрения в особую комиссию. Вместе с тем, имея в виду, что, как бы

успешно ни работала комиссия, новый закон о выборах не имеет шансов пройти через Думу и Совет и получить утверждение в текущую сессию, правительство немедленно же внесет в Государственную думу законопроект о продолжении полномочий теперешних членов Государственного совета от западных губерний на одну сессию или, говоря точнее, на один год, во время которого новый выборный законопроект может быть рассмотрен детально и спокойно.

**РЕЧЬ О ВЕРОИСПОВЕДНЫХ
ЗАКОНОПРОЕКТАХ И О ВЗГЛЯДЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СВОБОДУ
ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 22 МАЯ
1909 ГОДА**

Господа члены Государственной думы!

Внесенные правительством вероисповедные законопроекты породили уже целую литературу, сделались предметом оживленных прений в политических кругах и волнуют не только лиц, близко стоящих к вопросам веры, но и равнодушных к ней, видящих в том или другом их разрешении признак, знамение общего направления нашей внутренней политики. Поэтому я думаю, что помогу сокращению прений и более скорому рассмотрению дела, если теперь же, немедленно после докладчика, не ожидая общих прений, изложу точку зрения правительства на этот

вопрос и постараюсь рассеять некоторые возникшие, по моему мнению, вокруг него недоразумения.

Напомню вам, прежде всего, что начало религиозной свободы в России положено тремя актами Монаршего волеизъявления: Указом 12 декабря 1904 г., Указом 17 апреля 1905 г. и Указом 17 октября 1905 г. Утруждать вас повторением содержания этих актов, хорошо всем известных, я не буду; упомянул же я о них потому, что значение, чрезвычайное значение их содержания породило необходимость, после их издания, в некоторых действиях со стороны правительства — в сторону изменения многих из существующих уголовных и гражданских норм. Не говоря о целом ряде административных стеснений, противоречащих принципу вероисповедной свободы, которые тогда же были отменены, в том же административном порядке, в котором они были изданы, осталась еще обширная область действующего законодательства, требующая изменений и дополнений в законодательном порядке, сообразно возвещенным Монархом новым началам.

Дарование свободы вероисповедания, молитвы по велениям совести каждого вызвало, конечно, необходимость отменить требование закона о согласии гражданской власти на переход из одного вероисповедания в другое, требование разрешения совершать богослужения, богомоления, сооружать необходимые для этого молитвенные здания. Вместе с тем явилась необходимость определения условий образования и действий религиозных сообществ, определения отношения государства к разным исповеданиям и к свободе совести, причем все эти преобразования не могли получить осуществления вне

вопроса о тех преимуществах, которые сохранены основными законами за Православной Церковью.

На правительство, на законодательные учреждения легла, таким образом, обязанность пересмотреть нормы, регулирующие в настоящее время вступление в вероисповедание и выход из него, регулирующие вероисповедную проповедь, регулирующие способ осуществления вероисповедания, наконец, устанавливающие те или другие политические или гражданские ограничения, вытекающие из вероисповедного состояния. Но, вступая в область верования, в область совести, правительство, скажу даже — государство, должно действовать крайне бережно, крайне осторожно. Не всегда, как верно заметил докладчик, не всегда в этой области чисто гражданские отношения строго отграничены от церковных, и часто они тесно между собою переплетаются. Отсюда возникает вопрос: какое же участие в установлении нового вероисповедного порядка в стране должна принимать церковь господствующая, Православная Церковь?

Я оставляю в стороне инославные, иноверные исповедные вопросы, скажем, вопрос о переходе католика в лютеранство и обратно или о смешанных браках между протестантами, магометанами и евреями, которые допущены и существующими законами. Православная Церковь в этих вопросах не заинтересована, и я думаю, что мало кто в настоящее время будет держаться той точки зрения, в силу которой Святейший правительствующий синод в 30-х годах XVIII века ведал делами католического, лютеранского и даже еврейского духовенства. Но Православная Церковь сильно затронута в тех вопросах, которые касаются

отношения государства к православно́й вере, к Православной Церкви и даже к другим вероучениям, поскольку они соприкасаются с православием, например, в вопросе о смешанных браках. И вот, поскольку можно судить по современной прессе, по доходящим до правительства и до общества партийным политическим откликам, и в настоящее время существует, между прочим, мнение, что все вопросы, связанные с церковью, подлежат самостоятельному единоличному вершителству церкви.

Оговариваюсь, что это не есть мнение, высказанное Святейшим правительствующим синодом, но это мнение, должен сказать, имеет за собою некоторый как бы исторический прецедент. Вспомним, господа, времена патриаршества, вспомним положение патриарха в московский период русского государства, подведомственный ему приказ, суды, темницы. Конечно, внешние признаки патриаршей власти имеют мало отношения к затронутому мною вопросу, они принадлежат скорее к области исторического воспоминания, но, повторяю, все же существует мнение о том, что церковь должна сама определять свои права, свое положение в государстве. Поэтому мнение это обходить молчанием не приходится.

На чем основано это мнение или, скорее, откуда оно выводится, я скажу дальше. Но ранее этого позвольте мне обратиться к вопросу о том, какое же было отношение государства к церковному законодательству в течение двух последних столетий? Какой в этом отношении сложился порядок со времени учреждения Святейшего синода? После уничтожения патриаршества, после уничтожения поместных соборов к Святейшему правительствующему синоду всецело перешла вся

руководственно соборная власть. С этого времени в вопросах догмата, в вопросах канонических Святейший правительствующий синод действует совершенно автономно. Не стесняется Синод государственной властью и в вопросах церковного законодательства, восходящего непосредственно на одобрение Монарха и касающегося внутреннего управления, внутреннего устройства церкви. К этой области относятся, например, синодальное и консисторское законодательство, законодательство учебное, относящееся до академий, до семинарий, учебных духовных комитетов, касающееся церковных старост и много других еще вопросов.

Но независимо от этого, вполне самостоятельного церковного законодательства Святейший синод со времени его учреждения принимает живое участие также и в общей законодательной жизни страны, связывающей церковь с другими сторонами государственного строя, государственного управления. В этом отношении в большинстве случаев создан такой обиход: если какой-либо законопроект возникал в Святейшем синоде, то последний через обер-прокурора Святейшего синода запрашивал заключение заинтересованных ведомств. Если же законодательная инициатива возникала в том или другом министерстве, то министерство запрашивало со своей стороны заключение обер-прокурора Святейшего синода, но после этого всегда, во всех случаях, после разработки законопроекта, он поступал на государственное утверждение в общем законодательном порядке.

Я не буду приводить в доказательство этого положения много примеров из истории церковно-гражданского законодательства минувшего века, так как она изобилует скорее случаями излишнего

и, скажу даже, неправильного вмешательства государственной власти в церковное законодательство; вспомним, например, случай о перенесении на ревизию в Государственный совет дела о браках в 6-й степени родства, причем мнение Государственного совета получило силу закона. Но я считаю необходимым указать на то, что все законодательные постановления в области взаимодействия господствующей церкви и признанных инославных и иноверных исповеданий всегда проходили в общем законодательном порядке и что провозглашение свободы вероисповедания последовало в порядке Высочайшего указа Правительствующему сенату, основанного на Высочайше одобренных суждениях Комитета министров.

Обращение к прошлому показывает, таким образом, что естественное развитие взаимоотношений церкви и государства повело к полной самостоятельности церкви в вопросах догмата, в вопросах канонических, к нестеснению церкви государством в области церковного законодательства, ведающего церковное устройство и церковное управление, и к оставлению за собой государством полной свободы в деле определения отношений церкви к государству.

Наука государственного права вполне подтверждает правильность такого порядка вещей. Говоря о господствующем исповедании, наш известный ученый Чичерин указывает на то, что государство, конечно, вправе наделять господствующую церковь и политическими, и имущественными правами. «Но, — говорит Чичерин, — чем выше политическое положение церкви в государстве, чем теснее она входит в область государственного организма, тем значительнее должны быть и права государства». Отсюда, я думаю, вытекает,

что отказ государства от церковно-гражданского законодательства — перенесение его всецело в область ведения церкви — повел бы к разрыву той вековой связи, которая существует между государством и церковью, той связи, в которой государство черпает силу духа, а церковь черпает крепость, той связи, которая дала жизнь нашему государству и принесла ей неоценимые услуги. Этот разрыв ознаменовал бы также наступление новой эры взаимного недоверия, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство — власти с церковью союзной. Государство в глазах церкви утратило бы значение государства православного, а церковь, в свою очередь, была бы поставлена в тяжелое положение — в необходимость самой наделять себя политическими и гражданскими правами, со всеми опасными отсюда проистекающими последствиями.

Поэтому ясно, господа, что то мнение, о котором я говорил в начале своей речи, мнение о том, что церковь должна сама определять свои права, свое положение в государстве, проистекает из инстинктивного недоверия к существующим государственным установлениям, особенно с того времени, когда начали принимать в них участие иноверцы и лица нехристианского вероисповедания. Я думаю, забывают при этом, что законодательные решения, и то неокончательные, принимают не отдельные лица, не думские даже комиссии, а Дума в своем целом, которая, по словам Царского Манифеста, «должна быть русской по духу и в которой иные народности должны иметь представителей своих нужд, но не в количестве, делающем их вершителями дел чисто русских». Затем, если бы Дума допустила ошибку, что всегда возможно, то

законопроекты переходят ведь на рассмотрение Государственного совета и затем идут на суд Монарха, который, по нашему закону, является защитником Православной Церкви, является хранителем ее догматов.

Вот, господа, тот законный путь, который обеспечивает вероисповедные порядки в стране. На этот законный путь я уже указывал и повторяю: заключается он в том, что государство, не вмешиваясь ни в канонические, ни в догматические вопросы, не стесняя самостоятельности церкви в церковном законодательстве, оставляет за собою и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан. Но и в последнем вопросе правительство должно прилагать все усилия для того, чтобы согласовать интересы вероисповедной свободы и общегосударственные интересы с интересами господствующей первенствующей церкви, и с этой целью должно входить с нею по этим вопросам в предварительные сношения.

Быть может, в цикле вероисповедных вопросов, внесенных на ваше усмотрение, вследствие спешности работы и ее новизны, могут быть усмотрены какие-либо отклонения от этих принципов; может быть усмотрено, в частности, что затронуты в чем-либо и права господствующей церкви, но, при всестороннем рассмотрении этих вопросов, при всестороннем освещении их в комиссии, несомненно, отклонение в ту или другую сторону скоро обнаружится, и правительство всегда охотно возьмет на себя переработку того или другого законопроекта или его части, — была бы лишь ясна общая руководящая мысль. Но тот вопрос, тот законопроект, который вы будете рассматривать сегодня,

свободен, как мне кажется, от упреков в уклонении от только что высказанных мною положений.

Как вам известно, Святейший синод высказал пожелание, чтобы законопроект был дополнен правилами о том, что уклоняющийся от православия обязан подвергаться увещанию в течение 40 дней, с тем чтобы переход в иное вероисповедание мог состояться лишь после представления удостоверения о безуспешности увещания. Правительство в свой законопроект такого правила не включало, так как на него нет указаний в Указе 17 апреля; думская комиссия, как только что было вам тут доложено, дополнила законопроект установлением промежуточного срока со времени заявления о переходе в другое вероисповедание до момента фактического перехода. Такого промежуточного срока не знает также министерский законопроект, так как министерство в то время думало, что это правило скорее относится к области другого закона, закона регистрационного, как тут только что и объяснил докладчик.

Но в чем же состоит принципиальная сторона этого дела? Конечно, этот вопрос не касается ни догматов, ни канонов церкви, но он относится к разряду вопросов, касающихся внутреннего церковного распорядка, так как обязывает церковнослужителей производить наставление, увещание отпадающему не оставлять исповедуемой им религии; таким образом, это вопрос чисто внутренне-церковный, а я имел честь вам указать, что вопросы церковного устройства получают законодательное разрешение в другом, чисто автономном порядке. Поэтому, по мнению правительства, такого рода правила могли бы получить силу лишь в порядке ст. 65 Основных законов, в силу которых

Самодержавная власть в деле церковного управления действует через Святейший правительствующий синод, ею учрежденный; поэтому включение этих правил в гражданские узаконения и проведение их общим законодательным порядком нанесло бы, как мне кажется, ущерб правам Православной Церкви.

Но возникает вопрос, не должно ли государство в порядке содействия господствующей церкви установить какие-нибудь карательные нормы или гражданские ограничения для тех лиц, относительно которых увещание оказалось безуспешным. Но едва ли, господа, дело исключительно пастырского, исключительно нравственного воздействия возможно связывать с какими-либо карательными мерами, едва ли эти карательные меры соответствовали бы и духу начал вероисповедной свободы.

Для меня совершенно ясно, что гражданская власть, получивши от прихожанина заявление о желании перейти из православия в другое вероисповедание, обязана немедленно сообщить об этом приходскому священнику; для меня очевидно, что в силу существующих уже законов гражданская власть должна ограждать от всякого насилия, от всяких оскорблений священнослужителя, исполняющего свой долг увещания, но для меня совершенно так же очевидно и бесспорно, что какие бы то ни было принудительные меры по отношению к уклоняющемуся противоречили бы духу начал свободы верования. Поэтому правильно решила комиссия, когда постановила не присваивать общим законодательным учреждениям права регулировать чисто церковные вопросы, когда в процессе отпадения от православия она вставила промежуточный срок, который

может быть, а по мне и должен быть, заполнен в порядке законодательства церковного.

Я, господа, не буду касаться нескольких других менее, по мне, важных пунктов настоящего законопроекта, например, пункта о возрасте, по достижении которого разрешается переход в другие вероисповедания, о правах малолетних, о гербовом сборе и т. д. Если понадобится, разъяснение по этим вопросам даст вам присутствующий здесь представитель ведомства.

Но я не могу не коснуться одного весьма важного дополнения, имеющего чрезвычайное значение. Если совершенно бесспорно, что раз провозглашена свобода верования, то отпадает надобность всякого разрешения гражданской власти на переход в другое вероисповедание, если совершенно бесспорно, что в нашем законодательстве не могут быть сохранены какие-нибудь кары за вероотступничество (уже 14 декабря 1906 г. уничтожена статья 185, карающая за отпадение от христианства в нехристианство), то величайшему сомнению должно быть подвергнуто предложение комиссии о необходимости провозглашения в самом законе свободы перехода из христианства в нехристианство.

Я должен сказать, что включение в законопроект правила о возможности такого перехода для лиц, ближайšie предки которых исповедовали нехристианскую веру, совершенно не соответствует тому принципу, который только что был тут приведен докладчиком. Вникнем в соображение комиссии. Комиссия, как я понял из слов докладчика, находит, во-первых, что раз переход из христианства в

нехристианство не наказуем, то неузаконение такого перехода было бы актом недостойного государства лицемерия. (Голоса слева: верно.) Во-вторых, комиссия находит, что было бы стеснительно для свободы совести лиц, отправших в нехристианство, исполнять некоторые христианские таинства и обряды, необходимые в нашем гражданском обиходе, например, брак, крещение, погребение. В-третьих, по мнению комиссии, самое исполнение этих таинств и обрядов было бы ничем иным, как узаконенным кощунством. (Голоса слева: верно.) Наконец, по мнению комиссии, сама церковь должна отлучать от себя лиц, отрекшихся от Христа. (Голоса слева: и это верно!) Так я понял докладчика? (Голоса слева: правильно!)

И мне кажется, что оспаривать эти принципы невозможно — они теоретически совершенно правильны. Но, господа, прямолинейная теоретичность ведет иногда к самым неожиданным последствиям, и сама думская комиссия не довела до конца этого принципа (голоса слева: это верно), не пошла до конца по избранному ею пути и впала, как мне кажется, сама с собой в некоторые противоречия. (Голоса справа: верно, правильно!) Ведь в действительности, господа, гораздо больше лиц, которые себя признают совершенно неверующими, чем таких, которые решатся перейти в магометанство, буддизм или еврейство. И все соображения комиссии относительно лиц, перешедших в нехристианство, могут быть отнесены полностью к лицам, заявляющим себя неверующими. Ведь и эти лица точно так же кощунствуют, совершая таинство, ведь они точно так же должны были бы быть отлучены от церкви.

Между тем, комиссия совершенно правильно признает, что у нас невозможно признание принципа

невероисповедности, *Konfessionslosigkeit*. С одной стороны, комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, не знающих открытого признания перехода из христианства в нехристианство, с другой — комиссия не следует до конца за западными образцами и не решается признать принцип вне вероисповедного состояния. Однако торжество теории одинаково опасно и в том, и в другом случае: везде, господа, во всех государствах принцип свободы совести делает уступки народному духу и народным традициям и проводится в жизнь, строго с ними сообразуясь.

Это подтверждается изучением всех иностранных законодательств. Возьмем на выдержку прусское законодательство: и оно ставит некоторые преграды свободе совести и свободе вероисповедания; оно требует, во-первых, предварительного заявления о переходе в другое вероисповедание, оно требует, затем, и уплаты со стороны отпадающего в продолжение двух лет повинностей в пользу той общины, от которой он отпадает. В школьном законодательстве прусское государство требует церковного обучения всех детей, даже не принадлежащих ни к какому исповеданию. Австрия не признает браков между христианами и нехристианами. Наконец, в стране свободы совести, в Швейцарии, эта свобода совести подвергнута также некоторым стеснениям. Не говорю уже о том, что в Швейцарии не дозволяется сооружать монастырей, не допущена проповедь иезуитов, о чем упоминал уже тут товарищ министра внутренних дел.

Но поражает в Швейцарии то, что тогда, когда в некоторых кантонах совершенно изгнан из школ Закон Божий, в других кантонах школьное обучение строго конфессионально. В Люцерне, например, все школьное

обучение отдано в руки католического духовенства, а так как там существует обязательность обучения, то, как кажется, образование юношества в Люцерне не находится в строгом соответствии с принципом свободы совести.

Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентных в религиозных вопросах, теория свободы совести делает уступки народному духу, народным верованиям, народным традициям, — у нас наш народный дух должен быть принесен в жертву сухой, непонятной народу теории? Неужели, господа, для того, чтобы дать нескольким десяткам лиц, уже безнаказанно отпавшим от христианства, почитаемых церковью заблудшими, дать им возможность открыто порвать с церковью, неужели для этого необходимо вписать в скрижали нашего законодательства начало, равнозначащее в глазах обывателей уравнению православных христиан с нехристианами? Неужели в нашем строго православном христианстве отпадет один из главнейших признаков государства христианского? Народ наш усерден к церкви и веротерпим, но веротерпимость не есть еще равнодушие.

Не думайте, господа, что этот вопрос, вопрос простой, доступный совести каждого, я хотел бы затемнить непристойными, скажу прямо, в этом деле совести приемами какого-то дутого пафоса. Я не хотел бы взывать даже к вашему чувству, хотя бы чувству религиозному. Но я полагаю, что в этом деле, в деле совести, мы все, господа, должны подняться в область духа. В это дело нельзя примешивать и политических соображений. Мне только что тут говорили, что вероисповедные законы поставлены на очередь в Государственной думе по соображениям свойства

политического. На этом, мол, вопросе скажется, полевело или поправело правительство. Но неужели забывают, господа, что наше правительство не может уклоняться то влево, то вправо (слева движение; рукоплескания справа), что наше правительство может идти только одним путем, путем прямым, указанным Государем и еще недавно названным им (голоса справа: браво; рукоплескания), недавно всенародно им признанным незыблемым?

Вот и теперь мы стоим перед великим вопросом проведения в жизнь высоких начал указа 17 апреля и Манифеста 17 октября. Определяя способы выполнения этой задачи, вы, господа, не можете стать на путь соображений партийных и политических. Вы будете руководствоваться, я в этом уверен, как теперь, так не раз и в будущем, при проведении других реформ, соображениями иного порядка, соображениями о том, как преобразовать, как улучшить наш быт сообразно новым началам, не нанося ущерба жизненной основе нашего государства, душе народной, объединившей и объединяющей миллионы русских.

Вы все, господа, и верующие, и неверующие, бывали в нашей захолустной деревне, бывали в деревенской церкви. Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не осязать атмосферы накопившегося молитвенного чувства, вы не могли не сознавать, что раздающиеся в церкви слова для этого молящегося люда — слова божественные. И народ, ищущий утешений в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду закон не карает. Но тот же народ, господа, не уразумеет закона, закона чиста вывесочного характера, который провозгласит, что православие, христианство

уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством. (Голоса справа, правильно; рукоплескания справа и в центре).

Господа, наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь свечеч свободы совести в пределах нашего русского православного государства. Не отягощайте же, господа, наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в русском государстве и что утверждать его будет русский царь, который для с лишком ста миллионов людей был, есть и будет Царь Православный. (Рукоплескания справа и в центре).

РЕЧЬ О ПОРЯДКЕ ВЫБОРОВ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОТ ДЕВЯТИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 30 МАЯ 1909 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

По вопросу о продлении срока полномочий членов Государственного совета от западных губерний я скажу очень немногое. Проект правительства, конечно, легко усложнить, легко попутно развернуть чуть ли не весь польский вопрос и из дела, по существу, самого простого создать дело весьма запутанное и даже с трудом разрешимое. Но дело это в глазах правительства разрешается весьма легко, если заранее выяснить три

основных положения: во-первых, справедлив ли существующий порядок избрания членов Государственного совета от западных губерний; во-вторых, законен ли тот путь, который предлагает правительство, и, в-третьих, соответственно ли, целесообразно ли в настоящее время поднимать все это дело?

Конечно, трудно оспаривать, что существующее представительство от западного края в Государственном совете и ненормально, и несправедливо. Доказать противное, я думаю, невозможно, так как цифры говорят, что в западных губерниях из всего населения поляков всего только 4%, а действительность показывает, что от девяти западных губерний все девять членов Государственного совета — поляки.

Если трудно доказать справедливость такого положения, то легче, может быть, пытаться доказывать, что положение это необходимо и даже, пожалуй, целесообразно. Делается это таким образом: выдвигается принцип, что Государственный совет не есть Государственная дума; в Совет выбираются лица из среды более культурной, более состоятельной, более устойчивой. Не вина поляков, если в этой среде преобладают они и если они таким образом являются естественными представителями этих слоев населения. Попадая же в Государственный совет, поляки естественно уже являются защитниками всех интересов края и, будучи такими же русскими подданными, как и все другие, очевидно, правомочны принимать участие и в разрешении всех общегосударственных вопросов.

В постановке этого вопроса кроется, по моему мнению, крупная основная ошибка. Действительно, в

Государственный совет избираются лица из высших слоев населения, так сказать, верхи его, но избирает, намечает достойнейших лиц из этих верхов, несомненно, все население, так что избранники населения являются представителями интересов всего населения, а никак не одного лишь более состоятельного его слоя. Поэтому по основному закону во внутренних губерниях избирательным собранием для выборов членов Государственного совета является губернское земское собрание, то есть учреждение, представляющее хозяйственные и экономические интересы всей губернии.

Смысл такого порядка заключается в том, что плательщики повинностей выбирают в Государственный совет из более состоятельных, из более зрелых и устойчивых плательщиков своего представителя, который таким образом и является представителем плательщиков всей губернии. В губерниях же западных избирателями являются лица, владеющие достаточным количеством земли для непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев. Таким образом, та среда, из которой избираются члены Государственного совета, и во внутренних, и в западных губерниях одинакова, но среда избирателей совершенно различна, и в западных губерниях она состоит исключительно из более крупных землевладельцев, а избранник их является представителем именно их интересов, а не представителем интересов всего населения. Так как наиболее состоятельная среда в Западном крае есть среда польская, то нынешние представители от западных губерний в Государственном совете являются, несомненно, представителями поляков, то есть абсолютного меньшинства.

Я могу подтвердить это положение еще одним примером: известно, что в Государственный совет избираются лица, достигшие 40-летнего возраста, но избирают их все возрасты населения, конечно, граждански правоспособные. Результат выборов был бы, вероятно, совершенно иной, если бы в число избирателей входила одна лишь категория лиц 40 лет и выше. В западных же губерниях выборы решает именно одна категория, конечно, не возрастная — не 40 лет и выше, как в моем примере, — а категория имущественная, которая в том крае есть одновременно и категория племенная.

Конечно, может случиться, что в одной или двух губерниях число русских православных избирателей на бумаге поднимается до 40—45%, даже до 50%; но надо иметь в виду, что, вследствие неправильного построения самого закона в состав выборщиков входят только высшие слои населения, то есть слои наносные, которые часто отсутствуют и тесно с землею не связаны. Между тем коренное оседлое население, состоящее из более мелких землевладельцев, самим законом от выборов отстранено, а оно всего больше заинтересовано в правильном представительстве.

Перейдем теперь ко второму вопросу: законен ли тот путь, который предлагается правительством? Правительство говорит: дабы не закреплять на три года явно неправильного представительства, установим срок — в данном случае срок годичный, — в течение которого совершенно спокойно и осмысленно возможно определить новый справедливый порядок, а на этот промежуток продлим полномочия существующего представительства.

Конечно, тут возможно возражение, что таким порядком, таким путем законодательные учреждения могут сами продлить свои полномочия до конца своих дней. Несомненно, могут быть нелепые по существу законы, но с юридической, с формальной стороны продление полномочий представителей не является ни нелепостью, ни абсурдом. Такое продление знают многие иностранные законодательства, и они всегда проводились по существу с пользой для населения и в силу существенной для страны необходимости.

В Англии при Георге Первом был проведен так называемый семилетний акт, septimal act, которым были продолжены полномочия депутатов палаты общин, в том числе полномочия заседавшего в то время состава палаты, с трех до семи лет. В истории законодательных учреждений Франции продление полномочий депутатов повторяется неоднократно: в 1809 г. части депутатов, выбывавшей по закону из состава законодательного корпуса, были продлены полномочия на всю сессию 1809 г. и на 1810 г. В 1824 г. полномочия депутатов были продлены с трех на семь лет, причем закон этот был точно так же распространен и на депутатов заседавшей в то время палаты. В 1893 г. полномочия лиц, избранных депутатами на четыре года в сентябре и августе 1893 г., были продлены до 31 мая 1898 г.

В практике наших земских и городских учреждений точно так же известны случаи продления срока полномочий гласных. Не говоря уже о самом законе, который по ст. 53 положения 1890 г. уполномочивает на продление полномочий прежних гласных в случае недобора $\frac{2}{3}$ гласных, у всех в памяти, что в порядке верховного управления бывали случаи продления полномочий существовавшего состава гласных ввиду

предстоявших изменений в законе. Так это было при введении нового земского положения в 1890 г., при введении нового городского положения в 1892 г. и при преобразовании петербургского общественного управления в 1901 г. Таким образом, законопроект правительства должен быть признан строго юридически обоснованным.

Но перейдем теперь к последнему вопросу — к вопросу о том, целесообразно ли, своевременно ли в настоящее время поднимать все это дело. Против предложения правительства о продлении полномочий членов Государственного совета можно привести, конечно, много доводов, настаивая именно на его несвоевременности. Первый и, скажу, самый сильный из этих доводов тот, что правительство само, по собственной инициативе не возбуждало этого вопроса и действует якобы под давлением части членов Государственного совета, внесших предложение об изменении порядка выборов в Государственный совет от Западного края. Второй довод, второй мотив тот, что нельзя без кричащей необходимости прикасаться к избирательному закону. Наконец, в виде третьего довода приводится соображение, что лица польского происхождения держат себя в Государственном совете весьма корректно, что всеми признается полезность их работы и что их мнения, их национальные идея, каков» бы они ни были, не могут иметь никакого значения, так как в Государственном совете они теряются как мнения ничтожного меньшинства.

Действительно, правительство не возбуждало вопроса об изменении избирательного закона в Западном крае, но не делало оно этого потому, что всегда полагало и в настоящее время полагает, что лучшим, самым

естественным способом разрешения этого вопроса было бы распространение положения о земских учреждениях и» эти девять западных губерний. Но, имея в виду, что реформу земских учреждений во внутренних губерниях трудно рассчитывать провести через законодательные учреждения в ближайшем времени и что эта работа, казалось бы, должна предшествовать распространению Земского положения на Западный край, правительство и признало приемлемой основную мысль предложения группы членов Государственного совета, имея, главным образом, в виду реорганизовать состав избирателей и распространить выборное право на более широкие слои населения.

Правительство не боялось и частичного исправления выборного закона, так как постепенное исправление и улучшение закона иногда более безопасно, чем его крутая ломка. Наконец, образ действий польских членов в Государственном совете не имеет для правительства никакого значения, так как законодательное предположение правительства не может, конечно, считаться направленным лично против кого бы то ни было. Но вообще, господа, если дожидаться благоприятной минуты для того, чтобы внести поправку в несовершенный закон, то можно с уверенностью сказать, что минута эта не настанет никогда.

Возьмем, например, лиц, имеющих право бесплатного или льготного проезда по железным дорогам. (В прежнее время таких лиц было много.) Они, занимая платные места, вызывают нарекания платных пассажиров, между тем лично они, конечно, совершенно не ответственны за свое льготное положение. Но несомненно, что они всегда сочтут высшей

несправедливостью приравнение их к платным пассажирам и отнятие у них дарового или льготного проезда.

Между тем, господа, члены Государственного совета от западных губерний прошли в Государственный совет по льготному тарифу, и ничего оскорбительного для них, ничего несправедливого в изменении этого порядка быть не может, так как необходимость, государственная необходимость, заставляет применять ко всем тариф общий.

С этой целью, целью установления порядка безобидного и справедливого для всех слоев населения, правительство и внесло предложение об установлении годового срока. Если, господа, мы не установим сами для себя определенного предельного срока, несомненно, дело застрянет, дело затянется, дело завязнет. Между тем думская комиссия заявила о желательности распространить на западные губернии Земское положение. То же пожелание высказано и комиссией Государственного совета. Правительство же, как я уже указал, не взяло на себя инициативы такого предложения потому только, что полагало недостижимым провести в короткое время законопроект о расширении компетенции земских учреждений.

Но в последнее время Государственная дума стала на новую точку зрения; она сама высказывала пожелание, чтобы в некоторых внутренних губерниях было введено действующее ныне Земское положение. Я должен сказать, что эта точка зрения весьма облегчает положение правительства и, становясь на нее, правительство может взять на себя и берет на себя внесение в осеннюю сессию законопроекта о

распространении существующего Земского положения на девять западных губерний (рукоплескания справа и в центре), разумеется, с некоторыми изменениями в способе выбора гласных соответственно местным условиям и местным особенностям.

Если это окажется неприемлемым, то можно установить нечто другое — создать избирательное собрание, применяясь к избирательному собранию для выборов земских гласных, и возложить на это собрание непосредственно выбор членов Государственного совета. Руководствуясь этими соображениями, я прошу вас, господа, не отклонять законопроект правительства. Движимые необходимостью закончить дело в течение года, мы, господа, дружными усилиями, несомненно, проведем в течение этого срока новый законопроект о введении земства в Западном крае, законопроект немаловажный, который не может не внести умиротворения в местную работу. Я прошу вас, господа, об этом ввиду восстановления справедливости по отношению к 15-миллионному русскому населению в Западном крае.

Не ненависть, не желание нанести полякам напрасное оскорбление руководит правительством — это было бы не только не великодушно, это было бы не государственно. (Голоса: браво, браво; рукоплескания в центре и справа.) Правительством руководит сознание, которое должно всегда и впредь руководить всяким русским правительством, сознание необходимости прислушиваться к справедливым требованиям природного русского населения окраин и, если эти требования обоснованы, поддерживать их всею силою

правительственного авторитета *. (Рукоплескания справа и в центре.)

Я должен заявить, что предложение партии 17 октября соответствует одному из тех вариантов, которые правительство имело в виду внести в Думу. Если и был внесен другой вариант, то потому, что правительство полагало, что при выборах на один год будут во всяком случае выбраны лица польского или русского происхождения — безразлично; но не те, которые были бы выбраны всем населением. С другой стороны, я должен заявить, что главная цель правительства — это достигнуть принятия годичного срока, в течение которого ныне действующий порядок был бы исправлен. Так как внесенное предложение клонится к тому же, то я и заявляю, что против него, если оно Думою будет принято, правительство ничего не имеет.

Я должен, однако, сделать одну оговорку: по моему мнению, предложение фракции 17 октября не есть поправка — такого рода существенные поправки не должны были бы иметь места, так как это было бы нежелательным прецедентом, — это есть, собственно говоря, изменение законопроекта, изменение, предложенное фракцией 17 октября, находящееся в полном соответствии с правительственным предложением, изменение, на которое правительство выражает полное свое согласие. (Рукоплескания центра и справа.)

Приложение 5 Письмо П. А. Столыпина — С. Ю. Витте

Милостивый Государь Граф Сергей Юльевич,

В ответ на письмо Ваше из Брюсселя считаю долгом сообщить Вам, что руководимое мною Министерство никакого похода против Вас не предпринимало, что я лично считал бы совершенно недостойным Правительства осуждение бывшего его главы в разговоре с корреспондентами и что, как только я узнал (до получения Вашего письма) от интервью Шванебаха *, я просил его поместить в газете заметку о том, что он говорил как частное лицо.

Повторяю, что я считал бы безумием заниматься критикою времени Вашего управления, времени, пожалуй, самого тяжелого в истории России. В новейшей же истории Вы лицо настолько крупное, что судить Вас будет история. Я же лично занят исключительно настоящим положением, и это поглощает все мое время. Я твердо верю, что Вы думаете только о благе России и что поэтому мелочные уколы, которые вызвали Ваше неудовольствие, не могут вызвать с Вашей стороны никаких действий, «неприятных для правительства».

Меня и жену глубоко трогает внимание Графини и Ваше к моим больным детям, из которых девочка еще очень мучается.

Пользуюсь случаем, чтобы просить Вас принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

П. Столыпин 24 сентября (7 октября) 1909 г.,
Петербург

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ ОБ УВЕЛИЧЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ЧИНАМ ГУБЕРНСКИХ УПРАВЛЕНИЙ И КАНЦЕЛЯРИЙ ГУБЕРНАТОРОВ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 11 ДЕКАБРЯ 1909 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Позвольте мне, в качестве министра внутренних дел, дать вам краткие объяснения по обсуждаемому вопросу. Во-первых, необходимо установить, что по существу в вопросе об увеличении содержания чином губернских правлений и канцелярий губернаторов между Государственной думой и правительством разногласий не существует. В основание этого вопроса легло, как мы только что выслушали, пожелание в этом направлении самой Государственной думы, выраженное в формуле от 2 мая 1908 г., принятой Думою по предложению члена Государственной думы Томашевича *. Первоначально правительство, действительно, предполагало удовлетворить это пожелание Государственной думы внесением, совместно с проектом реформы губернских и уездных учреждений, и новых штатов этих установлений.

Бюджетная комиссия, как видно из только что выслушанного нами доклада, и до настоящего времени считает, что это единственно правильный способ, так как полагает, что ранее преобразования этих учреждений усиление их окладов преждевременно. Правительство

несколько сошло с этой точки зрения по мотивам чисто практического свойства. В настоящее время совершенно ясно, что проект губернской реформы не может быть рассматриваем в Государственной думе одновременно или параллельно с реформой уездной и волостной, так как сама конструкция проекта губернской реформы может быть в довольно крупных чертах изменена сообразно тем принципам, которые в конечной форме будут установлены для волостной и, главным образом, для уездной организации, скажем, хотя бы в вопросе об административном суде. Поэтому министерство, действительно, несколько задержалось представлением проекта губернской реформы, уже изготовленного правительством.

По даже если правительство теперь же, сейчас, внесло бы в Государственную думу свой проект реорганизации губернских учреждений, то на проведение этого проекта в законодательных учреждениях потребовалось бы, конечно, немалое количество времени. По этил соображениям правительство начало изыскивать другие способы более быстрого и менее сложного осуществления думского пожелания. Казалось, что этот способ был найден именно путем представления на ваше разрешение того проекта, который обсуждается сегодня.

И, действительно, Государственная дума два года тому назад высказала пожелание, чтобы были изменены штаты 1876 г., конечно, в сторону увеличения окладов. Правительство в настоящее время это и предлагает, поясняя лишь, что нормы 1876 г. по существу не являются штатами, а расписанием, установленным, в силу самого закона, министром внутренних дел. Создавать же в настоящее время по поводу усиления

окладов закрепленные самим законом штаты едва ли даже удобно, так как устанавливая новое служебное положение чиновников можно, казалось бы, только сообразуясь с самым духом, характером, идеей всей губернской реформы, то есть переустройства всего губернского строя. Частичная же мера, предложенная вам в смысле пропорционального увеличения оклада 1876 г., казалось, не повлечет за собой какого-либо произвольного или несообразного распределения этих сумм, так как и до настоящего времени ничего подобного не было; наконец, министр внутренних дел ограничен и общей суммой ассигнования, а также необходимостью соглашения по этому вопросу с ведомством финансовым и контрольным.

Я не вижу разноречия во взглядах Думы, правительства и бюджетной комиссии точно так же и в вопросе о специальных средствах. Само собой, относя часть расходов на процентный сбор с гуртового скота и на типографские суммы, правительство пока придерживается тех правил в расходовании специальных сумм, которые существуют в настоящее время, но когда они будут изменены, то, конечно, расходы эти в полном соответствии со взглядами бюджетной комиссии будут перенесены на средства государственного казначейства. В чем же, в конце концов, разница во взглядах правительства и бюджетной комиссии? Разница не в существе, а во времени. Бюджетная комиссия находит, что усиление окладов в настоящее время преждевременно, что губернские чиновники могут обождать.

Но правильно ли, господа, ставить житейские потребности людей в зависимость от чрезвычайно многогранных условий прохождения сложной

государственной реформы? Не правильнее ли сначала подготовить кадры достаточно обеспеченных работников? Два года тому назад, тут же, в Государственной думе, вы слышали красноречивое описание бедственного положения чинов губернских правлений и губернаторских канцелярий.

В настоящее время я не буду утомлять вас изложением цифровых данных, указывающих на то, что штатные чины этих учреждений находятся в гораздо худших условиях, чем местные чины всех остальных ведомств, что канцелярские чины и писцы живут часто со своими семьями на оклады в 15 р. в месяц, а иногда и на 10 р., что, наконец, обстановка губернских правлений и губернских канцелярий настолько убога, что часто, в силу невозможности приобрести какой-либо лишней шкаф, важные дела, важные бумаги валяются на столах и даже прямо на полу. Губернские же типографии в свою очередь обременены неоплатными долгами в силу прямой необходимости употреблять все наличные средства на содержание со дня на день губернских правлений.

Господа, нет ни одного губернатора, который горько бы не жаловался на совершенно невозможное положение этих подчиненных ему учреждений. Недавно один губернатор представил в министерство подробный расчет, показывающий, что его курьер, лакей и повар гораздо лучше обеспечены, чем канцелярские служители его канцелярии. Я должен при этом заметить, что, несмотря на это, в общем эти маленькие люди служат вполне добросовестно, но они выбиваются из сил, они живут только надеждой на улучшение своего положения.

Я припоминаю случай во время моей службы в Саратовской губернии, доказывающий, насколько лихорадочно и, быть может, даже наивно они ждут изменения своей участи. Это было в самые смутные дни октября или ноября месяца 1905 г., в те дни, когда все учреждения и даже гимназисты и гимназистки младших классов обращались к губернаторам и к начальству с предъявлением разных требований. Мне докладывают, что пришли чиновники губернского правления. Выхожу к ним: «Что, господа, вам угодно?» — «Да мы к вам, ваше превосходительство, — вы так всегда к нам отечески относитесь — пришли за советом. Вот теперь все учреждения бастуют или предъявляют требования; мы, Боже упаси, бунтовать не хотим, но боимся, что если мы не проявимся, то о нас забудут, как забывали до настоящего времени».

И вот, господа, прошло четыре года, и положение этих чинов не изменилось. Изменилось разве только то, что на губернские правления возложены новые и довольно обременительные обязанности. Так можно ли, господа, дольше ждать? Господа, правительственные чиновники нищенствуют, нищенствуют и правительственные учреждения. Соответствует ли это достоинству и пользе государства?

Я вопрос этот не ставлю на политическую почву. Вне всякой политики, можно ли оспаривать, что нам необходима в провинции дельная и умелая администрация? А между тем, в руках губернских правлений и губернских канцелярий находится нерв местного управления; они докладывают и освещают важнейшие вопросы местной жизни. Будучи хорошо

знаком с этим положением, я считаю своим долгом, своей обязанностью заявить вам, господа, что ждать нельзя.

Возьмите на себя почин в этом деле, дайте нам возможность, не медля, не ожидая общего административного переустройства, улучшить, упорядочить эту важную часть местного управления. По этим соображениям я поддерживаю правительственный законопроект и отказываюсь, ввиду окончания года, от того условного кредита, который был внесен на 1909 г. Нового условного кредита мы в настоящем году, действительно, не вносили вследствие пожеланий самой Думы не злоупотреблять этой формой кредита. Но я предлагаю поступить таким образом: принять правительственный законопроект, изложив его отдел 4-й таким образом: «Вносить на покрытие издержки, вызываемой означенной в отделе 1-м мерой, в подлежащие подразделения расходной сметы Министерства внутренних дел по 1 160 000 р. в год, начиная с 1911 г., а в 1910 г. отнести расход на общие сбережения по смете министерства того же года».

Затем, ввиду того, что нам неизвестно время, когда наступит возможность использовать эти сбережения, я прошу добавить еще отдел 5-й следующего содержания: «Предоставить министру внутренних дел ввести эту меру в действие в течение 1910 г., в срок по ближайшему его усмотрению, в пределах могущих быть остатков по смете министерства того же года». (Рукоплекскания справа и на отдельных скамьях центра.)

РЕЧЬ, КАСАЮЩАЯСЯ ЗАКОНОПРОЕКТА О ВЗИМАНИИ ДОРОЖНЫХ СБОРОВ В ПОЛЬЗУ ГОРОДОВ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 20 ФЕВРАЛЯ 1910 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

Законопроект о взимании сборов в пользу городов с грузов, привозимых и вывозимых из них, рассматривался первоначально во время моего отсутствия из С.-Петербурга. Ознакомившись с бывшими по этому предмету прениями и со всеми материалами, относящимися до обсуждаемого вопроса, я не мог не вынести впечатления, что Государственный совет усмотрел в законопроекте Министерства внутренних дел попытку правительства присвоить себе некоторые функции законодательного характера. Это по крайней мере послужило поводом для передачи дела в согласительную комиссию. Это служит и до настоящего времени главным и даже единственным пунктом разномыслия в этом вопросе между Государственной думой и Государственным советом.

Но, прежде чем обратиться к этой стороне дела, позвольте мне коснуться несколько существа его, так как у меня сложилось также впечатление, что юридическая мотивировка возымела особенную силу, вследствие внутреннего убеждения многих членов Государственного совета о том, что предполагаемый сбор имеет крупные отрицательные стороны по существу, что он мог бы

применяться в отдельных, исключительных случаях в форме особого воспособления городам, а что правительство со своей стороны стремится придать ему характер сбора постоянного, сбора нормального сначала в пользу городов, а потом и в пользу земств. В этом убеждении меня еще более укрепило то, что сказал в своей речи Н. Э. Шмеман*.

Я не буду утомлять вас, господа, подробным воспроизведением всех аргументов, которые высказывались тут против правительственного законопроекта. Но позволяю себе вкратце напомнить, что во время прений иные ораторы, с точки зрения интересов сельского хозяйства, указывали на то, что сбор этот ляжет, главным образом, на производителей, что города будут делать сбережения в той части бюджета своего, которая при других условиях была бы отнесена на сооружение дорог, и всю тяжесть расходов на подъездные пути перенесут, ввиду по-пудного сбора, на внегородского обывателя.

Другие ораторы, с точки зрения интересов промышленности и торговли, указывали на то, что сбор этот очень тяжелый и вредный косвенный налог, что он через десяток лет коснется 13 миллиардов пудов перевозимых по стране грузов и даст городам до 45 млн. рублей ежегодного дохода. Очень многие говорили также относительно того, что предполагаемый сбор есть самый вредный вид косвенного обложения и что он более несправедлив, чем существующий за границей привратный акциз, «octroi». Указывалось на то, что только что доказывал и председатель согласительной комиссии, что совершенно не выяснена степень обременительности сбора как для населения, так и для внешней торговли, а также и на то, что возможно

изыскать и иной источник для усиления городских ресурсов. Но, в сущности, все доводы сводились к тому, что попутный сбор — тягостный налог, что соединение железнодорожных станций с городами должно быть отнесено на ресурсы городов и что нельзя приравнять по-путный сбор к уплате за услугу, так как он будет взиматься до осуществления тех сооружений, которые он предназначен окупить.

Прежде всего, господа, прежде чем приводить мотивы против этих данных, мне кажется, следует свести правительственный законопроект к его основной скромной природе, и тогда, может быть, он не покажется столь опасным, как он представляется из-за несоответственного грозного арсенала выставленных против него аргументов. Необходимо иметь в виду, что сбором этим в качестве нового источника дохода воспользуются только нуждающиеся в этом города, воспользуются на определенную цель — на сооружение определенной дороги или на капитальный ее ремонт, причем первоначально уже будет вычислена стоимость этого сооружения и сроки сбора. Ясно, что сбором воспользуются далеко не все города, что период взимания этого сбора будет кратковременен и что обложен будет только тот груз, который будет пользоваться сооружаемыми путями.

Каким же образом говорить тут о миллионных доходах, каким образом требовать каких-то цифровых выкладок, когда неизвестно еще, скольким городам, на какие сооружения, в какой сумме будет разрешен сбор? Подсчеты же в предположении, что сборами непременно воспользуются все города, воспользуются ими в высшем размере и со всех грузов, были бы явно ошибочны. Тут вспоминалась история возникновения попутного сбора,

вспоминались суждения старого Государственного совета о вреде привратных акцизов, а только что упоминалось о том, что Государственный совет отклонил ходатайство г. Лодзи о взимании попудного сбора, — но я должен внести в это воспоминание некоторую поправку и напомнить, что Государственный совет в конце концов согласился установить попудный сбор для города Лодзи, за что этот город и отблагодарил сильным экономическим подъемом.

Действительно, относительно Москвы, и только относительно Москвы, старый Государственный совет выказал некоторые колебания. В представлении относительно Москвы Министерством внутренних дел изображена была полная картина угнетенного экономического и финансового состояния наших городов, из которой выяснилась вся скудость их ресурсов. Как на единственный почти источник пополнения этих ресурсов и в то время, как и поныне, указывалось на городские займы.

Но тут мы подходим к коренному вопросу, вопросу о том, возможно ли возлагать на города непереносимое обязательство сооружения подъездных путей от станции к городам и можно ли считать попудный сбор платою за услугу. Господа, этот вопрос требует коренного и обстоятельного обсуждения. Для разрешения его нам нужно обратиться к истории возникновения нашего железнодорожного строительства. Тогда как в других странах железные дороги начали строиться при наличии хорошо оборудованной сети грунтовых и шоссейных дорог, у нас железнодорожные пути начали прокладываться при полном бездорожье. Более того,

железнодорожное строительство убило в самом зародыше зарождавшееся шоссейное строительство.

Еще Наполеон говорил, что Россия отличается от других государств тем, что она обладает одной лишней стихией и стихия эта — бездорожье. Неудивительно поэтому, что железнодорожные строители, изыскивая кратчайшие расстояния для соединения между собой отдаленных пунктов, не считались и не могли считаться с интересами прорезаемого рельсовым путем края, края стихийного бездорожья. Таким образом возникали железнодорожные станции, совершенно отрезанные от ближайших к ним населенных пунктов, которые могли служить, конечно, и как рынки потребления, и как рынки, поставляющие товары на железные дороги. Я полагаю, что высшая железнодорожная комиссия не преминет указать нам на те убытки, которых, может быть, удалось бы избежать железным дорогам, если бы своевременно у нас была устроена правильно оборудованная сеть подъездных к железнодорожным путям дорог.

Но в настоящее время главным страдательным лицом в этом деле являются наши города. Не говоря уже о том, что станции железных дорог расположены обыкновенно у нас на краю городов, надо помнить, что из 488 станций, обслуживающих одноименные с ними города, 238 станций лежат вне селительной их части, а большинство станций — на уездной территории. У городов нет средств, чтобы подвести к этим станциям подъездные пути. Но правильно ли, господа, законно ли требовать от городов использования чрезвычайных ресурсов на постройку таких подъездных путей?

Я смею утверждать, что такое требование не было бы основано на законе. И действительно, если

обратиться к пункту 10 статьи 138 Городового положения, то мы усмотрим, что на попечении городов лежит содержание в порядке мостов, площадей и улиц, но нигде в законе не указано, что города обязаны строить подъездные пути, особенно вне селительной их части. Эта обязанность не возложена нашими законодательными положениями и на земства. Предъявлять такого рода требования и к земствам, и к городам можно было бы на одинаковом основании, как к казне, так и к управлениям железных дорог. При таком положении дела уже одно открытие дороги, дороги хотя бы самой первобытной, хотя бы самой примитивной, является крупной услугой, услугой товароотправителям и товарополучателям. Плата за эту услугу, так же, как и за дальнейшее улучшение пути, должна быть отнесена на самые грузы.

При нашем финансовом положении сами товары должны пробивать себе дорогу к покупателю. И в этом я не вижу никакой опасности, при условии предварительного подсчета стоимости сооружения и времени осуществления сооружения. Для доказательства же того, что сбор этот не может быть тяжел ни для товароотправителя, ни для потребителя, я могу привести некоторые цифры, некоторые данные, собранные Министерством внутренних дел. По этим данным, стоимость провоза грузов при усовершенствовании путей понизилась в Борисоглебске, Тамбовской губернии, ж Конотопе, Черниговской губернии, в 5 раз; в Луганске, Екатеринославской, и Дмитриеве, Курской губерний, — в 3—4 раза; в Гадяче, Полтавской, Валуйске, Воронежской, и Сытевке, Смоленской губерний, — в 2—3 раза; в Валдае, Новгородской, Павлограде, Херсонской, и Ельне, Смоленской губерний, в 2 раза.

Безусловно не противоречит нашей законодательной практике и разрешение взимания сбора, то есть платы за услугу немедленно по открытии пути до его усовершенствования. Существует же в нашей практике сбор, устанавливаемый тоже административным порядком, сбор в одну пятаю копейки с пуда ввозимого на станцию груза, взимаемый на устройство приспособлений для хранения грузов; существует же право министра финансов, основанное на законе 1900 г., устанавливать обязательные сборы «на устройство» и содержание коммерческих училищ. Почему же сбор на «устройство» подъездных путей должен считаться еретическим? Да такой способ, по моему мнению, гораздо выгоднее и для потребителей, и для покупателей, чем последующие сборы, взыскиваемые на сооруженных уже путях, согласно пункту 13 статьи 63 Городового положения.

Ведь, согласно этому закону, город может обставить рогатками чуть ли не все свои улицы и начать взимать сбор, наивысший размер которого устанавливает местная административная власть, то есть такой сбор, который обеспечен меньшими гарантиями справедливости, чем предполагаемый сбор попудный. Затем, сбор этот может быть длителен, так как закон не ограничивает его сроком оборудования пути. Наконец, сбор этот не имеет никакого соответствия со стоимостью товаров и устанавливается без согласования с общегосударственными интересами. Вот, господа, те причины, по которым я считаю в настоящем положении дела, по существу, попудный сбор — сбором самым правильным для городов-потребителей, отрезанных от питающих их железнодорожных станций.

Принципиальная сторона дела не изменится от возражения, что сбор этот может быть распространен и на земства. Относительно дорожного земского сбора подготовлен проект устава гужевых дорог, согласно которому сбор этот установлен на твердых, определенных принципах и не имеет никакого отношения к путям, соединяющим города с одноименными станциями. Переходя к юридическим доводам, к юридической части вопроса, я должен сказать, что правительству, может быть, был бы всего удобнее способ отдельных законодательных постановлений по каждому отдельному вопросу. Способ этот, во всяком случае, был бы для правительства менее ответствен. Но я утверждаю, что он свел бы настоящий законопроект на нет. Не говоря уже о том, что при такой постановке закон представлял бы из себя исключительно наставление городам, как, каким образом возбуждать ходатайства, подавать прошения о попудном сборе, и реального ничего никому не дал бы, но он поставил бы все дело в худшее положение, чем оно стояло при прежнем порядке в нереформированном Государственном совете.

Теперешний законопроект вменял бы в обязанность министру внутренних дел представлять на законодательное утверждение вопросы и о предмете сбора, и об объеме его, и о сроке его взимания. Таким образом, отпадают статьи 3 и 6 законопроекта, исключается априорное согласование размера сбора со стоимостью товара или, что то же самое, с тарифной ставкой, но сохраняется разнообразие ходатайств, разнообразие, касающееся обложения и сметы ставок. В калейдоскопе этих вопросов придется каждый раз разбираться высшим законодательным учреждениям.

Более того, если придерживаться предлагаемого принципа, то на утверждение и Государственной думы, и Государственного совета будут восходить таксы сборов в соответствии с распределением грузов по категориям.

Господа члены Государственного совета, эта такса по городу Александровску обнимает 85 страниц обширного формата убористого шрифта. Не слишком ли была бы отяготительна обязанность городов представлять такой расчет, без уверенности, что ходатайства их будут удовлетворены? Старый Государственный совет этого не требовал. Он определял принципы обложения, а затем предоставлял устанавливать самую таксу по усмотрению городской думы с санкции министра внутренних дел. Теперь, при требовании от министра внутренних дел представления на законодательное утверждение вопросов о предмете сборов и высоте обложения, это стало бы невозможным. В распоряжении Министерства внутренних дел в настоящее время имеется более 100 ходатайств разных городов о предоставлении им попудного сбора при самых разнообразных условиях размеров, сроков и предметов обложения. Я, господа, не беру на себя сделать подсчет того, сколько времени потребуется законодательным учреждениям для рассмотрения всех этих ходатайств. Но я признаю, что такая затрата времени была бы совершенно неизбежна, что нужно было бы остановить даже самую жизнь, если бы того требовал закон. Однако в этом я позволю себе усомниться и решаюсь даже утверждать противоположное.

Говорят, законодательство наше знает только два способа для установления новых сборов и налогов: порядок законодательный и порядок самообложения; «tertium pop datur». Правительство этого не оспаривает!

Правительство, наоборот, в этом порядке мыслей и внесло на Ваше уважение законопроект, устанавливающий законодательные нормы обложения, те тесные рамки, в которых может быть установлен сбор с привозимых и вывозимых грузов. Но так как сбор не предполагается распространить на все города, то на министра внутренних дел предполагается возложить ограничительные функции применения этого сбора в тех или других городах, по вперед законом определенному трафарету.

Установление обложения такого разряда законодательными актами практиковалось у нас постоянно. Вспомните данное законом министру финансов право собственной властью устанавливать цены на вино до определенных норм. Вспомните его же право определять и изменять железнодорожные тарифы, тарифы, которые являются не только платою за услугу пробега, но и за устройство пути. И такое право соответствующие министры имеют во всех странах, в которых нет тарифной свободы. Наконец, повторяю, что министру путей сообщения предоставлено право в административном порядке устанавливать сбор в одну пятаю копейки на устройство приспособлений для хранения грузов. Министру финансов предоставлено право устанавливать сбор на устройство и содержание коммерческих училищ.

При этом я должен обратить ваше внимание на то, что все даруемые высшей администрации в этом порядке права принесли благодетельные результаты, то есть они несколько изменили наши тяжеловесные приемы, давящие и тормозящие живую жизнь. Упомяну еще, что в практике нашего городского законодательства известны случаи, когда вспомогательные городские сборы,

которые проводились сначала посредством отдельных законодательных актов, превращались потом в общий закон. К такого рода сборам относятся сбор с извозного и перевозного промыслов, сбор с лошадей и экипажей, и т. п.

Что было бы, господа, если бы все эти дела восходили на ваше усмотрение? Это был бы законодательный плеоназм, это было бы законодательство в квадрате, это был бы законодательный тормоз, как будто нарочно созданный для замедления нашего законодательного процесса. И это в России, где законодательствовать вам приходится на пространстве, равном одной шестой части земного шара. Безусловно убежденный, что в предложении правительства не заключается никакой юридической ереси, я обращаюсь к вам с просьбой остановить ваше просвещенное внимание еще на другой стороне этого дела — стороне принципиальной.

Из предыдущего изложения вы изволили усмотреть, что при прежних порядках прежний Государственный совет оказывал некоторое доверие министрам и давал им известные полномочия по применению некоторых законов об обложении. В настоящее время в нашей законодательной жизни явился новый фактор — Государственная дума. Место отдельных министерств заняло объединенное правительство, получающее свои указания непосредственно от Верховной власти. Но указания эти могут проводиться в жизнь лишь при согласованной работе правительства, Государственной думы и Государственного совета. И я смею думать, что в тех программных вопросах, в которых достигнуто соглашение между Государственной думой и правительством и против которых Государственный совет

принципиально не возражает, правительство вправе искать поддержки Верхней палаты. Поэтому и в обсуждаемом деле, в деле небольшом, но имеющем свою принципиальную программную сторону, важно достигнуть согласия всех факторов государственной жизни.

Я избегаю произносить программные речи, но я думаю, что вам, зорко и близко следящим за ходом государственных дел, ясна не блестящая, с внешней стороны, после перенесенного поражения и после пережитой смуты, наша чернорабочая программа. Мы стремимся улучшить условия народной жизни, мы видим в этом укрепление России, укрепление внешнее и внутреннее. Мы стремимся упрочить законность и закономерный порядок, но вместе с тем мы стремимся укрепить и экономические устои.

Помимо создания мелкой частной собственности, помимо землеустройства, помимо агрономической помощи, помимо расширения мелкого кредита, о чем на днях будет внесен законопроект в Государственную думу, мы стремимся снять также и экономические путы с земств и городов. Жизнь земская и городская не идет вперед, главным образом, не из-за недостатка прав, а из-за недостатка средств. И в настоящее время принимает уже определенные очертания законопроект о муниципальном кредите.

Рассматриваемый вами сегодня законопроект затрагивает один уголок в области улучшения жизни народа. Он направлен к уничтожению одного из зол русской жизни — бездорожья. И сделать это мы хотим не путем упразднения законодательного порядка, как выражался тут в октябре один из ораторов, а путем

строгое сотрудничество, согласования деятельности административной с деятельностью и решениями законодательных учреждений. В этом, полагаю, господа члены Государственного совета, я вправе рассчитывать на Ваше сочувствие.

ДОПОЛНЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ В СВЯЗИ С РЕЧЬЮ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА Н. А. ЗИНОВЬЕВА

Я задержу вас на одну только минуту. Я не могу оставить без оговорки то мнение, которое приписано мне предыдущим оратором, вероятно, вследствие несовершенства моего способа выражаться. Я никогда не говорил о том, что Государственный совет должен обязательно присоединяться к согласованному мнению правительства и Государственной думы. Я слишком уважаю самостоятельность Государственного совета, членом которого я имею честь состоять, чтобы высказать такое мнение. Я говорил о том, что мы вправе искать поддержку Верхней палаты, когда у нее нет принципиальных возражений против мнения правительства, согласованного с мнением Государственной думы. Я говорил о необходимости согласованной работы правительства и Государственной думы с Государственным советом, против чего, я думаю, не будет спорить и Н. А. Зиновьев.

РЕЧЬ О ТАРИФНЫХ СБОРАХ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 24 ФЕВРАЛЯ 1910 ГОДА

Господа члены Государственного совета, я бы не хотел затягивать прений и попросил слова не в целях полемики, а для устранения некоторых недоразумений, которые могут помешать правильному разрешению вопроса. Я не буду вновь возвращаться к вопросу о степени обременительности этих сборов для нашей торговли и промышленности, об этом скажет министр торговли и промышленности *. Некоторые цифровые и фактические данные приведет господин начальник Главного управления по делам местного хозяйства *. Но я не могу не обратить вашего внимания на несоответствие, как мне кажется, с обстоятельствами дела некоторых высказанных тут общих соображений.

Во-первых, тут опровергалась моя ссылка на то, что железнодорожное строительство у нас, при условии полного бездорожья, не находится в соответствии с условиями проведения железных дорог в других государствах, и, в порядке возражений, указывалось на Североамериканские Соединенные Штаты. Бесспорно, что практика и условия железнодорожного строительства в Америке представляют разительное сходство с проведением рельсовых путей у нас. Я изучал этот вопрос по поводу постройки Амурской железной дороги. Но я никоим образом не мог ожидать, чтобы этот

поучительный пример мог быть обращен против правительственных предположений.

Еще в апреле 1908 года я представил вниманию Совета министров подробную записку о колониционной деятельности Североамериканских железнодорожных обществ. Интереснее всего для нас железнодорожное строительство в Америке в 50-х годах прошлого столетия, особенно постройка тех железных путей, которые проводились с Востока к Тихому океану по так называемой великой Американской пустыне. И смею уверить господ членов Государственного совета, что это строительство осуществлялось в совершенно своеобразных условиях, ничего общего не имеющих с западными образцами. Железнодорожным обществам отводились определенные пространства земли, которые им предоставлялось заселять. И вот около тех станций, которые имели в будущем какое-нибудь коммерческое или сельскохозяйственное значение, железнодорожные общества проводили улицы, подъездные пути, строили дома, возводили целые города и соединяли эти города дорогами, подъездными путями и часто даже конно-железными путями, с общей рельсовой колеей.

Лиц, желающих ближе ознакомиться с этим вопросом, я могу отослать к подлинным источникам: Курбскому, Корейши, Адамсу, Хубсону, у которых представлена ясная и полная картина американского железнодорожного строительства. Упоминаю я об этом для того, чтобы указать, что в Америке железнодорожные общества не ограничивались одной узкой задачей железнодорожного строительства. Они принимали на себя гораздо более крупные задачи, которые обнимали не только устройство подъездных путей к железным дорогам, но и колоссальную цель —

колонизацию целой страны. И вот мне кажется, что нам, господа, не следует увлекаться западными образцами, не следует увлекаться теоретическими выводами западной науки, так как иногда на совершенно оригинальное разрешение вопроса нас наталкивает сама жизнь, а не одни только измышления С.-Петербургских канцелярий.

Западная наука действительно осудила обложения посредством *octroi*, но уже после того, как они произвели громадный переворот в жизни страны и повели к расцвету городов. Мне кажется, что законы об *octroi* пережили себя, ибо этот сбор длительный и постоянный; наш же попудный сбор выгодно от него отличается тем, что этот сбор срочный, предметный, кратковременный.

Тут по существу представлен был еще один довод, специальный, технический. Довод этот, как говорили, просмотрен был неспециалистами, но для лиц, близко знающих, изучивших и железнодорожное, и тарифное дело, он неотразим. Новое доказательство было построено на том соображении, что попудный сбор поражает тот товар, который привозится на определенную станцию, во время его разгрузки на самой этой станции. Таким образом, сбор этот имеет все признаки добавки к тарифной ставке. Между тем, повышать тариф, притом совершенно случайно, вне соображений с общей доходностью железных дорог, представляется, как говорили тут, небезопасным.

Наш тариф представляет из себя стройную картину, он строго основан на определенном расчете и имеет целью достижение доходности железных дорог, во всяком же случае избежание дефицитности. Каким же образом допустить вмешательство в тарификацию со стороны, извне? Каким образом поставить ее в

зависимость от легкости, как говорили тут, административных решений, притом решений органа далеко не компетентного?

Но, не говоря уже о том, что в настоящее время некомпетентный орган подчинен более компетентному правительству, мне все же представляется, что вся эта приведенная аргументация, которая должна была нанести убийственный удар правительственному предположению, основана, быть может, на некотором недоразумении. Ведь если отбросить совершенно специальную железнодорожную тарифную точку зрения, то станет ясно, что тариф — это плата за пробег груза по железной дороге до определенной станции. Вне этой станции, вне ее пределов тариф распространяться не может. Стоимость провоза груза по городским улицам тарифа уже не касается. По-пудный же сбор, где бы он ни взимался, на станции ли железной дороги или в соседнем доме, будет одним из слагаемых стоимости провоза товара по городским улицам, так как в зависимости от усовершенствования путей удешевляется и провоз по этим улицам. Таким образом, усмотрение администрации никакого удара нашей тарификации нанести не может.

Тут делались ссылки на труды Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Позвольте мне воспользоваться этим же материалом. Я нахожу, что если стоять на той точке зрения, что дальнейший провоз за пределы станций железных дорог имеет какое-либо отношение к нашему тарифу, то следовало бы, прежде всего, отменить пункт 13 статьи 63 Городового положения, который узаконяет сборы с

грузов по тем замощенным улицам, по тем подъездным путям, которые городом уже сооружены.

Между тем, Особое совещание, в свое время, постановило образовать особую комиссию для разрешения всех этих вопросов; и вот, я позволю себе обратить ваше внимание на пункт 3 литеру Д решения этого совещания. Сказано так: «Предоставить земским учреждениям и заменяющим их местным хозяйственным органам право устанавливать, с надлежащего разрешения, шоссейные, мостовые и т. п. сборы, а равно попудные сборы с грузов на железнодорожных станциях, при условии, что обложению будут подлежать лишь грузы, воспользовавшиеся усовершенствованными подъездными путями к означенным станциям». Следовательно, Особое совещание, в свое время, не возражало против права городов облагать грузы, перевозимые по улицам города, то есть за пределами железнодорожных станций.

Но далее, если держаться точки зрения наших оппонентов, то следовало бы принять законодательные меры против лиц, в этом отношении гораздо более опасных, гораздо сильнее вооруженных правом усмотрения, чем министр внутренних дел. Следовало бы принять меры, во-первых, против грузчиков, которые нагружают товары на подводы и назначают за это произвольные цены; следовало бы принять меры против легковых извозчиков, которые своими непомерными запросами могут испортить всю систему пассажирских тарифов, и, наконец, следовало бы принять меры против ломовых извозчиков, так как они, особенно осенью или весной, во время бездорожья, могут совершенно

опрокинуть всю стройную систему наших тарифных ставок.

Поэтому, господа, я думаю, что к этому вопросу надо отнестись гораздо проще, надо просто использовать нашу высшую административную власть для начала первоначальной, крайне скромной борьбы с громадным нашим злом — бездорожьем.

РЕЧЬ О ПРАВЕ КРЕСТЬЯН ВЫХОДИТЬ ИЗ ОБЩИНЫ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 15 МАРТА 1910 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

После исчерпывающего доклада М. В. Красовского * и после глубоких разъяснений такого высокоуважаемого и авторитетного знатока крестьянского дела, как А. С. Стишинский *, задача моя, представителя правительства, сильно упростилась. Я свободен теперь от обязанности разъяснять вам существо и значение указа 9 ноября 1906 года, тем более что по поводу этого акта и в Государственной думе, и в Особой комиссии Государственного совета, и в ученых обществах, и в прессе, без преувеличения, сказано уже все. Закон этот не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях.

Закон сам завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что

через несколько времени, может быть, было бы уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания. Это сознают и самые крайние противники закона, но тем более он им кажется принципиально вреден. Они не могут не смотреть на него, как на действительно живое порождение правительства, как на исчадие уродливое и уродующее местную жизнь.

Конечно, за последнее время суровые доводы против закона поневоле смягчены теми результатами, которые дает жизнь, но, вместе с тем, и понятно и естественно стремление противников закона выравнять, выправить, видоизменить, обезвредить вредное, в их глазах, явление, ранее чем оно получит окончательное признание, окончательное узаконение в этом высоком учреждении, ранее, чем санкционировать дальнейший его рост и развитие.

Но точно так же, господа, понятно и естественно убеждение правительства, что закон построен правильно, убеждение в том, что изменения, поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление. Поэтому я остановлюсь исключительно на тех поправках и добавлениях, которые предполагается, в порядке так называемого обезвреживания закона, в него ввести, и сочту себя обязанным самым определительным образом изложить взгляд правительства по этому вопросу. Но прежде этого, для того, чтобы более понятна была принципиальная точка зрения правительства, позвольте попросить вас мысленно обернуться к прошлому и вспомнить, в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник.

Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели или догорали помещичьи усадьбы, когда свобода

воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель. В это время правительство начало проводить целый ряд узаконений, относящихся до крестьян. Мероприятия эти понимались многими искренно, иными, быть может, лукаво, как акт политической растерянности слабого правительства, которое зря сразу разбросало весь свой балласт; земли удельные, земли государственные, общинный строй — все в жертву гидры революции.

Но я думаю, что теперь всем стало ясно, что как эти меры, так и мероприятия по укреплению личной собственности являются результатом отношения правительства, отношения продуманного, принципиального к тому, что происходило в то время в России. А диагноз происходившего в кратких словах может быть сведен к следующему. Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаюсь смуту гораздо более серьезную, смуту социальную, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод — необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения.

Социальная смута вскормила и вспоила пашу революцию, и одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальной аграрной реформой политические реформы могли получить жизнь, силу и значение. Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть с угла зрения социального,

а не политического, и тогда станет понятно, что он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя. А так как время смуты — время решений, не раздумья, то понятно, почему этот вопрос был проведен в порядке статьи 87, словом и волею Государя. Понятно это и потому, как говорил тут А. С. Стишинский, что к 1 января 1907 года должен был быть решен в области крестьянского землевладения вопрос о выделе участков в частную собственность, так как к этому времени кончалась выплата выкупных платежей и должна была войти в силу статья 12 Общего положения.

Эту историческую справку я привел для того, чтобы с самого начала установить ту принципиальную сторону закона, с которой правительство сойти не может, в которой уступок нет. Не вводя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая залегла в основу нашего законопроекта.

Если, господа, я так долго остановился на внутреннем значении акта 9 ноября 1906 г., то, может быть, это ускорит и облегчит выяснение дальнейшего отношения правительства к тем поправкам и дополнениям, которые предполагается в него ввести. Я останавлиюсь сначала на отделе 1-м, введенном в законопроект Государственной думой, особенно на статье 1, и прямо скажу, что этот отдел не вносит никакой

повой мысли, новой идеи, противоречащей, противоположной идее правительства, так как поправка эта внесена с целью скорейшего перехода крестьян к личной собственности. Это было достаточно определенно высказано в свое время товарищем министра внутренних дел, А. И. Лыкошиным, в Государственной думе. Но и тут, в Государственном совете, я должен также оговориться, что правительство возражало бы против признания участко-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года.

Соображения правительства таковы: конкретно весьма легко установить общества, в которых, с самого наделения их землей, не было никогда общих переделов. Каждый живущий в русской деревне знает общества стародушников, общества крестьян, владеющих землею по старым ревизским душам. В этих обществах, в этих селениях существуют группы молодых крестьян, которые мечтают добиться уравнивания и общих переделов земли, но это им никогда почти не удается, не удается набрать голосов, так как старые домохозяева крепко и твердо стоят на своем, на старом порядке владения землею.

Но несколько сложнее положение там, где не было переделов в течение 24 лет. Во-первых, какой громадный труд, какое отвлечение от настоящего живого дела кадров крестьянских учреждений для выяснения, в каких обществах было и в каких не было переделов за последние два двенадцатилетия, так как и приговоры о переделах далеко не везде сохранились! А возбужденные при этом споры! Господа, ведь до разрешения их должно быть приостановлено рассмотрение всех заявлений отдельных домохозяев о закреплении за ними участков.

Таким образом, дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы.

Я не могу молчать еще и о том, что так называемые незаконные общие переделы наблюдаются, главным образом, в тех обществах, где официальных переделов за последнее время не было. Затем, изменение существующего порядка вызвало бы среди крестьян лишь волнение, недоумение. Да и зачем принимать искусственные меры там, где дело идет естественным своим ходом? Ведь за 3,5 года — или, вернее, за 3 года, так как закон не начал действовать немедленно после его опубликования, — до 1 февраля 1910 г. заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев, то есть, как заявил тут А. С. Стишинский, около 17% всех общинников-домохозяев; окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, то есть более 11% с 8 780 160 десятинами земли, и это кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли еще 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами.

Таким образом, при такой же успешной работе, еще через 6—7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России — там, где она уже отжила свой век — почти уже не будет. Поэтому правительство, веря в жизненность законов 9 ноября 1906 года, не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения и особенно, проводя закон в порядке статьи 87, считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку. Конечно, законодательные учреждения в этом отношении более свободны. У вас руки развязаны, и поэтому правительство заявляет, что оно согласилось бы на введение отдела 1 одобренного Думой закона 9 ноября,

особенно если бы в нем были исключены слова «и в течение 24 лет».

Переходя ко второй поправке, внесенной Государственной думой и касающейся укрепления излишков, я заявляю, что правительство считает укрепление этих излишков, по взаимному соглашению, а при отсутствии такового по оценке волостного суда, неприемлемым. Правительство предвидит, что при таком порядке возникнет целый ряд судебных споров, очень продолжительная судебная волокита, а вместе с тем и затруднение в процессе выхода домохозяев из общины. Укрепление этих излишков по действительной стоимости, то есть вторичный выкуп от сельского общества уже раз выкупленной земли, едва ли было бы справедливо и во всяком случае было бы для хозяев обременительным. Поэтому правительство настаивает на своей редакции, принятой и Особой комиссией Государственного совета.

Покончив с главнейшими дополнениями, внесенными в закон Государственной думой, я перейду к двум поправкам, предложенным меньшинством Особой комиссии Государственного совета. В Особой комиссии голоса разделились почти поровну, и поэтому я считаю себя обязанным выяснить мнение правительства как по вопросу о личной и семейной собственности, так и по вопросу о предоставлении обществам преимущественных прав к приобретению продаваемых домохозяевами наделных земель. Обе эти поправки клонятся к ограничению прав домохозяина в распоряжении своей наделной собственности: первая — во имя ограждения прав семьи, вторая — в целях ограждения интересов общества.

Я не буду распространяться вновь о том значении, которое правительство придает личной собственности. Я с самого начала заявил уже, что в законопроекте есть стороны принципиального характера, от которых правительство не может отказаться и не откажется. Я добросовестно старался вникнуть в мысли и доводы сторонников семейной собственности и понимаю, что предоставление женщинам права голоса в разрешении вопроса о продаже наделных участков, в этом направлении мысли, является требованием минимальным. Я разделяю теорию, отождествляющую семейный союз с трудовой артелью. Я сознаю весь ужас семьи, глава которой — пьяница и тунеядец — начнет распродажу земли — кормилицы семьи. Но все же я самым решительным и определенным образом заявляю, что принудительные пути, по мнению правительства, делу не помогут, а повредят. Семейный союз, как союз трудовой, останется в силе, если члены семьи будут сознавать себя членами такового, даже если они находятся где-нибудь на отдаленных отхожих промыслах, и никакой закон не свяжет их с семьей отбившегося домохозяина, если он и живет на месте. Домохозяин тунеядец, пьяница всегда промотает свое имущество, какую бы власть над ним вы бы предоставили его жене. В этом отношении ограждение прав семьи может осуществиться только единственным справедливым и правильным решением в установлении опеки за расточительство. По отдавать всю общинную Россию под опеку женам, создавать семейные драмы и трагедии, рушить весь патриархальный крестьянский строй, имея в мыслях только слабые семьи с развратными и пьяными домохозяевами во главе, — простите, господа, я этого не понимаю.

Ведь даже Сенат, создавший у нас институт семейной собственности, никогда так далеко не шел, никогда не ставил препятствий отдельным домохозяевам продавать свои подпорные участки. Когда создают армию, не равняют ее по слабым и по отсталым, если только намеренно не ведут ее к поражению. Как же воссоздать крепкую сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самодеятельность? Самодеятельность эта забивалась общиной, так не заменяйте общину женским гнетом. Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым.

Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. Поэтому я самым решительным образом буду возражать и против второго предположения меньшинства Особой комиссии о предоставлении обществам преимущественного права приобретения продаваемых домохозяевами надельных участков. Поверьте, что там, где у обществ есть средства, где у обществ образовался капитал от обязательных отчуждений угодий для государственной или общественной надобности или от разработки недр, там общество не упустит продаваемого надела, если только он ему нужен. Но там, где у общества средств нет, к чему искусственно расширять площадь общинной земли, стравливать пасильно договорившиеся стороны с обществом, создавать силой закона спор и вражду; а что такие споры, такая вражда создадутся — в этом я безусловно убежден.

Ведь у нас продают свои участки, главным образом, домохозяева, желающие переселиться или желающие

приобрести себе другой участок, который, по их понятиям, более выгоден. Для этого иногда домохозяева приезжают издалека, а продавцы и покупатели стремятся осуществить сделку или до начала полевых работ, или до наступления зимнего времени. А тут предполагается дать обществам право в течение месяца составить приговор о желании конкурировать с частным покупателем, а затем дать им еще три месяца для осуществления этой сделки, для заключения купчей крепости. Я и спрашиваю себя: каким образом, при каких условиях — при узаконенной четырехмесячной волоките, — каким образом явится возможность осуществить частную сделку? По-моему, такой возможности нет. Создается лишь соблазн для общества, соблазн накладывать «табу» на всякую предполагаемую сделку, с тем чтобы по истечении четырех месяцев от нее отказаться.

Является еще соблазн наталкивания покупателей и продавцов на заявление в волостном правлении сделок фиктивных. И все это в видах искусственного поддержания общины, в видах затруднения домохозяевам сознательного осуществления своего права так или иначе решить свою судьбу, тогда, когда наше законодательство последнего времени идет в противоположную сторону — к уравнению в правах крестьян с остальными обывателями Империи.

Я так настоятельно возвращаюсь к этому вопросу потому, что принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и паши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни, потому, наконец, что уравнение

прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом.

Я, господа, не преувеличиваю значения закона 9 ноября. Я знаю, что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий по мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому, нас временно ждут и неудачи, и разочарования, но я твердо верю в правильность основной мысли закона и приписываю первоначальную удачу этого, сравнительно, быть может, скромного акта тому, что он неразрывно связан с величайшим актом прошлого столетия — с освобождением крестьян и составляет, быть может, последнее звено в деле раскрепощения нашего земледельческого класса.

И что дело это не бесплодно, что ваш усидчивый труд по окончательной разработке этого закона не останется без результата, доказывает одно поразительное явление, явление, может быть, недостаточно учитываемое, а, может быть, и нарочно замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бодрое чувство, с которым почти одна шестая часть, как только что было указано, домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению. Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1 400 000 десятин, уже отведенных к одним местам. Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, чтобы засвидетельствовать перед вами, что значит живая неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства! И

безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов.

Правительственные чины много поработали над делом землеустройства, и я ручаюсь, что работа их не ослабнет. Но я с слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не по внутреннему убеждению. Правительство и рассчитывает, что, идя навстречу этому внутреннему убеждению, этому внутреннему народному чувству и разделяя вместе с правительством веру в государственную силу свободного крестьянства, вы, господа члены Государственного совета, вынесете свой беспристрастный и авторитетный приговор и придадите закону 9 ноября 1906 года силу своего одобрения.

РЕЧЬ О КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 26 МАРТА 1910 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

Вопрос о семейной собственности — вопрос для крестьянской жизни настолько значительный, а для правительства настолько принципиальный, что я позволю себе в настоящее время, перед голосованием статьи 9 *, вкратце к нему вернуться. Во-первых, считаю необходимым установить, ввиду неоднократного упоминания тут об отношении правительства к слабым, что правительство никогда и нигде не заявляло о том,

что государство свободно от забот относительно слабых, относительно немощных, относительно неспособных членов крестьянской общины и крестьянской семьи. Заботы по этому предмету, несомненно, лежат на правительстве, но они, эти слабые, не должны лежать тяжелой обузой, не должны давить, как тяжкие кандалы, на одно крестьянское сословие, на один земледельческий класс, на его инициативу, его стремление улучшить свой быт.

Закон 9 ноября, избегая всякого насилия, всякого принуждения как в отношении общинного способа, так и семейного способа владения землей, лишь осторожно развязал, снял путы, связывавшие до настоящего времени свободную волю крестьян, рассчитывая на то, что, не будучи ничем стеснены, способности и воля разумнейших и сильнейших свободно проявят себя, проявят во всю ширину народной самодеятельности русского народного духа. По этим соображениям, возражая, как известно, против признания единоличными собственниками членов тех общин, где когда-либо были переделы, правительство, по тем же причинам, решительно высказывается против установления каких-либо новых писаных норм в определении понятия крестьянской семейной собственности, особенно с пригвождением к ней, помимо естественного, жизненного подбора, элемента, иногда, быть может, негодного.

Заметьте, господа, что правительство шло в этом направлении с величайшей осторожностью и, освобождая крестьянству пути перехода к личной собственности, сохранило по отношению к этому новому виду владения все правила, ограждающие сохранность крестьянской надельной земли для крестьянства, и тем

заслужило даже упрек в недостаточном размахе бюрократического творчества!

В этом направлении правительство пошло гораздо далее существующего закона. Во-первых, единоличные участки, укрепленные в личную собственность, — по проекту правительства до выдела к одному месту, а по статье 51 Думского законопроекта и после выдела, — подчиняются всем правилам, установленным для надельных земель. Эти участки могут продаваться только в руки крестьянства, они могут закладываться только в Крестьянском банке, они изъеются из обращения на них частных взысканий. Закон 9 ноября, сохраняя возможность применения местных обычаев в порядке завещательном и в порядке наследственном, ограждает в значительной степени права сыновей. Закон 9 ноября, как я только что сказал, пошел даже дальше существующего закона, оградив от произвола домохозяев и боковых родственников, признав их совладельцами надельных земель. Наконец, Дума статьей 51-й ограничила возможность скупки наделов *, установив правила о воспрещении продажи в одни руки в одном уезде более 6 указанных наделов; при этом я должен оговорить, что едва ли в действительности существует такая громадная мобилизация крестьянской собственности, как тут упоминалось.

По крайней мере, мы стараемся по каждому отдельному случаю немедленно производить расследование, и, как члены Государственного совета недавно могли узнать, по поводу одного сообщения о крайне низкой цене, по которой продаются будто бы надельные участки в Орловской губернии, напечатанного в «Новом времени», был запрошен губернатор. Он ответил телеграммой на имя товарища министра, «что

сведения о продаже земли в газете «Новое время» совершенно неверны — в округе Орловского окружного суда средняя покупная цена десятины за последние три года, согласно купчим крепостям, равнялась 86 рублям, а средняя покупная цена десятины в 1909 г. равнялась 89 р. Цена эта значительно ниже фактической покупной цены, она искусственно понижена во избежание нотариальных расходов. В указанные цены не входят принятые на себя покупателями и плательщиками недоимки».

Я должен заметить, что вообще средняя продажная цена наделной земли по всей России в настоящее время равняется 93 р., то есть она не чрезмерно низка.

Возвращаясь к установленным законом гарантиям, я укажу, что право взрослых сыновей, как заметил и гр. Д. А. Олсуфьев*, ограждено указом 5 октября 1906 г., установившим возможность производства в настоящее время семейных разделов, по приговорам сельских сходов, даже и без согласия домохозяев-отцов. Права отдельных семейств ограждаются против обезземеленья вследствие пьянства или распутства домохозяина выработанным уже Министерством внутренних дел законом об упрощенных опеках над расточителями.

Все эти мероприятия имели в виду, не нарушая самой природы наделной земли как земельного фонда, обеспечивающего крестьянство, дать возможность этому крестьянству использовать землю приложением к ней путем свободного труда лучших крестьянских сил. Поэтому совершенно противно самой мысли, самому принципу закона 9 ноября насильственное прикрепление к земле какой-либо рабочей силы, будь то путем прикрепления ее к общине или путем создания в черте

самого надела новой небольшой общины — общины семейной. По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей. Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей, а земля (повторяю то, что сказали в свое время в Государственной думе), земля — это Россия.

Я опасаясь, господа, применения к наделным землям того принципа, который такое продолжительное время применялся к уральским заводам, принципа обязательного занятия заводскими работами всего заводского населения, независимо от пригодности его для этих работ. В результате — гибнут заводы, в результате — находятся в трагическом положении и заводские рабочие. По этим соображениям, правительство, не из желания спорить, не из упорства, но по принципиальным соображениям, не может присоединиться к такой поправке к статье 9, которая вносила бы совершенно новые, не существовавшие до сих пор начала, противоречащие существующим нормам крестьянской собственности. Короче сказать, неприемлема для нас такая поправка, которая ударяла бы по всем домохозяевам-крестьянам.

Так как наиболее льготной в этом отношении является поправка А. С. Стишинского *, и к ней, кажется, очень близка и поправка кн. А. Д. Оболенского * 2, то позвольте мне представить вам некоторые соображения, доказывающие неприемлемость для нас этой поправки; тогда, мне кажется, отпадет необходимость говорить и о всех остальных поправках.

С первого взгляда может показаться более чем естественным предоставление домохозяину, укрепляющему за собой участок, права заявления: желает ли он укрепиться единолично или желает укрепить вместе с собой и членов своей семьи в общую семейную собственность. Это, казалось бы, не вносит в дело никакого принципа принуждения; наоборот, крестьянину-домохозяину предлагается свобода выбора между порядком новым и старым.

Но в действительности это далеко не так.

При личной собственности, по закону 9 ноября, сохраняется, как я только что говорил, действующий ныне порядок распоряжения землей. Какова бы ни была сенатская практика, в которой исследователи совершенно добросовестно могут отыскивать указания на принцип и личной, и семейной собственности, все же ни эта практика, ни Государственный совет, в известном всем деле Армалиса *, не установили, что при продаже, при залоге или при отчуждении участка, принадлежащего семье, требуется нечто иное, кроме свободного единоличного волеизъявления домохозяина.

Таким образом, если указ 9 ноября не ломает в этом отношении понятия, установившегося в деревне, то обсуждаемая поправка вносит в эту область много нового. Во-первых, совершенно неясно, предполагается ли этой поправкой даровать домохозяину право укреплять вместе с собою всех членов своей семьи, имеющих по местным обычаям участие в общей собственности, или избирать для этого отдельных своих родичей. Первый случай равнялся бы распространению на существующее поколение коллективной семейной

собственности и установлению между родителями и детьми новой законодательной нормы.

Я думаю, что доброе число домохозяев, которые согласились бы при укреплении избрать эту формулу новой прикровенной семейной собственности, под видом сохранения прежнего порядка, было бы прямо введено в заблуждение. Я полагаю, что они были бы изумлены после нарождения у них новых сыновей открытием того обстоятельства, что эти новорожденные сыновья не имеют никакого участия в собственности на землю. Я думаю, что они были бы изумлены, когда со временем, при желании с их стороны продать участок, заложить его, перейти на хутор, выйти на отруб, им было бы заявлено, что они отреклись от своего права распоряжаться землей, что их место заступил какой-то новый коллективный орган семейного волеизъявления. Да каким же образом установить этот орган, каким образом добиться в нем единогласия, каким образом установить в нем представительство интересов малолетних и опекунских установлений?

По моему разумению, провести такого рода принцип в жизнь немыслимо. Писаное право точно так же тако-го рода нормы не знает, разве только в одной Черногории, о которой тут уже упоминалось и где гражданское уложение писал профессор Новороссийского университета. Но, быть может, и вероятно даже, я ошибаюсь, а так как поправка мотивирована, как тут было заявлено, тем, что нельзя же ограничивать свободную волю домохозяина, укрепляющего за собой надел, запретом предоставления определенным лицам соучастия в его владении, то, несомненно, поправка предполагает право домохозяина избрать тех или иных

из членов своей семьи для соукрепления в наделном участке.

Но в таком случае ведь теряет значение и сама поправка. Она ведет к совершенно неожиданным результатам, так как домохозяин приобретает право исключать из своей семьи нежелательных ему членов семьи, например, взрослых сыновей, по настоянию мачехи. Более того, домохозяин приобретает в силу этой поправки при жизни гораздо более прав, чем закон 9 ноября предоставляет ему, в порядке завещательного распоряжения, которое все-таки поставлено в зависимость от обычая.

А дети? Дети, конечно, выиграют от этой поправки и в первом, и во втором случае. Если закон не скажет, то он подскажет детям идти по всей России требовать от родителей насильственного закрепления за ними в семейную собственность наделных участков. В иных случаях будет делаться это скопом, в других случаях — будет навязывать свою волю наиболее дерзкий, наиболее наглый член семьи. А так как этот вопрос — шкурный, то требование это будет предъявлено с ножом к горлу. Раздор между родителями, о жалкой роли которых тут так много говорилось, и между детьми, несомненно, будет посеян, и в результате бывшая патриархальная семья, лишившись распорядителя-домохозяина, лишившись юридического аппарата волеизъявления, будет влачить жалкое первобытное существование, прикованная к нищейской рутине цепями, выкованными здесь, в С.-Петербурге. Вот, господа, причина, почему я считал бы не только вредным, но прямо опасным вместо определенных норм

В В О Д И Т Ь В З А К О Н Т У М А Н Н О Е П О Н Я Т И Е
социалистически-сентиментального свойства.

Дополнение, сделанное по поводу речи

А. С. Стишинского, произнесенной в Государственном совете 26 марта 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

Я хочу остановить ваше внимание на две минуты, не более, по поводу речи А. С. Стишинского *. Мне кажется, что член Государственного совета А. С. Стишинский хорошо понял одну из моих мыслей, именно о том, что закон 9 ноября сохраняет земельный надельный фонд в руках крестьянства, но он ошибся, приписывая мне мысль о том, что закон 9 ноября бережно относится к сохранению семейной собственности в ее целом.

Я не оспариваю утверждения А. С. Стишинского о том, что семейная собственность выражается в жизни в двух признаках; первый признак — право члена семьи во всякое время вселиться в участок; признак второй — право требовать выдела своей доли из участка, из цельного культурного участка. Но, по моему мнению, именно эти два права и ведут к разорению хозяйства и являются главнейшим аргументом не за, а против семейной собственности.

Замечу еще, что А. С. Стишинский в своей речи, при вычислении лиц, бросающих землю, выходящих из нее,

оставивших участки, которых всего в России 82 тысячи при 67 тысячах и даже несколько более покупателей, забыл упомянуть о том, что в числе их находятся в большом числе и переселенцы, которые не могут считаться оставившими землю. Затем, несмотря на объяснения А. С. Стишинского, что, согласно его поправке, те члены семьи, которые не зачислены в соучастники семейной собственности, являются наследниками доли своего отца, я все же утверждаю, что они являются по отношению к другим членам семьи, признанным соучастниками, и обездоленными, и обиженными.

Я устанавливаю точно так же, что, согласно закону 9 ноября, при закреплении участка за домохозяином в личную собственность он не вправе, как утверждает А. С. Стишинский, выгнать члена своей семьи из участка, так как споры между членами семьи будут разрешаться и впредь по местному обычаю волостными судами.

Наконец, у меня остается еще одно недоумение. Если, по словам А. С. Стишинского, его поправка не дает соучастникам во владении права голоса при отчуждении, при продаже участка, то мне кажется, что поправка эта, во-первых, теряет всякое значение и, во-вторых, является не только бесполезной, но и вредной; она, несомненно, введет в смущение целый ряд лиц, ввиду того, что ни один, я думаю, нотариус не решится произвести продажу и совершить акт на отчуждение участка по заявлению одного только домохозяина, раз в коренном акте его владения землей он значится собственником, наравне с другими соучастниками продаваемого участка.

Замечание по поводу поправки к закону от 9 ноября, сделанное в Государственном совете 27 марта 1910 г.

Только что выслушав новую поправку *, я должен заявить, что правительство против нее также возражает, так как, во-первых, правило, устанавливаемое этой поправкой, сводится к тому, что частный случай, когда домохозяин перестает быть распорядителем участка, подводится под общее правило и таким образом как будто бы внушается членам семьи, что они могут устранять или могут заменять собою самого домохозяина; а во-вторых, еще более важно, с моей точки зрения, то, что поправкой устанавливаются совершенно новые гражданские нормы. Поправка может создать у крестьянства убеждение, что домохозяин, переставший быть распорядителем участка, перестает быть и собственником этого участка. Наступает как будто бы гражданская смерть домохозяина, то, чего в настоящее время в убеждении крестьянства, конечно, не существует, так как старик, который не может уже работать на участке, все-таки в понятиях крестьян остается его собственником и лишению гражданских прав подвергнут быть не может.

**Дополнение в связи с
выступлениями в
Государственном
совете В. П. Энгельгардта и Н. А.
Хвостова, сделанное
27 марта 1910 г.**

Я только скажу два слова. Я так понял двух предыдущих ораторов. Член Государственного совета В. П. Энгельгард выступил против * оставления прав за теми домохозяевами, которые по старости или слабости, как он выразился, «лежат на печи», а член Государственного совета Н. А. Хвостов указывал * на еще большую, по его понятиям, опасность, опасность того, что родоначальник, который даже не живет на участке, который где-то находится вдалеке, может вернуться домой и затем укрепить за собой участок и распорядиться им.

Я усматриваю тут явное недоразумение и предлагаю обратиться к самому закону 9 ноября, прочесть статью 8, где сказано, что каждый «домохозяин», владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время и т. д. Следовательно, лицо, «лежащее на печи», не может почитаться домохозяином, лицо отсутствующее, живущее где-нибудь в С.-Петербурге или на заработках, — не есть домохозяин. Поэтому, по закону 9 ноября, он не может укрепиться, не может обойти, обездолить своих сыновей, свою семью. Закон же 9 ноября принимает на себя заступничество, наравне с семьей, и за стариков, и

принципу этого закона противоречит поэтому поправка, согласно которой старик, «лежащий на печи» или отсутствующий и не являющийся домохозяином, может вдруг оказаться только соучастником собственности, к которой пожелает укрепиться (сообща с другими членами семьи) член семьи домохозяин и из владельца превратиться в совладельца определенной доли своего бесспорного земельного имущества.

**РЕЧЬ О ПРЕРОГАТИВАХ
ПРАВИТЕЛЬСТВА В ДЕЛЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 31
МАРТА 1910 ГОДА В ОТВЕТ НА
ЗАЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТИ ДВУХ
ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ**

Господа члены Государственной думы!

Заявление 32 членов Государственной думы * обращено ко мне как председателю Совета министров. Ознакомившись с этим заявлением, я убедился, что мне было бы не трудно рядом формальных доказательств установить полную неприемлемость, скажу даже более — невозможность запроса, подобного внесенному, вследствие несоответствия его существа самой природе запросов, как их понимает наше законодательство. Акт 24 августа (1909 года) не есть действие министра или

подведомственных ему учреждений, о котором говорит ст. 58 Учреждения Государственной думы. Это акт руководства Верховной власти по отношению к своему правительству, это есть не распоряжение властей, подлежащих контролю Государственной думы, а выражение воли Государя Императора, последовавшее в порядке верховного управления на точном основании ст. 11 Основных законов.

После разъяснений юридического свойства, представленных здесь в том же порядке мыслей докладчиком, мне осталось бы только завершить вашу осведомленность представлением некоторых дополнительных данных, если бы не тревожная мысль, которая овладела мною при слушании речей нескольких предыдущих ораторов. Мысль эта заставляет меня выйти из тесных рамок формальных доказательств и вступить в область более серьезных разъяснений, к которым один лишь факт предъявления запроса, по мнению правительства — неприемлемого, меня побудить не мог бы.

Я задаю себе вопрос, не могут ли только что высказанные здесь суждения, оставленные правительством без ответа, вызвать, даже после отклонения запроса, недоброе впечатление какого-то разлада разных факторов государственности по отношению к нашим вооруженным силам. А ведь в деле, касающемся нашей армии, ничего не должно оставаться неясным и темным! Мы живем в слишком сложное время, и, несмотря на всеобщее желание мира, все элементы государства, не враждебные ему, должны работать над созданием, над накоплением живой, активной народной силы (голоса в центре и справа: bravo), а то впечатление, о котором я только что говорил, может

наложить на эту работу единственно, может быть, опасные для армии пути.

Для меня с самого начала прений, точно так же, как и для других ораторов, было ясно, что лиц, поддерживающих заявление о запросе, интересует не одна юридическая, но, может быть, в большей еще степени политическая сторона дела. Вопрос в настоящее время достаточно ярко расчленился. Правительство, по мнению ораторов оппозиции, совершило юридически незаконный акт — это одна сторона вопроса; но правительство сделало это, последовательно проводя принцип постоянного преуменьшения прав Государственной думы, следуя своей постоянной реакционной политике, — это вторая часть, и я думаю, для моих оппонентов наиболее существенная.

К этой второй теме в Государственной думе возвращаются очень часто и по самым разнообразным поводам. Я избегал отвечать на такого рода нападки, полагая, что полемика на такие мотивы безрезультатна, и не имея просто времени заниматься политической гимнастикой. Но раз такого рода доводы приводятся вновь как аргументы в пользу принятия запроса, запроса свойства, по моему мнению, небезопасного, то и мне придется коснуться двумя-тремя словами этих аргументов, дабы неправильностью фона, налагаемого на весь запрос, не была бы затемнена самая ясность рисунка.

Во-первых, господа, совершенно несомненно, что правительство суровым образом и реагировало, и реагирует против революции; поэтому для революционеров и для лиц, сочувствующих или сочувствовавших им, настоящее правительство —

правительство реакционное. Но точно так же известно, что правительство приняло на себя задачу установить прочный правомерный порядок, проводя одновременно реформы, предуказанные с высоты престола. Вот тут по этому поводу слышится целый ряд попреков, целый ряд нареканий в том, что правительство, действительно, достигает внешнего порядка, но достигает его способами противозаконными, что правительство без всякой надобности усиливает репрессии, что оно старается затормозить все реформы и свести на нет деятельность Государственной думы.

Следует ли, господа, доказывать, что вся сущность этих горячих нареканий складывается из партийной страстности, из неправильных фактов и выводов и частицы правды? Частица правды заключается в том, что в области управления могут быть и бывают ошибки, злоупотребления и превышения власти. Правительство это искореняет и, смею вас уверить, искоренит. (В центре рукоплескания и голоса: браво, браво!) Но из этих случаев с большой легкостью делается вывод о том, что вся наша администрация беззаконничает и что это беззаконие возведено правительством в систему (голос слева: верно).

Вывод этот по отношению к нашей администрации, честно преодолевающей громадный труд, и произволен, и несправедлив. Противники правительства, впрочем, выводы свои не всегда ставят в соответствие с фактами. Для доказательства этого мне придется отойти несколько в сторону и привести несколько примеров. Так, за последнее время, за последнее трехлетие, правительство сочло возможным смягчить или отменить исключительное положение в 130 различных местностях, а между тем еще недавно мы слышали здесь упрек, что

правительство не может управлять иначе, как посредством исключительных положений. Административная высылка, мера временная, мера обоюдоострая, применяется все реже и реже. В 1908 году этой ссылке подверглось 10 060 человек, а в 1909 году — 1991 человек, то есть в пять раз меньше, а между тем мы слышали тут недавно, что ссылка применяется чаще, чем прежде. Обязательные постановления там, где это возможно, ослабляются, и за последнее трехлетие, точно так же, вследствие их неправильности их отменено было 386.

Между тем тут постоянно говорится об усилении произвола местных властей. Да не слышали ли вы здесь недавно о том, что военные суды чаще, чем когда бы то ни было, отвлекаются теперь от своей прямой обязанности? И это говорилось после того, как Государю Императору угодно было лично указать на возможность обращения к военной подсудности общеуголовных преступлений только в самых исключительных случаях, с применением смертной казни только в виде самого крайнего средства, ограждающего потрясаемые устои государственности. (Движение слева, звонок председателя.)

Я, господа, привожу это не для того, чтобы с кем-либо спорить, а потому, что считаю, что Государственная дума вправе быть верно осведомленной и о действиях, и о видах правительства. Я не могу при этом открыто не заявить, что там, где революционная буря еще не затихла, там, где еще с бомбами врываются в казначейства и в поезда, там, где под флагом социальной революции грабят мирных жителей, там, конечно, правительство силой удерживает и удержит

порядок, не обращая внимания на крики о реакции. (Голоса справа: браво.)

Но, господа, равнодействующая жизнь показывает, что Россия сошла уже с мертвой точки, и я надеюсь, что по мере отмирания нашей смуты будут отпадать и стеснения в пользовании обществом предоставленными ему правами; я надеюсь, что и печать, и общества, и союзы, которые в недавние тяжкие дни были еще зажигательными нитями для бенгальских огней революции, постепенно будут вдвигаться в нормы постоянного закона. (Шум слева; голоса справа: браво.) И правительство это делает не для того, чтобы подыгрываться под какое-либо настроение, не для того, чтобы купить кого-либо, не для того, чтобы уничтожить партийное или так называемое общественное недовольство.

После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной думой, и Государственным советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собою. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда обрисуетя и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией! И достигнуть этого возможно, главным образом, при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями (голоса в центре: браво), работе, которая так легко нарушается искажением и целей, и задач правительства.

Нарушаться эта работа может и другим путем, и я опасаясь, что на этот другой путь стали некоторые ораторы, только что говорившие передо мной с этой трибуны. Вспоминая то, что говорил член Государственной думы Милюков о том, что устройство армии должно проходить в общем законодательном порядке *, сопоставляя это с выслушанной нами в прошлом заседании речью члена Государственной думы Соколова 2 *, вспоминая его красноречивое заявление о том, что Государственная дума желала бы много сделать для мощи армии, для устройства ее, но что ей мешают на этом пути, что и сама армия должна знать, что Дума хотела бы для нее сделать и что служит для этого помехой, я боюсь, что из роли спокойного летописца я должен буду перейти к роли обвинителя.

История последних лет показывает, что армию нашу не могла подточить ржавчина революции (голоса в центре: браво), что материальные ее запасы восполняются, что дух ее прекрасен, а я думаю — и несокрушим, потому что это дух народа (в центре и справа рукоплескания и возглас «браво»), но история революции, история падения государств учит, что армия приходит в расстройство тогда, когда перестает быть единой, единой в повиновении одной безапелляционной, священной воле. Введите в этот принцип яд сомнения, внушите нашей армии хотя бы обрывок мыслей о том, что устройство ее зависит от коллективной воли, и мощь ее уже перестанет покоиться на единственно неизменяемой соединяющей нашу армию силе — на власти Верховной.

Принцип этот, принцип единого руководства нашей армией свято до настоящего времени блюдетя и правительством, и законодательными учреждениями.

Никто еще не высказывал сомнения в том, чтобы законодателем недостаточно был указан удел народного представительства в деле сотрудничества Ему по укреплению вооруженных сил страны. Удел этот выражается в участии определения контингента новобранцев, в обсуждении представлений об ассигновании средств на наши военные нужды, в ассигновании этих средств или в отказе в этих кредитах. И в этом важном деле, возложенном на законодательные учреждения, правительство, несомненно, обязано, по мере и в пределах возможности, представлять им нужные материалы и данные. И совершенно неправильно было бы действие правительства, выразившееся в испрошении кредитов на определенные надобности с предвзятым намерением употребить эти расходы на другую цель.

Но точно так же противозаконно было бы использование законодательными учреждениями своих бюджетных или кредитных прав для закрепления в армии удобного им порядка. И я опасаюсь, что эти бесспорно ясные начала могут быть затемнены сомнением, которое авторы запроса хотели бы вгвоздить в убеждение оппозиционной части нашего общества. Они хотят убедить в том, что раз они предъявляют спор о преуменьшении правилами 24 августа прав Государственной думы, то самые права Государственной думы в области устройства армии уже не могут подлежать сомнению. А насколько опасно противопоставление, хотя бы незаметное, правам Монарха в этой области иных не предуказанных законом прав, я уже указывал раньше.

Но я на этот счет предвижу вопрос: если в этой области все так ясно, то к чему же самые правила 24 августа 1909 года? Не могут ли они сами вызвать

суждения, на опасность которых я только что указывал? Вот тут позвольте мне обратиться к истории дела! Никто, я думаю, не будет оспаривать, что на долю теперешнего правительства легла весьма нелегкая задача, задача проведения в нашу государственную правительственную жизнь новых государственных начал. И, я думаю, понятно, что в этом новом деле, в эпоху перелома в нашем правительственном и административном строе, правительство ежечасно наталкивается на всевозможные затруднения. Затруднения эти я делю на две категории: к одной категории я отношу все недоумения, возникающие и возникавшие между законодательными учреждениями и правительством, а к второй — затруднения в применении самим правительством своих принципиально бесспорных прав.

Возьмем, например, право бюджетное или право установления условий выпуска займов. В этих вопросах проявилась несомненная разность в понимании правительством и законодательными учреждениями пределов их взаимных прав, но я утверждаю, что по отношению к статье 96 никаких затруднений этого рода не возникало. У правительства в этом вопросе возникали сомнения, но не по отношению к Государственной думе, а по целому ряду принципиальных вопросов внутреннего правительственного распорядка. Я укажу это на примере. Статья 96 объемлет собой целый ряд вопросов высокого интереса, но так как обыкновенно она отождествляется с вопросом о штатах, а вопрос этот считается для правительства самым неприятным, то позвольте мне остановиться именно на этом примере.

Известно, что способ применения статьи 96 давно уже особенно озабочивал правительство, вследствие чего для выяснения этого вопроса была в свое время

учреждена комиссия покойного ныне товарища министра финансов Чистякова. Известно также, что правительство считало необходимым достигнуть соглашения не сходящихся между собой мнений в этом деле разных ведомств. Но не надо забывать, в чем именно заключалось сомнение правительства. Никогда правительство не допускало и мысли, что устройство военных частей, а следовательно, и штатов этих частей могло бы проходить иначе, как в порядке ст. 96, так как для правительства было всегда бесспорно, что постановления по строевой, технической и хозяйственной части объемлют собой и военные штаты.

Еще весной 1968 года, в том заседании, о котором уже упоминал тут один из предыдущих ораторов, представитель правительства в Государственном совете заявил, что, по понятию правительства, организация армии и флота определяется не в общем законодательном порядке статьи 96 и что лишь ассигнование кредитов, ассигнование денег должно проходить порядком общим. Сомнения правительства были другие: военное и морское ведомства заключают в себе много организаций, ведающих не одни только военные дела. Достаточно упомянуть о том, что гражданское управление в целых областях подчинено военному ведомству, что есть целый ряд городов, в которых градоначальники должны быть обязательно из лиц морского ведомства. Поэтому поневоле, устанавливая порядок производства этих дел, правительство должно было установить грань между функциями гражданскими и военными военного и морского ведомств.

Сомнения правительства, которые должны были быть разрешены междуведомственной комиссией, и

заклучались в том — где, в каком месте, каким образом установить эту грань, так как к функциям гражданским некоторые относили и устройство центральных частей этих ведомств, то есть штаты их в качестве органов высшего административного управления. Вот в этой стадии вопроса и вклинился в дело вопрос, разбиравшийся в то время в Государственном совете, вопрос о штатах Морского генерального штаба. При обсуждении его правительство заявило, что как этот вопрос, так и целый ряд вопросов, получивших уже движение и разрешение через обе палаты, правительство понимает как вопросы сепаратные, которые не должны предрешать принципиального вопроса, рассматривавшегося междуведомственной комиссией.

Но вокруг дела о штатах Морского генерального штаба разыгрался принципиальный спор, который общественной молвой был поднят на совершенно неожиданную, небывалую высоту. Решение Государя Императора положило конец этим спорам, дало окончательное направление этому делу военно-административного характера; указание правительство получило в вопросе военного понимания от единственной компетентной в деле военного строительства инстанции, от Верховного вождя армии. (Голоса справа: браво.)

Таким образом, было разрешено и правительственное затруднение, правительственное недоумение, внутриправительственный вопрос, вопрос, который на нашем аграрном языке мы могли бы назвать вопросом внутринадельного разверстания, но этим ничуть не было установлено какое-нибудь новое разграничение прав правительства и прав народного

представительства, так как таковой вопрос и по поднимался.

Я так долю остановился на этом вопросе и представил вам так подробно все эти данные не для того, чтобы объяснять действия правительства, а для того, чтобы вам стал ясным дальнейший ход этого дела и самое существо правил 24 августа 1909 г. Получив указания Верховной власти в вопросе о штатах, то есть в одной части общего вопроса, правительство должно было разработать и получить дальнейшие указания в общем вопросе, так как ст. 96 обнимает собой еще целый ряд вопросов, так, например, вопрос о гражданском законодательстве в казачьих областях, вопросы бюджетного характера и т. д. Вот в порядке верховного направления правительственного аппарата и должна была протекать дальнейшая правительственная работа.

Это ясно доказывает и Высочайший рескрипт на мое имя, который ставит эту правительственную работу в пределы, указанные нашими Основными законами. Это доказывает и вся дальнейшая правительственная работа. Позвольте познакомить вас с отрывком из журнала Совета министров от 26 мая минувшего года. Журнал этот Высочайше утвержден. Он гласит: «Совет министров заметил с своей стороны, что Высочайше возложенная на него задача состоит лишь в выработке правил, которыми, в случае одобрения их Вашим Величеством, должны руководствоваться органы исполнительной власти и в частности военное и морское ведомства при направлении относящихся к устройству вооруженных сил России законодательных предположений. При этом Вашему Величеству благоугодно было в рескрипте на имя председателя Совета министров от 27 минувшего апреля выразить Высочайшую волю о том, чтобы правила сии

составлены были в пределах, указанных основными государственными законами. Поэтому установленное в сих последних отношение общих законов к специальному военному законодательству должно быть строго соблюдено как необходимое условие закономерного осуществления настоящего дела, заключающегося, само собой разумеется, не в толковании или расширении точного смысла существующих законов, ибо сие возможно было бы только в законодательном порядке, а в преподании ведомствам руководящих указаний к правильному применению закона».

Вышеизложенное опрокидывает, я думаю, не только правильность построения самого запроса, но и правильность построения заблудшей мысли, пытавшейся внести разлад в согласованную работу высших государственных органов в деле укрепления военной мощи России. Я знаю, что многие хотели бы поставить этот вопрос иначе; желательно возбудить спор из-за прав, спор для нашей армии губительный; желательно доказать, что правилами были нарушены права Государственной думы, что необходима борьба с правительством и что эта борьба, быть может, более важна, чем возможная в будущем вооруженная борьба за судьбы России.

Но я открыто заявляю убежденное мнение правительства: до настоящего времени Государственная дума в своем целом с величайшим уважением относилась к правам Верховного водителя нашей армии, и правительство, со своей стороны, никогда на права Государственной думы не покушалось. В правильном понимании этого, я полагаю, и комиссия Государственной думы выразилась за отклонение заявления о запросе. Я уверен, что и Государственная дума с силою отбросит

запрос 32 своих членов, предуказав этим, что в деле защиты России мы все должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права России — быть сильной. (В центре и справа рукоплескания и возгласы: браво.)

**РЕЧЬ ПО ПОВОДУ
ЗАКОНОПРОЕКТА О
РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗЕМСКОГО
ПОЛОЖЕНИЯ 1890 ГОДА НА
ДЕВЯТЬ ГУБЕРНИЙ ЗАПАДНОГО
КРАЯ, ПРОИЗНЕСЁННАЯ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 7 МАЯ
1910 ГОДА**

Господа члены Государственной думы!

Год тому назад правительство заявило Государственной думе о готовности своей внести в законодательные учреждения законопроект о распространении Земского положения 1890 г. на девять губерний Западного края. Вы помните, что в ту пору в Государственном совете, в порядке инициативы, возникло предположение о необходимости изменения способа избрания членов Государственного совета от Западного края. Правительство точно так же считало существующий способ несправедливым и подлежащим изменению, поэтому приходилось, по мысли правительства и группы членов Государственного совета, создать такое новое избирательное собрание, в котором

права русского экономически слабого большинства были бы ограждены от польского экономически и культурно сильного меньшинства.

Но это наталкивало на мысль, нельзя ли этому новому избирательному собранию придать еще некоторые функции, так как казалось, что оно имеет в себе все данные, все задатки для правильного ведения земского дела. Как вам известно, Земское положение не было до настоящего времени распространено на Западный край, несмотря на целый ряд предположений и планов правительства, и именно вследствие того, что все возникавшие предположения не давали уверенности, что русские государственные начала будут достаточно ограждены от напора многоплеменных местных влияний и вожделений. Но раз эта задача благополучно разрешалась для избирательного собрания, то она тем самым была, конечно, разрешена и по отношению к земству.

Поэтому правительству оставалось только внести на законодательное рассмотрение законопроект измененного, согласно местным условиям и особенностям, Положения 1890 года, с тем чтобы будущие земские собрания явились избирательными коллегиями для выборов членов Государственного совета. Вот за эту работу и взялось правительство, вооружилось всеми необходимыми материалами, собрало статистический материал и прежде всего задало самому себе вопрос: каким же образом оградить русские государственные начала, каковы пределы ограничений, обеспечивающие эти начала и одновременно не убивающие самую возможность земской самодеятельности?

Разбираясь в этих вопросах, правительство столкнулось с двумя течениями мысли. Одно из них, самое, на первый взгляд, естественное и справедливое, основывается на следующих соображениях: раз признано возможным привлечь к местной экономической деятельности местные элементы, то нельзя трактовать их как элементы опасные. Всякое стеснение, всякое ограничение их было бы только искусственным раздуванием старинной племенной вражды между национальностями польской и русской, это было бы, как только что выразился предыдущий оратор, увековечением политической борьбы, узаконением политической ненависти, отдалением эры примирения и даже хуже того — быть может, введением политики в ту область, которая должна быть политике чужда.

Единственное ограничение, которое допускается по этой теории, — это ограждение государством отдельных племенных групп путем пропорционального представительства, так как иначе более сильные, более многочисленные группы поглотили бы, подавили бы более мелкие национальные группы, которые точно так же развились историческим путем. Сторонники этого взгляда считают всякое ограничение, выходящее за эти пределы, прямо каким-то диким, противокультурным национализмом, уничтожающим самую идею земского представительства. Вот тот совершенно определенный ответ на прежде всего подлежащий выяснению коренной вопрос, который, по моему понятию, соответствует мировоззрению польских уроженцев западных губерний и представителей нашей оппозиции.

Но правительственная идея шла по другим течениям, она приводила к другим выводам, и правительственный законопроект, как вам известно, не

соответствует приведенным соображениям. Исходная точка, однако, одна и та же. И правительство, и его противники сознают одинаково, что сообразно теперешнему состоянию Западного края необходимо использовать его местные элементы. Правительство обязано сгруппировать их, иначе оно стало бы пособником отсталости края, края, который до настоящего времени не имеет ни самообложения, ни уездных земств, который вследствие этого не может экономически прогрессировать, что, в свою очередь, отражается, конечно, и на благосостоянии всего государства. Это, как я только что сказал, одинаково понимают как правительство, так и его противники. Но последние считают это положение самодовлеющим, правительство же разделяет его в его теоретической чистоте, лишь постольку и поколе оно не противоречит тем преимущественно проводимым государством национальным задачам, которые оно поставило себе в Западном крае.

Каковы эти задачи и какое их отношение к земству, я скажу несколько позже, но самое наличие их заставляет уже признать разъединение областей экономической и политической, необходимость подчинения земской идеи идее государственной, которая поставила себе в западной России известные задачи и известные цели. Первоначально правительство проводило эти задачи вооруженной силой, затем оно начало проводить их административными мерами, которые давали перевес па месте русским государственным элементам. Таким образом, из центра, из хранилища материальной силы и государственного смысла давался импульс для воссоздания, для

насаждения русских государственных ячеек, русских государственных очагов.

Конечно, господа, эти ячейки, эти гнезда были слабее, были разбросавшее, чем крепкие цитадели польской культуры, которые веками планомерно насаждались в западной России, и вот, когда наступило время для большей свободы и самостоятельности местных групп, спрашивается, вправе ли государство предоставить русские силы самим себе, вправе ли оно теперь, в настоящее время, сразу отказать в помощи тем слабым отросткам русской государственности, которые там еще не окрепли, которые не могут еще самостоятельно себя ограждать? Возможно ли в настоящее время на политической арене Западного края предоставить свободное состязание, свободное соревнование двум политическим и экономическим факторам, русскому и польскому? Достояна ли русского правительства роль постороннего зрителя, постороннего наблюдателя (справа и в центре рукоплескания и голоса: bravo), стоящего на этом историческом ипподроме, или в качестве беспристрастного судьи у призового столба, регистрирующего лишь успехи той или иной народности? (Рукоплескания справа, возгласы: верно, bravo!)

А чтобы получить ответ, правильный ответ на эти вопросы, ответ, отвечающий нашим государственным задачам, необходимо искать его, господа, не в абстрактной доктрине, а в опыте прошлого и в области фактов. (Рукоплескания справа; голоса: bravo.) И вот совершенно добросовестные изыскания в этих областях привели правительство к необходимости: во-первых, разграничения польского и русского элемента во время самого процесса земских выборов; во-вторых, установления процентного отношения русских и польских

гласных не только фиксировав их имущественное положение, но запечатлев исторически сложившиеся соотношения этих сил; в-третьих, учесть в будущем земстве историческую роль и значение православного духовенства (голоса справа: браво), и, наконец, дать известное ограждение правам русского элемента в будущих земских учреждениях.

Переходя к изложению перед вами тех мотивов, которые послужили основанием к этим выводам, я прежде всего должен оговорить, что какие-либо половинчатые меры при такой постановке вопроса были бы только вредны. И действительно, если, господа, и вы, и правительство признаете, что должны быть ограждены русские государственные интересы, то, казалось бы, и нелогично, и вредно обеспечить их только в части, основываясь только на бумажных данных, не учитывая реального соотношения сил. Негосударственно, господа, ставить себе известную задачу и не обеспечить в полном объеме ее достижение. Если невозможно минимальное участие русского элемента в земстве, вследствие его отсутствия или вследствие того, что оно может парализовать свободную самодеятельность земства введением случайного элемента, то лучше тогда от введения земства отказаться. (Голоса в центре: верно, верно.)

Вот почему правительство и предлагает вам отсрочить введение земства в трех губерниях Виленского генерал-губернаторства; в остальных шести губерниях правительство считает необходимым ввести земство одновременно, так как в них достаточно элементов для свободной земской самодеятельности, при одновременном сохранении и интересов государственности. Мотивы, почему правительство

предлагает вам в пределах Виленского генерал-губернаторства земства не вводить, вам осветят, быть может, в чем именно правительство видит связь между экономической, хозяйственной и политической жизнью западной России.

Дело в том, что в пределах Виленского генерал-губернаторства земские функции принадлежат местным губернским распорядительным комитетам и приказам общественного призрения. Соприкасаясь с этими учреждениями, местное население видит в них учреждения русские, а соприкасаться ему с ними приходится на каждом шагу: местный житель, когда он болен, обращается в сельскую лечебницу, в сельскую аптеку, к сельскому врачу, к сельской повивальной бабке, к фельдшеру; рабочий ищет работы на земском шоссе, при постройке больницы и школы; родители имеют дело с учителями; сироты поступают в земские приюты — все это учреждения, носящие русскую окраску, учреждения, которые запечатлены русской государственностью.

Представьте же себе, господа, что случится в этом крае при передаче всех этих учреждений в местные руки. Русская недвижимая собственность в Ковенской губернии составляет не более 14%, в Виленской губернии — 20,5%. И если, господа, не исковеркать совершенно земской идеи, не насадить русских в земстве по назначению, то, конечно, оно перейдет в руки местных людей, и в первую голову самых сильных, то есть не литовцев, не белорусов, а поляков. Не думайте, господа, что у правительства есть какая-нибудь предвзятость, есть какая-нибудь неприязнь к польскому населению. (Голос слева: еще бы; голос справа: тише). Со стороны государства это было бы нелепо, а с моей стороны это

было бы даже дико, потому что именно в тех губерниях, о которых я теперь говорю, я научился ценить и уважать высокую культуру польского населения и с гордостью могу сказать, что оставил там немало друзей. (Шум слева; голоса справа: тише.)

Но, господа, будьте справедливы и отдайте себе отчет, рассудите беспристрастно, как отзовется на населении передача всех местных учреждений в руки местного населения. Ведь сразу, как в театре при перемене декорации, все в крае изменится, все будет передано в польские руки, земский персонал будет заменен персоналом польским, пойдет польский говор. В Виленской, Ковепской и Гродненской губерниях, где с 1863 года ведь отвыкли от польских порядков, огорошенный обыватель сразу даже не разберется, не поймет, что случилось, но потом очень скоро он твердо уразумеет, что это означает, что край перешел в область тяготения Царства Польского {голоса справа: браво}, что правительство не могло удержать его в своих руках, вследствие ли своей материальной слабости или отсутствия государственного смысла. (Голоса справа: браво, браво.)

Но мне скажут, что все эти рассуждения относятся к трем губерниям генерал-губернаторства, а что в остальных шести губерниях племенное соотношение более благоприятно для русских людей, и поэтому в этих губерниях остаются в силе все соображения, согласно которым недоверие к местным русским элементам является оскорблением, и все мероприятия, мешающие свободному соревнованию народностей, являются источником смуты и раздражения. Но, господа, так ли это? Ведь при решении таких важных вопросов необходимо руководствоваться не благожелательным

порывом, а фактами, применяя строго математический точный метод. А факты, которые внимательно должны изучить и государственные люди, и законодатели, это, господа, факты исторические, это ошибки наших предшественников, это опыт пережитого до самых последних дней.

Я, господа, не стал бы, может быть, касаться этих предметов, этих исторических данных, если бы не коснулся их предыдущий оратор. Но он начал с 1863 года. Я, конечно, не буду тоже вам пересказывать всю историю западной Руси, но принужден привести вам несколько исторических сопоставлений, поучительных, по моему взгляду, для предотвращения повторения неоднократно уже повторяющихся ошибок. Западные губернии, как вам известно, в 14-м столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство. В 18-м столетии край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом населения и с низшим классом, поработанным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность православию и России. (Голоса справа: браво, браво!)

В эту эпоху русское государство было властно вводить свободно в край русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на всю ее гуманность, водворяющую в крае русских земледельцев, русских должностных людей, вводящую общие губернские учреждения, отменяющую Литовский статут и Магдебургское право. Ясно стремление этой Государыни укрепить еще струящиеся в крае русские течения, влив в них новую русскую силу для того, чтобы

придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску.

Но не так думали ее преемники. Они считали ошибкой государственное воздействие на благоприятное в русском смысле разрешение процесса, которым бродил Западный край в течение столетия, процесса, который заключался в долголетней борьбе начал русско-славянских и польско-латинских. Они считали эту борьбу просто законченной. Справедливость, оказанная высшему польскому классу населения, должна была сделать эту борьбу бессмысленной, ненужной, должна была привлечь эти верхи населения в пользу русской государственной идеи. Опыт этот, произведенный Императорами Павлом Петровичем и Александром Благословенным, приобретает, с нашей точки зрения, особую важность и особую поучительность.

Я прохожу мимо общих государственных мероприятий, которые приняты были этими Государями и которые привели край к прежнему положению. Но позвольте остановить ваше внимание на том доверии, которое было оказано местным, хозяйским, так сказать, земским течениям края. Русские люди, которые были поселены в крае, были опять выселены; был восстановлен опять Литовский статут, были восстановлены сеймики, которые выбирали маршалков, судей и всех служилых людей. Но то, что в великодушных помыслах названных Государей было актом справедливости, на деле оказалось политическим соблазном. Облегчали польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что в благодарность за это она от этой борьбы откажется!

Немудрено, господа, что Императора Александра Первого ждали крупные разочарования. И действительно, скоро весь край принял вновь польский облик. Как яркий пример я приведу вам превращение старой православной метрополитенской церкви в анатомический театр при польском Виленском университете. К концу царствования Императора Александра Первого весь край был покрыт тайными обществами. Везде гнездились заговоры, в воздухе носилась гроза, которая и разразилась после смерти Александра в 1831 году первым вооруженным восстанием.

Это восстание, господа, открыло глаза русскому правительству. Государь Император Николай Павлович вернулся к политике Екатерины Великой. Своею целью он поставил, как писал в рескрипте на имя генерал-губернатора Юго-Западного края: «Вести край сей силой возвышения православия и элементов русских к беспредельному единению с великорусскими губерниями». И далее: «Дотоле не перестанут действовать во исполнение изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу». (Рукоплекскания справа.)

Тут, господа, видна ясная политическая идея, и эти простые, честно, открыто сказанные слова не оставляли уже места добросовестному заблуждению со стороны польского общества. Но я должен заметить, что в царствование Императора Николая Павловича ему даже не представилось необходимости принимать особенно резкие меры по отношению к тем учреждениям, которые носили земскую окраску. Политика в царствование Николая Павловича вращалась вокруг униатского

вопроса, что привело к воссоединению униатов, вращалась вокруг школьного дела, причем польский университет был перенесен из Вильны в Киев. Местным обывателям не была даже окончательно заграждена возможность поступать на государственную службу; дворянским собраниям было лишь вменено в обязанность принимать на дворянскую службу лиц, беспорочно прослуживших не менее десяти лет на военной или гражданской службе. И мало-помалу, без особой ломки планы и виды Императора начали проходить в жизнь.

Но, господа, судьбе было угодно, чтобы опыт, единожды уже произведенный после смерти Екатерины Второй, повторился еще раз. По восшествии на престол, Император Александр Второй, по врожденному ему великодушию, сделал еще раз попытку привлечь на свою сторону польские элементы Западного края. Вместо того, чтобы продолжать политику проведения русских начал, которые начали уже получать преобладание над польскими стремлениями и влияниями, поставлено было целью эти стремления, эти влияния обезвредить, сделать их одним из слагаемых государственности в Западном крае. И, тривиально говоря, поляки были попросту еще раз сбиты с толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться от своей национальности, какие бы льготы им предоставлены ни были, а льготы эти с своей стороны питали надежды и иллюзии осуществления национального польского стремления —% ополячения края.

Действительно, в это время к Государю Императору Александру Второму начали со всех сторон обращаться с домогательствами и просьбами. Могилевское дворянство через рогачевского предводителя Богуша обратилось к Императору с просьбой вернуть польскому дворянству

все права, которые оно имело при польских королях, и ввести польское судопроизводство; подольское дворянство обратилось с ходатайством присоединить Подольскую губернию к Царству Польскому (смех справа) и т. д. Я не буду приводить других примеров, но нам, в порядке исследования хозяйственно-экономического течения, на что только я обращаю внимание в своем изложении, не мешает вспомнить попытку того времени со стороны польского дворянства укрепить за собой господство над русско-литовским простонародьем путем отмены крепостного права без наделения землей.

Я упоминаю об этом только для того, чтобы вы могли учесть существующий до настоящего времени известный аристократизм местных землевладельцев, которые привыкли держать местное население под сильным экономическим гнетом и в экономической зависимости. (Голоса справа: верно.) В это-то время западнорусский народ и изобрел про себя самого весьма унылую, весьма печальную поговорку: «Зробишь — пан бере, не зробишь — пан дере, нехай, кажу, нас вмисти чорт побере». (Смех и рукоплескания справа.) В это время пробудились у поляков все врожденные хорошие и дурные стремления; они проснулись, пробужденные примирительной политикой Императора Александра Второго, политикой, которая, как и 30 лет перед этим, окончилась вторым вооруженным восстанием.

Я не буду подробно останавливаться на тех, действительно, суровых, крутых мерах, которые были применены к местному польскому населению, о которых болезненно говорить и о которых упоминал уже предыдущий оратор. Вы знаете все те ограничения и относительно польского языка, и относительно прав службы, и относительно прав землевладения, и

относительно дворянского представительства, которые были в ту пору приняты и которые продержались до 1905 г., меры, которые, по странной иронии судьбы, были результатом великодушного порыва великодушнейшего из Монархов, Царя-освободителя.

Вот, господа, то исторические уроки, которые, я думаю, с достаточной яркостью указывают, что такое государство, как Россия, не может и не вправе безнаказанно отказываться от проведения своих исторических задач. (Рукоплескания и голоса справа и в центре: браво, великолепно!) Но, господа, исторические задачи забываются. В памяти у многих, однако, сохранились, я думаю, события последних лет. И действительно, любопытно просле

дить, каким образом реагировали на те потрясения, которые перенесла Россия в 1905 году и дальнейшие годы, влиятельные польские круги в Западной России.

Повторялась историческая возможность, дважды открывавшаяся уже при Императорах Александре Первом и Александре Втором. Ведь после указа 12 декабря 1904 года и впоследствии в разъяснение этого указа Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 1 мая 1905 года, о котором тут упоминалось, представлялась возможность польскому населению идти вместе, идти рука об руку с русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу.

Как же воспользовалась польская интеллигенция этой возможностью? Да так же, как и в первые два раза: сильным поднятием враждебного настроения по отношению ко всему русскому. (Голоса слева: неверно; голоса справа: верно; шум справа.) Случилось то,

господа, что должно было случиться: каждый раз, когда слабеет в крае русская творческая сила, выдвигается и крепнет польская. Я не буду приводить вам особенно резких эпизодов из истории тех дней, резкие эпизоды ведь случались по всей России. Если я говорю на эту тему, то потому лишь, что она затронута была предыдущим оратором.

Повторяю, я никого не обвиняю, я рассказываю. В 1906 году и в последующие годы в Северо-Западном и Юго-Западном крае произошло приблизительно одно и то же: и духовенство, и интеллигенция старались то смутное брожение, которое проникло в народ, направить в национальное русло. В то время, как вы знаете, были попытки насильственно сменять всех православных сельских и волостных должностных лиц, изгоняли православных учителей из школ, предъявлялись повсеместно требования. Но особенно успешно поднять народные массы не удалось — движение, как и в прежние времена, сосредоточилось в интеллигенции и духовенстве.

В Северо-Западном крае в эту эпоху особенно заметную роль сыграл римско-католический епископ, барон Рооп. Деятельность его примечательна потому, что он — полунемец, полуполяк, человек по взглядам своим, по убеждениям спокойный, проживший долгое время в центре России, не может считаться прирожденным агитатором, он просто в силу обстоятельств, в силу необходимости и, я думаю в смягченной форме, вследствие своих качеств явился олицетворением тех польских течений, которые господствовали в это время на Литве. Он должен был в угоду этим течениям даже смягчить свою аграрную политику, придать ей другие контуры, он должен был особенно сурово относиться к

ксендзам литовской и белорусской национальности и заменять в литовских приходах этих ксендзов ксендзами-поляками.

Из неоднократных моих бесед с епископом я вынес впечатление, что он находится под гнетом тех идей, которые господствовали над умами освободительной эпохи Императоров Александра Первого и Александра Второго. Ему казалось, он даже был уверен, что русское государственное начало в крае рушилось, что его уже нет, что осталось пустое место, которое нужно спешить заполнить польским содержимым. Он открыто, совершенно сознательно, *bona fide* говорил о том, что необходимо формирование полков из местных обывателей, если возможно, одного и того же исповедания, он говорил об автономии не только Царства Польского, но и об автономии других областей; он проповедовал — я скажу его собственными словами — «необходимость передачи в опытные, честные руки управления краем в случае дальнейшей дезорганизации существующего управления и окончательной потери авторитета органами последнего». (Слева голоса: браво.)

И польская интеллигенция поддержала своего епископа. Ведь поездки епископа по своей епархии — это было торжественное шествие по польской земле; везде триумфальные арки с польскими флагами и гербами, встречи с оркестрами музыки, с зажженными факелами, проводы всадниками в национальных костюмах, так называемыми бандериями. Гипноз был полный! Чтобы разрушить его, необходим был шок, который и последовал в виде Высочайшего указа от 4 сентября об увольнении епископа барона Роопа от должности.

Но то, что наиболее ярко создал барон Рооп на Литве, существовало повсюду. Польское общество стало спешно, наскоро перекрашивать Западный край в польскую краску. Сельскохозяйственные общества превратились в общества польские. Я помню хорошо Минскую сельскохозяйственную выставку 1901 года. Везде были русские флаги, русские надписи, совершенно корректное отношение к русским экспонентам. Поговорите с теми лицами, которые посетили в 1908 году и в 1909 г. сельскохозяйственные выставки в Проскурове, Виннице, Слуцке; ведь они вынесли впечатление польского края, полного игнорирования всего русского.

В Юго-Западном крае в 1906 году образовалось общество русских землевладельцев, которые хотели идти вместе с поляками, идти рука об руку вместе с ними. Я помню депутацию от русских землевладельцев Юго-Западного края, которая явилась в Петербург просить о том, чтобы были уничтожены все ограничения для поляков; но ведь русские землевладельцы ошиблись. Ведь этот союз скоро рушился; в Киеве и Житомире в 1906 г. на польских съездах было провозглашено, что польская культура выше русской и что поляки имеют в Юго-Западном крае особое положение. Прочтите «Дневник Киевский» за октябрь месяц 1906 года; там помещено письмо от польских землевладельцев, заявляющих, что они достаточно сильны, что им не нужно союзничества, не нужно помощи со стороны русских.

И немудрено, господа, что взгляды русских землевладельцев, являвшихся просить за поляков в Петербург, что взгляды эти изменились. Думая об этом, я часто вспоминал о том, что мне приходилось говорить польским депутатам, которые являлись ко мне перед

ропуском Второй думы, перед 3 июня 1907 года. Я говорил им, я повторял им, что в политике нет мести, но есть последствия. Но поляки были не в силах изменить свое политическое направление; они не могли этого сделать и при выборах в Государственную думу и Совет; везде, где русские им предлагали соглашение, почти везде они это отвергали.

Я возьму как пример Минскую губернию, где наиболее уважаемые поляки из умеренного стана во время последних выборов в Государственный совет не могли оказать никакого влияния на своих соотечественников. Все это, конечно, повлияло и на правительство, которое в 1906 году готовило законопроект о введении земства в Западном крае на началах пропорционального представительства, но намерение это оставило.

Все, что я сказал, все эти исторические данные, все эти факты являются посылками, которые облегчат мне мои выводы и заключения. Вам понятно, что все историческое прошлое Западного края говорит за необходимость оградить его от племенной борьбы во время выборов в земства, оградить его от преобладающего влияния польского элемента в экономической, хозяйственной жизни, которую, главным образом, и живет местное население. Да, необходимо ввести земство, необходимо дать простор местной самодеятельности, необходимо развить силу тех племен, которые населяют Западный край, но исторические причины заставляют поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен, будет отброшен.

Из всего этого, господа, вытекает для меня необходимость национальных курий. И курии эти должны быть только избирательные. Превращение этих курий в собрания политические, разжигающие страсти, сеймики, решающие вопрос о том, настала или нет пора совместной выборной кампании поляков с русскими, и решающие этот вопрос мозаично, случайно, создающие действительно враждебную атмосферу для совместной деятельности польских и русских классов, — это, по мнению правительства, недопустимо, и предложение комиссии Государственной думы о факультативном соединении национальных курий неприемлемо.

Нельзя забывать, господа, что польскому элементу, полякам, при их прекрасной дисциплине, при их культурности, при их силе, немудрено будет склонять русские избирательные собрания избирать гласных совместно, но затем, пользуясь или большинством избирателей-поляков, или, к сожалению, абсентизмом русских, добиваться избрания тех из русских, которые им удобны. Но даже самое установление национальных курий не обеспечит еще, не оградит русских государственных интересов. Преобладание этих начал, преобладание над всеми другими интересами может осуществиться только путем преобладания русского элемента в земских собраниях.

Теория говорит о том, что число земских гласных по различным категориям должно определяться сообразно ценности принадлежащего каждой категории имущества. Но теория в данном случае едва ли правильно разрешит сложные исторически наслонившиеся племенные соотношения. Вспомните, что большинство населения в западных губерниях, громадное большинство принадлежит к русской национальности и православному

исповеданию. Более состоятельные лица — землевладельцы — были ранее тоже русские и православные, но с веками они утратили свою национальность, они превратились в поляков и поляков стойких.

Мне помнится, что в былые времена в Вильне носитель одного из древнейших русских имен на указание ему, что предки его были православные, надменно презрительно отвечал: «Да, но еще раньше они были язычниками». (Смех справа.) Вот, господа, таким землевладельцам, а также и прирожденным полякам принадлежат громадные земельные пространства в крае, и эти земельные пространства, по мысли комиссии, должны определять число польских гласных, а численно подавляющее большинство населения, правда, земельно бедное, но сохранившее свою национальность, в расчет приниматься не должно.

Простите, господа, но тут, очевидно, недоразумение. (Голоса справа: верно.) Ведь правительство предлагает учесть, принять во внимание оба признака: принять во внимание и признак национальный, и признак материальный, так сказать, имущественно-культурный, взять среднее арифметическое этих признаков; комиссия же предлагает принять во внимание лишь один признак — признак имущественный и, наталкиваясь при этом на чрезвычайно невыгодные соотношения для русских земских гласных в некоторых уездах, вводит корректив, но корректив гораздо более опасный, чем корректив на численность населения, который предлагает правительство.

Комиссия предлагает определить число польских гласных в уездах, учитывая средний по губерниям процент стоимости польской недвижимости по отношению к стоимости всей недвижимости губернии. Этот прием, конечно, увеличивает число русских гласных в некоторых, польских преимущественно уездах, но, с другой стороны, он насаждает в чисто русских уездах искусственно гласных-поляков. Возьмите примеры: Черкасский уезд Киевской губернии — всего-навсего в нем семь владельцев-поляков полноцензовиков; по расписанию комиссии предполагается восемь гласных-поляков; в Велижском уезде Витебской губернии всего-навсего четыре цензовика-поляка, предполагается четыре гласных от поляков, тогда как в обоих уездах, если учесть стоимость польских имуществ в уезде, возможно, было бы пропорционально отвести лишь по одному гласному на уезд.

Я привел самые разительные примеры, но общее число гласных-поляков по шести губерниям достигает по варианту комиссии угрожающих для русских интересов размеров. Всего по законопроекту правительства гласных-поляков 256; по варианту комиссии число их доходит до 457, на 70% более. Правда, господа, ни в одной из губерний, в общем, число поляков-гласных не превышает 30%; остальные 70% принадлежат крестьянам и русским крупным и мелким землевладельцам. По необходимо, господа, принять во внимание, что крестьяне и мелкие землевладельцы, как я уже сказал, находятся под сильным экономическим давлением польских помещиков. (Голос слева: а как в России?) Русский элемент, русские помещики там не сплочены и, к сожалению, часто не проживают в крае. Поэтому, если прямо смотреть на вещи, понятен страх

преобладания 30% богатых, пустивших глубокие корни в крае польских помещиков в союзе с частью крестьян и, может быть, к сожалению, ополяченных русских. (Голоса справа: верно.)

Для экономического прогресса, для поступательного движения края вперед, конечно, необходимо, как я сказал, земство; но необходимо принять во внимание и учесть и все приведенные обстоятельства, необходимо также вспомнить о роли духовенства, исторической в Западном крае, о том благотворном влиянии, которое оно имело на крестьянство, о том, как оно его соединяло. Поэтому правительство настаивает на том, чтобы в уездных собраниях было не менее трех, а в губернских собраниях — не менее четырех представителей от духовенства. Я оставляю до постатейного чтения другие менее важные вопросы, как, например, вопрос об уменьшении ценза или о расслоении избирательного съезда на два съезда, тем более что правительство не имеет против этого принципиальных соображений.

Мне остается высказаться по поводу решения комиссии относительно предоставления должностей по выборам и по назначению в земствах безразлично польского и русского происхождения. Комиссия предполагала, что раз русские гласные будут в большинстве в земских собраниях, тем самым обеспечено достаточное положение русского элемента в земских учреждениях. Я уверен, что это не так; я уверен, что только силой твердого закона можно установить минимум русского элемента в этих учреждениях. Я говорю, господа, о минимуме, так как проектом предполагается установить 50%, то есть такое число, на которое

сообразно проценту населения польский элемент никогда даже не мог бы и рассчитывать.

Вопрос о служащих осложняется легкостью приглашения на места польских служащих, дешевизной их, трудностью отказать почтенному иногда человеку, который просит предоставить должность поляку, отказать только потому, что он поляк, не опираясь на твердый закон; осложняется некоторым добросердечием, некоторой податливостью русского элемента. Все это равномерно относится и к вольнонаемным, и к выборным должностям. Особенную важность имеет должность председателя управы, так как от него зависит и назначение на должности вольнонаемных. (Слева шум и голоса: нет.)

Я слышу возгласы отрицательные, возгласы «нет». Я не буду голословен, я укажу на городские самоуправления. Там, где польский элемент может оказать достаточное воздействие, там он, как в Минском городском самоуправлении, не пропускает совсем русских — это было на последних городских выборах, где не прошел ни один гласный по русскому списку. Нам говорят «нет». Я укажу на другие городские самоуправления, где в исполнительные органы проникает смешанный состав, как, например, в Житомире. Там все важнейшие должности по найму — и бухгалтеры, и секретари, и юрисконсульты, и врачи, и заведующие водопроводом — все отдано полякам. (Голоса справа: верно.)

Я, господа, на этом заканчиваю свои объяснения. Но я бы не хотел сойти с этой трибуны, не подчеркнув еще раз, что цель правительственного законопроекта не в угнетении прав польских уроженцев Западного края (шум

слева), а в защите уроженцев русских. (Голоса справа: браво; голоса слева: шовинизм.) Законопроект дает законное представительство всем слоям местного населения, всем интересам; он только ставит предел дальнейшей многовековой племенной политической борьбе. (Егоров, с места*: которую вы разжигаете.) Он ставит этот предел, ограждая властным и решительным словом русские государственные начала. Подтверждение этого принципа здесь, в этой зале, вами, господа, разрушит, может быть, немало иллюзий и надежд, но предупредит и немало несчастий и недоразумений, запечатлев открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский навсегда, навеки. (Продолжительные рукоплескания справа и в центре и голоса: браво.)

РЕЧЬ О ЧИСЛЕ ПОЛЬСКИХ ГЛАСНЫХ В ЗАПАДНОМ ЗЕМСТВЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 15 МАЯ 1910 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Я буду весьма краток. Я уже высказал вам во время общих прений взгляд правительства на те признаки, которые должны определять число польских гласных в будущем западном земстве. В настоящее время, перед окончательным решением этого вопроса, я прошу вас еще раз взглянуть на него без предвзятости. Вспомните, что дело идет не о Царстве Польском, дело идет об области, обнимающей собой шесть губерний, в которых

среднее число поляков определяется цифрой в 4,2%. Цифра эта повышается для Волынской губернии до 7,9% и опускается для Подольской до 2,3%. Если даже признавать эти цифры неверными, если увеличить их на 50%, то все-таки убедитесь, что край этот далеко не польский. Если бы правительство руководствовалось национальным шовинизмом, оно предложило бы вам опереться на эти цифры, но вы знаете, что правительство само, дорожа культурным элементом, ввело в свой законопроект принцип имущественный.

Надо принять еще во внимание одно обстоятельство, которое, мне кажется, упущено предыдущими ораторами, надо принять во внимание, что частное землевладение образовалось и приняло особую окраску в Западном крае не так, как оно образовалось в остальных губерниях России — не путем естественного, правильного, местного нарастания, а в силу исторического шквала, который налетел на этот край и опрокинул в нем все русское. (Голоса справа: браво, браво!) Нельзя исключительное, притом неблагоприятное для русских антинациональное историческое явление брать в основу, единственную основу всего законопроекта; нельзя забыть все прошлое, нельзя на все махнуть рукой; торжествовала бы только теория, шаблон, одинаковый на всю Россию. Если эти высказанные мною принципы признаются вами неправильными, признаются одиумом, то этот одиум правительство на себя принимает. (Голоса справа: браво.)

Вам высказали соображения о том, что правительство заражено человеконенавистничеством, что правительство желает уничтожить польский элемент и искоренить его из Западного края. (Голос слева:

правильно; голос справа: тише.) Но, господа, об этом не приходится говорить, если иметь в виду те широкие рамки, в которые ставит правительственный законопроект польское население в Западном крае. Я боялся бы, боялся бы тревожно другого — это равнодушия закона к русским, которые имеют право требовать себе защиты закона.

Поэтому не упорства ради, а в силу только что высказанных мною соображений, правительство настаивает на непринятии всех поправок, отрицающих те два признака, которые введены в правительственный законопроект, между прочим и поправки, внесенной Думской комиссией. Эта последняя поправка неприемлема, так как она неправильно отражает соотношение местных сил. Она принимает совершенно абстрактный средний губернский или общегубернский признак; она совершенно искусственно, сообразно этой мертвой цифре уменьшает даже количество польских голосов в тех; местностях, где они, казалось бы, имеют на это право, и вводит насильственно поляков в земства в тех местах, где по численной наличности они на это права не имеют.

Что касается ценза, то правительство не возражало бы против понижения его на половину. Затем относительно введения большого количества крестьян в земства, надо обратить внимание на то, что кроме тех крестьян, в количестве одной трети, которые проходят по волостям, они будут проходить точно так же и в качестве уполномоченных от мелких землевладельцев. Поэтому увеличивать количество крестьян возможно, казалось бы, только в ущерб культурным элементам края. (Голоса слева: ага.)

Помните, господа, что если в настоящее время не будет принят земский законопроект, то, несомненно, край лишится возможности к дальнейшему процветанию, которое так дорого и правительству, и Государственной думе. Не принят будет этот законопроект — край будет долгое еще время пребывать в той экономической дремоте, в которой доселе пребывает Западная Россия. Не забывайте этого. (Рукоплескания справа и в центре.)

РЕЧЬ О ФИНЛЯНДИИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 21 МАЯ 1910 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Я думаю, вы поймете меня, если при обсуждении вопроса такой исторической важности, как вопрос финляндский, я принужден буду, говоря от имени правительства, соблюдать точно так же, как и два года тому назад *, величайшую сдержанность и осторожность. Все писанные нормы, которые определяют положение Финляндии в государство, а также все законодательные акты, относящиеся до Финляндии, за последние сто лет носят на себе следы самых разнообразных политических и исторических течений, часто друг другу противоречащих, часто случайных, зависящих от временных событий и условий.

Суждения же последнего времени отличаются такой страстностью, такой склонностью опорочить финляндскую политику правительства, приписывая ей своекорыстные побуждения, что я одной из своих главнейших задач ставлю освобождение спора от

излишних, затемняющих его подробностей, от принижающих его приемов, дабы представить на ваш суд очищенную от этих пут и привесок точку зрения, по моим понятиям, государственною.

Я убежден, что масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дают возможность легко защищать всякую теорию: достаточно повыдергать из архивных груд нужные для этого материалы и строить на них свои суждения. Для этого не нужно даже особой недобросовестности. Достаточно некоторой предвзятости и предубежденности. Но этот путь не для правительства. Пускай политическое построение правительства сочтется многими прямолинейным, пускай оно многим будет неприятно, но пусть не назовут его изворотливым и недоброкачественным.

Я начну с того, что многим, очевидно, непонятно, почему правительство в настоящее время подняло финляндский вопрос. Финляндия процветает, Финляндия никому не мешает, и обострять отношения к ней — это или роковая ошибка, или недобросовестная авантюра. (Голос слева: верно.) Но дело, господа, не так просто: кризис 1905 года и последующих годов оставил этот вопрос открытым, и только преступная бездеятельность власти могла бы заставить правительство его замолчать. (Голос справа: браво.)

Остается неразрешенным хотя бы крупный вопрос об исполнении финляндцами воинской повинности *. Дело в кратких словах обстояло так. В 1905 году временно был приостановлен, а затем и отменен закон о распространении всеобщей воинской повинности на Великое Княжество Финляндское. Приостанавливая этот

закон, Государь Император повелел в течение трех лет, до урегулирования вопроса, вносить из финляндских средств в государственное казначейство по 10 миллионов марок в год. Хотя Сейм и пытался воспользоваться этим случаем для того, чтобы распространить свое распоряжение на статные средства, которые по закону находятся в распоряжении одного Монарха, но как-никак деньги эти были заплачены.

В 1908 году вопрос, однако, вернулся в первоначальное положение. Оставить его неразрешенным было невозможно, приняться же за его разрешение — значило поднять весь финляндский вопрос, так как тут сталкивались две совершенно противоположные точки зрения: точка зрения правительственная и точка зрения финляндская. Правительственная точка зрения заключается в том, что отбытие воинской повинности и несение расходов на военную нужду болезненно касаются общеимперских интересов, отражаясь и на числе новобранцев, призываемых из русских губерний, и на количестве повинностей, уплачиваемых русским населением; а финляндская точка зрения сводилась к тому, что вопрос этот по конституции должен разрешаться односторонним актом Сейма. А каков должен был быть этот сеймовый акт, видно из представлений Сената о восстановлении отдельных финляндских войск. Этим и только этим путем, по мнению финляндцев, мог быть правильно и законно разрешен вопрос.

И нельзя сказать, чтобы правительство в этом деле действовало неосторожно и вызывающе. Если бы статный фонд был неисчерпаем, то, конечно, возможно было вопрос оттянуть, путем хотя бы ежегодного перечисления из статных сумм в государственное

казначейство определенных взносов взамен исполнения финляндцами личной воинской повинности. Но не желая ослаблять расходы на культурные надобности, которые питаются из статного фонда, Государь предложил Сейму изыскать суммы для этих взносов из сеймовых средств. И вот, господа, уже второй Сейм отвечает на это совершенно законное требование Монарха решительным отказом.

Я остановился на этом случае как на ближайшем механическом поводе, вскрывающем русско-финляндский вопрос. Одно из двух — приходится или взыскать и установить способ решения общеимперских вопросов и финляндских законов, касающихся интересов Империи, или примириться с односторонним разрешением их Сеймом. Но, может быть, надо было бы идти на это, может быть, государственная мудрость именно и заключается в том, чтобы сделать из Финляндии совершенно свободное, автономное государство, связанное с Россией только общими внешними интересами, и создать на пороге Петербурга благодарный и довольный народ.

Конечно, господа, всякое разумное правительство перед тем, как идти на столкновение, на так называемый конфликт с частью государства, должно ясно дать себе отчет — в чем же заключаются интересы государства, не поддаваясь при этом ни чувству ложного самолюбия, ни чувству национального шовинизма. Поэтому надлежало проанализировать, выгоднее ли для всего народа — не для одних, конечно, только финляндцев — полное невмешательство России во внутренние дела, во внутреннюю жизнь Финляндии.

Вам, конечно, известно, что в истории русско-финляндских отношений были эпохи, когда финляндская самостоятельность достигала широких размеров, когда связь ее с Россией ослабевала. Таких главнейших было три момента: первый — после издания октябрьского манифеста 1905 года, когда Финляндия, казалось, достигла всего того, о чем она только могла мечтать; ранее, после убийства генерал-адъютанта Бобрикова *, когда при генерал-губернаторе князе Оболенском ясен был поворот в сторону соглашения с финляндцами; наконец, еще раньше после воцарения Императора Александра Второго, когда оказывалось явное доброжелательство финляндцам.

Что же эти эпохи принесли России? Что Россия от этого выиграла? Выиграть она могла, во-первых, нравственно, завоевав симпатии финляндцев и обезопасив себя с этой стороны; выиграть она могла политически, приобретя для русских граждан некоторые преимущества путем чисто финляндского законодательства; выиграть она могла, наконец, материально, связав более крепко свои экономические узы с достаточным народом, находящимся под одним с нею скипетром. Если бы были достигнуты экономические и нравственные выгоды, то, конечно, дальнейший путь был бы ясен. Благо и России, и Финляндии требовало бы полной государственной — я подчеркиваю слово государственной — автономии последней.

Но, мне кажется, трудно доказать, что ослабление связи между Финляндией и Россией увеличивало бы симпатии Финляндии к русскому государству. Вы помните события, которые произошли в октябре 1905 года в Финляндии. Я вам их подробно излагал два года тому назад. Бы не забыли, конечно, целых кораблей,

нагруженных оружием, вы не забыли и «Воймы», и красной гвардии, и безнаказанно подготовлявшихся в Финляндии террористических актов против России. Газеты того времени отражают эти настроения и эти события.

Я думаю, что никогда еще активное возбуждение против России не достигало таких размеров в Финляндии, как в ту эпоху. Лозунгом тогдашним было: вооружение для защиты добытого. Но и в предыдущий период, после убийства генерал-адъютанта Бобрикова, уступки России не вызывали благодарности со стороны Финляндии. Характерны в этом отношении те всеподданнейшие доклады, которые посылал в Петербург посланный в Финляндию с примирительной миссией тогдашний генерал-губернатор князь Оболенский. Приехав в Финляндию, он был поражен возрастающей враждебностью ко всему русскому со стороны населения, особенно интеллигенции, вошедшей в сношения, в связь с русскими террористами. Интересно во всеподданнейшем докладе от 1904 года сообщение князя Оболенского, что в заседании одной из комиссий известный сенатор Лео Мехелин, доказывая необходимость упорного отстаивания разных требований, ссылаясь на предстоящую якобы в России революцию, имеющую вспыхнуть не далее, как в шестинедельный срок.

Это было писано в 1904 г., а в последующем всеподданнейшем докладе 1905 года князь Оболенский, описывая начавшиеся в крае беспорядки, пишет: «Приведенные в первой моей всеподданнейшей записке слова Мехелина о предстоящем в России мятеже оправдались — беспорядки в Петербурге и в других местах Империи состоялись именно в указанный им

срок». Но еще в более мирные времена, в те времена, когда начались созывы Сеймов, когда государство начало определять свое отношение к области, без ущерба для государства, — я говорю не своими словами, а привожу слова почтенного Н. Х. Бунге * из записки, найденной в его документах, — уже начали раздаваться обвинения со стороны финляндцев о нарушении их прав со стороны России. Далее Бунге говорит о возрастающей в то время враждебной отчужденности Финляндии от России.

Но перенесемся в еще более отдаленные времена, времена крымской кампании, когда уже со стороны России никакого давления на Финляндию не оказывалось, и в те времена уже известен «союз бескровных», который мечтал об отторжении княжества от России. Но, господа, если ослабление уз Финляндии с Россией не принесло России никаких нравственных выгод, не обезопасило ее с этой стороны, то, может быть, совершенно самостоятельная работа финляндского Сейма создала такую законодательную практику, которая была выгодна для «другой страны», как в Финляндии часто называют Россию?

В апреле нынешнего года при обсуждении в финляндском Сейме того самого законопроекта, который теперь обсуждаете вы, бывший сенатор Нюберг, конечно, желая привести доводы в пользу финляндской аргументации, заявил о том, что существует целый ряд законоположений, бесспорно касающихся интересов России, которые были изданы в финляндском законодательном порядке. И это, господа, безусловно так: финляндский Сейм расширял свою законодательную самостоятельность до того, что не стеснялся подчас улавливать, регулировать и даже отменять русские законодательные нормы. Принесло ли это пользу русским

гражданам или, по крайней мере, было ли это безвредно? Не всегда.

Я не буду приводить вам целый ряд законоположений подобного характера, как, например подчинение православной консистории финляндскому закону о гербовом сборе, как постоянные попытки подчинить финляндских граждан за преступления, совершенные ими в Империи, финляндскому уголовному закону, но я остановлюсь тут на самой яркой попытке, известной в литературе предмета, признанной фактом, попытке обойти, отменить в финляндском порядке целый ряд русских узаконений, попытке поставить Финляндию в самостоятельное якобы положение в международном союзе, попытке уравнивать имперские русские интересы с интересами международными.

Я говорю об Уголовном уложении 1889 года. Известно, что это Уголовное уложение было уже Высочайше утверждено 19 декабря 1889 года, а затем было манифестом от 1 декабря 1890 года, когда обнаружилась подкладка этого дела, временно приостановлено введением в действие. Тревогу тогда забил известный наш ученый, сенатор Таганцев*, который как честный человек, случайно ознакомился с этим делом. В этом его огромная, незабвенная государственная заслуга, таким образом, вряд ли русским подданным был выгоден способ решения их дел, о котором упоминал бывший сенатор Нюберг, тем более что, как известно, права русских подданных мало чем и отличаются в Финляндии от прав иностранцев*.

Но перейдем теперь к следующему вопросу: о том, как материально отражается на России государственное самоопределение Финляндии. С одной стороны, на

Россию ложатся все те расходы, которые обуславливаются состоянием Финляндии в составе Русского государства и которые Империи не возвращаются. Затем, Россия несет ущерб невыгоды от тех льгот, которые ей предоставляются Финляндии, от льгот таможенных, тарифных, монетных и т. д. Первая категория расходов включает в себе расходы по защите государства, расходы по содержанию Министерства императорского двора и Министерства иностранных дел. Я намеренно не упоминаю о взносах взамен исполнения воинской повинности, так как эти взносы мы так или иначе получим. Я не принимаю во внимание доли финляндцев в уплате процентов по общеимперским займам, хотя я думаю, что военные тяготы, для которых, главным образом, и заключались наши займы, должны были бы равномерно ложиться на все части государства. Я не учитываю также доли финляндцев в содержании высших имперских учреждений, например, Государственной думы, потому что мне могут ответить, что, кроме вреда, эти учреждения ничего финляндцам принести не могут. (Слева рукоплескания и голоса: верно.)

Но я думаю, что было бы совершенно справедливо, если бы на финляндцев, точно так же, как и на всю остальную Империю, упали некоторые совершенно бесспорные расходы, лежащие на каждого жителя Империи в сумме: 3 руб. 59 коп. на содержание армии и флота, 10,2 коп. на содержание Министерства двора, 3,9 коп. на содержание Министерства иностранных дел; всего 3руб. 73 коп. на жителя, а если вычесть платимые финляндцами на однородные расходы — я беру в расчет все подходящие расходы, пенсии, лоцию и т. д. — 54 коп. с жителя, то на каждого финляндца придется 3 руб. 19

коп.; а на всю Финляндию 9 625 000 руб. На Россию тягота эта ложится по 6 коп. на каждого жителя, иными словами каждый русский, старик и младенец, женщина и мужчина, за проблематическое право обладания Финляндией платят по 6 коп. в год, а семьей в 5 душ — 30 коп., а каждый финляндец получает льготу от Империи по 3 руб. 19 коп., а на каждое семейство 15 руб. 95 коп. в год.

В расчет этот не вошли таможенные доходы, которые составляют 16 500 000 руб., между тем как наш тариф по финляндской границе — тариф уравнивательный, то есть Россия получает в свою пользу тарифные ставки в размере, взыскиваемом на остальных границах, за вычетом взыскиваемых Финляндией. Сопоставляя все это, будет ясно, почему Финляндия, расходуя на каждого жителя совершенно столько же, сколько и Россия, то есть по 15 рублей с копейками, может употреблять на культурные надобности вдвое больше, а на управление, несмотря на все припевы о нашем бюрократизме, втрое больше, чем Россия.

Господа, я привел все эти цифры только для того, чтобы доказать, что развивающаяся государственность Финляндии с материальной стороны особых выгод Империи не приносит. Во всяком случае, потери нравственные, политические и материальные, вызываемые, очевидно, тем, что некоторые общеимпорские дела разрешаются односторонне в финляндском порядке, не могут уравниваться теми правами административного законодательства, которые принадлежат нашим Монархам.

Тут много упоминалось об административном законодательстве и законодательстве параллельном.

Надо помнить, что права эти весьма шатки, неопределенны и что со времени начала созыва Сеймов в 1863 году эта область еще более сузилась; например, целый ряд законов о самоуправлении сельском и городском, о промыслах, банках, акционерных компаниях, о лесах и многие другие, прежде разрешавшиеся в порядке административного законодательства, теперь давно решаются при посредстве народного представительства. Точно так же целый ряд доходов, как, например, доходы винокуренные, доход гербовый, доход от железных дорог, от прибылей банков, которые прежде поступали в штатный фонд, находящийся в распоряжении Монарха, в настоящее время поступают в сеймовые средства.

Поэтому наивно было бы думать, что посредством административного законодательства можно было бы оградить общеимперские интересы русских граждан в Финляндии. Понятно поэтому, что лица, которые отвечают за интересы России, не могли не чувствовать, не сознавать, что то стремительное центробежное течение, которое неудержимо приняли финляндские дела, все более и более наносило ущерб России. Уже Император Александр Второй делал строгие словесные внушения Сейму, а Император Александр Третий, познав бессилие слов, постановил разработать проект общеимперского законодательства и внести его в Государственный совет. Завершил мысль Императора Александра Третьего ныне благополучно царствующий Государь Император манифестом 3 февраля 1899 года, основные положения которого были приостановлены в 1905 году.

Таким образом, в настоящее время общеимперские интересы ничем не обеспечены, в настоящее время

вопрос опять оказывается висящим в воздухе, и картина государственного бессилия является полной. И в это время нам говорят о благоразумии, говорят о том, что необходимо ждать, ждать в то время, когда партнер не ждет, когда ждать значит проигрывать, проигрывать, может быть, наследие отцов.

Не всегда, впрочем, сами финляндцы строили свои расчеты на малодушии русских. Так, например, сенатор Даниельсон-Кальмари еще в таганцевской комиссии заявлял:

И в Финляндии в настоящее время смотрят на этот вопрос иначе, чем в то время, когда он возник впервые. Ныне сознают, что земские чины должны дать свое согласие на отнесение некоторых вопросов, бывших до сего времени предметом финляндского законодательства, к области законодательства общегосударственного. События последних лет привели к убеждению, что изменение в рассматриваемом ныне отношении неизбежно и представляется возможным также и с точки зрения финляндцев. Хотя все еще есть люди, которые считают нашим правом и долгом отклонить требования относительно общегосударственных законов, все-таки мнение это, насколько нам известно, не имеет более значительного числа приверженцев ни на Сейме, ни в Сенате, ни вообще среди нашего народа. Все более преобладающее значение получает мнение, что нам необходимо считаться с взглядами, господствующими «здесь в России», и что мы поэтому должны упорно отстаивать свое мнение, иногда даже в таких случаях, когда мы не убеждены в необходимости изменения постановлений, касающихся законодательной компетенции, так как цель могла бы быть достигнута и без таких мер. Мы,

следовательно, можем идти на уступки, лишь бы нам и при новых условиях гарантировано было существование в качестве особого народа с собственным политическим бытием.

Это, конечно, говорилось до событий 1905 года, но и затем в комиссии сенатора Харитонова финляндские члены не отрицали существования интересов и дел общеимперского свойства и предлагали для разрешения их особый способ — способ делегаций, способ, уравнивающий Россию с Финляндией и в конце концов ничего не разрешающий, так как при разногласии финляндских и русских членов этих делегаций большинство вопросов, по мнению автора проекта, должно было оставаться неразрешенным.

Русское правительство предпочитало все-таки изыскать способ решения этих вопросов, в конце концов их разрешающий. Поэтому, господа, позвольте мне в дальнейшем исходить из того положения, что необходимость разрешения вопроса об общеимперском законодательстве установлена. Но тут сам собой возникает вопрос: какая же власть должна решить основной вопрос, то есть самый способ течения общеимперских дел, сущность этих дел, вопрос процессуальный и вопрос материальный? В существе своем тут спор может сосредоточиться на следующем: финляндцы, опираясь на слова Императора Александра Первого, на дарованную им конституцию, на подтверждения незыблемости коренных старинных шведских законов, на возможность отмены сеймовых законов только путем взаимного согласия Монарха и Сейма, приходят к тому заключению, что России принадлежит право решения только в области внешних международных сношений, а что все внутренние дела,

хотя бы и обнимающие общеимперские интересы, могут быть законно разрешаемы только в финляндском порядке, сеймовом или административном.

Эта точка зрения наиболее образно была высказана тем же сенатором Лео Мехелином, который в 1904 году в газете «Fria ord» заявлял о том, что взаимоотношение обеих стран требует, чтобы Царь и Великий Князь был единственным русским, который мог бы и должен был бы влиять на финляндские дела. Таким образом, внутренним делам противопоставляются внешние, по не общегосударственные; таким образом, провозглашается теория личной унии, или, по терминологии финляндской, унии реальной. Отсюда ясен логический вывод, что решение вопроса об изменении взаимоотношений России и Финляндии, взаимоотношений, сильно осложнившихся за сто лет, должно принадлежать исключительно творчеству, финляндского Сейма; России должно принадлежать, в лице ее Монарха, лишь право veto, что сводит роль России к пассивному сопротивлению против вредных для нее актов и не дает ей возможности привести свои отношения с Финляндией к благополучному исходу.

Свое мнение о том, как возникла и как развивалась эта теория, я уже излагал перед Государственной думой. Я считаю совершенно излишним в настоящее время оспаривать юридическое построение финляндцев. Совершенно несомненно, что Император Александр Первый утвердил для Финляндии без всякого точного определения основные нормы конституционных законов Швеции. Совершенно неопровержимо, что и после Фридрихсгамского договора, в 1809 и 1816 годах, в тех манифестах, на которые тут ссылались, Император Александр Первый подтверждал дарованную им краю

конституцию — или конституции — и заявлял о политическом существовании финляндского народа. Совершенно верно, что при Императоре Александре Втором, в 1869 г., был издан Сеймовый устав, который был признан незыблемым основным законом, подлежащим изменению или отмене лишь по согласному решению Монарха и Сейма. Совершенно бесспорно также, что монетный закон 1877 г. был признан общим сеймовым законом, а закон о воинской повинности в главных своих статьях — даже законом основным.

Я бы не хотел утаить ни одного из доводов, которые говорят в пользу финляндской точки зрения, я не возьму на себя неприглядной для правительства обязанности выискивать отдельные слова, выражения, опорочивающие эти акты: нельзя исторический спор ставить в зависимость от адвокатской ловкости ораторов и ловить на слове исторических деятелей, давно уже сошедших в могилу. (Голос в центре: это правильно.) Задача правительства иная: правительство считает, что Финляндия пользуется широкой местной автономией, что Финляндии дарована провинциальная конституция, но правительство вполне убеждено, что те предметы, которые обнимают всю империю, или те финляндские законы, которые затрагивают интересы России, выходят за пределы компетенции финляндского Сейма. Всякое другое понимание завело бы нас в исторический тупик. (Голоса в центре: правильно.)

Ведь для всех, я думаю, господа, ясно, что нормы законодательные, правовые нормы и отношения не окаменевают, но изменяются, развиваются вслед за развитием жизни народной. Точно так же должны были измениться взаимоотношения России и Финляндии. Должна же быть какая-нибудь конечная инстанция,

какая-нибудь верховная, суверенная, на юридическом языке, власть, которая бы эти вопросы решала, решала бы вопросы об изменении норм взаимоотношений Финляндии и России, которая решала бы и общие для них вопросы. Мы ведь видим, что право административного законодательства Монархов не покрывает этих вопросов. Мы видим, как мало удачны попытки финляндского Сейма решать эти вопросы захватным правом.

Предоставление же Сейму решения принципиального вопроса об общегосударственном законодательстве было бы равносильно предоставлению ему прав, которые член Государственной думы Милюков назвал учредительными, по вопросу, который касается всей России. Это было бы незаконно по отношению к России. Это не соответствовало бы существу провинциальной финляндской конституции. Я скажу более, такого права самоопределения не имеют даже составные части сложных государств.

Нам возразят, да уже возражали, что в том учреждении в Германии, которое решает вопросы об изменении отдельных конституций, имеют право голоса все союзные государства. Но я думаю, что в настоящее время никто еще не признает Финляндию государством, союзным с Россией. Английский Colonial Legislation Validity Act безусловно признает силу за решениями колониальных парламентов только тогда, когда они не противоречат законодательным актам британского Парламента. Но если державная власть в деле общеимперского законодательства не принадлежит и не может принадлежать финляндскому Сейму, то кому же она принадлежит по праву?

До настоящего времени ее бесспорно осуществляли русские Монархи, то есть единственная общая законодательная для Финляндии и для России власть. Ввиду неопределенности финляндских законов, ввиду туманности даже самого понятия основных финляндских законов, ввиду неясности границ между местным и общеимперским законодательством, Монархи наши безразлично осуществляли эту власть и путем имперских повелений, и в порядке административного законодательства, и в порядке сеймового законодательства, которое, как вы видели, иногда даже вторгается в область законодательства чисто русского. По что совершенно ясно, совершенно бесспорно, это то, что сами наши Государи сознавали, что они, и они одни, властны и правомочны выполнять общеимперское законодательство в пределах Великого Княжества Финляндии.

Александр Первый, даровав Финляндии конституцию и потребовав от земских чинов в Борго их мнения по разным вопросам, запечатлев в Фридрихсгамском мирном договоре державные права России, тщательно и добросовестно охранял финляндскую автономию, но, вместе с тем, в тех делах, которые касались и России, он чувствовал себя совершенно свободным от всяких ограничений и действовал совершенно патриархально. Разрешив финляндцам управляться в своих границах на основании старинных шведских законов, Александр Первый во всех своих манифестах, даже самых льготных, все же признавал Финляндию частью, и притом подчиненной частью русского государства, России. Он даже, как вы знаете, не счел необходимым, утверждая эти законы, сделать оговорку о том, что они имеют силу только в той

мере, в какой они не противоречат русским Основным законам, настолько он признавал их провинциальный характер.

Ведь в этих законах, которые, по ст. 57 Формы правления, должны быть понимаемы буквально, не только запрещается назначать генерал-губернаторов, но вопреки единственному фундаментальному закону того времени о престолонаследии требуется, как тут уже упоминали, от Монарха лютеранское вероисповедание, невыезд его из пределов Финляндии и т. д. Если признать, что Император Александр Первый отказался за Россию от державных или учредительных прав, то надо признать, что немедленно же после утверждения шведских законов он начал их нарушать! Но в его время, по крайней мере, в этом его никто не обвинял* в эту эпоху все признавали Великое Княжество Финляндское русской провинцией. Это заявлялось и на сейме в Борго, это вы можете найти во всех исторических и юридических учебниках того времени.

Известный финляндский ученый Нервандер называет Финляндию Тиродем России. Двадцать лет пребывавший вице-председателем Сената барон Гартман открыто заявлял, что Форма правления потеряла свою силу, что необходимо возможно широкое распространение в Финляндии русского языка. Министр статс-секретарь граф Ребиндер мечтал о сближении устава Гельсингфорского университета с уставами других русских университетов. В те времена, до 50-х годов, в торжественных случаях в университете пелся русский народный гимн; Императора и консистория университетская, и студенты встречали адресами, написанными на русском языке.

Вот, господа, в какой финляндской атмосфере действовали и законодательствовали Император Александр Первый и Император Николай Павлович. Я не знаю, надлежит ли перечислять вам тот объемистый перечень законов, которые при Императоре Александре Первом были изданы в имперском порядке? Их тут перечислял один из предыдущих ораторов. Нельзя же длительную практику принимать как исключение. Известно, что Император Александр Первый в том же 1810 году, в котором он издал один из льготных своих манифестов, на который тут уже ссылались, указом своим приказал перечислить в ресурсы государственного казначейства остатки по смете новой Финляндии. Вам известно, что он присоединил старую Финляндию к новой Финляндии, что он назначил генерал-губернатора вопреки параграфу 33 Формы правления.

Особенно интересны те суждения, которые высказывались в Государственном совете по поводу этих актов. В той записке, которая была представлена в Государственный совет, говорилось буквально следующее, и в то время это никого не смущало:

Если обе сии провинции — то есть старая и новая Финляндия — ныне равно принадлежат Империи и той же и единой покорены верховной власти, то не может быть никакого основания различать их ни в имени, ни в жребии, ни в образе управления, и подобно тому, как из двух прежних разновременных завоеваний составила одна губерния, ныне должно из трех составить одну провинцию.

Вместе с тем указывалось, между прочим, что от этой меры имперская казна не потерпит ущерба, так как «вообще о финляндских доходах сделано постановление,

чтобы остатки их причисляемы были к казначейству Империи». Затем в царствование Императора Николая Первого и Александра Второго существовал, можно сказать, негласный порядок решения общеимперских дел. Может быть приведен перечень тех учреждений, которые ведали этими делами. Например, таможенный тариф Финляндии обсуждался в Министерстве финансов в 1840 году. Реформа финляндского банковского устава обсуждалась в Министерстве финансов, проект устава Императорского Александра Первого университета 1828 года обсуждался в особом комитете при Министерстве народного просвещения. Проект кодификации финляндских законов обсуждался во Втором отделении канцелярии Его Величества. Проект денежной реформы обсуждался в Министерстве финансов в 1860—65 гг. Вопрос о том, созывать или не созывать Сейм, обсуждался в особом совещании из сановников русских и представителей Финляндии под председательством Императора Александра Второго. Военные вопросы обсуждались в Военном министерстве; вопросы, касающиеся постройки шоссе, обсуждались в Главном управлении путей сообщения, которому с 1909 г. была подчинена Финляндия после причисления всей Финляндии в 8-й округ путей сообщения.

Начиная с царствования Императора Александра Второго получила, однако, особое развитие теория об особой финляндской государственности. В это время в сеймовом порядке прошли такие важные законы, как закон монетный и закон о воинской повинности. Но в словах и во многих действиях Императора Александра Второго сказывалось все же, что он общеимперскую идею не подчинял идее провинциальной. Так, в 1863 году, когда финляндский Сенат обратился к Императору

Александру Второму с ходатайством о том, чтобы на разрешение финляндского Сейма был передан вопрос о возврате Сестрорецка в черту Империи, Александр Второй в этом безусловно отказал и вопрос этот решил единолично. Горестны воспоминания этого Монарха о данном им в тяжелую для него минуту на театре военных действий согласия на монетную реформу. Еще в 1860 г. он сказал о монетной же реформе: «*Op m'a escamote top consentement*».

Император Александр Третий ясно сознавал преобладание общеимперского законодательства. В широких массах известен его почтовый манифест и его манифест о приостановлении введения в действие Уголовного уложения, о котором я уже упоминал. Менее известны другие два акта его царствования: Высочайшее повеление 1891 года о передаче на обсуждение Государственного совета проекта финляндского Сената о финляндских основных законах и проекта финляндского генерал-губернатора графа Гейдена об учреждении управления финляндскими губерниями и Высочайшее повеление 1893 года о передаче, точно так же на разрешение Государственного совета, мнения русских и финляндских членов комиссии Бунге о будущем государственном законодательстве.

Знаменательно, что в это еще время многоопытный финляндский генерал-губернатор граф Гейден настаивал на том, чтобы его проект об учреждении управления финляндскими губерниями обсуждался в порядке русских Основных законов, так как он имеет общегосударственный характер. Понятно из всего сказанного, что Государь Император Николай Александрович, вступая на престол и подтверждая права и привилегии Великого Княжества Финляндского,

подтвердил законы, права и привилегии областные, провинциальные; естественно также, что он захотел продолжить дело своего отца и 3 февраля 1899 года обнародовал манифест об общеимперском законодательстве; попятно, что в 1905 году, когда весь наш законодательный и государственный строй изменился, манифестом 20 февраля 1906 г. было возвещено о том, что о порядке осуществления общегосударственного законодательства будут в свое время преподаны особые указания.

Обзор действия пяти Монархов приводит нас к неопровержимому выводу, что общегосударственное законодательство, хотя иногда, может быть, и в неясных очертаниях, иногда с отступлениями, с колебаниями, но осуществлялось в течение ста лет волею и властью русских государей. Ни один из них не отказывался от своих общеимперских прав, ни один из них тем более не отказался от державных или, как здесь их называли, от учредительных прав Русской Империи. Отказ этот был бы равносителен признанию Финляндии самостоятельным государством, всякое столкновение, всякий конфликт с которым был бы неразрешим, так как не было бы такой власти, которая была бы вправе эти осложнения, эти конфликты разрешать. Окончание же конфликтов путем, установленным между равноправными государствами, то есть путем войны, конечно, между Финляндией и Россией немыслимо.

Таким образом, ныне царствующему Государю в минуту поворота в финляндских делах предстояло решить, кто же правомочен осуществить державную власть для установления норм и порядка общегосударственного законодательства. Даровав, как самодержавный Государь, Основные законы Империи,

Государь Император манифестом от 20 февраля 1906 года оставил за собою право установить в свое время и законы общегосударственные. Он мог сделать это сам, он мог сделать это, вняв финляндским теориям, с помощью финляндского Сейма, он мог, наконец, призвать к этому делу русское народное представительство. Манифестом 14 марта этот вопрос разрешен, и законопроект находится перед вами, господа члены Государственной думы.

Вам предстоит решить вопрос исторических размеров, но во время этого исторического суда будут раздаваться и раздаются уже и обвинения, и укоры, и нарекания. Указывая на перечень, вам будут доказывать, что русская реакция стремится задушить автономию свободного народа (голоса слева: правильно), тогда как в возможности пополнения перечня и заключается признак верховенства Русского государства, заключается обеспечение, в случае пропуска или недосмотра, от поворота вновь в такое же положение, в котором мы находимся в настоящее время.

Приглашение финляндских депутатов в Думу и в Государственный совет с решающим голосом — это акт величайшей справедливости, но это в то же время доказательство (шум слева; звонок председателя) единства Русской империи. Смущающий вас, как я слышал, некоторый дозор, в малой хотя степени, за школами введен в перечень вследствие той неприязни, того недружелюбия, которое внушается в школах детям по отношению к России и русскому языку. (Шум слева; звонок председателя.) Союзы, печать, общество — это все предметы, которые даже в сложных государствах

составляют предмет общеимперского законодательства. (Голос слева: еще бы.)

Но нам будут указывать, конечно, что этим путем бюрократия стремится разрушить высокую местную культуру (голоса слева: правильно) и народное просвещение. Я вам отвечу словами докладчика, что независимо от финляндского правосознания существует еще другое правосознание, правосознание русское; вам будут указывать на то, что правительство не считается с интересами целого народа; на это я вам отвечу, что Государь доверил дело вам, а не бюрократии и что помимо вас не пройдет ни один имперский закон; вам, наконец, будут, вероятно, торжественно указывать на мнение якобы Европы, на тысячи собранных финляндцами за границей подписей; тут уже отвечу вам не я, а ответит вся Россия, что многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не разваливается, не расчленяется на части, а крепнет и познает себя.

Разружьте, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, — презрение к нашей родине. Презрение чувствуется в угрозе пассивного сопротивления со стороны некоторых финляндцев, презрение чувствуется и со стороны непрошенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Стряхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собою Россию, спрошенную Царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу. (Продолжительные рукоплескания правой и центра.)

ДВЕ РЕЧИ О НОВЫХ ЗАКОНАХ, КАСАЮЩИХСЯ ФИНЛЯНДИИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 8 И 11 ИЮНЯ 1910 ГОДА

Речь 8 июня 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

Внесенный правительством на ваше разрешение законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения получил уже всестороннее освещение как в первоначальной стадии своего рассмотрения, так и в трудах Особой комиссии Государственного совета. Это избавляет меня от необходимости утруждать ваше внимание подробным изложением существа вопроса. Все необходимые разъяснения будут вам представлены, сообразно ходу прений, при обсуждении законопроекта по статьям.

В настоящее время я считаю необходимым обратить ваше внимание в нескольких лишь словах на принципиальную сторону дела. Я должен это сделать, потому что как русские наши оппоненты, так и те из иностранцев, которые считают себя призванными влиять на русские дела, относят правительственный законопроект к области грубого правонарушения и стараются внушить нашим законодательным учреждениям, что они совершили или совершают дело чуть ли не позорное. А так как правительство, разрешая каждое дело, должно иметь в виду всегда и прежде всего интересы России, то позорным оно считало бы лишь

полное равнодушие или, скорее, малодушие — забвение об этих интересах. Отсюда, я думаю, понятно вам, почему правительство считало необходимым подняться в финляндском вопросе выше местной узкой точки зрения и, столкнувшись с ней, оглянуться на прошлое, оценить настоящее и проникнуться, главным образом, одною мыслью: не попасть в юридическую ловушку, не утратить всего того, что в прежние времена было создано напряжением воли и порывом гения русского народа.

Внимательно следя за доводами противников законо-проекта, я и гут, как и в Государственной думе, не могу примирить их с принципом русской государственности. В этих доводах я вижу один коренной, основной, принципиальный тезис и два последующих параллельных течения. Довод основной, коренной состоит, кроме ссылки на незыблемые старинные шведские законы, на невозможность нарушить финляндскую конституцию помимо согласия финляндцев, еще в том, что статья 2 наших Основных законов по всем вопросам, касающимся местных финляндских дел, отсылает нас к особым установлениям и узаконениям Великого княжества Финляндского. Эти установления и узаконения, как известно, в силу самого закона, не могут быть отменены или изменены помимо финляндского Сейма. А следовательно, все дела, которые разрешались прежде Сеймом, а теперь относятся к общегосударственным, не могут разрешаться без Сейма, так как это было бы равносильно разрешению помимо Сейма дел, которые, в качестве внутренних дел, могут быть разрешаемы исключительно в сеймовом порядке.

Дальнейшая аргументация противников законопроекта, как я только что сказал, разветвляется и идет по двум разным течениям. Чувствуя полную

невозможность обойти вопрос об интересах Империи, одни из лиц, стоящие в оппозиции к законопроекту правительства, указывают, что общеимперские интересы ограждаются, во-первых, принадлежащим Монарху правом административного законодательства, а во-вторых, законодательством параллельным. Другие же, признавая в принципе необходимость общегосударственного законодательства, полагают, что необходимо было ранее законопроект об этом внести на разрешение Сейма и только в случае отказа его допустимо и позволительно было бы разрешить этот вопрос помимо Сейма, уже в силу государственной необходимости.

Я считаю, что как только что упомянутый мною коренной, основной принцип, так и истекающие из него двоякого рода суждения, безусловно, ошибочны. Я не могу согласиться на признание внутренним делом автономной провинции общегосударственных вопросов, касающихся всех русских граждан, бьющих по их правосознанию, по их карману. Я считаю общегосударственные вопросы выходящими из пределов внутренних, вопросами даже прямо им противоположными. Разрешение этих вопросов одним Сеймом я считал бы грубейшим нарушением русских Основных законов; разрешение их сначала Сеймом, а потом нашими Законодательными учреждениями я признавал бы, во-первых, бесплодным, ввиду редкой возможности достигнуть таким путем согласованных решений, а во-вторых, по понятиям самих финляндцев, едва ли менее антиконституционным, чем тот способ общегосударственного законодательства, который предлагает правительство.

Если правила 20 мая 1908 г. вызвали протест финляндцев, заявивших, что между ними и Монархом не должно быть русских советчиков, то утверждение Монархом решений Сейма по общегосударственным вопросам только после обсуждения и решения тех же вопросов Государственной думой и Государственным советом едва ли может быть признано законоприемлемым кем-либо из финляндцев. Но главное, путем предоставления Сейму прав общегосударственного законодательства приносятся в жертву интересы Российской империи. Пренебрежение к этим интересам я вижу не только в основе суждений оппозиции, но и в дальнейшем развитии их теорий. Остановимся на одной из них — предложении отдать на разрешение Сейму законопроект об общегосударственном законодательстве, а в случае неудачи этого шага решить этот вопрос и без Сейма.

Я не могу понять, не могу представить себе, чтобы Россия могла обронить свои державные права и ждать, чтобы их подобрал противник, для того чтобы потом уже наброситься на него и отнять от него эти права силою. Ведь философия этого предложения такова — решайте вопрос свободно, совершенно самостоятельно, а если вы его решите не по-нашему, тогда берегитесь. Точно так же совершенно неприемлема и вторая теория, теория о том, что общегосударственные интересы покрываются законодательством параллельным и законодательством административным. Прийти к такому заключению возможно только, если всецело войти в понимание финляндцев — основывать, строить свои суждения исключительно на узком юридическом толковании; но юридические положения в финляндском вопросе чрезвычайно шатки, и основываться на них, не принимая

в расчет элементов политических, экономических и исторических, крайне рискованно, так как это всегда фатально кончается такими комбинациями, которые приводят к разрешению русских имперских дел одними только финляндцами.

О невозможности оградить русские имперские интересы законодательством параллельным я уже сказал. Прибавлю только, что оно могло более или менее успешно действовать только в те времена, когда, с одной стороны, не собирались Сеймы, а с другой стороны, у нас не существовали еще представительные законодательные учреждения, то есть в то время, когда для той или другой страны действовала одна только законодательная власть — в виде единоличной воли Монарха. В те времена, если прямо смотреть на вещи, акты, общие для России и Финляндии, почти не обсуждались Финляндией, а просто, по большей части, обнародовались в Великом Княжестве Финляндском в финляндском порядке, прикрываясь формально природой административного законодательства, хотя акты эти в громадной части носили чисто имперский характер. Когда же начали собираться Сеймы, то параллельное законодательство почти не могло осуществляться.

Вспомните историю издания уголовного уложения. Ведь для того, чтобы осуществить его в приемлемой форме, пришлось прибегнуть к приостановке путем Высочайшего манифеста утвержденного в финляндском порядке закона и к предложению Сейму нового законопроекта в окончательной уже форме, то есть, иначе, с предупреждением, что Сейм не имеет права сделать в нем никаких изменений. Вот к каким способам, едва ли, с точки зрения финляндцев, закономерным, приходилось прибегать в отдельных случаях для того,

чтобы оградить самые примитивные интересы Империи. Да и административное законодательство могло обслуживать русские интересы только в патриархальные времена, когда никто почти не отличал его от общеимперского, когда оно, попросту говоря, выходило из законных своих рамок.

Проследите ход этого законодательства и вы увидите, что с самого начала оно отменяло целые статьи общего уложения 1734 г., того уложения, которое считается коренным финляндским законом; этому есть целый ряд документальных доказательств; а затем, временами, оно принимало характер уже чисто императивного общеимперского законодательства. Со времени созыва Сейма оно сузилось до неузнаваемости. Прикрывая этим родом законодательства русские общегосударственные интересы, узко юридическая или, позвольте так выразиться, провинциальная правовая точка зрения впадает в бессознательное юридическое лицемерие. Когда в поле ее зрения попадают общеимперские интересы, то сторонники этого взгляда пугливо от них отмахиваются, инстинктивно, конечно, чувствуя, что в этот узко-правовой провинциальный наряд невозможно обрядить широкие задачи русского государственного понимания,

Поэтому следовать за тем или другим способом аргументации противников законопроекта для правительства невозможно, так же как невозможно признать вместе с оппозицией, что проходящее красной нитью через целое столетие осуществление тем или другим путем общеимперского законодательства — повторная ошибка, постоянно повторяющееся исключение и что великодушные обещания наших Монархов о сохранении местного законодательства,

местного управления равносильны пренебрежению русскими интересами и подчинению их интересам финляндским.

Русское правительство должно помнить другое — оно должно помнить, что когда миновали патриархальные времена и начали собираться Сеймы, а Сеймы начали касаться вопросов, до боли затрагивающих русские имперские интересы, то немедленно и повелительно начала сознаваться потребность в общегосударственном законодательстве, которого требовали лучшие в то время умы России. Правительство должно помнить и другое — что даже в самые трудные минуты 1905 и 1906 годов, когда, казалось, все шаталось, вопрос об общегосударственном законодательстве не понимался исключительно в финляндском освещении, как он понимается некоторыми теперь.

Уже докладчик указал на собиравшееся в то время совещание 1906 года, которое определенно сознавало, что разрабатывавшийся им Сеймовый устав, безусловно, не касается общегосударственного законодательства. Не мешает припомнить, может быть, и письмо бывшего в то время финляндским генерал-губернатором действительного тайного советника Герарда, который писал министру, статс-секретарю Великого Княжества Финляндского:

Вполне полагаясь на полную компетентность нынешнего Императорского сената в разрешении тех вопросов, которые касаются внутреннего управления краем и затрагивают интересы и желания местного населения, я нахожу нужным остановиться прежде всего на двух предметах: 1) на значении проектированного

закона для установления порядка рассмотрения законопроектов, общих для Империи и для Великого Княжества Финляндского, и 2) о том, насколько проект этот затрагивает прерогативы Верховной власти. По первому предмету долгом считаю высказать, что Императорский финляндский сенат, коему вверено главное внутреннее управление Финляндии (параграф 1 Высочайшего постановления 13 сентября 1892 г.), мог составить и составил проект закона о законодательной деятельности представительного учреждения, компетенция которого ограничивается Великим Княжеством Финляндским, не затрагивая вопросов, имеющих значение как для Империи, так и для Великого Княжества, и не предрешая вопроса о порядке издания законов сего рода. В этом отношении, проект сеймового устава находится в полном согласии с Высочайшим манифестом 20 февраля настоящего года, в коем установлено, что о порядке обсуждения законопроектов, общих для Империи и Великого Княжества Финляндского, Высочайшею властью в свое время будут преподаны надлежащие указания.

Правительство должно обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство, которое не оставит неотмеченным история. Это решение Государя предоставить на обсуждение, в порядке общеимперского законодательства, тех дел общеимперского характера, которые сохранились еще до настоящего времени в сфере финляндского единоличного административного законодательства. Государь предпочел разрешению таких вопросов единолично, в финляндском порядке, разрешение их в порядке общеимперском, при содействии Государственной думы и Государственного совета. Факт, который, как известно, вызвал сильную

монархическую тревогу в левом крыле Государственной думы.

В заключение, господа, я считаю себя обязанным напомнить, указать вам, что перед вами только два пути. Надо выбрать! Один путь — путь прежний: путь предоставления Финляндии свободного поступательного движения вперед в деле самоопределения своего положения в Империи, в деле самодовлеющего разрешения общих для Империи и для Финляндии вопросов. На этом пути встречаются такие случайности, как издание Уголовного уложения 1899 года, как подготовка финляндским Сенатом в 1906 г. проекта новой формы правления, о чем председатель Совета министров узнавал случайно из газет. Другой путь — поворот к решительной охране русских имперских интересов при сохранении полного уважения к финляндской автономии, к финляндским привилегиям. Чтобы идти по этому пути, надо не только понимать, что общеимперские законодательные учреждения не могут быть устранены от решения общеимперских дел и что эти учреждения не могут быть уравнены с провинциальными учреждениями, а должны обладать компетенцией компетенций, но нужно верить, что Россия не культуругаситель, что Россия сама смело шагает вперед по пути усовершенствования, что Россия не обречена стать лишь питательной почвой для чужих культур и для чужих успехов. И в зависимости от крепости этой веры законодатели должны решать. Или отрекитесь от прав общеимперского законодательства в пользу финляндского провинциального Сейма, или докажите, что дарованные Государем России законодательные учреждения считают своей обязанностью, своим долгом свято охранять то, что принадлежит всему государству.

Если, господа, существуют длинные периоды для обдумывания, то существуют исторические минуты для решения.

Речь 11 июня 1910 г.

В речах господ членов Государственного совета, говоривших против законопроекта *, повторяется по отношению к перечню дел, имеющих, согласно проекту, быть издаваемыми в общем порядке, целый ряд существенных замечаний, по которым я считаю необходимым сделать самые краткие разъяснения. Я слышал тут заявление о том, что путем перечня уничтожается все автономное устройство Финляндии, что из ведения финляндских учреждений изъемлетя громадная область дел, обнимающих всю местную, провинциальную жизнь Великого Княжества. Я слышал тут точно так же, что законопроект создает законодательную обструкцию, законодательную забастовку, так как Сейм не будет иметь уже права законодательствовать в области перечня, а общие законодательные учреждения заняться этим законодательством, особенно мелочным, не удосужатся.

На это я считаю необходимым пояснить нижеследующее. Пока не будут изданы в общем порядке новые законы, в Финляндии будет действовать существующее в настоящее время местное законодательство. Затем, по вопросу о проектируемых общих законах будет заслушано мнение финляндского народа, так как ранее всего эти вопросы будут рассматриваться финляндским Сенатом или Сеймом. Законопроект, постановления Сейма не присваивает термина «решение», а называет их

«заключением», так как по этим делам будет обсуждение, после Сейма, в Государственной думе и Государственном совете с участием, однако, финляндских членов, к голосу которых, в противность высказанному тут некоторыми ораторами мнению, я уверен, и в Думе, и в Государственном совете будут прислушиваться с особливим вниманием.

Переходя затем к заявлению о том, что наши законодательные учреждения не будут иметь времени заняться мелочным финляндским законодательством, надо иметь в виду, что при издании, редактировании и конструировании каждого такого законопроекта будут, конечно, выделяться части, имеющие политическое, принципиальное значение, которые будет предложено регулировать в общем законодательном порядке, и могут быть выделены части, так сказать, провинциального характера, в пределах которых законодательствовать будет предоставлено, по-прежнему, финляндскому Сейму.

Вот почему, господа, пунктом перечня и придана была, и должна была быть придана форма редакции общая или, как тут иронически выражались, туманная. Пока не будут изданы законы в общегосударственном порядке, финляндская жизнь, повторяю, будет регулироваться ныне существующими законодательными нормами, действующими издавна, издревле в крае. По местным условиям, нет такой спешной необходимости непременно теперь же все эти нормы обновлять, изменять, вносить в них перемены. Вспомните довольно архаическое уложение о судопроизводстве в Финляндии, которое действует, однако, в ней с давнего времени.

Что касается обширности самого перечня, то надо помнить, что перечисленные в этом перечне предметы законодательства не будут в полном объеме переноситься в общее законодательство, а лишь в той мере, которая будет касаться общеполитических, общеимперских интересов. Объем этой меры будет определяться законодательными учреждениями, то есть вами, при рассмотрении каждого отдельного законопроекта в частности. Перечень обширнее по периферии, чем в глубину, и это понятно, так как правительственная мысль не имела совершенно в виду нанести обиду, оскорбление финляндцам путем изъятия из их ведения того или другого законодательного предмета целиком, а имела целью защитить в объеме этих предметов интересы нашей родины, о которых финляндцы, естественно, не думали, а мы, русские люди, до настоящего времени, по финляндским законам, думать не имели права.

Я знаю, что в перечне больше всего сомнений возбуждает пункт 5-й, который гласит, что основные начала управления Финляндией особыми установлениями, на основании особого законодательства, должны переноситься в область общегосударственного законодательства. Но тут не имелось в виду, тут не таилось намерения разрушить, перестроить, изменить весь основной строй, все коренные законы Финляндии, которые регулируют ее автономные права в области законодательства и управления. Имелось в виду другое; имелось в виду запечатлеть в законе, что право такого изменения не принадлежит одной Финляндии, что ей не предоставляется одностороннего права изменения своего положения в Империи. А это право финляндцы до настоящего времени ал собой признают.

Я помню, и не могу забыть, что еще недавно финляндцы стремились осуществить это право и сделали подобную попытку в 1906 г., желая в финляндском порядке изменить форму правления. Бот это право изменения Финляндией объема и пространства своих преимуществ в отношении Империи, без согласия, без изъявления даже воли державным государством, и будет закреплено, по крайней мере в сознании финляндцев, путем исключения пункта 5 статьи 2 из перечня нашего законопроекта. Этим будет нанесен, конечно, большой ущерб России, в державном обладании которой находится Финляндия, — России, законные интересы которой в этом высоком собрании представляете вы, господа члены Государственного совета.

РЕЧЬ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗДАНИЯ НОВОГО ЭКСТРЕННОГО ЗАКОНА В ЦЕЛЯХ ОЗДОРОВЛЕНИЯ СТОЛИЦЫ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 11 ЯНВАРЯ 1911 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Ввиду того, что вами приняты уже первые 24 статьи предложенного вам законопроекта, мне не предстоит надобности доказывать вам по существу необходимость издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы. Вы оценили, конечно, побуждения правительства, обратившегося в законодательные учреждения в сознании тяжелой своей ответственности перед населением за непринятие мер к охране его жизни.

Я думаю, что едва ли кому-нибудь удастся доказать, что в городе, в котором число смертей уже превышает число рождений, в котором одна треть смертей происходит от заразных заболеваний, в котором брюшной тиф уносит больше жертв, чем в любом западно-европейском городе, в котором не прекращается оспа, в котором время от времени появляется возвратный тиф, болезнь, давно исчезнувшая на Западе, в котором почва вполне благоприятна для развития всяких бактерий, не только холерных, но, я думаю, и чумных, что в таком городе правительство обязано стоять на почве, как здесь было сказано, исключительно надзора, исключительно протеста и платонических побуждений, должно подавить в себе волевое усилие и являть из себя зрелище бессилия государства, санкционирующего бессилие общественное.

Такого представления о роли правительства ни у кого, конечно, быть не может, и возражения против правительственного законопроекта опираются, насколько я их понимаю, на соображения иного порядка. Оппозиция против правительственных предложений объясняется, очевидно, представлением о них как о мерах в высшей степени прямолинейных, как о мерах, может быть, поражающих каким-то слишком наивным симплицизмом. Появилась и держится в городе холера. Начальство начинает распорядиться, дело не налаживается; городское управление медлит. И в результате — что же? Необходимость заменить это самоуправление чиновником, который все знает, все прекрасно выполнит, быстро и скоро все приведет в порядок.

Но подумало ли правительство, указывают противники его, что целые группы населения, может

быть, наиболее для этого пригодные, устранены от дела городского самоуправления; подумало ли оно о том, что городское управление обрезано в своих средствах, что оно не имеет права облагать оценочным сбором земли дворцовые, казенные и удельные; предъявило ли оно когда-либо городскому управлению категорическое требование об оборудовании канализации и улучшении водопровода; наконец, подумало ли оно об освобождении городского самоуправления от тех тормозов, от тех рогаток, которые поставлены на его пути самим законом, так как городское управление, как известно, не имеет права иначе, как в путях закона, не только отчуждать нужное имущество, но даже временно его запясть в целях работ по оздоровлению города, не имеет права установить обязательного присоединения домовладельцев к общей канализационной сети, не имеет даже права обложить обывателей уравнительным канализационным сбором?

Если бы правительство об этом подумало, если бы оно своевременно расширило компетенцию города соответственно обширности возложенных на него задач, тогда другое дело — правительство имело бы право возбудить вопрос о понудительных против города мероприятиях; но при отсутствии этих условий всякое вмешательство правительства в городскую компетенцию является доказательством недоверия к общественным силам, более того, является ударом, наносимым самому принципу городского самоуправления.

Вот, насколько я понял, те возражения, на которые мне придется отвечать. О необходимости составления проекта нового Городового положения, вместо прямой борьбы с антисанитарными условиями г. Петербурга, я говорить не буду, так как вы, господа, уже постановили

перейти к постатейному чтению законопроекта и, следовательно, в общем признали его целесообразность. К тому же, многим из вас известно, что даже в городах, в которых круг избирателей и круг гласных гораздо более ограничен, чем в Петербурге, вопрос канализационный и вопрос водоснабжения вырешен уже достаточно благополучно. Кроме того, я полагаю, что попутно разрешать крупный вопрос о новом способе комплектования городских гласных было бы в настоящее время неудобно. Я точно так же оставляю в стороне вопрос об обложении оценочным сбором земель дворцовых, казенных и удельных. Вопрос этот не относится к ст. 25 и последующим и вообще имеет мало отношения ко всему законопроекту, так как, по предположению правительства, и канализация, и водопровод должны сами себя окупать и содержать.

Если не касаться этих двух вопросов, то спор сводится к нижеследующему: иные полагают, что городское самоуправление не может в настоящее время осуществить канализацию и улучшить водопровод, потому что сам закон ставит ему в этом преграды, и цель законодателя — устранить эти преграды, расширив законные полномочия города в пределах этих двух предприятий; помимо же этого никакого законодательного воздействия не требуется. Другие предполагают, что дело законодателя — не только благожелательное содействие городскому управлению, но и обеспечение неуклонного исполнения той задачи, которая признана государством необходимой.

Какое же отношение правительства к этим вопросам? Ответ на это дает первоначальный правительственный законопроект, согласно которому предполагалось, ввиду тревожного в санитарном

отношении состояния столицы, немедленно взяться за работу и, ввиду невозможности заставить работать других, принять на себя правительству и весь труд и всю ответственность по этому делу, не терпящему никакого отлагательства. Как известно, комиссия Государственной думы пошла по среднему пути. Она нашла, что если городское самоуправление поставить в условия, в которых помехи, о которых я только что говорил, были бы устранены, то в этих облегченных условиях городское самоуправление, быть может, и выполнит возложенные на него задания. Поэтому комиссия решила предоставить городу эту возможность и лишь в случае неудачи города обеспечить в самом законе выполнение или завершение дела правительственной властью.

Несмотря на то, что при такой постановке дела может быть риск некоторого замедления, правительство пошло на это, согласилось с предложениями комиссии и приняло участие в переработке законопроекта. Действовало оно так из уважения и к принципу городского самоуправления, и в предположении, что при таком оказательстве доверия городу со стороны высших законодательных учреждений и со стороны правительства может появиться новый стимул, новый импульс, который послужит к удаче предприятия. Но правительство не могло допустить и мысли, чтобы Государственная дума остановилась на полпути, и не обеспечила при каких бы то ни было обстоятельствах и условиях завершение дела, являющегося не вопросом самолюбия тех или иных городских деятелей, а вопросом жизни или смерти населения столицы.

Тут, господа, мне придется поделиться с вами некоторыми соображениями и мыслями, которые привели меня в свое время к выводу о необходимости

немедленного правительственного действия. Эти мысли, конечно, могут служить аргументом а fortiori для доказательства необходимости оставления в силе второй части законопроекта комиссии, которая служит санкцией к первой его части. Ничего оскорбительного и для городского самоуправления, и для принципа самоуправления в этих мыслях, конечно, нет. Наблюдая за деятельностью Петербургского городского самоуправления, я не мог не подметить какой-то робости, какой-то нерешительности во всех вопросах, касающихся мер по оздоровлению столицы.

Никто не будет отрицать, что до самого последнего времени самая возможность сооружения такого грандиозного предприятия, как канализация, подвергалась сомнению не только с точки зрения технической его осуществимости, но и с точки зрения даже его необходимости; тут чувствовалось явное смущение перед громадностью предстоящих расходов, которые превышают сумму всех займов, заключенных до настоящего времени г. Петербургом. Состав городской думы переменный, одни дело начнут, другие будут продолжать, третьи, может быть, закончат, ответственность громадна — вот психология городского самоуправления, психология, которая проскальзывает, просачивается во всех, даже частных, разговорах городских деятелей. И поражает в этих разговорах, в этих соображениях городских деятелей то, чем оно оправдывается: данными о том, что вот уже в течение более 40 лет городская дума изыскивает способы, выбирает лучшие проекты канализации, ссылаясь на то, что правительство даже до настоящего времени еще категорически не принимало по отношению к городу достаточно энергических мер понуждения!

Разве, совершенно независимо от вопроса о степени вины в данном деле правительства или городского самоуправления, разве все эти доводы не служат доказательством отсутствия у городского самоуправления волевого импульса? Подтверждается это примерами и из области менее крупных предприятий. Вспомните, например, что простой вопрос, вопрос о введении водомеров должен был быть проведен в порядке Высочайше утвержденного мнения Комитета министров; город с своей стороны последовательно обсуждал этот вопрос и в 1892 г., и в 1894, 1895, 1896, 1897 гг., и, наконец, в 1899 г. окончательно его отклонил, после чего он должен был быть проведен в порядке Верховного управления. Таким же путем было проведено и расширение фильтров. Наконец, в самое последнее время, в 1909 г., городская дума решила вопрос о префильтрах, даже ассигновала деньги на эту постройку; префильтры, однако, построены не были, и в конце концов город перерешил вопрос и отказался от своей мысли.

Не доказывает ли это, что в городе, при наличии самых благих пожеланий, не созрела еще та решимость, которая одна может родить результаты? Я укажу еще на события самого последнего времени. В настоящее время в городской думе существует новая канализационная комиссия, состоящая из почтеннейших людей, которые желают сделать дело; в эту комиссию приглашаются эксперты из самых крупных научных авторитетов, но эксперты эти заявляют, что всякая их работа будет безрезультатна, бесполезна, покуда не будут ясны условия, положения, задания, которые должны быть выполнены, иначе работа их останется академической. И вот эта академичность работы и является характерной

для всех трудов городского самоуправления в области оздоровления Петербурга, кроме, конечно, больничного дела.

Для того, чтобы претворить, для того, чтобы превратить эту работу в работу реальную, хотя бы и несовершенную, и необходима санкция к вашему законопроекту, санкция, которою является статья 25 и последующие его статьи. Если этой санкции вы не дадите, то работа, конечно, может быть, и будет исполнена, но, может быть, и не будет исполнена, а, может быть, будет замедлена. Быть может, тогда, когда пройдут установленные сроки, наступит момент, когда правительству придется вносить особый законопроект о приведении в исполнение работы в принудительном порядке, может быть, это произойдет в летний период, когда Государственная дума не будет заседать, придется во всяком случае проводить этот закон и через Думу, и через Государственный совет. В результате — замедление, остановка работ.

То же самое произойдет, если будет принято пожелание о предоставлении и правительству права роспуска городской думы и призыва другого ее состава. Соответствует ли такая возможность силе и авторитету закона? Может ли закон, прошедший через рассмотрение Государственной думы и Государственного совета, получивший санкцию Государя Императора, установить лишь новую, кажется, седьмую или восьмую по счету комиссию, снабдить ее всеми способами и возможностью выполнить дело, не обеспечив ничем безусловности его окончания?

Говорят, что и на это надо идти ввиду того, что всякое воздействие правительства па юрод будет

опорочивать принцип самоуправления. Но так ли это? Я думаю, что ничего постыдного для наших городских деятелей нет в предвидении возможности если не воздействия, то, во всяком случае, содействия правительства к приведению в исполнение столь необходимого предприятия, как канализация и водоснабжение. Господа, история повторяется: Берлин 60-х годов прошлого столетия напоминал собой в большой мере в санитарном отношении картину сегодняшнего Петербурга. Там точно так же жидкие нечистоты выливались в открытые канавы и каналы, которые выносили все эти нечистоты в реку Шпрее; твердые нечистоты почти все (до 90%) оставались в черте города. Точно так же слышались разговоры о невозможности сооружения канализации и в финансовом отношении, и, главным образом, в техническом; говорили, что будут обваливаться и обрушиваться дома и т. д., а теперь в Германии канализировано 624 города.

Да и в Англии до 1870 г. прошлого столетия органы городского самоуправления обнаруживали полную бездеятельность в отношении улучшения санитарных условий страны. С 30-х до 70-х годов прошлого столетия там шла, как теперь у нас, ожесточенная борьба между сторонниками государственного воздействия и между противниками его, доказывавшими, что самая мысль о таком воздействии оскорбительна для идеи самоуправления. И что же? В классической стране самоуправления узаконено начало воздействия. Вам известны и английский, и французский законопроекты, которые тут неоднократно цитировались, но я попрошу вас вникнуть в его внутренний, не формальный, а более глубокий смысл, и вы поймете, что этот закон не репрессивный, не нарушающий духа английского self

government, а закон глубоко социальный. Такого рода закон и должен был возникнуть в государстве не полицейском, не регулирующем действия всех и каждого, а в государстве, преследующем задани широкой социальной политики, ставящем пределы свободы отдельного лица и отдельных организаций, когда они нарушают интересы масс.

Но ведь, господа, на этом же принципе зиждется все законодательство об охране «женского и детского труда, все законодательство об общественном призрении, все законодательство о фабричной инспекции. Кому, господа, более всего нужна в Петербурге чистая вода и канализация? Ведь не домовладельцам, которые живут в более пли менее сносных условиях, не министрам, не нам с вами, а столичной бедноте. Я видел, как эта беднота безропотно умирает в городских больницах, отравленная тем, что каждому должно быть доступно в чистом виде, — водой. Я знаю и помню цифру 100 тысяч смертей от холеры в настоящем году; я чувствую боль и стыд, когда указывают на мою родину, как на очаг распространения всевозможных инфекций и болезней. Я не хочу, не желаю оставаться далее безвольным и бессильным свидетелем вымирания низов петербургского населения.

Я поэтому стою за принятие закона, который выразил бы не только желание, но и непреклонную волю законодателей. Я хочу не надеяться, я хочу наверное знать, что при каких бы то ни было обстоятельствах, при каких бы то ни было условиях, через 15 лет в столице русского царя будет, наконец, чистая вода, и мы не будем гнить в своих собственных нечистотах. Я не поверю и никто мне не докажет, что тут необходимо считаться с чувством какой-то деликатности по отношению к городскому управлению, что тут может

существовать опасение обидеть людей или оскорбить идею. Я прошу вас выразить вашу твердую волю, имея в виду не только Петербург, нет, это необходимо и по отношению ко всей России.

Я повторю то, что только что говорил член Государственной думы Шингарев*: Россия ежегодно наводняется эпидемиями и болезнями из Азии. Есть целый ряд городов, которые становятся рассадниками, узлами инфекции, откуда они разносятся по всей России. Окиньте мысленным взором все наше Поволжье, сначала Астрахань — ворота, через которые к нам приходит и холера, и чума, Астрахань с ее известным водопроводом, вбирающим воду на берегу Волги, представляющим из себя клоаку, наполненную миазмами. Далее — Царицын с его оврагами, очагами заразы, из которых самый знаменитый — Кавказ, на высоком берегу которого сосредоточено скопление всех отбросов — гнездо заразы, а внизу, внизу живут люди, которые дышат миазмами от нечистот, сбрасываемых сверху. В настоящее время этот Кавказ очищен и очищен, конечно, пожаром. Дальше идет Саратов с его не менее знаменитым Глебучевым и Белошинским оврагами, по которым я немало походил и о которых мог бы много порассказать. А Самара, нарядная Самара, с ее известной Веденевой ямой, ямой, которая теперь уже не яма, а бугор, с которого жидкие нечистоты по оврагу стекают в реку Самару. Казань имеет тоже свои достопримечательности в центре города: ров Булак и озеро Кабан, в которое точно так же сваливаются все казанские нечистоты.

И правительство все это знает и все это терпит? Не только знает, но даже изучило, посредством самых известных научных авторитетов, составило планы

оздоровления этих городов и предъявило даже эти планы к исполнению городским самоуправлением. Но, господа, если вы теперь отвергнете санкцию к закону, то есть статью 25 и дальнейшие, то и эти планы останутся, конечно, такими же прекрасными планами, как предначертания комиссии сенатора Лихачева, которая в 1897 году объехала все эти места и в свое время выработала целый ряд мероприятий по оздоровлению Поволжья. И это произойдет не от того, чтобы города эти не хотели почиститься, наоборот, но потому, что это дело трудно, потому что оно не сегодня началось, потому что понуждения, как это видно будет на примере Петербурга, на примере того законопроекта, который вы теперь рассматриваете, ожидать не придется и сверху не будет произведено того, чего у нас вообще недостает в России: твердой и ясной воли, а такую коллективную непреодолимую волю может проявить, конечно, только закон.

Меня ждет еще одно возражение: каким же образом то, что окажется недостижимым для городских самоуправлений, будет удачно выполнено чиновниками? (Голос слева: это самое главное.) Да, я думаю, просто потому, что государство обладает большими техническими средствами, имеет большой круг людей к своим услугам. Дело, господа, не в чиновниках. Чиновник может быть и плох, может быть и хорош, а я думаю, что чиновник часто не меньше, а, может быть, и больше других трудится на пользу и на славу России. И, право, горько и больно слышать, когда рисуют по обычному шаблонному трафарету образ чиновника, стремящегося исключительно захватывать чины, ордена, оклады и лишнего всякого нравственного чувства.

Но, повторяю, дело не в этом. Гораздо трагичнее только что высказанное недоверие к силам самого государства. Только что приводились примеры того, как правительство вооружало себя всевозможными полномочиями и не достигало результатов. Но ведь дело, как сказал член Государственной думы Шингарев, не в правах местной власти. Дело, предмет обсуждения не в принципе смешения прав администрации с правами самоуправления, который может быть и ошибочен. Дело не в снабжении власти в нормальное время средствами, принадлежащими земству и городскому самоуправлению, тем более что таких свободных средств обыкновенно нет. Но недопустимо думать, что государство не имеет средств и возможности выполнять изъятия учреждений, которым от самого государства передоверены некоторые государственные функции. Если не верить силам государства и силам государственности, то тогда, господа, конечно, нельзя ни законодательствовать, ни управлять. (Голос справа: браво.)

Ошибочно, господа, точно так же подходить к каждому вопросу, примеряя его к существующим образцам — либеральным, реакционным или консервативным. Наша оппозиция привыкла прикасаться к каждому правительственному законопроекту особой лакмусовой бумажкой и затем пристально приглядываться — покраснела она или посинела. (Смех справа.) Напрасно. Меры правительства могут быть только государственными, и меры эти, меры государственные, могут оказаться консервативными, но могут быть и глубоко демократичны. Так, господа, и в данном случае правительство просит вас довести дело до конца, правительство просит вас подчеркнуть неприкосновенность вашего решения, памятуя, конечно,

не о самолюбии тех или других деятелей, а о простом бедном рабочем люде, который живет или, скорее, гибнет в самых невозможных условиях и о котором под названием пролетариата здесь принято вспоминать, главным образом, как о козыре в политической игре. (Голоса справа: да, верно.)

Вам, господа, предстоит решить вопрос не субъективного чувства о том, органы ли самоуправления или правительство достойны большего сочувствия, — вам предстоит решить крупный социальный вопрос о государственном воздействии на условия существования экономически зависимых масс. Этот вопрос вы можете решить правильно с одной только точки зрения — с точки зрения государственной. (Голоса справа: браво; рукоплескания справа и в центре *.)

* * *

Господа члены Государственной думы! Перед отъездом из Государственной думы по экстренным делам я всхожу на эту кафедру не для полемики, а для того, чтобы рассеять одно, как мне кажется, недоразумение. Тут в речах лиц, относящихся несочувственно к 25-й и последующим статьям законопроекта, выразалось мнение, что правительство и в моей речи, и в своем представлении настаивает на необходимости ограничить молодое самоуправление и твердо стоит на принципе вмешательства в дело самоуправления.

В этом именно я и вижу безусловное недоразумение. Если вы вникнете в смысл законопроекта, то вы усмотрите, что вмешательство правительства в дело самоуправления осуществляется не в 25-й и последующих статьях, а в первых 24 статьях. А эти

первые 24 статьи уже приняты вами; ими предусматривается организация новой комиссии, которая не предвидится Городовым положением. В эту комиссию входят пять членов от Министерства внутренних дел — даже не от всех ведомств, а от одного министерства, — а председатель назначается Высочайшею властью. И в руки этой комиссии отдается все дело! Следовательно, сама Государственная дума признала, что не всегда вмешательство правительственных органов бывает вредным, особенно в таких важных предприятиях, как то, которое предстоит теперь для оздоровления столицы.

Дальнейшее недоразумение заключается в смешении, как мне кажется, двух понятий: понятия правительства как органа подчиненного и понятия о государстве. Если бы 25-я и последующие статьи были вами ампутированы, то, несомненно, ваш законопроект оказался бы незаконченным, не было бы гарантии той непрерывности работы, которая необходима в таком важном деле, как дело оздоровления столицы: было бы обеспечено, как я высказал раньше, одно содействие городскому управлению, но гарантии непременности обеспечения населению столицы возможных жизненных условий, конечно, в этом законе уже не было бы. Но по пути обеспечения этих условий самим государством пошли все те страны, которые верят в свою государственность, которые верят, что самоуправление — только составная часть управления государственного.

Нельзя в данном случае противопоставлять самоуправление правительству и надо предвидеть и предопределить, что если в этом конкретном деле самоуправление потерпит неудачу, то существует нечто высшее, определяемое более высоким понятием, существует государство, и что государство способно

выполнить задачу, не выполненную его органом, что население ни в каком случае не останется в безвыходном положении. Поэтому я и думаю, что если вы остановитесь на статье 24, то законопроект ваш останется незаконченным. Тут проявится какое-то противоречие, незаконченность, неполнота закона, и на логической почве останется в данном деле одна только оппозиция, которая прямо говорит, что она в современную государственность не верит, и которая предлагает свой рецепт, свой выход из создавшегося положения — все теперешнее государство, всю государственную пирамиду, как выразился один из ораторов, сверху вниз опрокинуть. Но едва ли этому рецепту сочувствует остальная часть Государственной думы. (Рукоплескания справа и в центре.)

**ЗАМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ
ПОПРАВКИ Д. И. ПИХНО,
ВЫСКАЗАННОЕ В
ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 28
ЯНВАРЯ 1911 ГОДА**

Господа члены Государственного совета! Ранее начала обсуждения Государственным советом законопроекта о введении земских учреждений в Западном крае, я считаю небесполезным, в видах возможного сокращения прений, заявить Государственному совету, что правительство считало бы возможным присоединиться к поправке члена Государственного совета Д. И. Пихно относительно сокращения земельного ценза полных цензовиков вдвое, оставив право участия в избирательных съездах за

владельцами не менее одной пятой этого уменьшенного ценза *. Затем, правительство настаивало бы на введении трех представителей духовенства в уездные земства и четырех представителей духовенства в губернские земства, так же как на избрании председателей земских управ из числа лиц русского происхождения. Далее, одной из самых существенных частей законопроекта правительство считало бы учреждение так называемых национальных курий, то есть образование особых отделов, без которых законопроект едва ли принес бы, по мнению правительства, ожидаемую пользу. Почему правительство на этом настаивает и считает неприемлемым изменение этой части законопроекта, а точно так же свои соображения и по остальным частям его, я буду иметь честь изложить перед Государственным советом во время общих прений, когда услышу соображения лиц, возражающих против законопроекта.

РЕЧЬ О ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В ЗАПАДНОМ КРАЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 1 ФЕВРАЛЯ 1911 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

Основные положения правительственного проекта о введении земских учреждений в Западном крае были, после долгих и довольно страстных прений, в главных чертах еще в минувшем году приняты Государственной думой. Особая комиссия Государственного совета

присоединилась к предположениям правительства и признала возможным восстановить первоначальную правительственную редакцию в отношении земельного ценза, участия духовенства в земстве и обязательности избрания председателей управ из числа лиц русского происхождения. Таким образом, невосстановленным оказался лишь один принцип правительственной системы — принцип ограничения известным процентом лиц польского происхождения, служащих в земстве по найму.

Несмотря на, казалось бы, такую прочную постановку дела, я все же не мог не предвидеть, что здесь, в общем собрании Государственного совета, на правительственный законопроект будут сыпаться удары со всех сторон, так как им затронут вопрос, которого, к сожалению, нельзя было обойти, — вопрос, издавна глубоко волновавший и волнующий русскую общественную мысль, — вопрос о русско-польских отношениях. Конечно, может быть, было бы осторожнее этого вопроса совершенно не касаться, но сделать это было возможно только одним путем: не поднимая совершенно вопроса о западном самоуправлении. На это мне и указывалось с двух сторон: с одной стороны, поляки говорят, что вопрос о земстве возник случайно, вследствие законодательного заявления об изменении порядка выборов членов Государственного совета от западных губерний, причем правительство будто бы схватилось за этот случай для того, чтобы еще раз, в новой области, области самоуправления, ввести новые ограничения по отношению к лицам польского происхождения; на эту же случайность указывали и некоторые русские, утверждая, что Положение 2 апреля 1903 года действует вполне удовлетворительно и что

всякое его изменение поведет лишь к уменьшению русского влияния в крае.

Поэтому я, прежде всего, должен был задать сам себе вопрос: да не возбужден ли весь этот вопрос легкомысленно, неосмотрительно, случайно, не поведет ли изменение нынешнего положения к ухудшению и политическому, и хозяйственному? Отвечая на это, я должен прежде всего отметить, что вопрос о введении земства озабочивал нынешнее правительство еще начиная с 1906 года, и если проекты правительства потерпели некоторое замедление, то произошло это по двум или даже по трем причинам: во-первых, Государственная дума сначала относилась весьма отрицательно к распространению Земского положения 1890 г. на новые губернии; затем, первоначальный министерский проект был основан на принципе пропорциональности, что тогда же было признано правительством и слишком сложным, и несоответствующим русским интересам в крае, тем более что, в-третьих, — надо же быть откровенным — пример и опыт первых Государственных дум Государственного совета убедил правительство в особой сплоченности, в особой замкнутости польского элемента. Но как только возникла возможность или, скорее, надежда провести законопроект, соответствующий государственным интересам, он тотчас же и был представлен на законодательное рассмотрение.

Теперь, переходя к вопросу о том, почему же правительство не может удовлетвориться Положением 2 апреля 1903 г., я хотел бы, чтобы противники мои мысленно, на минуту, забыли все привходящие аргументы и мотивы, которые делают для них правительственный проект неприемлемым, и решили бы

сами для себя, вне круга этих привходящих понятий, коренной, основной вопрос: да необходимо ли, нужно ли земское самоуправление в Западном крае или нет? Нам только что сейчас говорили, что Положение 2 апреля 1903 г. совсем не так плохо, что оно вполне удовлетворяет местным потребностям. Я охотно признаю, что этот законопроект был большим шагом вперед по сравнению с прежними губернскими распорядительными комитетами.

Но можно ли серьезно говорить о том, что при наличии этого Положения возможен экономический расцвет, экономический подъем края, края, который имеет все задатки для широкого своего развития? Ведь трудно, господа, доказывать, что лица, которым приказано, которые назначены для того, чтобы отстаивать местные интересы, будут делать это лучше, проявят больше самостоятельности, чем лица, уполномоченные на это местным населением. Трудно доказать, что утверждение, в очень большом количестве случаев, земских смет в законодательном порядке не будет служить помехой, тормозом для развития земского дела в крае. Наконец, как вы докажете, что при отсутствии уездных земских смет уездные земские собрания заинтересованы в правильной постановке земского бюджета? Заинтересованы они только в одном: как можно больше получить ассигнований на свой уезд, то есть расходовать как можно больше земских денег. Коррективом к этому не может служить статья 71, на которую здесь ссылались, так как она является лишь паллиативом и далеко не всегда применима.

Не может быть также доказательно сравнение развития земского хозяйства, скажем, Киевской и Курской губерний, так как цифры берутся за разные годы

и единицы эти не сравнимы ни по пространству земельному, ни по количеству населения, причем совершенно забываются другие примеры: сравнение однородных губерний — Могилевской и Смоленской, которое приводит к совершенно другим выводам. Член Государственного совета Н. А. Зиновьев указывал на пример, который мне хорошо знаком *, на Ковенскую и Саратовскую губернии, говоря, что Саратовская губерния богата по сравнению с Ковенской только лишь, может быть, поджогами и актами хулиганства. Я на это скажу, что, зная эти две губернии, я могу подтвердить, что Саратовская губерния богаче и больницами, и школами.

Правилен, может быть, во всех этих доводах защитников Положения 2 апреля 1903 г. только один аргумент. Правы они, говоря, что русское землевладение в Западном крае не играет еще достаточной роли в местной жизни, что в крае мало полных цензовиков, что там с трудом можно найти должностных лиц для занятий должностей уездных предводителей, земских начальников, мировых посредников. Правилен, конечно, этот довод, но неправилен вывод. Прекрасный край спит, поэтому говорят, [что] он встряхнуться не может и необходимо оставить его в тех условиях, которые создают эту сонливость.

Но, господа, ведь рядом, межа к меже, за государственной границей люди живут в одинаковых условиях, лихорадочно работают, богатеют, создают новые ценности, накапливают их, не зарывают своего таланта в землю, а удесятерят в короткий срок силу родной земли. Это движение там, да не только там, но даже и в странах, которые считались недавно еще варварскими и дикими, создается тем, что люди там поставлены в положение самостоятельности и личной

инициативы. Почему же у нас необходимо их ставить в положение спячки, а потом удивляться, что они не шевелятся? Я думаю, что каждый, знающий Западный край, вам скажет, что там не менее, а гораздо более подходящих условий для развития земской самодеятельности, чем даже, может быть, в коренных земских губерниях России.

Да не в том, господа, ваши сомнения. Возражения наши исходят из других соображений. Мне скажут, да уж и говорили, что все то, что я привожу, может быть, и верно, но то, что я предлагаю, — земство только по названию и может послужить почвой для развития не экономической самодеятельности, а разве лишь для развития племенной борьбы. К этой категории возражений я и перейду, но позвольте мне сначала отметить, что я считаю отпавшими первоначальные сомнения относительно возможности и желательности перехода к иному способу хозяйственного управления, чем закон 2 апреля 1903 г., к способу более совершенному. Этим более совершенным способом могло бы быть, конечно, при нормальном положении края, то Земское положение, которое действует во всей остальной России. Введи мы завтра это Положение в Западном крае — результаты были бы разительные, и я уверен, что через несколько лет край был бы неузнаваем.

Я, господа, прямо и охотно признаю, что те ограничения, которые я предлагаю, послужат тормозом для этого развития, что они задержат земское развитие края в том масштабе, в котором я этого ожидаю. И я иду на эту задержку по соображениям государственной необходимости, по соображениям, о которых я подробно говорил в Государственной думе и повторением которых я вас утомлять не буду. Я только хотел бы устранить

одно недоразумение, которое, оставшись неустраненным, могло бы затемнить ясность дальнейшего моего изложения. Я имею в виду упрек, который был мне тут сделан и который повторяется всеми противниками правительственного законопроекта, упрек, заключающийся в том, что, вводя в дело соображения не только хозяйственные, местные, но и иные, может быть и высшего порядка, правительство вносит в земское дело элементы его разрушения, зерно погибели — политику.

Это понимают все — и земцы, и не земцы. Этим аргументом пользуются и польские представители, заверяя, что если бы из дела изъять жало национального вопроса, то земская работа пошла бы в крае мирно и спокойно. Я решаюсь оспаривать правильность такой постановки вопроса, так как в этом логическом построении упущено одно существенное обстоятельство. Обстоятельство это, известное всем жившим, а тем более служившим в Западном крае, и заключается в том, что, ввиду ли исторических причин, или разноплеменности населения края, там нет ни одного вопроса, в который не входила бы политика. Это понятно, иначе быть не может, и я далек от того, чтобы упрекать в этом поляков. Поляки — бывшие господа края, они утеряли там власть, но сохранили богатства, сохранили культуру и сохранили воспоминания, которые дают привычку властвовать, привычку господствовать.

Говорят, что их там всего 4%, не более. Но, господа, ведь вы люди жизни, вы люди опыта! Разве недостаточно иногда в уезде одного человека, да не только в уезде, но в губернии, а я думаю — и в штате, и в провинции, и в департаменте, и в графстве, одного человека богатого, связанного с краем прежними своими семейными традициями, и притом честолюбивого,

деятельного, для того чтобы захватить в свои руки все влияние, для того, чтобы придать всему краю свою окраску, особенно тогда, когда ему пет противовеса, когда кругом нет другой сосредоточенной силы. Это делается само собою. А так как в Западном крае такие немногочисленные, но влиятельные лица — поляки, и их все и вся со всех сторон толкают к отстаиванию своих национальных интересов, то понятно, что каждый вопрос в крае просачивается, пропитывается элементом своей собственной краевой политики. И самые умеренные люди, самые далекие от политики, не могут идти против течения и, сами того не замечая, делают политику, как мольеровский на этот раз уже не Диафорюс, а Журден, который, сам того не зная, делал прозу!

Возьмите любое учреждение в крае: возьмите кредитные товарищества, сельскохозяйственные общества, выставки, банки, да возьмите, наконец, хотя бы Виленский земельный банк, который в свое время, вспомните, был основан для отстаивания русских земледельческих интересов и превратился в польское национальное учреждение! Везде, всюду, господа, проникает политика. И вы хотите, чтобы правительство закрыло на это глаза, чтобы оно, вводя в край земство, ничего не противопоставило бы этой лавине надвигающейся политики. То, что вы называете введением земства в политику, — это предохранительная прививка, это страховка от политики, страховка от преобладания одной части населения, одного элемента над другими, преобладания, которое без уравнения регулятором, недаром же находящимся в руках государства, придает однородную, одностороннюю окраску земским учреждениям, а через них и всему краю.

Вот почему, господа, позвольте мне считать также установленным, что введение общих земских учреждений в крае, без всяких поправок, внесло бы в жизнь его лихорадочную политическую борьбу. О способе регулирования соотношения сил я скажу сейчас. Но раньше позвольте мне остановить ваше внимание еще на одном недоумении. Правительственные оппоненты указывают на то, что если так или иначе ограничить польский культурный элемент в земстве, то остающийся элемент не даст достаточно пригодного материала для создания прочных земских кадров. Для того чтобы выяснить этот вопрос, необходимо на время совершенно забыть про польский элемент и, расценивая наличные земские силы, допустить на время, что этого элемента совершенно не существует. И вот, рассматривая собранный статистический материал, я нахожу на этот вопрос, по всем губерниям, утвердительный ответ.

Вы знаете, господа, что правительство не пренебрегало разработкой статистических данных, что оно в последнее время сделало почти поименное обследование будущих земских избирателей по самым, с точки зрения правительства, слабым двум уездам каждой из шести губерний. И вот эти казалось бы неблагоприятные для правительства цифры по двум уездам каждой губернии показывают, что число полных цензовиков везде превышает число предполагаемых гласных. Конечно, в некоторых уездах избиратели, быть может, сами себя объявят гласными. Может случиться и недобор. Но разве этого не случается и в коренных земских губерниях? Для того, однако, чтобы усилить русские курии, Государственная дума приняла поправку, уменьшающую земский ценз вдвое.

Господа, я нахожу, что к поправкам, вносимым в наши законопроекты Государственной думой, надо относиться с величайшей бережностью. Государственный совет, точно так же как и правительство, смею думать, стоит на страже государственности и должен отклонять все нововведения, все поправки, которые имеют характер противогосударственный, противообщественный, противонациональный. Но, вместе с тем, мне кажется необходимым сугубо остерегаться пренебрежительного отношения к тем нововведениям со стороны Государственной думы, которые, с точки зрения государственной, приемлемы, так как законодатели призваны от земли для того, чтобы вносить жизненные поправки в предположения правительства, а три законодательных фактора: Государственная дума, Государственный совет и правительство, — прежде чем подносить законопроекты на Монаршую санкцию, обязаны всеми силами стремиться к направлению их по согласованному пути.

Вот почему правительство, изучив поправку, предложенную Государственной думой, и находя, что поправка эта улучшает законопроект, изъявило согласие на ее принятие. Улучшение законопроекта правительство видит в том, что, увеличивая количество полных цензовиков, предложенная поправка, вместе с тем, не ухудшает их качества. Уже одно то соображение, что за последнее десятилетие ценность недвижимого имущества удвоилась, казалось бы, говорит за логичность предлагаемой меры. Но я не иду так далеко, я не обобщаю своих соображений, я считаю это мероприятие совершенно частным, местным, вызванным политическими соображениями, и все же нахожу, что, вводя земство в Западном крае, вводя новое

мероприятие, надо его применять к местным условиям для того, чтобы через несколько лет не быть принужденным вносить изменения в только что принятый закон.

Против понижения ценза обыкновенно приводят два соображения: говорят, во-первых, что он ухудшает, понижает культурный уровень избирателей, а с другой стороны, что эта мера страдает огульностью. Но опять-таки из рассмотрения цифр видно, что состав полуцензовиков в образовательном отношении совершенно доброкачественен; понижается лишь несколько количество лиц, окончивших высшие и средние учебные заведения, и, в самой ничтожной мере, проходят неграмотные. Что касается огульности этого мероприятия, то она оправдывается тем, что ценз, по самой природе своей, должен быть признаком постоянным, для разных уездов равноценным. Стоимость земли — признак постоянный, так как стоимость увеличивается или уменьшается равномерно; другие же признаки, как, например, соотношение цензовиков к количеству гласных — признак временный, он придает цензу характер случайности и вводит крайнюю равноценность даже по близлежащим, рядом друг с другом, уездам. Все эти соображения, я думаю, показывают, что уменьшение ценза поведет лишь к сплочению массы среднесостоятельных, но культурных русских собственников, которые иначе, может быть, потонули бы в море мелких избирателей.

Я знаю, что со стороны польских представителей существует еще одно возражение. Говорят, что при расслоении мелких избирателей их верхний слой, переходящий в разряд полных цензовиков, окажется состоящим из чиновников и крестьян. Чиновники же —

элемент не земский, а крестьяне будто бы по своему развитию не пригодны для земского дела. Я не разделяю этого мнения. Я видел чиновников, севших на землю, которые составляют элемент для земства в высшей степени полезный, а земцев-крестьян, я думаю, хорошо знают все находящиеся здесь земские люди.

Гораздо труднее, признаюсь, защищать правильность и логичность понижения полного ценза и одновременного автоматического понижения той доли ценза, которая дает право мелким избирателям участвовать в избирательных съездах. Мое личное мнение таково, что люди малосостоятельные, малокультурные будут принимать мало участия и в работах земства, а развитые крестьяне-собственники отлично поведут земское дело. Но я не отрицаю, что та категория собственников, владеющих от одной десятой до одной двадцатой ценза, которые получили бы впервые избирательные права, составляет среду довольно темную. В одной лишь Волынской губернии число неграмотных в этой категории составляет около 50%, в остальных число их превышает половину, а в Могилевской достигает 70%. Таким образом, струя, которая вливается в избирательные съезды, струя некультурная и, конечно, понизит общий образовательный уровень и культурность мелких избирателей.

Указывают еще на одну опасность — на то, что при таком положении уполномоченные задавили бы полуцензовиков, так как, при полном цензе, число их составляло 45%, а при пониженном цензе достигнет, кажется, 60%. Но если существует такая опасность, то ведь ее легко устранить тем способом, который был указан членом Государственного совета Д. И. Пихно *.

Достаточно для этого, понизив земельный ценз вдвое, сохранить не менее 0,2 пониженного ценза или, что то же, 0,1 правительственного для права участия в избирательных съездах.

Все приведенные данные доказывают, я думаю, что помимо польского элемента в Западном крае достаточно материала для того, чтобы создать совершенно работоспособное земство, по крайней мере, не менее работоспособное, чем в наших восточных земских губерниях. Тут кстати будет сказать несколько слов о предложении, которое было сделано в речи графа С. Ю. Витте *, сводящемся к тому, чтобы в Западном крае применить не Положение 1890 г., а Положение 1864 г., что тем самым даст если не преобладающее, то почти равное значение крестьянству, то есть элементу русскому, православному, которому надо же, наконец, довериться. Таким образом, сам собой, естественно, без всяких хитросплетений, без ограничения прав поляков, мы получим в Западном крае самостоятельное русское земство.

Я думаю, что это не совсем так. Член Государственного совета А. С. Стишинский* уже по этому вопросу дал некоторые объяснения, которые облегчают мою задачу. Я должен, так же как и он, указать, что и по Положению 1864 г. существовали отдельные крестьянские курии, что по Положению 1890 г. крестьяне получают около одной трети голосов в земских собраниях, по Положению 1864 г. им было отведено около 40% голосов, но в настоящее время крестьяне имеют еще возможность проникнуть в гласные через избирательные съезды в качестве мелких землевладельцев. Таким образом, число крестьян и по

Положению 1864 г., и по Положению 1890 г. совершенно почти сходно.

Тут разница, господа, совершенно в другом, как и было уже указано. По Положению 1864 г. крестьяне могли свободно избирать гласных, по Положению 1890 г. губернатор утверждает гласных, избранных крестьянским сходом. Однако вам, вероятно, всем известно, что ныне благополучно царствующий Государь Император в 1906 г. указом от 5 октября сравнял в этом отношении крестьян с другими сословиями. Они имеют одинаковые выборные права с другими сословиями. Я сам горячий сторонник привлечения крестьянского сословия к земским работам, но нахожу, что никакого особенного преобладающего значения одному сословию перед другим, особенно сословию менее культурному, придавать нельзя.

Мы ведь часто, господа, находимся во власти звуков, во власти исторических дат, которые применяются иногда огульно и неосторожно. Я повторяю, по Положению 1864 г. никаких особых преимуществ против существующего положения крестьянству дано не было, не была даже допущена для них свобода соревнования с классами более интеллигентными. Один раз в истории России был употреблен такой прием, и государственный расчет был построен на широких массах, без учета их культурности — при выборах в первую Государственную думу. Но карта эта, господа, была бита. Слушая красноречивые речи графа С. Ю. Витте и М. М. Ковалевского *, я представлял себе не только всем известный образ развитого, сметливого хохла-малоросса, но я вспоминал хорошо мне ведомого, симпатичного, но темного еще крестьянина-белоруса или полещука, обитателя необозримого Полесья! И мне казались слишком ранними мечты о сопоставлении в

будущем земском собрании добродушного белоруса-могилевца с тонким, политически воспитанным польским магнатом!

Но, переходя от мечтаний к действительности, я возвращаюсь к указанию на то, что и помимо польского элемента для будущего земства существует в крае достаточно дееспособных элементов, но, чтобы еще их оживить, необходимо уничтожить те помехи, те препятствия, которые мешают сплочению низов русского населения. Одной из главных к тому помех является отсутствие в земских собраниях выборного духовенства. Конечно, один формально назначенный депутат от духовного сословия не может заменить выборного священника. Я, господа, не буду вам указывать тут на историческую роль, скажу даже — исторический подвиг русского духовенства на Западе. Я не буду указывать вам на его значение, скажем, в вопросе о народном просвещении в настоящее время. Но обратите внимание на бытовую сторону этого дела. Ведь никто не будет отрицать, что семьи русского духовенства иногда живут в крае на одном месте в продолжение почти сотни лет, что они сроднились, срослись с местным простонародьем. Ведь ясно, что в будущих земских собраниях они явились бы спайкой между русскими полными цензовиками и гласными-крестьянами.

Но оказывается, что такую выгодную для самоуправления обстановку государство должно игнорировать, не смеет на нее обращать внимания и должно с трафаретною мудростью переносить общее Положение, общий земский порядок из центра на окраину. Правительство, или скорее государство, должно забыть также, что существует одно лицо в земстве, национальность которого имеет преобладающее

значение. Лицо это — председатель земской управы. Он не только обязан по закону наблюдать за работой земских управ, не только отвечать за коллегиальные ее постановления, но имеет преобладающее влияние на приглашение наемного персонала. Он является представителем земства перед правительством, он участвует в губернском земском собрании и в училищном совете. И, конечно, в губерниях Царства Польского в будущем и в русских губерниях в настоящем лицо польского происхождения с достоинством и честью носило бы это высокое звание. Но в настоящее время, пока, в Западном крае оно стихийно, оно, помимо себя, будет выразителем национальных вождений. И преграду этому может поставить только государство.

Нельзя вопрос этот ставить как вопрос доверия к той или другой группе лиц, группе гласных, группе избирателей: это вопрос, который находится вне сферы их суждений, к ним нельзя предъявлять таких требований — это вопрос государственного ограждения. Если считать, что всякий акт государственной необходимости есть акт недоверия, то таковым будет каждый фактор государственной жизни, начиная с какого-нибудь шлагбаума на рельсовом пути и кончая ограничениями, поставленными законом для выборов господ членов Государственного совета. Если возможно установить, чтобы половина членов губернской управы были русские, то государство вправе точно так же потребовать, чтобы из этой же половины были бы избираемы и председатели управ. И вот, при наличии таких условий, я полагаю, что вводимое земство будет и культурно, будет и работоспособно, будет государственно. Но еще более культурности, еще более работоспособности получится от введения в земское

собрание до 16% польского культурного элемента, тогда как, как вам известно, польское население края не достигает и 4%.

Впрочем, против цифр, кажется, не спорят. Говорят, что обидно и оскорбительно, что выборы гласных — поляков и русских — будут происходить по разным собраниям, в разных куриях. Соглашаясь на установление определенного числа гласных поляков и гласных русских, говорят: пусть русские выбирают и русских, и поляков, а пускай поляки выбирают и поляков, и русских, иначе будут выбраны представители крайнего национализма, а не люди хозяйственные. Выбранные же в одном общем собрании гласные подадут друг другу руку на почве хозяйственной работы. Почему это так, я, сознаюсь, не понимаю. Потому ли, как я только что старался доказать, что в каждом деле в Западном крае привходит политика, потому ли, что необходимо собрание не политическое, чисто подготовительное, чисто техническое, обратить непременно в собрание политическое? Разве, господа, вы верите, что в таком избирательном собрании польские избиратели будут расценивать только хозяйственные качества избирателя русского, а не будут судить о нем по степени симпатии его к польской культуре?

Надо смотреть на вещи прямо. Почему же поляки в каждом собрании, в каждом учреждении группируются по национальностям? Да почему вот здесь, в Государственном совете или в Государственной думе, польские представители не разошлись по партиям, по фракциям, не присоединились к октябристам, к кадетам, к торгово-промышленникам, а образовали из себя сплоченное национальное коло? Да потому, господа, что они принадлежат к нации, скованной народным горем,

сплоченной историческим несчастьем и давними честолюбивыми мечтами, потому что они принадлежат к нации, у которой одна политика — родина! И вот эти, скажу, высокие побуждения придали польскому населению большой политической закал. И этой закаленной группе вы хотите противопоставить массу, состоящую из недавних в крае землевладельцев и мелких собственников крестьянского облика. Эта масса бесхитростная, политически не воспитанная, и ее, не умеющую еще плавать, вы хотите бросить в море политической борьбы. Я уверен, что русские начала со временем восторжествовали бы, но к чему это новое испытание, не вызванное теперь борьбой народов, а лишь исканием и блужданием политической мысли?

Говорят, что постыдно для Русского государства образование на русской окраине, на русской земле особых национальных инороднических политических групп или курий. Но вы забываете, что эти группы, эти курии не политические, что они подготовительные, что это мера отбора, мера ограничения. В записке своей, отпечатанной и разосланной всем членам Государственного совета, член Государственного совета князь А. Д. Оболенский делает ссылку на то, что образование курий было бы равносильно образованию в нашем войске особого польского полка или батальона. Его же примером я воспользуюсь! Князь, видимо, забыл, что при комплектовании войска для тех лиц, которые способны этого комплектования умеют обратить в свою пользу, существуют особые курии. Для татар, для евреев существует особый способ комплектования войска, особое жребиеметание, особое свидетельствование. Набирают их отдельно, а потом сражайтесь вместе!

Такое обособление никем никогда не признавалось угрожающим, никто не видел еще в нем опасности возрождения израильского царства в Вильне или татарского царства в Казани. Я думаю, что отмена этого ограничения вызвала бы, наоборот, много горьких слов христианских (не только русских, но и польских) матерей. Возвращаясь к общему вопросу, я нахожу, что совершенно недопустимо разногласие с Государственной думой в вопросе, в котором Дума поднялась до высокого понимания русского государственного начала.

Я не хочу верить, чтобы русские и польские избиратели могли быть ввергнуты в совершенно ненужную и бесплодную политическую борьбу. Но пусть, господа, не будет другого, пусть из боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие прекрасного и богатого края, пусть не будет отложено и затем надолго забыто введение в крае земского самоуправления. Этого достичь легче, к этому идут, и если это будет достигнуто, то в многострадальную историю русского запада будет вписана еще одна страница — страница русского поражения. Придавлено, побеждено будет возрождающееся русское самосознание — и не на поле брани, не силою меча, а на ристалище мысли, гипнозом теории и силою... красивой фразы!

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 4 МАРТА 1911 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

Я уже имел честь излагать перед вами свое мнение относительно национальных отделений. Повторяться я не буду. Я должен, я могу подтвердить одно: правительство считает, что вопрос о национальных отделениях — вопрос государственной важности, центральный вопрос настоящего законопроекта. Припомните общую мысль правительства по этому делу: Западный край — край богатый, край, нуждающийся в земском самоуправлении, край русский, в котором, однако, верхний, влиятельный слой населения — слой польский. Этот верхний слой населения в будущих избирательных собраниях, если они не будут разделены на национальные отделения, получит, конечно, преобладающее, господствующее влияние.

Это ясно для всех почти лиц, знающих Западный край. Силою своего влияния — союзов, избирательных блоков, экономического если не давления, то авторитета — поляки, конечно, будут иметь возможность провести в земские гласные лиц им желательных, а парализовать же это, поставить этому предел выделением поляков в особую группу избирателей, правительство, как говорят, не имеет права, так как это нарушит будто бы целостность и единство Российской империи. Предлагают другое:

предлагают определить в самом законе число гласных, которые должны быть избраны русскими и поляками; то есть поляки все же обособляются, признаются особой политической группой, но, вероятно, из боязни поколебать единство России им дается возможность ввести политическую борьбу, то есть некоторую смуту, в избирательные собрания, которые должны быть во всяком случае от этого ограждены.

Правительству же, с другой стороны, возбраняется уравновесить шансы различных групп населения путем самого простого, ни для кого не обидного технического приема. Но не думайте, господа, что государство может безнаказанно уходить в такую теоретическую высь и безразлично, свысока смотреть на различные надпочвенные и подпочвенные государственные течения. Разумное государство должно каждое такое течение, каждую типичную струю распознать, каптировать и направить в общее государственное русло. В этом заключается *ars querverpañdi*.

Тут упоминалось о том, что правительство желает устранить от участия в земстве несимпатичную ему часть населения. В польской печати по поводу полемики с графом Корвин-Милевским писалось, что правительство стоит против польского языка, против польской культуры, против католической религии.

Это не так.

Правительство понимает, что необходимо в должной мере использовать и густо окрашенную национальную польскую струю, но опасно лишь равномерно разлить эту струю по всей поверхности будущих земских учреждений. Можно, конечно, действовать и иначе. Это зависит от различного понимания идеи государства. Можно

понимать государство как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией. Такое государство, как амальгама, блюдет и охраняет существующие соотношения сил. Но можно понимать государство и иначе, можно мыслить государство как силу, как союз, проводящий народные, исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю Россию. Преемственными носителями такой государственности я почитаю русских законодателей. Решать вам, господа.

ОТВЕТ НА ЗАПРОС ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА, ДАННЫЙ 1 АПРЕЛЯ 1911 ГОДА

Господа члены Государственного совета!

Из текста предъявленного мне запроса я усматриваю, что от меня требуется разъяснение, почему я представил на Высочайшее утверждение во время перерыва занятий законодательных учреждений, перерыва, к тому же созданного самим правительством, обширный закон, только что перед этим отклоненный Государственным советом.

Я начну с того, что если в этом деянии правительства была бы найдена какая-либо незакономерность, какое-либо нарушение Основных законов, то ответственность за это всецело лежит на мне как на лице, представившем этот акт от имени Совета

министров на утверждение Государя Императора и утаившем уклонение его от истинного смысла закона. Поэтому я не могу не чувствовать признательности к авторам запроса, которые взяли на себя инициативу в этом деле, инициативу, дающую мне возможность представить вам ответ. Причем, как бы ни был принят этот ответ, я прошу Государственный совет верить, что правительство в этом случае руководилось только государственной необходимостью так, как оно ее понимало, а ничуть не чувством небрежения или неуважения к правам и к мнению того Высокого учреждения, перед которым я имею честь давать свои объяснения.

Читая речи господ членов Государственного совета, я пришел к убеждению, что высказанные ими доводы могут быть разделены на три категории. Во-первых — доводы юридического свойства. Эти доводы в вопросе о незакономерности имеют, по-моему, преобладающее и даже единственное значение. Затем идут замечания о создании прецедента и об оскорбительном, даже небрежительном отношении правительства к Верхней или даже к обеим палатам, против чего я в свое время буду самым решительным и энергичным образом возражать. И, наконец, указания по существу о том, что в данном деле не было тех признаков чрезвычайности, которые одни только могут обусловить, оправдать применение статьи 87 Основных законов.

Решение вопроса о наличии чрезвычайных обстоятельств принадлежит не законодательным учреждениям и предметом их запросов быть не может. Они представляют предмет доклада Совета министров одному Монарху. Если я остановлюсь в дальнейшем изложении на этих обстоятельствах, то для того только,

чтобы осветить внешнюю сторону прошедшего. Таким образом, на первом месте в данном деле стоит юридическая сторона. Я совершенно обойду формальную юридическую сторону, хотя я твердо убежден, что законодательные учреждения не вправе предъявлять запросов Совету министров, как учреждению, не подчиненному Правительствующему сенату. Тем более не вправе они этого делать по вопросам не управления, а по вопросам законодательства.

Но переходя к внутренней юридической стороне, я готов для упрощения вопроса, для скорейшего выяснения самой сути разногласия, сразу, с самого начала признать, что я во многом разделяю те принципы, которые высказаны были здесь господами членами Государственного совета во время прений о принятии запроса. Конечно, статья 86 Основных законов не может быть рассчитана на то, чтобы парализовать статью 87. Конечно, совершенно недопустимо введение в обычай перерыва сессий законодательных учреждений для того, чтобы признавать законы, только что отклоненные законодательными учреждениями, имеющими силу и святость законодательной нормы, хотя бы и временного характера. Конечно, статья 87 может быть применяема только в случаях чрезвычайных и исключительных.

Основное разногласие между Государственным советом и правительством, если вчитаться в текст запроса, заключается в другом. Оно заключается в том, что Государственный совет считает непременно, законным условием для применения статьи 87 возникновение чрезвычайных обстоятельств после роспуска или перерыва занятий законодательных учреждений. Правительство толкует эту статью иначе и считает, что чрезвычайные обстоятельства могут

возникнуть и до роспуска и вызвать роспуск или перерыв занятий законодательных учреждений с целью принятия чрезвычайных мер. Я нарочито так резко подчеркиваю это обстоятельство, так как оно имеет принципиальное значение. Я совершенно пока оставляю в стороне вопрос по существу, вопрос о целесообразности, вопрос о правильности или неправильности, ошибочности или даже злоупотреблении в оценке правительством чрезвычайных обстоятельств. Я в настоящую минуту стою на принципиальной теоретической стороне вопроса.

Конечно, для правительства совершенно недопустимо не только нарушение законов, особенно Основных, но и обход их. Правительство должно уважать себя и требовать к себе уважения. Но превыше всего правительство должно ограждать прерогативы Короны и не допускать таких прецедентов, которые могут их в будущем умалить или уменьшить. Между тем, данный вопрос — вопрос не новый, он создал целую литературу в Западной Европе. На Западе при каждом перерыве или роспуске палат для проведения какой-либо законодательной меры поднимались горячие споры, горячие прения как относительно существа, так и относительно закономерности принятой меры. Однако главное, я скажу, почти преобладающее течение в западной литературе выражается в учении тех юристов и ученых, для которых совершенно ясны и бесспорны следующие основные положения: во-первых, что Монарх вправе во всякое время прервать занятия законодательных учреждений, причем цель этого перерыва не подлежит никакому контролю и всякий перерыв открывает возможность, открывает право издания чрезвычайных законов. Этого мнения держится самый компетентный юрист в этой области, Шпигель. Это

мнение служит основой для всех последующих работ таких ученых, как Глатцер, Нейгер, Жолгер, и целой плеяды германских и австрийских ученых. Это мнение проходит в большинство руководств, большинство юридических энциклопедий.

Второе основное положение, которое тоже получило преобладающее значение на Западе, заключается в том, что обстоятельства, оправдывающие принятие чрезвычайных мер, подлежат свободной субъективной оценке одного правительства. Законодательные учреждения не могут входить в оценку этих обстоятельств, не выходя сами за пределы своих законных прав, поэтому заявление, сделанное в Государственном совете одним из господ членов Совета о том, что и оценка этих событий подлежит некоторому контролю законодательных учреждений, безусловно, противоречит как духу наших Основных законов, так и указной практике западно-европейских государств. Контроль законодательных учреждений эти исключительные меры подлежат лишь тогда, когда меры эти внесутся на уважение законодательных учреждений в определенный законом срок, по нашим законам — через два месяца. Тогда, конечно, законодательные учреждения могут отвергнуть принятые исключительные меры даже без всякой мотивировки.

По поводу моего второго основания, второго моего положения известный юрист Жолгер говорит: «Имеется ли налицо крайняя необходимость, есть *quaestio facti*, для ответа на которые нет правовых правил. Разрешение его есть результат субъективной оценки всей совокупности данных фактических отношений». Третье мое основное положение прямо относится уже до предмета запроса Государственного совета и заключается в том, что

момент чрезвычайности может определиться и до, и после роспуска законодательных палат. Австрийский параграф 14 в этом отношении, по своей конструкции, по своей редакции, мог бы вызвать гораздо больше сомнений, чем наша статья 87, но, однако, и австрийские юристы не решаются стать на точку зрения запроса Государственного совета. Цитированный мною уже известный юрист Шпигель говорит по этому поводу, что ни перерыв, ни роспуск палат не может быть сделан *in fraudem legis*, потому что речь идет о правах Монарха, в этом смысле полных. Не бывает хороших или дурных мотивов при пользовании этими правами Монархом; тут дело идет о политических целях. Далее: «Я думаю, что центр тяжести вопроса (о моменте, когда образовалась необходимость) — не в моменте, когда узнали, что мера будет нужна, сколько в том, когда фактически необходимость определилась. Решающим является не то, что мера была ранее не предвидена, а то, что далее она откладываться не может». Поэтому совершенно понятно, почему в Австрии и обструкция палат, и непринятие бюджета, то есть события, которые совершались во время занятий законодательных учреждений, служат поводом к роспуску палат и применению параграфа 14.

Мне скажут, что я привожу только мнение австрийских ученых, ссылаясь только на австрийскую практику. Нет, господа, это не так. По поводу прав Короны издавать указы в случаях, когда чрезвычайные обстоятельства обнаруживались до роспуска палат и послужили поводом к роспуску, совершенно солидарно громадное большинство германских ученых, начиная Борнгаком, кончая Гельдом; с этим мнением согласен и известный ученый Глатцер. Но интересно, любопытно, господа, что история повторяется. В прусской палате,

при пересмотре конституции 1848 г., вокруг параграфа 63, который соответствует нашей статье 87, возгорелись весьма интересные и даже поучительные прения. Докладчик по этому параграфу, некто Венцель, стал буквально на точку зрения запроса Государственного совета. Он даже предложил свою новую редакцию статьи 63, которая подчеркивала мнение, что если после перерыва занятий палаты окажутся какие-либо обстоятельства чрезвычайного значения, то для Короны открывается право к изданию чрезвычайных мер. Тут поднялись горячие, интересные прения. Венцель и сочувствующие ему депутаты, главным образом, внесшие эту поправку Фубель и Гроддек, энергично отстаивали свою точку зрения и настаивали на том, что право Короны в отношении издания чрезвычайных указов должно быть сокращено, сужено. Но, господа, поправка эта была отвергнута как делающая право Короны по изданию чрезвычайных указов совершенно иллюзорным!

Я обращаю внимание ваше, господа, на то, что те юристы и ученые, которые не разделяют этой моей точки зрения, а такие, конечно, имеются и, вероятно, будут тут цитированы, совершенно открыто, не скрываясь, стоят на точке зрения необходимости развития жизни страны в сторону парламентаризма и даже более, я скажу — народоправства и народовластия; они говорят, что право Короны прерывать сессии законодательных учреждений с целью издания закона нарушает права народа. Вот, господа, теоретическая, научная сторона вопроса. Я не буду вам приводить ряд примеров из практики применения на Западе статей, однородных с нашей статьей 87, они бесчисленны. Всем известно, что в Австрии в течение целого ряда лет по параграфу 14 проводился и контингент новобранцев, и бюджет, но

интересно, что в том же порядке проводились и более существенные законы, как, например, реформа контроля, реформа судебных пошлин и других налогов, введение австрийской кроны в Венгрии.

Но я думаю, что интереснее заграничных примеров — наша русская жизнь, и наша непродолжительная практика все же дает указание на то, что она признает применение статьи 87 по обстоятельствам, возникшим до роспуска палат. Вспомните, господа, издание в этом порядке, порядке статьи 87, закона о штатах Министерства путей сообщения. Тут момент чрезвычайности возник с той минуты, когда Государственная дума приняла предложение, неприемлемое для правительства. Правительство тотчас же, впервые со времени учреждения Государственной думы, испросило разрешение Монарха прервать указом занятия Государственной думы и Государственного совета на Рождественские каникулы и в этот перерыв провело этот закон по статье 87. Но интересно, что немедленно после возобновления сессии палат конституционно-демократическая партия предъявила в Государственной думе правительству запрос, очень, по мотивировке своей, сходный с запросом Государственного совета и указывающий на то, что исключительные меры могут быть приняты, если к тому встретятся чрезвычайные обстоятельства в такое время, когда нет заседаний Государственной думы.

Этот запрос в Государственной думе не был совершенно обсуждаем, так как он был взят обратно путем снятия своей подписи первым (членом Думы), подписавшим этот запрос. А первым подписавшимся

оказался член конституционно-демократической партии господин Шингарев.

Меньше года тому назад в этом же порядке проведен был другой закон, закон о содержании чрезвычайных пароходных рейсов в Черном и Средиземном морях. Тут чрезвычайные обстоятельства возникли во время заседания Государственной думы от 4 июня минувшего года, когда Государственная дума отказала в том размере пособия, которое испрашивало правительство для русского общества пароходства и торговли, а так как известно было, что общество на такой размер пособия согласиться не может, то 1 июля пароходные рейсы в двух морях должны были прекратиться. Когда закон этот был внесен на обсуждение Государственного совета, здесь раздались голоса о том, что правительство обязано принять меры к тому, чтобы эти рейсы после 1 июля все же не прекращались.

Таким образом, господа, еще несколько месяцев тому назад здесь существовало, если не преобладало, мнение, что правительство вправе принимать меры в чрезвычайном порядке по таким обстоятельствам, которые возникают во время заседаний, во время сессий государственных учреждений. Конечно, в данном случае чрезвычайные обстоятельства не могли возникнуть после перерыва сессий, так как Государственная дума была распущена 17 июня, а журнал Совета министров о принятии меры по статье 87 был подписан 18 июня, а в эти сутки ничего не произошло чрезвычайного. В то время события как раз пришлись перед естественным перерывом законодательных учреждений на летние каникулы, почему и не мог быть поднят вопрос об искусственном перерыве по этому важному и срочному

делу. Из-за трений, из-за несогласий между палатами не могут во всяком случае страдать интересы страны. Законодательные учреждения обсуждают, голосуют, а действует и несет ответственность правительство, и от этой ответственности оно себя освободить не может, оно не может прикрыться буквой закона, а должно, по живописному выражению, которое тут было упомянуто членом Государственного совета Н. С. Таганцевым, «разуметь закон», то есть, конечно, ясный, прямой смысл закона, руководствуясь той могучей волей, которая в нем заключается.

Что же дает нам сложившаяся практика? Да то же, что и теория. Существуют два мнения, два направления. Одно % — сознательно или бессознательно склоняющееся к парламентаризму и преуменьшению прав Монарха в области издания чрезвычайных указов до призрачности; и другое — основанное на точном смысле закона, который предоставляет возможность Монарху использовать статью 87 тогда, когда чрезвычайные обстоятельства возникают до роспуска законодательных учреждений и вызывают этот роспуск. Отвергать это право — это создавать новый прецедент, могущий быть опасным, я думаю, в тяжелые, чрезвычайные минуты жизни страны. Отвергать это право — это преуменьшать права Короны в отношении издания указов до пределов, не знакомых ни одному из государств, в которых существует право издания чрезвычайных указов, подобное изложенному в нашей статье 87. Конечно, честное правительство сознательно навстречу этому идти не может. Я, господа, всегда был и буду открытым и сознательным противником нарушения прав, дарованных нашим представительным учреждениям, но не историческая ли ошибка, господа, быть может,

бессознательная, разоружать Монарха от присущего ему права в обстоятельствах чрезвычайных?

На этом я мог бы и закончить свой ответ, так как этим заканчивается предмет запроса о незакономерности, все же остальное в запросе имеет скорее природу вопроса, но я уже сказал в начале своей речи, что я не уклонюсь от ответа и на эти вопросы. Прежде всего, я выделю небольшой вопрос, вопрос о создании прецедента. Конечно, нелепо, я скажу даже — преступно, было бы вводить в обычный обиход управления страной статью 87. Но хладнокровно, спокойно рассуждая, мыслимо ли это, господа? Ведь статья 87 не дает правительству права и возможности законодательствовать вне всякого контроля законодательных учреждений. Всякая мера, принятая в порядке статьи 87, через два месяца должна быть представлена на обсуждение Государственной думы и затем пройти весь цикл нашего законодательного оборота. Говорят, что боятся принятия такого рода мер в летний перерыв. Правительство, однако, должно было бы быть уже слишком легкомысленным и неосмотрительным, чтобы искусственно создавать конфликты, проводя в жизнь страны такие мероприятия, которые для законодательных учреждений неприемлемы и которые должны вызвать разрушение их через несколько времени.

Но основная гарантия, господа, не в этом. Государственная разумность принимаемых в этом порядке мер обеспечивается другим: обеспечивается она контролем Верховной власти. В государстве, которое управляется на монархических началах, более сильной, более существенной гарантии быть не может. Ею

обеспечивается гораздо более опасная возможность, например, возможность объявления войны.

Кроме вопроса о прецеденте я должен еще остановиться на заявлении некоторых из господ членов Государственного совета о том, что действиями правительства Государственный совет был поставлен в унижительное, оскорбительное положение, что отмена постановления Государственного совета путем применения статьи 87 поражает право Государственного совета свободно выражать свои мысли, что от Государственного совета теперь требуется беспрекословное, без прений, подчинение предначертаниям высших административных учреждений, что от Государственного совета требуется быть оплотом злой воли. (Я не помню этой фразы, она произнесена была членом Государственного совета, представителем губерний Царства Польского; фраза очень сложная, я ее записал — позвольте ее прочесть: «Быть оплотом мстительной злобы волевых импульсов Кабинета, знобящего лихорадкой безотчетного своеволия».)

Едва ли, однако, господа, в действиях правительства можно усмотреть такой умысел, такую злую волю. Мне кажется, что главное недоразумение заключается в том, что мы недостаточно освоились еще с новыми нашими законодательными нормами. Конечно, нельзя требовать от законодательных палат, чтобы они всегда были одинакового мнения с правительством, но надо помнить, что и роль правительства в настоящее время несколько видоизменилась. Правительство не является теперь исключительно высшим административным местом, ведущим текущие дела, ему присвоены теперь и другие задачи политического

свойства. Ведь на правительстве лежит важная ответственная задача в исключительные минуты представлять Верховной власти о необходимости роспуска законодательных учреждений, о необходимости принятия чрезвычайной меры.

И на Западе, на который так любят у нас ссылаться, никогда в таких случаях не указывается на какие-нибудь личные побуждения правительства. Я не буду приводить вам очень многочисленных примеров роспуска законодательных учреждений на Западе вследствие несогласия их с правительством, я укажу на один только исторический пример, исторический случай, когда первый министр, потерявший надежду провести через верхнюю палату закон, который уже прошел через нижнюю палату, вспомнил, что закон этот имеет природу указанного характера, и представил своему Государю о необходимости, не дожидаясь даже решения верхней палаты, провести эту меру путем королевского указа. Господа, это было не в Патагонии, это было в Англии и не так давно — в царствование королевы Виктории. Министр, проведший эту меру, был не представитель грубого произвола, насилия и собственного самолюбия, это был либеральный Гладстон, а закон, который он провел таким образом, был билль об уничтожении продажи чинов, то есть мера менее принципиальная, чем закон о западном земстве. И в этом случае никто не обвинял Гладстона в оскорблении верхней палаты.

Я привел этот пример не для сравнения теперешнего правительства или себя с великим государственным человеком, а для того, чтобы указать, что на Западе такого рода случаи понимаются не как побуждения личного свойства, а как побуждения, вызванные политической необходимостью,

политическими целями. Правительство, которое имеет убеждение, имеет идеалы, не только верит в то, что делает, оно делает то, во что верит. Поэтому, господа, едва ли можно сетовать на правительство, когда и оно иногда несогласно с палатами в тех случаях, когда их политические цели расходятся. А меру, продиктованную чувством долга, едва ли правильно приписывать одному лишь злобствующему легкомыслию. Правительство, по крайней мере, сохраняя высокое уважение, которое оно питает к Государственному совету, не может завязать мертвый узел, который развязан, в путях существующих законов, может быть только сверху.

Хорош ли такой порядок, я не знаю, но думаю, что он иногда политически необходим, он иногда политически неизбежен, как трахеотомия, когда больной задыхается и ему необходимо вставить в горло трубочку для дыхания.

Он неизбежен при молодом народном представительстве, когда трения поглощают всю работу. Он, конечно, с поступательным ходом политической культуры исчезает, исчезнет и у нас. Применяться он должен крайне редко. и к нему надо относиться с крайней бережностью и осмотрительностью.

Во всяком случае, с негодованием отвергая попрек в желании принизить наши законодательные учреждения, я перехожу к последнему вопросу, который, как я уже сказал, не подлежит разрешению законодательных учреждений, вопросу о том, какие же в данном деле возникли чрезвычайные обстоятельства, требовавшие исключительных мероприятий и вызвавшие издание временного закона. Я повторяю, что говорю об этом для того, чтобы установить внешнюю связь между

событиями, промелькнувшими перед вашими глазами. Я буду откровенен и прошу вас, господа, не принять в дурную сторону эту мою дань уважения к Государственному совету. Я вас прошу еще об одном: откажитесь, по крайней мере, пока не выслушали моих объяснений, от предвзятого мнения, что, повергая эту меру перед Верховной властью, правительство желало свою волю, свое мнение поставить выше воли и мнения законодательных учреждений и в частности Государственного совета. Если бы это было так, то правительство остановилось бы на своей редакции, первоначальной редакции закона. Но правительство предпочло ту редакцию, в которой этот закон впервые поступил на ваше рассмотрение. Хотя правительство и считало, что в этом законе существуют подробности, которые должны быть исправлены, но рассчитывало исправить их путем поправок во время обычного прохождения дела через законодательные учреждения. Допустите, господа, также возможность того, что правительство одушевлено, одухотворено такими мыслями, такими началами, которые, одобренные Государем, стали единственным двигателем того труда, который оно несет. Это начало настойчивого, неторопливого преобразования не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности, а над этим, сверх этого, твердая, сильная русская политическая струя. Вот двигатель. Разбейте его — остановится работа. Мы работали, не могу сказать — в обстоятельствах благоприятных. Вспомните, с какими трениями, каким колеблющимся большинством проходил закон 9 ноября 1906 г. Вспомните судьбу целого ряда законопроектов, вспомните отношение совершенно искреннее, но

отрицательное отношение к ним Государственного совета. Казалось, в таких условиях преобразовательные начинания правительства не могли иметь успеха. Но мы продолжали работать, веря в конечный плодотворный перемол наших трудов; мы понимали, что законы, которые поступают сюда из Государственной думы, требуют иногда коренной переработки, требуют крупного исправления, но мы надеялись, мы искали равнодействующую...

Работа шла, пока в коренном, основном вопросе русской жизни не был, наконец, сломлен двигатель, двигатель правительственной работы. Я говорю об основном русском начале нашей внутренней политики. Я знаю, господа, что вы думаете об этом иначе, что вы в ином видите осуществление русских идеалов. Но именно разногласие с правительственной внутренней национальной политикой, которая получает одобрение и указание не в собственном, не в своем вдохновении, составляет событие не каждодневное, тем более что эта политика не узконационалистическая, не партийная, основанная на общем чувстве людей самых разнообразных политических убеждений, но однородно понимающих прошлое и будущее России. Вы сказали свое мнение, должны были его сказать откровенно, но признание правоты вашей точки зрения в вопросе о западном земстве, о национальных куриях означало не только отклонение очередного законопроекта, а знаменовало крушение целого мира понятий.

Я не знаю, ясно ли я выражаю свою мысль. Я не хочу говорить о существовании отвергнутого законопроекта. Я не говорю о существовании нашего разномыслия, я говорю только о последствиях вашего вотума. Я всегда откровенно заявлял, что считаю польскую культуру

ценным вкладом в общую сокровищницу совершенствований человечества. Но я знаю, что эта культура на Западе веками вела борьбу с другой культурой, более мне близкой, более мне дорогой — с культурой русской. Я знаю, что конец мечты о западном земстве — это печальный звон об отказе С.-Петербурга в опасную минуту от поддержки тех, кто преемственно стоял и стоит за сохранение Западной России русской. Я знаю, что весть об этом оглушила многих и многих, всех тех, в ком вселилась уверенность, что это дело пройдет после того, как оно собрало большинство в Государственной думе и в Комиссии Государственного совета, после того, как мысль о нем взята под Высокую защиту.

Я знаю больше, господа, я знаю, что ваша возобладавшая мысль и мнение правительства в этом вопросе — это два мира, два различных понимания государства и государственности. Для обширного края это может быть поворот в его исторической судьбе, для России — это, быть может, предрешение ее национального будущего. Закон — показатель, закон — носитель, быть может, ложных с вашей точки зрения, ошибочных русских надежд и русских преданий — был похоронен навсегда, и здесь, в Государственном совете, на него надвинута была тяжелая могильная плита.

Мысль правительства, идеалы правительства были надломлены. Больше бороться было незачем. Рассчитывать на инициативу Государственной думы — иллюзия! Ведь в ваших глазах это были бы слова, пустое заклинание, которому не воскресить мертвого законопроекта. Ведь надо не уважать Государственный совет, чтобы думать, что он без особо высоких побуждений через каждые два-три месяца будет менять

свое мнение, свое решение. Таким образом, силою вещей постепенно, незаметно Россия была подведена к поворотному пункту в ее внутренней национальной политике. Обыденное это явление или обстоятельство чрезвычайное — каждый, конечно, решит по своему внутреннему убеждению. Но разрешить этот вопрос для России призваны, господа, не вы и не мы! Колебаниям был положен конец, и закон был проведен в порядке статьи 87. Обнародованный в этом порядке закон был опубликован Правительствующим сенатом, который один по статье 2 своего Учреждения мог признать его издание нарушающим наши Основные законы.

Мне весьма больно, если действия правительства признаются Государственным советом для себя оскорбительными, но в сознании своей ответственности, тяжелой ответственности, правительство должно было перешагнуть и через это. То же чувство ответственности побуждает меня заявить вам, господа, что толкование статьи 87, приведенное в запросе Государственного совета, правительство почитает неправильным и неприемлемым. Наличие же чрезвычайных обстоятельств в этом деле, которую правительство не ставит на суд законодательных учреждений и о которой оно говорило лишь в ответ на заданный вопрос, правительство видит в опасности создания безвыходного для России положения в деле проведения жизненных, необходимых для России законов с одновременным поворотом нашей внутренней политики далеко в сторону от русского национального пути.

ПОСЛЕДНЯЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ П. А. СТОЛЫПИНА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 27 АПРЕЛЯ 1911 ГОДА В ОТВЕТ НА ЗАПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Господа члены Государственной думы!

Время, протекшее со времени внесения в Государственную думу запроса о незакономерном применении правительством статьи 87 Основных законов, закрепило ходячее мнение о причинах, руководивших действиями правительства в этом деле, и придало им в глазах многих характер совершенной бесспорности. Моя задача — противопоставить этим суждениям совершенно откровенное изложение всего хода взволновавшего вас дела и, насколько возможно, полное и точное разъяснение побудительных причин, вынудивших правительство прибегнуть в данном случае к неожиданной и чрезвычайной мере.

Понятно, что речь моя, какой бы летописный характер она ни носила, все же ввиду сложившегося в различных политических кругах понимания правительственной политики будет восприниматься с некоторой неприязнью моими слушателями. Это первое и большое затруднение, с которым мне придется считаться в моих объяснениях. Но оно не единственное. Другое неблагоприятное для меня обстоятельство то, что мне приходится отвечать Государственной думе после того, как мною уже даны разъяснения по тому же предмету Государственному совету * как стороне, наиболее

заинтересованной в этом деле. А так как доводы правительства уже значительно исчерпаны, то мне не избежать некоторых повторений, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, может быть, повторять и бесполезно. Повторения эти будут касаться, главным образом, формальной стороны дела, несмотря на то что я огораживаться формальным правом не намерен. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, так как мне в дальнейшем изложении придется опираться как на установленный факт на то, что в данном случае при других необходимых условиях не было со стороны правительства ни нарушения, ни обхода закона. Это необходимо мне и для более ясного освещения статьи 87, значение которой определяет права Короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента.

Какие же формальные права присущи нашим законодательным учреждениям?

Государственная дума, так же как и Государственный совет, вправе, конечно, предъявлять правительству запросы из области управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись через Совет министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкции. Все возражения по этому поводу основаны, по моему мнению, на смешении двух понятий, двух моментов: права палат после того, как закон уже внесен в законодательные учреждения, и права палат

предварительно контролировать формальную закономерность правительственного акта до этого.

Первое право — право отвергнуть закон по всевозможным мотивам и даже без всяких мотивов — совершенно бесспорно, а второго права просто не существует, оно представляло бы из себя юридический нонсенс. Первым обширнейшим полномочием поглощается право запроса; им определяются права законодательных палат, которые не могут стать цензором формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю в практике западных государств случаи отклонения временных законов, проведенных в чрезвычайном порядке, но я не знаю случаев запроса о не закономерности таких актов, так как субъективная оценка и момента чрезвычайности, и момента целесообразности принадлежит во всяком случае не палатам. Это логично и понятно: законодательные учреждения не могут сделаться судьей закономерности законодательного акта другого учреждения. Обязанность эта по нашим законам принадлежит исключительно Правительствующему сенату, который не имеет права опубликовать или обнародовать незаконный, не закономерный акт.

Точно так же законодательные учреждения вправе запрашивать и председателя Совета министров, и отдельных министров, и главноуправляющих о не закономерных их действиях, но едва ли они вправе запрашивать о том же Совет министров как учреждение, не подчиненное Правительствующему сенату, в котором, когда Ему это благоугодно, председательствует Его Императорское Величество. Единственный раз, когда мне был предъявлен запрос о не закономерных действиях Совета министров как учреждения, а именно по изданию

правил 24 августа 1909 г., я сделал оговорку о том, что существо этого запроса не соответствует природе запросного права.

Предъявленный в настоящее время Государственной думой запрос составлен с формальной стороны более осторожно, чем запрос Государственного совета, так как в нем отсутствует один довод, который лег в основу запроса Совета. Но довода этого касались во время прений о принятии запроса некоторые ораторы, и поэтому мне в двух-трех словах придется коснуться и его. Я подразумеваю опорочение права Верховной власти применять статью 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненных условиях, и как бы наши жизненные и наши законодательные условия ни были различны от таких же условий в западных государствах, но и там, на западе, это право понимается именно так, а не иначе, и авторитетное мнение науки признает правильность обращения к указанному праву во время перерыва занятий палат, вызванного действиями самих палат. Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право Монарха применять чрезвычайные указы на нет.

Чтобы покончить с формальной стороной вопроса, я отмечу еще по поводу указного права, как права чисто политического, что и в Западной Европе не существует норм, так сказать, конституционного его применения. Если вы не хотите обратиться к примеру Австрии, то возьмите пример Пруссии. Все чрезвычайные указы, изданные за последнее столетие в порядке параграфа 63 прусской конституции, подвергались оспариванию в прусских палатах, и хотя большинство из них были в

конце концов приняты палатами, но многие из них вызывали сильные сомнения, как, например, касавшиеся натуральных повинностей, нового обложения, таможенных сборов и т. д. То, что пытаются представить у нас нарушением законов, незакономерностью, и в Пруссии, и в Австрии никогда не признавалось нарушением конституции.

Но если формальная сторона этого дела настолько безукоризненна, то чем же объяснить, господа, тот шум, который поднялся вокруг последних действий правительства: возбуждение в политических кругах, негодование одних, недоумение других? Конечно, наивно было бы со стороны правительства объяснять это непременно желанием сделать ему во что бы то ни стало неприятность. Несомненно, причины лежат гораздо глубже; чтобы исчерпать вопросы до дна, надо обратиться к ним, и я попытаюсь совершенно спокойно и беспристрастно разобраться в происшедшем, но, ввиду только что высказанных мною соображений, я в дальнейших своих объяснениях буду опираться не на статью 58 Учреждения Государственной думы, а на статью 40 и просто, добросовестно, насколько это мне доступно, изложу вам сведения по делу, которое, согласно этой статье 40, будет в будущем подлежать вашему рассмотрению. Я считаю это совершенно необходимым, так как Государственная дума не судебное учреждение, разрешающее уже законченный, совершившийся факт, анатомирующее мертвое тело; Государственная дума имеет дело с событиями длящимися, с жизнью страны, а жизненные явления требуют объяснения.

В дальнейшем мне, к сожалению, придется подчеркивать пункты и поводы к разногласию между

мыслью, заложенной в основании запроса Государственной думы, и мыслью правительственной. Но ранее этого я мимоходом отмечу одно положение, которое не вызывает и не вызовет между нами разногласий. Правительство точно так же, как и Дума, понимает и признает применимость статьи 87 только в самых исключительных обстоятельствах, и статью эту оно не может, конечно, считать обычным оружием своего арсенала. Что же касается разногласий, о которых я только что упомянул, особенно тех, которые ведут в конце концов к применению чрезвычайных мер, то я охотно признаю, что всякое правительство должно их предвидеть и должно сообразовать свои действия с ожидаемыми последствиями.

Gouverner — c'est prévoir — говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, правительство, действующее не в безвоздушном пространстве, должно было знать, что придет час и оно столкнется с двумя самостоятельными духовными мирами — Государственной думой и Государственным советом. Но так как эти два духовных мира весьма между собой различны, то люди, искушенные опытом, находили, находят и теперь, что правительство должно было мириться с политикой, скажем, некоторого оппортунизма, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов, между прочим и рассматриваемого нами теперь, с политикой, так сказать, защитного цвета. Эта политика, конечно, не может вести страну ни к чему большому, во она не приводит и к конфликтам. Очевидно во всяком случае, что ключ к разъяснению возникшего недоразумения — в оценке и сопоставлении психологии Государственного совета, Государственной думы и правительства, а в

правильности их анализа и заключается разъяснение, требуемое от меня Государственной думой.

Психологию Государственного совета предвидеть было не трудно. Законопроекту правительства, внесенному в Государственный совет, придавалось уже заранее значение неудачной затеи, и, конечно, трудно было ждать от Государственного совета отождествления его же отказа в принятии этого закона с чрезвычайным обстоятельством. Признавая правительство по-прежнему лишь высшим административным местом, не считая его политическим фактом, Государственный совет должен был увидеть и увидел в совершившемся лишь борьбу между двумя началами — началом административным и началом законодательным, а в действиях правительства усмотрел лишь ущерб, нанесенный второму началу, законодательному, высшей правящей бюрократией.

Психология Государственной думы несколько сложнее, так как авторы запроса приписывают правительству нечто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касаюсь и не буду впредь касаться личных против меня нападков, личных выпадов; я остановлюсь на более существенной аргументации: правительство, господа, попросту заподозрено в том, что, пренебрегая всеми законами, даже и Основными, желает править страной по собственному усмотрению, собственному произволу (голос слева: верно), и для того, чтобы легче этого достигнуть, желает приобщить к этому законоубийственному делу и самую Государственную думу (голос слева: правильно; голоса справа: тише); поэтому отношение правительства к Государственной думе понималось тут как яркая провокация или, как оратор Государственной думы более мягко выражался, как вызов. А так как закон был опубликован в думской

редакции, то этому придавалось значение искушения, введения в соблазн Государственной думы с целью поссорить се с Государственным советом, с целью уронить авторитет Государственной думы и воскресить эру административного засилья. (Шум слева; звонок председателя.)

Кроме этого, в попутных замечаниях обращает на себя внимание еще упрек в крайнем искажении смысла статьи 87 путем создания искусственного перерыва и обвинение правительства в нарушении избирательного закона. Вот приблизительно что думали, чувствовали и выражали авторы запроса Государственной думы. Мне, конечно, придется дольше остановиться на этих мыслях, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвинение, на которое я только что сослался; попрек в нарушении избирательного закона. Я думаю, господа, нет ли тут недоразумения? Указ 14 марта ни одним словом не касается этого вопроса; наоборот, если в указе была бы сделана оговорка о сохранении прежнего порядка выборов, то этим самым были бы изменены правила выборов в Государственный совет и нарушена была бы статья 87 Основных законов. Конечно, несомненно, с введением в западной России земства отпадает статья 5 этих правил, но не указ 14 марта поражает эту статью, а она сама определяет себя как меру временную, подлежащую уничтожению при наступлении известных обстоятельств, ожидаемых законодателем.

Само собой, что полномочия нынешних членов Государственного совета остаются в силе и с введением земства до окончания срока их выбора, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно определится судьба временной меры, проведенной в порядке статьи 87.

Покончив с этим эпизодическим обстоятельством, я возвращаюсь к основному вопросу. Из суждений господ членов Государственной думы ясно, что корень вопроса, то есть отклонение законопроекта о западном земстве, до настоящего времени не рассматривался Думой как нечто необычайное, как обстоятельство чрезвычайное. Если видели нечто чрезвычайное в последних событиях, то исключительно только в наружном, бьющем, бросающемся в глаза действии правительства, то есть в способе, а не в причине. Словом, решительность меры затмила ее цель, и чрезвычайность была признана не в существе вопроса, а лишь в применении статьи 87 как в доказательстве возвращения к худшему, что ли, из абсолютизмов — к абсолютизму зарвавшихся чиновников. (Голоса слева: верно.) Правительство, со своей стороны, видело корень вопроса в исключительности политического момента и статью 87 понимало лишь как совершенно, конечно, исключительное средство, но как законный способ выйти из ненормального положения.

Чтобы понять не только действия, но и побуждения правительства, надо исходить из предположения, что политические обстоятельства сложились не совсем обыденным образом. Припомним же, господа, положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд; внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона.

А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах.

Заметьте, господа, что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишнем радикализме или в излишней реакционности. Я рисую положение так, как оно есть; я хотел бы правдиво изобразить вам те необычные условия, в которых приходилось действовать правительству, в которых возник и получил дальнейшее развитие закон о западном земстве. Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять, и отклонять предлагаемые им законопроекты, правительство все же должно было дать себе отчет, бывают ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы. Правительство должно было решить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготавливая проекты, которые никогда не должны увидеть света. Или же правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной воли, имеет право и обязано вести определенную яркую политику? Должно ли правительство при постепенном усовершенствовании представительных учреждений параллельно ослабевать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиление, укрепление нашей государственности? Наконец, вправе ли правительство испрашивать у Монарха использования всех находящихся в его распоряжении законных средств или это равносильно произволу?

И, конечно, господа, правительство не могло решить этого вопроса в пользу правительственного бессилия! Причина этому не самолюбие правительства, а прочность государственных устоев. Поэтому и в данном деле, если

только придавать ему крупное значение, если учитывать тот волшебный круг, в который попало наше законодательство, правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный из него выход.

Какой же, господа, мог быть выход из попавшего в изображенное мною только что колесо дела (Булат, с места*: отставка; голоса справа: тише, тише), дела осуществления западного земства, которое имело за себя сочувствие Монарха, которое в главных основных началах прошло через Государственную думу и было отвергнуто Государственным советом?

Конечно, первый, самый естественный и законный выход заключался во вторичном внесении этого закона на обсуждение законодательных учреждений. Многие говорят: если бы правительство не отвернулось от народного представительства, если бы оно не предпочло остаться одиноким, вместо того чтобы идти рука об руку с Государственной думой, то при некотором терпении были бы достигнуты желательные результаты без нежелательных потрясений. Но ведь это, господа, не так, это было бы актом самообмана, если не лицемерия, это была бы отписка перед западной Россией, отписка тем более жестокая, что ваши полномочия, полномочия Третьей думы, в скором времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить с западным земством, от Государственного совета не требовалось даже шумной процедуры обыкновенного погребения недоношенных законов — достаточно было сдать его в комиссию и несколько замедлить его рассмотрением. (Голоса в правом центре: bravo.)

Но, говорят, в таком случае был другой, законный способ — это испрошение у Государя Императора роспуска законодательных учреждений. (Голоса слева: верно.) Но роспуск палат из-за несогласия с верховной палатой, которая является, главным образом, представительством интересов, а не представительством населения, в которой только половина членов выборных (смех и шум слева; звонок председателя), лишено было бы практического смысла и значения. Оставался третий выход — статья 87. Я уже говорил, господа, что правительство ясно отдавало себе отчет, что оценка законодательными учреждениями акта Верховной власти представляет из себя юридическую невозможность. Но, понимая вопрос именно так и зная, что законодательные учреждения снабжены гораздо более сильным средством — правом полного отклонения временного закона, правительство могло решиться на этот шаг только в полной уверенности, что акт, изданный по статье 87, по существу своему для Государственной думы приемлем.

Внесение в Государственную думу на проверку закона, явно для Государственной думы неприемлемого, представляло бы из себя, конечно, верх недомыслия, и вот отсутствие этого недомыслия, тождественность акта, изданного по статье 87, с законопроектом, прошедшим через Государственную думу, опорочивается как соблазн, как искушение, как лукавство! Опорочивается также и искусственность перерыва и проведения по статье 87 закона, отвергнутого верхней палатой в порядке статьи 86. Но, господа, то, что произошло теперь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Государственной думой при других обстоятельствах.

Я не буду касаться мелких законов, я напомню вам прохождение законопроекта о старообрядческих

общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия с Государственной думой, и закон отпадет. Ни для кого не тайна, что Государственная дума заслушает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий, в полной уверенности, что правительство исходатайствует у Государя Императора восстановление существующего закона (Милюков, с места: что такое? Это безобразие) в порядке статьи 87. (Смех и шум слева.)

Совершенно понятно, что если бы постановление Государственной думы последовало не перед естественным перерывом, то перед правительством во весь рост стал бы вопрос о необходимости искусственного перерыва, так как нельзя, господа, нельзя приводить в отчаяние более 10 миллионов русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво; шиканье слева; звонок председателя.) Нельзя, господа, из-за теоретических несогласий уничтожать более полутора тысяч существующих старообрядческих общин и мешать людям творить не какое-нибудь злое дело, а открыто творить молитву, лишить их того, что было им даровано Царем. (Шум слева.) И в этом случае Государственная дума, устраняя необходимость искусственного перерыва, сама прикровенно наводит, толкает правительство на применение статьи 87!

Я в этом не вижу ничего незаконного, ничего неправильного (Милюков, с места: хорош), но я думаю, что оратор, на которого я раньше ссылался, должен был бы усмотреть тут, по его собственному выражению, «вызов», но уже со стороны Государственной думы по

отношению правительства, а правительство по этой же теории должно было бы, вероятно, воздержаться от этого «искусственного предложения». Взвинтить на ненужную высоту (голос слева: на веревку) возможно, конечно, каждый вопрос, но государственно ли это?

Конечно, статья 87 — средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения. Если, например, в случае голода законодательные учреждения, не сойдясь между собой, скажем, на цифрах, не могли бы осуществить законопроект о помощи голодающему населению, разве провести этот закон возможно было бы иначе, как в чрезвычайном порядке? Поэтому правильно было искать в этом же порядке утолнение духовного голода старообрядцев. Но отчего же менее важны культурные интересы шести западных губерний? Почему они должны быть принесены в жертву нашей гармонически законченной законодательной беспомощности? Потому, скажут мне, что эти шесть губерний жили до настоящего времени без земства, проживут без него и далее, потому что этот вопрос не касается всей России и не может быть поэтому признан первостепенным. Но ведь старообрядческие общины и неурожаи — вопросы, которые по распространению своему не касаются всей России.

Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его распространение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался. Может быть, поэтому он становился к ним

все более и более равнодушен; чувство, объединяющее народ, чувство единения тускло и ослабевало! И если обернуться назад и поверх действительности взглянуть на наше прошлое, то в сумерках нашего национального блуждания ярко вырисовываются лишь два царствования, озаренные действительной верой в свое родное русское. Это царствования Екатерины Великой и Александра Третьего. Но лишь в царствование Императора Николая Второго вера в народ воплотилась в призыве его к решению народных дел; и, может быть, господа, с политической точки зрения, не было еще на обсуждении Государственной думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охра

нения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво.)

Если еще принять во внимание, что даже поляки в городах Царства Польского молчаливо одобряют ограждение их от подавляющего влияния еврейского населения путем выделения его в отдельные национальные курии, если того же самого в более или менее близком будущем, в той или другой форме будут требовать и немцы Прибалтийского края по отношению к эстонцам и латышам, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательного предположения оградить права русского населения в шести западных губерниях. Не без трепета, господа, вносило правительство впервые этот законопроект в

Государственную думу: восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны наши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории? Победил, как вы знаете, исторический смысл; брошены были семена новых русских политических начал, и если не мы, то будущие поколения должны будут увидеть их рост.

Но что же произошло после этого? Отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, эти новые побеги, новые ростки начали небрежно затаптываться людьми, или их не разглядевшими, или их убоявшимися. (Возглас слева: ох!) Кто же должен был оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, в конце концов, взаимодействием Монарха и народного представительства? Тут, как в каждом вопросе, было два пути, два исхода. Первый путь — уклонение от ответственности, переложение ее на вас путем внесения вторично в Государственную думу правительственного законопроекта, зная, что у вас нет ни сил, ни средств, ни власти провести его дальше этих стен, провести его в жизнь, зная, что эта блестящая, но показная демонстрация. Второй путь — принятие на себя всей ответственности, всех ударов, лишь бы спасти основу русской политики, предмет нашей веры. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво.)

Первый путь — это ровная дорога и шествие по ней почти торжественное под всеобщее одобрение и аплодисменты, но дорога, к сожалению, в данном случае но приводящая никуда... Второй путь — путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце концов все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего,

чем малодушное уклонение от ответственности. И я признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы — в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, и эта ответственность — величайшее счастье моей жизни. (Голоса в правом центре: браво.)

И как бы вы, господа, ни отнеслись к происшедшему, а ваше постановление, быть может, по весьма сложным политическим соображениям уже предрешено, как бы придирчиво вы ни судили и ни осудили даже формы содеянного, я знаю, я верю, что многие из вас в глубине души признают, что 14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво; смех в левом центре и слева; голоса слева: защитники народного представительства.) Патриотический порыв Государственной думы в деле создания русского земства на западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной власти. (В правом центре рукоплескания и голоса: браво; шиканье слева.)

Приложение 6

Убийство в Киеве Д. Богровым П. А. Столыпина

1 сентября в 9 часов вечера начался в городском театре, в Высочайшем присутствии, парадный спектакль. В 11.30, в антракте, после второго акта, П. А. Столыпин, сидевший в первом ряду близ Государевой ложи, поднялся с места и стал спиной к сцене, разговаривая с подходившими к нему лицами. Вдруг раздались в зале один за другим два выстрела... Раненный двумя пулями Столыпин сохранил присутствие духа. Он осенил крестным знаменем себя и царскую ложу, в которой стоял Государь, после чего, мертвенно бледный, стал падать.

После консилиума в больнице доктора Маковского, куда был перенесен Петр Аркадьевич, у всех явилась надежда, что спасение его возможно. От мгновенной смерти спас крест Св. Владимира, в который попала пуля и, раздробив который, изменила прямое направление в сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. Другую пулей насквозь пронизана кисть левой руки. 4-го сентября произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья, а 5-го сентября, в 10 часов 12 минут вечера, Столыпина не стало...

Когда-то он сказал: «Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся».

Смерть действительно прервала на полном ходу деятельность Столыпина. Унесла его в могилу, не дав закончить предпринятый им гигантский труд, задачу, в которую верил он всю жизнь.

Им было сказано когда-то: «Итак, на очереди главная наша задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более 100 миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте — и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед целым миром... Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, русских! Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

**Речь председателя
Государственной думы,
посвященная памяти П.
А. Столыпина,
произнесенная 15
октября 1911 г.**

Господа члены Государственной думы!

В течение перерыва наших занятий совершилось удручающее и беспримерное по своей обстановке злодеяние. В Киеве, 1 сентября, убит председатель Совета министров П. А. Столыпин. Он пал от руки злодея среди блеска киевских торжеств во время пребывания в Киеве Августейших Гостей, едва не в присутствии Его Величества Государя Императора и на глазах Его Августейшей Дочери.

Всем хорошо известно, что П. А. Столыпин с первых же шагов своих на ответственном посту руководителя нашей внутренней политики стал ненавистен тем темным и роковым силам, которые издавна своими безумными выступлениями тормозят спокойное поступательное развитие нашего государственного строя. Убитый министр своей непоколебимой твердостью стоял для них непреодолимым препятствием, и взрыв на Аптекарском острове, унесший столько напрасных и невинных жертв,

целый ряд предотвращенных покушений, постоянная опасность осуществления таковых — все это всегда, как дамоклов меч, висело над головой неутомимого стража русской государственности и порядка.

Все эти опасности не смущали самоотверженного государственного деятеля, и он продолжал упорную борьбу, не допуская и мысли об оставлении своего поста и тяжелое для страны время. Судьба, однако, предназначила ему в удел мученический венец, и он окончил дни свои среди тяжких страданий. Когда мысленно возвращаешься к прошлому, к подробностям удавшегося — увы! — на этот раз покушения, к тому особому характеру, который оно носило, то невольно спрашиваешь себя: ужели возможно, чтобы убийство первого слуги государства совершилось там, где, казалось бы, он должен был считать себя в полной безопасности? И если дикая расправа путем террористических актов всегда отвратительна, то теперь, когда ее жертвою стал один из лучших сынов своей родины, оно вызывает справедливое и горячее негодование всей страны. (Рукоплескания центра и справа.)

Господа члены Государственной думы! Среди нас в этом зале ярко обозначились политический облик и выдающиеся государственные дарования безвременно погибшего председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина. Вся его выдающаяся государственная деятельность проходила здесь перед нами, и почтить его память добрым еловом — наш нравственный долг. Петр Аркадьевич Столыпин нам, убежденным сторонникам представительного строя, был особенно дорог своей глубокой уверенностью в

необходимости его для блага России и искренней верой в его глубокий государственный смысл.

Вспомним также, господа, с каким вниманием и глубоким интересом мы слушали здесь горячие, полные содержания и глубоких государственных мыслей речи убитого ныне председателя Совета министров, как увлекательны бывали его выступления на трибуне Государственной думы. Смело скажу, что в этих речах звучала такая сила убеждения, так чувствовалось в них страстное желание блага родине, что они невольно подкупали своей искренностью и нередко захватывали всех нас. (Голоса: верно.)

Мы все хорошо знаем, что лично для себя усопший министр никогда ничего не искал, что стремление к личной выгоде было совершенно чуждо его честной неподкупной душе (голоса справа: верно), что этот рыцарь без страха и упрека жил лишь стремлением ко благу родины так, как он понимал его своей глубоко русской душой. Его неусыпной заботой было неуклонное, хотя осторожное и осмотрительное, движение вперед по пути развития политической и общественной жизни в России. И если не все одинаково с ним оценивали эти пути, то чистота его побуждений и нравственная, как и политическая его незапятнанность признаются решительно всеми, не исключая его политических противников. Прямой по характеру и чуждый извилистых путей, П. А. Столыпин был воплощенное сознание своего долга перед родиной и никогда не уклонялся от ответственности за свои действия. Всей своей сильной, крепкой душой и могучим разумом он верил в мощь России, всем существом своим верил в ее великое, светлое будущее. Вне этой веры он не понимал государственной работы и не мог признать ее значения.

Он разбудил дремавшее национальное чувство, осмыслил его и одухотворил.

Верный и преданный слуга своего Государя, усопший председатель Совета министров беззаветно трудился к возвеличению и славе Престола, отдавая этому служению все свои силы и помыслы. Захватывают душу его последние минуты: «Я рад умереть за Царя», — говорил он, и охваченный уже объятием смерти, но забывая о себе, полный лишь заботы о безопасности своего Государя, он как бы предохранял Его последним движением руки.

Господа члены Государственной думы! В лице злодейски убитого П. А. Столыпина угас великий русский гражданин, угас крупный русский государственный ум, покинул нас твердый и опытный государственный зодчий. Да не угаснет память о нем и да будет его служение Царю и Отечеству, увенчанное мученическим венцом, примером доблестного исполнения своего долга грядущим поколениям.

Я предлагаю Государственной думе отслужить панихиду по усопшем председателе Совета министров П. А. Столыпине, послать сочувственную телеграмму неутешной его вдове и почтить память его вставанием. (Все встают.) Я прошу господ членов Государственной думы пожаловать в церковь для выслушания панихиды.

**Речь председателя
Государственного совета,
посвященная памяти П.
А. Столыпина,
произнесенная 15
октября 1911 г.**

Террор не оставляет нашего отечества в покое. Россия снова потрясена прискорбным событием. 1 минувшего сентября в Киевском театре, в антракте торжественного представления, еврей Богров произвел два выстрела в статс-секретаря П. А. Столыпина, который от полученных им ран 5 сентября скончался. Это прискорбное событие усугубляется тем, что преступление совершено в присутствии Государя Императора. Не дело, конечно, Государственного совета обсуждать в настоящее время вопрос, каким образом мог вооруженный анархист получить свободный доступ на торжественное представление Киевского театра, когда, задолго до этого, в этом театре ожидалось присутствие Царской Семьи. Нам остается только осенить себя крестным знаменем и благодарить Всевышнего за сохранение драгоценной жизни нашего возлюбленного Монарха.

Теперь не время также входить в оценку общей внутренней государственной политики почившего

председателя Совета министров и министра внутренних дел, тем более что среди господ членов Государственного совета — это ни для кого не тайна — по этому предмету существуют различные мнения, но я считаю себя обязанным остановить внимание Высокого собрания на тех личных качествах нашего бывшего сочлена статс-секретаря П. А. Столыпина и той деятельности его, которые не могут возбудить сомнений. В лице его Россия лишилась благороднейшего, честнейшего человека, горячо любившего свое отечество. Все, что, по его мнению, могло служить к развитию сил России, укреплению и возвеличению ее, воспринималось им с увлечением и тотчас же проводилось в жизнь.

Все мы слышали или читали его твердые, сильные, полные искренности речи в Государственной думе второго созыва, которыми он призывал ее приступить к спокойному законодательству на пользу России. Потом, когда Государь Император, сознав всю невозможность иметь своей сотрудницей явно революционную Думу, приказал разработать проект изменений избирательного закона и затем утвердил представленный проект, П. А. Столыпин приложил много труда для совместной работы с Государственной думой третьего созыва, и благодаря его усилиям наши законодательные собрания стали исполнять свое назначение.

Наконец, нельзя забывать той крайне трудной, тяжелой, а подчас даже ужасной обстановки, при которой в 1906 г. началась деятельность почившего. 8 июля он был назначен председателем Совета министров, а вслед за тем злодеи анархисты взорвали дачу его на Аптекарском острове и оставили там целое кладбище убитых и изувеченных невинных жертв. В числе

пострадавших были и дети почившего. Тем не менее, невзирая на вызванные этим зверским преступлением ужас и горе, Петр Аркадьевич не дрогнул. Он твердо, со свойственным ему мужеством, в течение пяти лет оставался на вверенном ему посту, пока предательская пуля презренного злодея не прекратила его жизни. Вот, господа, в общих чертах те качества и те дела статс-секретаря П. А. Столыпина, за которые Россия сохранит о нем благодарную память.

ПРИМЕЧАНИЯ Ю. Г. Фельштинский

Ответ П, А. Столыпина как министра внутренних дел на запрос Первой Государственной думы о Щербаке, данный 8 июня 1906 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия первая. Том II. Заседания 19-38 (с 1 июня по 4 июля). СПб, Государственная типография, 1906 (в дальнейшем: Государственная дума, 1906), стр. 1125-1129, 1140-1141.

Стр. 34

...министра внутренних дел... П. Л. Столыпин был назначен министром внутренних дел 26 апреля 1906 г. 8 июля он занял пост председателя Совета министров с сохранением поста министра внутренних дел.

Что касается Щербака... Запрос министру внутренних дел и министру юстиции по делу Антона Щербака был принят Думой 23 мая 1906 г. Запрос возник по поводу телеграммы самого Щербака, в которой тот извещал о предании его суду Московской судебной палатой (см.: Государственная дума, 1906, стр. 1122-1123).

...к тому, что сообщено господином министром юстиции. Министр юстиции Щегловитов по поводу

запроса об А. Щербаке сказал в Думе следующее: «Обращаюсь ко второму запросу — первому в том порядке, который был указан г. председателем Государственной думы, а именно к запросу, касающемуся отставного прапорщика Антона Петрова Щербакова, он же Щербак, запросу, сводящемуся к тому, по каким причинам не удовлетворяется просьба названного лица об освобождении его из-под стражи на поруки. По поводу этого запроса имею честь сообщить Государственной думе, что Щербаков привлечен к ответственности по трем уголовным делам, из которых два производятся в округе харьковской судебной палаты и одно — в округе московской судебной палаты. По отношению к тем делам, которые производятся в округе харьковской судебной палаты: по одному — судебным следователем, производившим следствие, мерой пресечения способа уклониться от суда и следствия было принято по отношению к Щербакову заключение его под стражу, впредь до представления поручительства в размере 500 р.; по другому делу, производящемуся в округе той же палаты, была применена судебным следователем мера пресечения, заключающаяся в безусловном содержании Щербакова под стражей. По жалобе последнего харьковская судебная штата еще в февраль месяце заменила эту меру пресечения условным заключением Щербакова под стражу, впредь до представления им поручительства в размере 2000 р. Что касается третьего дела, по которому привлечен в качестве обвиняемого Щербаков, дела, производящегося в округе московской судебной палаты, то по этому делу судебным следователем в качестве меры пресечения было принято безусловное содержание Щербакова под стражей. Но по этому делу, как видно из поступивших ко мне сведений,

определением московской судебной палаты, последовавшим 24 минувшего месяца, мера пресечения, принятая по отношению Щербакова, изменена в том смысле, что безусловное содержание под стражей заменено содержанием его под стражей до представления им залога в размере 500 р. Вот каково положение в отношении меры пресечения, принятой по отношению Щербакова в тех судебных делах, которые возникли по вопросам, касающимся его судебной ответственности. Независимо от судебных дел, по отношению к Щербакову возникло и производство о высылке его в порядке положения охраны государственного порядка. Что касается вопроса о том, какие в этом отношении распоряжения сделаны по отношению к Щербакову, то я не буду утомлять внимание Государственной думы ввиду того, что господин министр внутренних дел сам сообщит Думе имеющиеся у него по этому предмету сведения». (Государственная дума, 1906, стр. 1124-1125.)

Дело его в порядке охраны прекращено. Конец выступления П. А. Столыпина по поводу запроса о Щербаче.

На заявленный мне запрос от 12 мая... Выступление явилось ответом на следующие слова председателя Государственной думы: «Министр внутренних дел имеет еще дать разъяснение по запросу, означенному у нас под No 1. Этот запрос касается фактов, оглашенных относительно департамента полиции, у которого, по сообщению газет, была оборудована специальная типография, печатавшая возмутительные воззвания. Запрос состоял в следующем: «Известны ли г. министру приведенные факты, какие меры приняты им для наказания виновных, и что министр намерен сделать для

предотвращения таких преступлений в будущем?». Независимо от этого, «известно ли г. министру, что администрация переполнила тюрьмы заключенными, в числе коих есть заведомо невинные и что, в нарушение законов, даже законов исключительных об усиленной и чрезвычайной охране, власти содержат заключенных свыше установленного срока без предъявления какого бы то ни было обвинения, доводя их таким путем до отчаяния, выражающегося в добровольной голодовке?»» (Государственная дума, 1906, стр. 1125.)

Стр. 40

...идти сознательно по пути дезорганизации... (Шум.) В этом месте выступление П. А. Столыпина было прервано левыми членами Думы. Стенограмма Государственной думы отмечает следующее (Государственная дума, 1906, стр. 1129):

Голоса. Довольно.

Председатель. Прошу сохранять порядок. Каждому, имеющему на то право, должно быть предоставлено слово в этом зале.

Голоса с правой. Просим. (Шум.)

Стр. 41

...порядок, необходимый для развития самых широких реформ. (Шум). После этих слов П. А. Столыпина слово взял князь С. Д. Урусов, кадет, депутат от Калужской губернии (см.: Государственная дума, 1906, стр. 1129).

Отвечая на тот реальный упрек в неправде... Здесь речь П. А. Столыпина была прервана выкриком кадета В. Д. Набокова: «В неточности!» Речь В. Д. Набокова,

которую подразумевает П. А. Столыпин, см. в кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1136-1140.

...реальные вопросы и нарекания от г. Винавера. М. М. Винавер (1863-1926), один из основателей партии кадетов, член ЦК. Видный член ряда еврейских организаций. Адвокат. Депутат Первой Государственной думы от Петербурга. В 1919 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже, сотрудничал в журнале «Европейская трибуна» и газ. «Последние новости».

Ответ на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим, данный 12 июня 1906 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1241-1244, 1251-1252.

Стр. 43

...об оказании помощи голодающим... Думский запрос здесь не публикуется. Опубл, в кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1241.

Стр. 47

...и присутствующие здесь в зале. Конец первой части речи П. А. Столыпина.

Я вхожу на эту трибуну не для того, чтобы ответить на те речи, которые выслушал здесь. После первой части речи П.А.Столыпина с речами выступили шесть ораторов,

критиковавших речь председателя Совета министров (см. кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1244-1251).

Речь князя Львова... Имеется в виду речь князя Г. Е. Львова, депутата от г. Тулы (см. кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1247). Г. Е. Львов (1861-1925), земский деятель, председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земго-ра». В марте — июле 1917 г. — глава Временного правительства. После большевистского переворота — в эмиграции.

Ответ на вопрос, касающийся члена Государственной думы Седельникова, данный 22 июня 1906 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1575, 1605. Т. И. Седельников, член Государственной думы от Оренбургской губернии. Трудовик.

Стр. 49

...нареканию, которое только что было высказано в Государственной думе. С депутатом Думы Седельниковым, по его словам, грубо обошлась полиция, что вызвало протесты Седельнико

ва и некоторых других членов Государственной думы (см, кн.: Государственная дума, 1906, стр. 1573-1575).

...необходимо проявить власть законную... (шум и крики.) В этом месте речь П. А. Столыпина была прервана шумом и криками левых, вынудивших

вмешаться председателя Государственной думы. Стенограмма отмечает: «Председатель. Господа! Вы сами хотели выслушать, так дайте же договорить!» (там же, стр. 1575).

...не действовать под влиянием страстей. Стенограмма далее отмечает (см. там же):

Голоса. Долой, в отставку...

Председатель. Господа, не согласимся ли мы раз навсегда, что личные пререкания и оскорбительные выражения ниже достоинства Государственной думы? (Шумные аплодисменты центра и правой.)

...я ходатайствовал бы о назначении продовольственного вопроса на /время/ после перерыва. Заявление было сделано П. А. Столыпиным во время обсуждения повестки дня следующего заседания Государственной думы (см. там же, стр. 1605).

Первое выступление П. А. Столыпина во Второй Государственной думе в качестве Совета министров 6 марта 1907 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том I. Заседания 1-30 (с 20 февраля по 30 апреля). СПб, Государственная типография, 1907 (в

дальнейшем: Государственная дума, 1907, т. I, стр. 106-120).

Стр. 50

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности... Речь была в тот же день зачитана в Государственном совете с измененной первой фразой: «Перед началом совместной с Государственным советом деятельности» и с соответствующими изменениями в тексте речи (см. кн.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Заседания 1-16 (20 февраля — 5 июня). СПб, Государственная типография, 1907, т. I, стр. 27—42).

Стр. 51

...в порядке ст. 87 основных законов... Манифест о созыве Государственной думы был обнародован Николаем Вторым 17 октября 1905 г. 20 февраля 1906 г. Государственный совет был преобразован во вторую законодательную палату с правом вето на решения Государственной думы. Согласно редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г., в соответствии со статьей 87, император в перерыве между сессиями мог издавать законы, которые затем формально должны были быть утверждены Государственной думой.

Стр. 52

...изменен устав Крестьянского банка... Крестьянский поземельный банк был учрежден в 1882 г. для выдачи долгосрочных ссуд крестьянам на приобретение частновладельческих земель. Играл важную роль в столыпинской аграрной реформе, начиная с 1906 г.

Стр. 53

...в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября

1905 года... Указ от 17 апреля 1905 г. об укреплении веротерпимости и манифест о созыве Государственной думы.

Стр. 57

...судебных уставов Александра Второго... Устав уголовного и гражданского производства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был утвержден Высочайшим указом императора Александра Второго (1818-1881) 24 ноября 1864 г.

Стр. 58

...имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин... Указами от 12 и 27 августа (а затем и 19 сентября) 1906 г. на нужды крестьян были обращены свободные казенные, удельные и кабинетные земли.

...купленные с 3 ноября 1905 г. крестьянским банком свыше 2 мил. десятин. Крестьянский поземельный банк, скупавший землю у помещиков и продававший ее затем отдельным крестьянам-хозяевам, стал одной из составных частей столыпинской аграрной реформы.

Стр. 61

..вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян... Выкупные платежи были определены «Положениями» 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. Манифестом от 3 ноября 1905 г. взимание выкупных платежей с 1 января 1907 г. прекращалось.

Разъяснение П. А. Столыпина, сделанное после думских прений в марта 1907 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 1, стр. 167-169.

Стр. 63

..выступить вторично перед Государственной думой... П. А. Столыпин вторично взял слово после выступлений ряда ораторов, в том числе социал-демократов Церетели, Озола, Джапаридзе и Алексинского (см.г Государственная дума, 1907, т» I, стр. 120-129, 131-137, 154-157),

Приложение 1

Стр. 65

Заявление П. А. Столыпина в связи с производством выборов во Вторую Государственную думу. Печатается по кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин. Сост. Е. В. В[ерпаховская] по сообщениям прессы за три года (8 июля

1906 — 8 июля 1909 г.). СПб, 1909, стр. 23—26.

Стр. 68

Телеграмма митрополита Антония П. А. Столыпину и ответная телеграмма председателя Совета министров. Оубл, там же, стр. 49.

Адрес П. А. Столыпину, подписанный несколькими тысячами людей после выступления П. А. Столыпина в Государственной думе 6 марта 1907 г. Оpubл. там же, стр. 48—49.

Письма П. А. Столыпина А. С. Суворину, написанное в ответ на получение адреса. Оpubл. в газ. Новое время, 19 марта

1907 г.

Стр. 69

Из ответа П. А. Столыпина на адрес, подписанный группой москвичей. Оpubл. в кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, стр. 51.

Ответное письмо П. А. Столыпина на поздравление С. Ю. Витте опубл. там же,

Стр. 70

Из передовой статьи немецкой газеты. Цит. в переводе, опубл. в кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, стр. 51—52.

**Речь в защиту государственной
рописи доходов и расходов,
произнесенная в
Государственной думе 20 марта
1907 года**

Печатается по кн.; Государственная дума, 1907, т. 1, стр. 330-331.

Стр. 72

..на несчастном деле Лидваля... Лидваль, вместе с Гурко, был обвинен либеральным общественным мнением в расхищении средств, выделенных государством продовольственной комиссии.

...предложению, внесенному членом Думы Родичевым. Ф. И. Родичев (1853-1932), земский деятель, юрист, один из лидеров кадетов. В марте — мае 1917 г. — министр Временного правительства по делам Финляндии. После большевистского переворота — в эмиграции. Родичев предложил в Думе на заседании 9 марта создать комиссию для помощи голодающим и решения продовольственного вопроса.

Речь о временных законах, изданных в период между Первой и Второй думами, произнесенная в Государственной думе 13 марта 1907 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 1, стр. 512-518.

Стр. 74

...в речи члена Государственной думы Маклакова. В. А. Маклаков (1869-1957), адвокат, один из лидеров кадетов, депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. — посол во Франции. После большевистского переворота — в эмиграции.

Речь в защиту государственной рописи доходов и расходов, произнесенная в Государственной думе 20 марта 1907 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 1, стр. 850-851.

Стр. 78

...чтобы сделать маленькую поправку к речи члена Думы Николая Николаевича Кутлера. Н. Н. Кутлер (1859-1924), юрист, русский политический деятель. В 1905-1906 годах — главноуправляющий землеустройством и земледелием, автор либерального проекта по земельному вопросу. В 1905-1917 годах — один из лидеров кадетов. См. его речь там же, стр. 809-932.

Приложение 2

Письмо председателя Государственной думы Ф. А. Головина председателю Совета министров и ответное письмо П. А. Столыпина председателю Государственной думы. Опувл. в кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, стр. 64-66. Ф. А. Головин (1867-1929), земский деятель, один из основателей партии кадетов, член ЦК. Председатель Второй Государственной думы. Деятель Земгора. В 1917 г. —

комиссар Временного правительства. После большевистского переворота работал в советских учреждениях.

Стр. 80

В письмах ваших от 22, 24 и 26 сего марта,, Здесь не публикуются.

**Ответ на запрос, внесенный 7 мая
1907 года правыми партиями
Государственной думы, об
обнаружении заговора против
Государя Императора, Великого
Князя Николая Николаевича и П.
А. Столыпина**

Печатается по кн.: Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том II. Заседания 31-53 (с 1 мая по 2 июня). СПб, Государственная типография, 1907 (в дальнейшем: Государственная дума, 1907, т. 2), стр. 195-197.

Стр. 83

...только что оглашенный председателем Государственной думы запрос... Тридцать четвертое заседание Государственной думы было открыто 7 мая в 2 часа 20 минут. Еще до начала заседания 33 члена Государственной думы сделали запрос по поводу слухов о раскрытии заговора с целью покушения на жизнь императора. Поскольку ожидалось, что Дума вынесет

порицание заговорщикам, все левые фракции Думы — социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты и трудовики не явились на заседание, так как осуждать революционер-заговорщиков не желали. В заявлении 33 членов Думы, принадлежавших правым партиям, в частности, говорилось: «Ввиду чрезвычайной важности нижеследующего обращения за разъяснением (статья 40 Учр. Гос. Думы), мы просим Государственную думу немедленно обсудить его вне очереди. Мы предлагаем Государственной думе принять нижеследующее обращение за разъяснением к господину министру внутренних дел: 1) Имеют ли фактическое основание слухи, которые проникли в печать, о том, что раскрыт заговор против жизни нашего Государя Императора? 2) Если да, то позволяют ли обстоятельства дела ныне же сообщить Государственной думе подробности этого гнусного заговора?» (Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 2, стр. 193.) С мотивировкой этого запроса выступил граф Бобринский (см. там же, стр. 194-195).

Стр. 84

...попытки эти успеха не имели. После речи П. А. Столыпина Государственная дума единогласно приняла резолюцию, осуждающую заговорщиков. Сразу же после голосования в зал заседаний вошли отсутствовавшие левые фракции (см. там же, стр. 197-199).

Господа члены Государственной думы! Вторая речь П. А. Столыпина была произнесена после сделанного П. А. Столыпину запроса. Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 2, стр. 207-208.

Стр. 85

...судебное ведомство исполнит свой долг и сумеет обнаружить виновных. После выступления П. А. Столыпина и некоторых депутатов Думы слово взял министр юстиции (см. там же, стр. 221-224),

Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 2, стр. 433 445.

Стр. 87

...господа: Караваев, Церетели, Волк-Карачевский...
А. Л. Караваев, кадет, член Государственной думы от Екатеринослава. И. Г. Церетели (1881 1959), социал-демократ, один из лидеров меньшевиков. Депутат Второй Государственной думы. В 1917 г. — министр Временного правительства, с. 1918 г. — министр в правительстве независимой Грузии. С 1921 г. — в эмиграции.

В. В. Волк-Карачевский, член Государственной думы от Черниговской губернии. Народный социалист.

Стр. 96

Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! Эти слова стали знамениты на всю страну. В начале 1908 года П. Б. Струве назвал так одну из своих статей: «Великая Россия (Из размышлений о проблеме

русского могущества)». Это был первый шаг Струве на пути к «Вехам» и главная статья целого цикла работ, вошедшего затем в его сборник «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910)». СПб, 1911. О том, что название «Великая Россия» не было случайностью, Струве написал в статье «На разные темы»: «Да, г. Пешехонов прав: я «не случайно», а совершенно намеренно свой лозунг «Великая Россия» заимствовал не у кого иного, как у П. А. Столыпина...» (Русская мысль, 1909, No 1, стр. 195).

С. Н. Булгаков также обращался к «Великой России» Столыпина.

В статье «Две Цусимы» он писал следующее: «Создается национальное чувствилище, старому просветительскому космополитизму приходит конец... Теперь картина изменилась, патриотизм... входит в моду, потому что становится оппозиционным... [На этой основе] может родиться необходимый национальный подъем, который в патриотическом порыве вернее сметет старую гниль и приведет страну к возрождению... [Иначе] неразрешима проблема «Великой России»» (Слово, 19 марта 1909 г.).

Заявление, сделанное 1 июня 1907 г. в закрытом заседании Государственной думы

Печатается по кн.: Государственная дума, 1907, т. 2, стр. 1481-1482.

...в связи с обыском в квартире члена Государственной думы Озола... И. П. Озол, член Государственной думы от г. Риги. Соци-ал-демократ.

...поставило бы правительство в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве. Вслед за этим прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Камышанский зачитал Государственной думе содержание постановления судебного следователя по важнейшим делам (см. там же, стр. 1482-1513),

Первая речь П. А. Столыпина в Третьей Государственной Думе, произнесенная 16 ноября 1907 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907-1908 гг. Сессия первая. Часть I. Заседания 1-30 (с ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). СПб, Государственная типография, 1908 (в дальнейшем: Государственная дума, 1907-1908), стр. 307-312. Речь была в тот же день зачитана в Государственном совете с измененной первой фразой: «Господа члены Государственного совета!» и с соответствующими изменениями в остальном тексте речи (см. кн.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907-1908 годы. Сессия третья. Заседания 1-44 (1 ноября 1907 г. — 5 июля 1908 г.). СПб, 1908 (в

дальнейшем: Государственный совет, 1907-1908), стр. 85-90).

**Речь П. А. Столыпина,
произнесенная в
Государственной думе 16 ноября
1907 года в ответ на выступление
члена Государственной думы В.
Маклакова**

Печатается по кн.: Государственная дума, 1907-1908, стр. 348-354. Речь Маклакова см. там же, стр. 343-348.

Стр. 104

...политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым... Н. С. Розанов, член Государственной думы от Саратовской губернии. См. его речь там же, стр. 329-337. Вероятно, Столыпин умышленно исказил смысл сказанного Розановым. Последний, сочувственно относясь к революционному террору, был крайне возмущен тем, что П. А. Столыпин понял его слова таким образом и выступил с «опровержением». Он сказал: «Господин председатель Совета министров хотя сидел от меня в двух шагах, но почему-то неправильно привел мои слова относительно убийств. (Шум.) Я говорил об обычных хулиганских, разбойничьих убийствах и в своей речи даже оговорился, что говорю не о политических убийствах. Депутат гр. В. А. Бобринский, сидевший рядом с гр. Уваровым, сказал

при этом «ага» (смех), он может это и подтвердить. (Шум.) И депутаты, и стенограммы подтвердят, что все мои слова относились исключительно к хулиганским, разбойничьим убийствам, а не к убийствам политическим» (там же, стр. 354, 355, 356),

Приложение 3

Сообщение корреспондента «Нового времени» о заседании Государственной думы 17 ноября 1907 года

Стр. 109

...г. Милюков, говоривший первым, хотя и старался «насолить» правительству и правым... Речь Милюкова см. в кн.: Государственная дума, 1907-1908, стр. 357-370.

...кавказец Сагателян... Н. Я. Сагателян, депутат от Бакинской, Елисаветпольской и Эриваньской губерний. Трудовик (даш-накцутюн). Во Второй думе — эсер. Речь Сагателяна см. там же, стр. 370-374.

...Рамишвили, Джапаридзе... И. И. Рамишвили, депутат Первой думы, социал-демократ. А. Л. Джапаридзе, депутат Второй думы, социал-демократ.

...неугомонный г. Пуришкевич... В. М. Пуришкевич, депутат от Бессарабской губернии, фракция правых. См. его речь там же, стр. 374-389.

Стр. НО

Когда г. Родичев, вспоминая выражение Пуришкевича о «му-равьевском воротнике», сказал... Родичев сказал дословно следующее: «...В то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами

революции, только одно средство видели, один палладий в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстуком... (оглушительный и продолжительный шум; возгласы: довольно, довольно, долой, вон; звонок председателя. Председатель покидает свое место на основании параграфа 118 наказа)» (см. там же, стр. 396). Параграф 118 наказа Государственной думы гласил: «Если в собрании возникает общий шум или беспорядок, препятствующий ходу заседания, и убеждения председателя, направленные к восстановлению порядка, оказываются безуспешными, то председатель покидает свое место, через что заседание почитается прерванным на час времени. Если по возобновлении заседания шум или беспорядок будут продолжаться, то председатель объявляет заседание закрытым».

Не расстались со своим Выборгом! Имеется в виду так называемое Выборгское воззвание — «Народу от народных представителей» — обращение группы левых депутатов Первой Государственной думы (примерно 120 кадетов и 80 трудовиков и социал-демократов), принятое в Выборге 10 июля 1906 года в ответ на роспуск Думы. Проект воззвания был написан П. Н. Милюковым. Окончательный текст был утвержден комиссией из шести человек в составе М. М. Винавера и Ф. Ф. Кокошкина (от кадетов), И. В. Жилкипа и С. П. Бондарева (от трудовиков), Н. Н. Жордания и С. Д. Джапаридзе (от социал-демократов). Воззвание призывало население отказаться платить налоги и не исполнять воинской повинности. Русским правительством против подписавшихся было возбуждено уголовное преследование. 12-18 декабря 1907 г. Особое

присутствие Петербургской судебной палаты приговорило 167 обвиняемых к трем месяцам тюрьмы каждого, что означало лишение их избирательных прав при выборах во Вторую думу.

Н. А. Хомяков начал было звонить... Н. А. Хомяков, председатель Государственной думы, бывший член Государственного совета, октябрист.

...кадет г. Покровский... И. К. Покровский, депутат от Оренбургской губернии.

Стр. 111

...Шульгин старается увести не в меру разгорячившегося депутата. В. В. Шульгин (1878-1976), русский политический деятель. Один из лидеров правого крыла Второй, Третьей и Четвертой Государственных дум. После большевистского переворота эмигрировал за границу. В 1944 г. вернулся в СССР, был арестован и освобожден только в 1956.

Стр. 112

В комнату председателя Думы Н. А. Хомякова явилось двое министров, г. Харитонов и г. Кауфман... П. А. Харитонов, государственный контролер. П. М. Кауфман, министр народного просвещения.

...саратовского депутата Н. Н. Львова. Н. Н. Львов, член группы Мирного обновления. Был также и депутатом Первой думы.

... объяснение было окончено. В стенограмме Государственной думы было записано следующее:

Председатель. ...Я предлагаю, ввиду того, что он [Родичев] был виновником всего того, что случилось, ввиду того, что он позволил себе оскорбить главу

правительства Его Императорского Величества в стенах этого почтенного собрания, — я предлагаю применить к нему высшую меру взыскания, т. е. удалить его из собрания на 15 заседаний. По наказу член Государственной думы Родичев имеет право дать свои объяснения...

Родичев (г. С.-Петербург). Я беру свои слова назад. Я не имел намерения оскорбить ни Государственную думу, ни депутата Пуришкевича, ни, тем более, председателя Совета министром. Я принес свое личное извинение председателю Совета министров...

Председатель. ...Большинством принято предложение об устранении члена Государственной думы Родичева на 15 заседаний.

Крупенский (Бессарабская губ.). По предложению многих членов Государственной думы прошу выразить чувства глубокого уважения главе русского правительства и негодования к оскорбительным выражениям, произнесенным членом Государственной думы Родичевым, и поддержать эти чувства аплодисментами. (Все члены Государственной думы встают; продолжительные, оглушительные рукоплескания справа, центра и отчасти слева.) (Государственная дума, 1907-1908, стр. 397-398.)

Сообщение: «С.-Петербургского телеграфного агентства» о речи П. Л. Столыпина, произнесенной им 3 марта 1908 г.

в вечернем заседании Комиссии по государственной обороне

Опубл. в кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, стр. 133-137.

Речь по случаю 50-летия Земского отдела Министерства внутренних дел, 4 марта 1908 г.

Опубл. в кн.; Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, стр. 129-132.

Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Часть II. Заседания 31-60 (с 21 февраля по 6 мая 1908 г.). СПб, Государственная типография, 1908 (в

дальнейшем: Государственная дума, 1908), стр. 1404-1416.

Стр. 123

Тут упоминалось об исследованиях ...Семенова. П. С. Семенов (с 1906 г. — Семенов-Тянь-Шанский, 1827-1914), русский географ, статистик.

Стр. 124

О стратегических соображениях вам тут говорил помощник военного министра... Речь помощника военного министра Поливанова см. там же, стр. 926-928.

Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1908, стр. 2919-2941.

Для разработки и планирования всех законов и мероприятий, касающихся Финляндии, при Совете министров на основании все-подданнейшего доклада Столыпина, утвержденного Николаем Вторым 18 октября 1907 г., было образовано Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского. Председателем Совещания был назначен Столыпин; членами: государственный контролер П. А. Харитонов, члены Государственного совета В. Ф. Дейт-рих и проф. Н. Д. Сергиевский, сенатор Н. П. Гарин, генерал-лейтенант М. М. Бородин. В 1908 году в состав Совещания были также

введены В. Н. Коковцов, И. Г. Щегловжтов и (по должности) финляндский генерал-губернатор — сначала генерал В. А. Бекман, а затем сменивший его генерал Ф. А. Зейн. Во главе Совещания по должности стоял председатель Совета министров; сначала Столыпин; после его убийства -Коковцев; после отставки последнего — И. А. Горемыкин, при котором в состав Совещания вошли также министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал Н. Е. Марков, помощник финляндского генерал-губернатора А. И. Липский и председатель комиссии для систематизации финляндских законов Н. Н. Корево. Деятельность Особого совещания, существовавшего вплоть до февральской революции, была очень активной, о чем свидетельствует тот факт, что две описи фонда Совета министров целиком посвящены финляндским делам и все законопроекты и мероприятия, касающиеся Финляндии и проектировавшиеся между 1907 и 1917 годами, возникали и разрабатывались в Особом совещании (см. А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума. Изд. Наука, Москва, 1968, стр. 46).

Стр. 131

...в основе поданного в Государственную думу запроса. По поводу Финляндии в Государственную думу было внесено три запроса: запрос No 6 (внесенный октябристами), запрос No 7 (от националистов), запрос No 9 (от правых). Запрос октябристов указывал на неисполнение генерал-губернатором и министром статс-секретарем Финляндии указа от 19 октября 1905 года по поводу порядка представления всеподданнейших докладов, согласно которому все доклады, имеющие общеимперское значение, сообщались предварительно председателю Совета министров. Запрос националистов

требовал объяснений по поводу мер, принимаемых правительством против деятельности революционеров в Финляндии, перечислял ряд политических убийств и экспроприации, подготовленных в Финляндии. Запрос правых касался деятельности финской «Красной гвардии» и общества «Войма». Комиссия по запросам приняла все три запроса и заявила, что приведенные в них факты не вызывают сомнений. Обсуждение запросов и было открыто выступлением Столыпина, который в дан-ном случае выступил до принятия запросов, поднявшись на дум-скую трибуну сразу же после докладчика комиссии по запросам октябриста Я. Г. Гололобова.

Стр. 132

...у окрестных жителей отбирают до 1300 винтовок, а водолазы находят ящики с множеством винтовок и огнестрельного оружия. Вот что пишет об этом инциденте А. И. Спиридович в книге «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники» Петроград, 1916, стр. 193): «Осенью же 1905 года Центральный комитет организовал отправку в Россию парохода «Джон Крафгон [Графтон]» с большим транспортом оружия и взрывчатых припасов. 26 августа пароход этот сел на мель к северу от Якобштадта в шхерах Ларсмо, после чего оружие частью было закопано па островах, с остатком же груза пароход был взорван. Произведенными после взрыва, в половине сентября, поисками, как на 19-ти островах, так и на затопленном пароходе было обнаружено и извлечено из воды: швейцарских винтовок «Веттфлей» 9670, штыков к ним 4000, револьверов «Веблей» 720, патронов для винтовок 400.000, для револьверов 122.000, взрывчатого

желатину 190 пудов, детонаторов 2000 и бикфордовых шнуров 13 фунтов».

Стр. 133

...взрыв 12 августа 1906 г. ... Покушение на П. А. Столыпина — взрыв на Аптекарском острове.

...ограбление в Фонарном переулке... Ограбление в Фонарном переулке было произведено в 12-м часу дня 14 октября 1906 г. Похищено было около 400 тысяч рублей Петербургской портовой таможни. Грабили максималисты. Удивительнее всего было то, что полиция была осведомлена о планируемом ограблении и готовилась задержать экспроприаторов с поличным на месте преступления. Террористы, однако, действовали настолько стремительно, что полиция растерялась и деньги удалось украсть. Несколько человек при этом было убито, несколько — арестовано. Семеро максималистов были приговорены военно-полевым судом к смертной казни.

...покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова... Ф. В. Дубасов (1845-1912), адмирал. В 1897-1899 гг. — командующий Тихоокеанской эскадрой. В 1905-1906 годах — московский генерал-губернатор. Покушение на Дубасова было совершено 23 апреля 1906 г. При возвращении Дубасова домой из Успенского собора, террорист, одетый в форму лейтенанта флота, бросил в Дубасова бомбу. Сам Дубасов получил лишь легкие ранения. Взрывом, однако, был убит его адъютант граф Коновницын. Был также тяжело ранен кучер. Второе покушение на Дубасова было совершено в 1907 г.

...убийство генерала Мина... Командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Мин был убит в Петергофе 13 августа 1906 г., когда он вместе с женой и

дочерью собирался уехать в Петербург. Террористка-эсерка произвела из браунинга четыре выстрела в спину генерала. По задержании у террористки была отобрана бомба. Позже было установлено, что ее фамилия -Ко-ноплянникова.

...генерала фон дер Лауница... Владимир фон дер Лауниц, окончил Пажеский корпус, потомок старинного прибалтийского дворянского рода. Был тамбовским губернатором в месяцы крестьянских беспорядков. Беспорядки подавил. Вместе с двумя своими помощниками был приговорен эсеровским комитетом к смерти. Помощников убили. Затем бывший семинарист террорист Кудрявцев (по кличке «Адмирал») пришел под видом священника на аудиенцию к тамбовскому губернатору, чтобы убить Лауница. Но принял Кудрявцева другой чиновник, так как Лауниц в том же 1905 г. получил назначение на должность петербургского градоначальника и уехал в столицу. Туда же в конце года прибыл Кудрявцев, вступивший в Петербурге в Боевую организацию партии социалистов-революционеров. 20 декабря 1906 г. полиция получила сведения о том, что террористическая группа Зильбербер-га, скрывавшаяся в Финляндии, планирует в ближайшие дни проведение двух террористических актов: против П. А. Столыпина и против фон дер Лауница. Столыпина в тот день удалось уговорить не появляться в общественных местах в течение какого-то времени. Но Лауниц категорически отказался «скрываться» и 21 декабря отправился на давно планируемое торжественное освящение нового медицинского института. Когда, уже в здании института, он спускался по лестнице, молодой человек во фраке подошел к нему сзади и выстрелил три раза в затылок, после чего застрелился. Позднее было установлено, что

стрелявший был Евгений Кудрявцев. Следствие также подтвердило, что с Кудрявцевым в институте находился его единомышленник, террорист из группы Зильберберга, уполномоченный эсерами убить П. А. Столыпина. Но Столыпин в институт не приехал, террорист удалился ни с чем, еще до убийства Лауница.

...главного военного прокурора Павлова... Главный военный прокурор генерал Павлов был убит членом террористического «отряда Карла» террористом Егоровым внутри здания военно-судебного управления. Покушение удалось благодаря тому, что по крайней мере двое военных писарей управления вступили в преступный контакт с террористами и не только сообщили террористам все необходимые подробности о внутренних распорядках в здании и об образе жизни самого Павлова, но и дали условный сигнал в момент выхода Павлова на прогулку во внутренний дворик здания, куда и вошел переодетый вестовым террорист, бывший матрос Егоров. Несколькими выстрелами из револьвера Павлов был убит.

...полковника Иванова... Начальник Петербургской тюрьмы Иванов был убит 13 августа 1907 г. членом террористической «группы Карла».

...Гудима... Гудима был убит террористами «группы Карла» 17 января 1907 г.

...Вородулина... Вородулин был убит в Пскове террористом из «отряда Карла» 28 августа 1907 г.

Стр. 134

...начальника Главного тюремного управления Максимовского... Начальник Главного тюремного

управления Максимовский был убит 15 октября 1907 г. террористкой Рогозинниковой.

...покушение на Великого князя Николая Николаевича... Николай Николаевич, великий князь, «младший». Двоюродный брат Александра Третьего. В русской армии занимал различные командные должности. С октября 1905 г. командовал Петербургским военным округом. До 1908 г. был председателем Совета государственной обороны. С начала первой мировой войны до августа 1915 г. — Верховный главнокомандующий. Затем, вплоть до февральской революции, главнокомандующий Кавказским фронтом. Эмигрировал.

...своевременный арест знаменитого Карла... Альберт Трауберг, латыш, письмоводитель судебного следователя. Участвовал в вооруженном восстании 1905 г., с лета 1906 г. — руководитель террористического отряда. Полиции и террористам известен был под кличкой Карл. Организовал убийства Павлова, Мина, покушение на Дубасова, закончившееся ранением последнего, убийство Гудима, разработал план покушения на императора и великого князя посредством взрыва императорского поезда. 19 июля 1907 г. неудачно организовал покушение на военного министра Редигера. Планировал убить петроградского градоначальника генерала Драгачевского. 18 октября 1907 г. во время похорон убитого за три дня до этого террористами Максимовского пытался (неудачно) организовать покушение на министра юстиции Щегловитого. Вел также подготовку убийства командующего войсками Московского военного округа генерала Гершельмана. Планировал взорвать еще и весь Государственный совет. Арестован в Финляндии 5 декабря 1907 г. русской

полицией в ходе беспрецедентной операции, проведенной в нарушение существовавших правил о действиях русской полиции в Финляндии, для чего было получено особое разрешение П. А. Столыпина.

Стр. 149

Я уверен, господа, что вы отвергнете запрос... Речь Столыпина была поддержана октябристами, националистами и умеренными правыми. Однако крайне правые отказались снять свой запрос на том основании, что правительство действует недостаточно решительно и последовательно. Дейтрих считал, что запрос не остался без последствий: «Результатом запросов было: перемена личного состава высшей финляндской администрации, издание правил 20 мая 1908 г., в силу которых все финляндское управление, до того фактически совершенно независимое от имперских министров, ставилось под контроль Совета министров и, наконец, закон 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве» (Окраины России, 1911, No 33-34, стр. 458). О Финляндия см. ниже, стр. 249-270 и прим. к этим страницам.

Речь о морской обороне, произнесенная в Государственной думе 24 мая 1908 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Часть III. Заседания 61-98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). СПб, Государственная типография, 1908, стр. 1397-1408.

Стр. 153

...только что говорил член Государственной думы Гучков... Речь Гучкова см. там же, стр. 1392-1396.

Стр. 154

...член Государственной думы Марков... Речь Маркова см. там же, стр. 1344-1358.

Стр. 156

...Львов говорил... Речь Львова см. там же, стр. 1262-1269.

Стр. 157

...Бабянский доказывал вчера... Речь А. Ф. Бабянского, кадета, депутата от Пермской губернии, см. там же., стр. 1269-1276.

Стр. 158

...как указывал член Государственной думы Капустин... Речь Капустина см. там же, стр. 1366-1377.

Стр. 159

...чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич... Речь Пуришкевича см. там же, стр. 1385-1392.

Речь о постройке Амурской железной дороги, произнесенная в Государственном совете 31 мая 1908 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1907-1908, стр. 1521-1530.

Стр. 163

Указание члена Государственного совета Стаховича... Речь М. А. Стаховича, действительного статского советника, см. там же, стр. 1504-1514, 1521. М. А. Стахович — русский политический деятель. Примыкал к либеральному славянофильству. В 1905 г. один из организаторов Союза 17 октября. Депутат Первой Государственной думы, один из лучших ее ораторов и один из редких представителей правого сектора. Выступал против требования амнистировать террористов и за осуждение Думой революционного террора. Выступал против идеи парламентаризма, за министерство, ответственное только перед государем. 14 июля 1906 г. вместе с гр. Гейденом и Н. Н. Львовым основал думскую фракцию Мирного обновления. В ноябре 1906 г. вышел из Союза 17 октября. Был выбран депутатом и во Вторую думу.

Речь о задачах Морского министерства, произнесенная в Государственном совете 13 июня 1908 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1907-1908, стр. 1701-1709.

**Речь о земельном законопроекте
и землеустройстве крестьян,
произнесенная в
Государственной думе 5 декабря
1908 года**

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. Часть I. Заседания 1-35 (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.). СПб, Государственная типография, 1908, стр. 2279-2284.

Стр. 178

...предыдущий оратор, гр. Бобринский... Речь Бобринского см. там же, стр. 2258-2275.

**Две речи о продлении действия
временных учреждений штатов
Министерства путей сообщения,
произнесенные в
Государственном совете 30
декабря 1908 года**

Печатается по кн.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908-1909 годы. Сессия четвертая. Заседания 1-44 (15 октября г. — 12 июня 1909 г.). СПб, Государственная типография, (в дальнейшем:

Государственный совет, 1908-1909), стр. 409 412; 450-454.

Стр. 183

...Государственный совет может остаться под впечатлением только что выслушанных соображений. П. А. Столыпин имел в виду речь графа С. Ю. Витте, произнесенную перед речью П. А. Столыпина см. там же, стр. 428-449.

Стр. 186

...предложение М. М. Ковалевского о том, что должен быть принят думский законопроект... М. М. Ковалевский (1851-1916), русский историк, юрист, социолог, академик Петербургской академии наук (1914), профессор С.-Петербургского университета. Его речь см. там же, стр. 434-439.

**Речь о деле Азефа,
произнесенная в
Государственной думе 11
февраля 1909 года в ответ на
запросы No 51 и 52**

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть II. Заседания 36-70 (с 20 января по 5 марта 1909 г.). СПб, Государственная типография, 1909, стр. 1418-1438.

Стр. 188

...дело об Азефе... Е. Ф. Азеф (1869-1918), тайный сотрудник департамента полиции с 1892 г. Сумел проникнуть в боевую организацию эсеров и своевременно разоблачить ряд планируемых террористами преступлений. В 1908 г. был выдан бывшим директором департамента полиции Лопухиным революционеру В. Бурцеву. Последний поспешил сообщить об Азефе террористам. Инкогнито Азефа было раскрыто, и он был вынужден скрыться.

Стр. 190

...о провоцировании кем-либо таких лиц, как Гершуни, Гоц, Савинков, Каляев, Швейцер... Г. А. Гершуни (1870-1908), террорист, глава боевой организации эсеров. А. Р. Гоц (1882-1937 или 1940), эсер, с 1906 г. член боевой организации. В 1907-17 годах — на каторге и в ссылке. В 1917 г. — председатель ВЦИК первого созыва. По одним сведениям, расстрелян в июле 1937 г. По другим — погиб в 1940 г. Б. В. Савинков (1879-1925), с 1903 г. эсер, террорист, руководитель ряда террористических актов. Во Временном правительстве 1917 г. — товарищ военного министра. После большевистского переворота в России и за границей занимался антисоветской деятельностью, направленной на свержение большевистского правительства. В 1924 г. был обманом завлечен в СССР (операция «Трест»), арестован, приговорен к тюремному заключению. По официальной советской версии — покончил самоубийством. По неофициальной и более правдоподобной — был выброшен ГПУ в пролет тюремной лестницы. И. П. Каляев (1877-1905), террорист, с 1898 г. член петербургского «Союза борьбы». С 1903 г. — эсер, член боевой организации. 4 февраля 1905 г. убил великого князя Сергея

Александровича, московского генерал-губернатора, и был повешен. Макс Швейцер, террорист, эсер, член боевой организации. 11 марта 1905 г. был убит взрывом бомбы, случайно разорвавшейся в его руках. Взрыв произошел в 27-й комнате гостиницы «Бристоль», где террорист поселился под именем «англичанина Мак-Келлога». 14 марта (в годовщину убийства Александра II) Швейцер должен был организовать серию террористических актов. Террористы намеревались произвести взрывы бомб во время разъезда официальных лиц из церкви при Петропавловской крепости, где должна была состояться панихида по Александру II, Предполагалось убить прежде всего главнокомандующего Петербургским военным округом великого князя Владимира, генерал-губернатора Трепова, министра внутренних дел Булыгина и товарища министра внутренних дел Дурново. 29-30 марта вся группа террористов — 20 человек — была выслежена и арестована. Пресса писала тогда о «Мукдене русской революции».

...по совету члена Государственной думы Покровского... И. П. Покровский (2-й), социал-демократический депутат Думы. Его речь см. там же, стр. 1368-1386.

Стр. 191

...с руководителем этой организации Аргуновым... А. Аргунов (1862-1944), революционер. Один из основателей и руководителей «Общества переводчиков и издателей» в Москве, революционной пропагандистской организации.

...знакомство с... Виктором Черновым... В. М. Чернов (1873-1952), один из основателей партии эсеров. В 1917

г. — министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. После большевистского переворота — в эмиграции.

Стр. 192

...упоминавшийся тут Татаров... Николай Татаров, сын протоиерея Варшавского кафедрального собора. В 28 лет был выслан в Сибирь за организацию нелегальной революционной типографии. Через посредство генерал-губернатора Западной Сибири графа Кутаисова Рачковский предложил Татарову стать тайным сотрудником полиции (за деньги). Татаров согласился. Он прибыл из ссылки в Петербург и был принят в круг эсеров. В боевую организацию не проник, но все-таки смог узнать кое-какие имена террористов, находившихся в это время в Петербурге. В частности, благодаря Татарову было предотвращено покушение на жизнь Николая II, подготовлявшееся Татьяной Леонтьевой. О сотрудничестве Татарова с полицией, однако, революционерам было сообщено анонимным письмом, вышедшим из полицейских кругов. Над Татаровым был организован эсеровский суд, во время которого Татаров запутался в показаниях, но в сотрудничестве с полицией не сознался. В надежде скрыться от террористов, Татаров уехал к своему отцу в Варшаву, где 4 апреля 1906 г. был убит эсером-террористом на глазах у родителей (при этом двумя пулями была ранена мать Татарова).

...назначен был директором департамента Лопухин... А. А. Лопухин (1864-1928), прокурор харьковской судебной палаты, затем — директор департамента полиции (до 1905 г.). История выдачи Лопухиным революционерам Азефа, видимо, такова. В

1908 г. в Париже получил сообщение о том, что дочь его похищена в Лондоне. Лопухин поспешил в Лондон. По дороге к нему в купе подсел известный революционер и бывший террорист В. Бурцев и предложил в обмен на освобождение дочери выдать полицейского агента, который, как точно знали террористы, находился где-то в верхах партии. Лопухин назвал имя Азефа (и на следующий день дочь Лопухина пришла в гостиницу целая и невредимая). Суд, разбиравший преступление Лопухина, признал его виновным и приговорил к каторжным работам, замененным, однако, ссылкой в Сибирь. Правда, уже в 1913 г., пробыв в ссылке всего 4 года, Лопухин был амнистирован (в тот год праздновалось 300-летие дома Романовых). В 1928 г. Лопухин умер в СССР.

...только что тут упоминавшемся Рачковскому... П. И. Рачковский (1853-1911), с 1885 по 1902 г. — заведующий заграничной агентурой департамента полиции в Париже и Женеве. В 1902 г. вышел в отставку. В 1905-1906 годах — возглавил политический отдел департамента полиции.

...генерал Трепов... Д. Ф. Тренов (1855-1906), участник Турецкой войны. В 1896-1905 годах — московский обер-полицмейстер. В январе 1905 г. назначен петербургским генерал-губернатором и начальником петербургского гарнизона. В следующем году умер от разрыва сердца.

Стр. 193

...член Государственной думы Пергамент нашел какое-то противоречие... Речь О. Я. Пергамент, кадета, депутата от Одессы, члена Второй и Третьей дум, см. там же, стр. 1406-1418.

...во время убийства егермейстера Сипягина... Д. С. Сипягин, министр внутренних дел с октября 1900 до апреля 1902 г. 2 апреля 1902 г. убит террористом Балмашевым, направленным Гершуни, двумя выстрелами из револьвера.

...во время неудачного посягательства на обер-прокурора Победоносцева... К. П. Победоносцев (1827-1907), профессор-юрист, богослов. При Александре III один из влиятельнейших политических деятелей. Консерватор. Один из воспитателей Николая II. Обер-прокурор Святейшего Синода при Александре III и Николае II. Покушение на Победоносцева готовили Гершуни и его группа. Предполагалось, что в день похорон Сипягина террорист Григорьев подойдет к Победоносцеву и убьет его. Одновременно террористка Юрковская должна была произвести покушение на градоначальника генерала Клейгельса. Но 5 декабря, в день похорон, Григорьев и Юрковская так и не решились совершить покушение.

...во время убийства губернатора Богдановича... Генерал Богданович, уфимский губернатор, был убит 6 мая 1903 г. в Уфе, в общественном саду, двумя членами «Боевой организации» Гершуни. Убийцы скрылись.

...во время покушения Фомы Качура на князя Оболенского... Фома Качура, столяр из Киева, вечером 29 июля 1902 г. вместе с Гершуни явились в Харькове в сад «Тиволи», где Качура стрелял из браунинга в вышедшего из театра губернатора князя Оболенского, но промахнулся и только ранил стоявшего рядом полицмейстера. Качура был задержан и назвал себя членом боевой организации эсеров. (Гершуни, разумеется, убежал.)

...во время убийства статс-секретаря Плеве и великого князя Сергея Александровича... В. К. Плеве (1846-1904), директор департамента полиции в 1881-1884 годах. Затем, до 1893 г., товарищ министра внутренних дел. После убийства Сипягина занял пост министра. В 1904 г. счастливо пережил четыре покушения. Но все-таки был убит террористом Б. Сазоновым. Сергей Александрович, великий князь (1857-1905), родной брат Александра III. До 1905 г. был московским генерал-губернатором и командующим Московским военным округом. Убит террористом Каляевым 4 февраля 1905 г.

...во время метания бомб в Севастополе на Соборной площади в генерала Неплюева... 14 мая 1906 г. в Севастополе во время военного парада местного гарнизона, около Владимирского собора, было совершено покушение на командующего гарнизоном генерала Неплюева. Среди публики у места прохождения парада находились шесть террористов: Савинков, Калашников, Макаров, Назаров, Двойников и Фролов. По сигналу Калашникова Макаров бросил бомбу, которая, однако, не взорвалась. Фролов хотел бросить вторую бомбу, но случайно уронил ее себе под ноги. От взрыва погибли шесть человек из публики, городской и сам Фролов. 37 человек было ранено. Террористы бросились бежать, но Макаров, Двойников и Назаров были арестованы тут же, на площади. Савинков был арестован по приходе в гостиницу, где во время обыска у него было найдено 1000 рублей, финские деньги и три фальшивых паспорта. Калашников успел скрыться и был арестован только 20 мая, в Петрограде, на вокзале. Все арестованные назвались вымышленными именами. Для освобождения Савинкова в Севастополь приехал террорист

Зильберберг. 16 июля, когда разводящим в карауле арестованного Савинкова был вольноопределяющийся пехотного полка Сулятицкий, сотрудничавший с террористами, Савинков был переодет в солдатское платье и выведен на свободу. Вместе с Зильбербергом и главарем местной боевой дружины бывшим лейтенантом Никитенко они поспешили к ожидавшему их парусному судну и отплыли в Румынию.

Стр. 194

...покушение на того же статс-секретаря Плеве со стороны некой Клитчоглу.. Группа Серафимы Клитчоглу была арестована в январе 1904 г., когда террористы готовили покушение на Плеве. При обыске полиция обнаружила планы путей следования министра из его дома в Зимний дворец и другие вещественные доказательства преступной деятельности.

Стр. 195

...имел там свидание с братом Сазонова... Е. С. Сазонов (Со-зонов) (1879-1910), эсер, с 1903 г. — член боевой организации. 15 июля 1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве. Приговорен к каторге. Покончил самоубийством.

...некто Покатилов... Алексей Покатилов под руководством Савинкова пытался в марте 1904 г. убить Плеве. Еще 25 марта Покатилов со своим напарником под видом торговцев с лотками вышли с бомбами на предполагаемый путь проезда министра, но Плеве не встретили. Следующее покушение предполагалось произвести 1 апреля. Но покушение не состоялось: 31 марта Покатилов погиб от случайного взрыва бомбы в своем номере в гостинице «Северной».

...от конституционалистов — Петр Струве, Богучарский, кн. Долгоруков и Павел Милюков. П. Б. Струве (1870-1944), один из лидеров кадетов, теоретик легального марксизма, редактор журнала «Освобождение». В. Я. Богучарский (Б. Базилевский, В. Я. Яковлев, 1861-1915), историк, издатель и редактор журнала «Былое», кадет. П. Д. Долгоруков (1866-1927), князь, крупный помещик, один из основателей «Союза освобождения» и партии кадетов. После революции казнен по приговору советского суда за контрреволюционную деятельность.

...участвовала в нем еще Роза Бриллиант... Дора Владимировна (Вульфова) Бриллиант (по мужу Чиркова), (1880?-1907). Родилась в еврейской купеческой семье, в Херсоне. Получила образование в херсонской гимназии, затем на акушерских курсах при Юрьевском университете. В эсеровской партии с 1902 г. Своим фанатизмом и желанием самолично убить поразила даже Савинкова. Принимала участие в убийстве Плеве. Арестована, посажена в Петропавловскую крепость. Не выдержала там даже короткого срока, заболела психически и умерла в октябре 1907 г.

...для убийства генерал-адъютанта Клейгельса. За Клейгельсом Савинков охотился в 1905 г., долго и для террористов неудачно. Террористы Шпайзман и Школьник выслеживали генерала у губернаторского дома, пытались организовать покушение при посещении Клейгельсом собора или театра. Надеялись убить генерала 15 или 30 июля, но в последний момент отказались от покушения, так как решили убивать Плеве. В 1906 г. Маня Школьник и Арон Шпайзман совершили

покушение на жизнь черниговского губернатора Хвостова. Бомба, брошенная Шпайзманом, не взорвалась. Бомба Школьник губернатора ранила. Оба террориста были задержаны. Шпайзман приговорен к смертной казни, Школьник — к двадцати годам каторги.

Стр. 197

...покушение на министра внутренних дел Дурново...
П. Н. Дурново (1845-1915), русский государственный деятель. В 1884-1893 годах — директор департамента полиции. В 1905-1906 годах — министр внутренних дел. Выслеживали террористы Дурново тщательно и долго, все неудачно. Тогда Гоц предложил два варианта: либо взорвать поезд, на котором министр едет к царю; либо совершить вооруженное нападение на дом, в котором живет министр. Но не хватало динамита, и не был известен в деталях план дома Дурново. Предложение Гоца было отклонено.

...убийство гр. Игнатьева... Генерал-адъютант Игнатьев был убит 9 декабря 1906 г. в Твери, по окончании занятий в губернском земском собрании.

Стр. 199

...его рассказ про Щигельского... В опубликованных «Записках» Бакай, в частности, рассказывал о «провокационной деятельности» агента охранного отделения Щигельского. Щигельский, дескать, предложил революционерам-террористам воспользоваться своим сараем в качестве лаборатории для изготовления бомб. Вслед за этим в сарай нагрянула полиция и арестовала революционеров. (Арестованы были Калловский, Шушенэк, Зелинский и Курек.) Бакай называл осведомительство Щигельского «провокацией» на том основании, что арестованные, дескать, без

убеждений Щигельского бомб бы изготавливать не стали за неимением для того подходящего помещения.

Стр. 201

...покушение на генерал-адъютанта Скалона...
Генерал-губернатор Варшавы.

Второй обвинитель — Бурцев. В. Л. Бурцев (1862-1942), революционер, до 1905 г. — террорист. За террористическую пропаганду осуждался в Англии, высылался из Швейцарии и Франции. Примыкал к эсерам, но формально в их партию не входил. Известен разоблачениями среди террористов сотрудников полиции, прежде всего — раскрытием осведомительства Азефа. После па-чала первой мировой войны резко поменял курс, выступил за оборону России от германского нашествия. В 1915 г. добровольно сдался русским властям на границе, был судим, сослан, затем амнистирован. После большевистского переворота эмигрировал. Посвятил много времени и сил обвинениям большевиков в шпионаже в пользу Германии и в предательстве России. Написал несколько книг. Умер в эмиграции.

Приложение 4

Письма П. А. Столыпина С. Ю. Витте. Печатается по кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, с. 100.

Стр. 207

Из прилагаемой справки... Не публикуется.

П. Столыпин. Приписка С. Ю. Витте: «Была напечатана самая пасквильная статья об моей жене... Я послал ее премьеру, и вот его ответ. Одновременно газеты ежедневно штрафуются, иногда без всякого повода. Попробуй газета сказать... о двоюродной племяннице г-на Столыпина, сейчас получила бы возмездие». (Бахметьевский архив Колумбийского университета, коллекция Витте, письмо П. А. Столыпина С. Ю. Витте от 11 февраля 1909 г.)

...меры к ознакомлению читающей публики с существом дела Дуранте... К. А. Дуранте, крымский помещик. См. о нем в кн.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, Москва, 1960, стр. 237, 242-244.

Речь по поводу закона о выборах членов Государственного совета от девяти западных губерний, произнесенная 8 мая 1909 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1908-1909, стр. 1941-1942.

Стр. 208

По только что выслушанному вами докладу... Имеется в виду доклад Д. И. Пихно (1853-1913), русского экономиста, занимавшегося проблемами денежного обращения, действительного статского советника (см. там же, стр. 1933-1941).

...основная мысль предложения 33 членов Государственного совета... См. там же, стр. 1932-1933.

**Речь о вероисповедных
законопроектах и о взгляде
правительства на свободу
вероисповедания, произнесенная
в Государственной думе 22 мая
1906 года**

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть IV. Заседания 101-126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). СПб, Государственная типография, 1909 (в дальнейшем: Государственная дума, 1909), стр. 1753-1764. Ни один из этих законопроектов не стал законом, так как Государственный совет отказался утвердить их.

Речь о порядке выборов членов Государственного совета от деяти западных губерний, произнесенная в Государственной думе 30 мая 1909 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1909, стр. 2750-2757; 2761-2762.

Стр. 225

...и, если эти требования обоснованы, поддерживать их всюю силою правительственного авторитета. (Рукоплескания справа и в центре.) После этих слов П. А. Столыпина слово взял октябрист Н. Н. Антонов, депутат от Харьковской губернии. Его речь см. там же, стр. 2757-2761.

Приложение 5

Письмо А.А.Столыпина С. Ю. Витте. Печатается по кн.: Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, стр. 150.

Стр. 227

...об интервью Шванебаха.. П. К. Шванебах, в 1903-1905 годах — товарищ министра земледелия. В 1905 г. — главноуправляющий земледелием и землеустройством. В 1906 г. — государственный контролер. Член Государственного совета. См. о нем в

кн.: С. Ю. Витте. Воспоминания. Москва, 1960, т. 2, стр. 542, 548, 552; т. 3.

Речь по вопросу об увеличении содержания чинам губернских управлений и канцелярий губернаторов, произнесенная в Государственной думе 11 декабря 1909 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Часть I. Заседания 1-32 (с 10 октября по 18 февраля 1909 г.). СПб, Государственная типография, 1910, стр. 3406-3410.

Стр. 228

...по предложению члена Государственной думы Томашевича. К. Ф. Томашевич, депутат от Могилевской губернии. Примыкал к национальной группе. См. его речь от 1 мая 1908 г. там же, стр. 2581-2584.

Речь, касающаяся законопроекта о взимании дорожных сборов в пользу городов, произнесенная в Государственном совете 20 февраля 1910 года

Печатается по кн.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909-10 годы. Сессия пятая. Заседания 1-64 (10 октября 1909 г. — 17 июня 1910 г.). СПб, Государственная типография, 1910 (в дальнейшем: Государственный совет, 1909-10), стр. 832-841.

Стр. 232

...сказал в своей речи Н. Э. Шмеман. Н. Э. Шмеман, тайный советник. См. его речь там же, стр. 823-832.

Дополнение, сделанное в связи с речью члена Государственного совета Н. А. Зиновьева

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10, стр. 850. Н. А. Зиновьев, действительный статский советник, член Государственного совета. Речь Зиновьева см. там же, стр. 844-850.

Речь о тарифных сборах, произнесенная в Государственном совете 24 февраля 1910 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10, стр. 899—903.

Стр. 241

...об этом скажет министр торговли и промышленности. Речь министра торговли и промышленности см. там же, стр. 903-909.

...данные приведет господин начальник Главного управления по делам местного хозяйства. Его речь см. там же, стр. 909-911.

Речь о праве крестьян выходить из общины, произнесенная в Государственном совете 15 марта 1910 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10,
стр. 1136-1145.

Стр. 245

После исчерпывающего доклада М. В. Красовского...
М. В. Кра-совский, тайный советник. Его речь см. там же,
стр. 1130-1136.

...такого высокоуважаемого и авторитетного знатока
крестьянского дела, как А. С. Стишинский... А. С.
Стишинский, тайный советник. Его речь см. там же, стр.
1117-1130.

Речь о крестьянской семейной собственности, произнесенная в Государственном совете 26 марта 1910 г.

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10,
стр. 1601-1607.

Стр. 253

...перед голосованием статьи 9... Имеется в виду
девятая статья внесенного Государственной думой в

Государственный совет законопроекта об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения.

Стр. 254

...Дума статьей 51-й ограничила возможность скупки наделов... Имеется в виду статья 51 того же законопроекта.

Стр. 255

...как заметил и гр. Д. А. Олсуфьев... Речь гр. Д. А. Олсуфьева см.. в кн.: Государственный совет, 1909-10, стр. 1591-1600.

...поправка А. С. Стишинского... См. там же, стр. 1519-1525, 1533-1538.

...поправка кн. А. Д. Оболенского... Речь А. Д. Оболенского см. там же, стр. 1525-1533.

Стр. 256

...в известном всем деле Армалиса... Дело Армалиса перешло в Государственный совет из Общего собрания 1 и 2 Департамента Правительствующего сената ввиду их разногласий. В решении Государственного совета по этому вопросу было, в частности, записано следующее: «По точному и буквальному смыслу действующих о крестьянах узаконений, выкупаемый крестьянином усадебный и полевой надел составляет общую собственность всего крестьянского двора, или семейства, а не личную собственность отдельных членов оного». (См. кн.: Государственный совет, 1909-10, стр. 1550-1551.) Из этого, однако, как считал П. А. Столыпин, не следовало, что решение принимается всей семьей, а не главой семьи.

**Дополнение, сделанное по
поводу речи А. С. Стишинского,
произнесенной в
Государственном совете 26 марта
1910 г.**

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10,
стр. 1624-1625.

Стр. 258

...по поводу речи А. С. Стишинского... См. там же,
стр. 1610-1618.

**Замечание по поводу поправки к
закону от 9 ноября, сделанное в
Государственном совете 27 марта
1910 г.**

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10,
стр. 1650.

Стр. 259

...выслушав новую поправку... См. там же, стр.
1648-1650.

**Дополнение в связи с
выступлениями В. П.
Энгсльгардта и Н. А. Хвостова,
сделанное 27 марта 1910 г.**

Печатается по кн.: Государственный совет, 1909-10,
стр. 1653-1654.

Стр. 260

...В. П. Энгельгардт выступил против... См. там же,
стр. 1650-1652.

...Н. А. Хвостов указывал... См. там же, стр.
1652-1653.

**Речь о прерогативах
правительства в деле
организации вооруженных сил,
произнесенная в
Государственной думе 31 марта
1910 года в ответ на заявление
32 членов Государственной думы**

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий
созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья.
Часть III. Заседания 65-94 (с 8 марта по 9 апреля 1910
г.). СПб, Государственная типография, 1910, стр.
2521-2530.

Стр. 261

Заявление 52 членов Государственной думы... См. там же, стр. 2247 и 2482.

Стр. 264

...устройство армии должно проходить в общем законодательном порядке... Как когда-то в случае с Розановым, член антиправительственной партии кадет Милюков счел необходимым отмежеваться от упоминания, сделанного в речи П. А. Столыпиным, В конце заседания Милюков взял слово «по личному вопросу» и заявил следующее: «Председатель Совета министров... приписал мне мнение, что устройство армии должно быть производимо в общем законодательном порядке. Я не знаю, оговорился ли председатель Совета министров, или ослышался, или нарочно утрировал мое мнение, чтобы легче было на меня нападать (справа шум и голоса: «Довольно!»), но я могу его уверить, что Основные законы, которые я здесь комментировал, мне известны и что я нападаю на отступления от Основных законов председателя Совета министров. Его заявления здесь и до сих пор меня не убедили, чтобы он соблюдал Основные законы в тех частях их, которые я критиковал. Утверждения же, которое мне приписано председателем Совета министров, я не делал» (там же, стр. 2531-2532).

...сопоставляя это с выслушанной нами в прошлом заседании речью члена Государственной думы Соколова 2... В. С. Соколов (2-й), член Государственной думы от Костромской губернии. Член прогрессивной группы. Его речь от 26 марта см. там же, стр. 1999-2008.

**Речь по поводу законопроекта о
распространении земского
положения 1890 года на девять
губерний Западного края,
произнесенная в
Государственной думе 7 мая 1910
года**

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть IV. Заседания 95-131 (с 26 апреля по 17 июля 1910 г.). СПб, Государственная типография. 1910 (в дальнейшем: Государственная дума, 1910), стр. 774-791.

Стр. 285

...Егоров, с места... Н. М. Егоров, депутат от Пермской губернии, социал-демократ. По профессии чернорабочий.

**Речь о числе польских гласных в
Западном земстве,
произнесенная в
Государственной думе 15 мая
1910 года**

Печатается по кн.: Государственная дума, 1910, стр. 1391-1393.

Речь О Финляндии, произнесенная в Государственной думе 21 мая 1910 года

Печатается по кн.: Государственная дума, 1910, стр. 2025-2042.

14 марта 1910 года последовал высочайший манифест о внесении Столыпиным в Государственную думу и Государственный совет законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. 17 марта законопроект был оглашен в Думе. 22 марта он был передан для изучения в специально образованную для этого комиссию, которая рассматривала законопроект в заседаниях 27, 29, 30 апреля и 6 мая и приняла его. 10 мая он поступил на повестку дня Думы и был признан спешным. В Думе законопроект обсуждался в семи заседаниях, шесть дней. В час ночи 25 мая была принята формула перехода к постатейному обсуждению. 164 голосами против 23 законопроект был принят и 31 мая передан в Государственный совет (см. стр. 263-270 настоящего издания), утвердивший законопроект через месяц. 17 июня он был утвержден императором и стал законом.

В Думе против законопроекта выступили кадеты. Еще 21 октября 1909 года на заседании ЦК, посвященном Финляндии, кадетами была создана специальная комиссия, в которую вошли П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, Д. Д. Протопопов, В. Д. Набоков, В. М. Гессен и М. М. Ковалевский. Дискуссия была завершена на

ноябрьской конференции 1909 года, где Милюков применительно к Финляндии настаивал на термине «государственная автономия», из которого вытекала необходимость параллельного российскому законодательства Финляндии. Точка зрения Милюкова на конференции победила. В резолюции говорилось, что «конференция признает необходимым, чтобы проект законодательного акта, перечисляющего общие для империи и Великого княжества законы и устанавливающего порядок их законодательного разрешения, был предложен на решение не одних только русских законодательных учреждений, но и финляндского сейма в установленном сеймовым уставом порядке». Короче, законы, касающиеся Финляндии, должна была утверждать еще и сама Финляндия.

Против законопроекта высказались также прогрессисты (И. Н. Ефремов, В. С. Соколов 2-й и А. М. Масленников). Еще резче против законопроекта выступили трудовики — А. А. Булат и, особенно, Г. Е. Рожков и А. Е. Кропотков. Разумеется, против была и социал-демократическая фракция в лице четырех ее ораторов: Е. П. Гегечкори, Н. С. Чхеидзе, Г. С. Кузнецова и И. П. Покровского.

Стр. 288

...как и два года тому назад... См. Речь П. А. Столыпина в Государственной думе 5 мая 1908 г.

Стр. 289 и 293

Остается неразрешенным хотя бы крупный вопрос об исполнении финляндцами воинской повинности. [...] ...Как известно, права русских подданных мало чем и отличаются в Финляндии от прав иностранцев.

18 июля 1910 года император наложил резолюцию «Согласен» на заключение Совета министров «О некоторых мерах, связанных с изданием закона 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве». Совет министров считал основными задачами, не требующими отлагательств, «уравнение прав русских уроженцев в Финляндии с правами местных граждан» и «вопрос об отбывании населением Великого княжества Финляндского воинской повинности». Соответствующие законопроекты должны были быть выработаны финляндским генерал-губернатором. В сентябре эти законопроекты поступили в Думу.

Объяснительная записка к законопроекту об уравнении русских граждан, проживающих в Финляндии, с финнами подробно перечисляла те ограничения, которым подвергаются финские жители (подданные Российской империи), не являющиеся гражданами Финляндии: «Из приведенного обзора ограничений, коим подлежат русские уроженцы в Финляндии, явствует, что в сфере деятельности политической, общественной, экономической и частной права их значительно умалены по сравнению с правами финляндских граждан». Русские не могли избирать и быть избранными в сейм, занимать государственные и общественные должности, в торговле и промышленности они подвергались целому ряду стеснений. Это неравноправие финны рассматривали как самозащиту малой нации против большой. Поэтому статья 1-я планируемого законопроекта предлагала «русским подданным, не принадлежащим к числу финляндских граждан, предоставить в Финляндии равные с местными гражданами права». Предполагалось, что все финляндские законы, противоречащие этому пункту, потеряют силу. В связи с этим записка указывала,

что согласно 10-й статье первого отдела закона от 17 июня 1910 г. «изданные в общем порядке законы и постановления сами собой отменяют все несогласные с ними правила финляндских законов и постановлений и применяются, несмотря ни на какие противные правила означенных местных узаконений».

Согласно финляндским законам стать чиновником можно было лишь после окончания финского учебного заведения или же сдав соответствующий экзамен при Александровском университете в Гельсингфорсе. Это практически закрывало дверь для русских чиновников. Теперь же статья 2-я законопроекта предусматривала, что лица, получившие «образование в имперских учебных заведениях» или выдержавшие «установленные в империи испытания», получали «в Финляндии равные права с лицами, получившими образование в соответствующих финляндских учебных заведениях или выдержавшими на основании местных правил соответствующие испытания...»

По финским законам преподавать историю в Финляндии могли только люди лютеранско-евангелического исповедания. Теперь же, согласно 3-й статье законопроекта, «право занимать должности преподавателей истории во всех финляндских учебных заведениях» предоставлялось «на одинаковых основаниях всем исповедующим христианскую веру русским подданным».

Второй законопроект назывался «О производстве финляндской казной платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной воинской повинности». На 1911 год размер взноса определялся в 12 млн. финских марок.

Предполагалось, что взнос будет увеличиваться на 1 млн. марок в год, пока не достигнет 20 млн. марок. Взнос этот уплачивался равными долями в марте и ноябре.

Оба законопроекта были поставлены на повестку дня Думы спустя примерно год после их внесения, уже после смерти П. А. Столыпина, в октябре 1911 года, в начале последней, пятой сессии; обсуждались 9, 10, 11 и 13 числа и были приняты большинством голосов. Во время обсуждения ораторы думских фракций по существу говорили то же самое, что и при обсуждении законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения в 1910 году. А новый председатель Совета министров Коковцев подтвердил лишь свою готовность следовать в финском вопросе политике Столыпина. Тем не менее, ни Государственным советом, ни императором законопроекты утверждены не были и законами не стали.

Стр. 290

...после убийства генерал-адъютанта Бобрикова... Н. И. Боб-риков (1898-1904), генерал-губернатор Финляндии. В июне 1904 г. убит террористом Эугеном Шоманом.

Стр. 291

...привожу слова почтенного Н. Х. Бунге... Н. Х. Бунге (1823-1895), русский государственный деятель, экономист, академик. В 1881-1886 годах -министр финансов. Инициатор отмены подушной подати. Выступал за протекционистскую политику и правительственные субсидии отечественной промышленности.

Стр. 293

Тревогу тогда забил известный наш ученый, сенатор Таганцев... Н. С. Таганцев (1843-1923), русский юрист. С 1887 г. — сенатор. С 1906 г. — член Государственного совета. Почетный член Академии наук (1917).

**Две речи о новых законах,
касающихся Финляндии,
произнесенные в
Государственном совете 8 и 11
июня 1910 года**

Печатаются по кн.: Государственный совет, 1909-1910, стр. 3654— 3661, 3942-3944

Стр. 311

В речах членов Государственного совета говоривших против законопроекта... Имеются в виду речи Манухина, Деллингсгаузе-на, фон Гильденбанда и Таганцева, стр. 3927-3934, 3937-3940.

Речь о необходимости издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы, произнесенная в Государственной думе 11 января 1911 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть II. Заседания 39-73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб, Государственная типография, 1911, стр. 98-108, 145-147.

Стр. 320

...то, что только что говорил член Государственной думы Шингарев... А. И. Шингаров (1869-1918), земский деятель, врач. Один из лидеров партии кадетов. Депутат Второй, Третьей и Четвертой государственных дум. В 1917 г. — министр Временного правительства. Убит в больнице матросами. Речь Шингарева см. там же, стр. 82-96.

Стр. 323

...рукоплескания справа и в центре... После первой речи П. А. Столыпина слово взяли И. М. Коваленко, депутат Ковельской губернии, представитель Русской национальной фракции (см. там же, стр. 108-112); Милюков (см. там же, стр. 122-133); И. В. Годнев, депутат от Казанской губернии, октябрист (см. там же, стр. 133-140) и барон А. Ф. Мейендорф, депутат от

Лифляндской губернии, октябрист (см. там же, стр. 140-145).

Замечание по поводу поправки Д. И. Пихно, высказанное в Государственном совете 28 января 1911 года

Печатается по кн.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910-1911 годы. Сессия шестая. Заседания 1-49 (5 октября г. — 28 мая 1911 г.). СПб, Государственная типография,

(в дальнейшем: Государственный совет, 1910-1911), стр. 790-791.

Стр. 325

...не менее одной пятой этого уменьшенного ценза...
О поправках Пихно см. там же, стр. 752-769.

Речь о земских учреждениях в Западном крае, произнесенная в Государственном совете 1 февраля 1911 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1910-1911, стр. 866-880.

Стр. 328

...Н. А. Зиновьев указывал на пример, который мне хорошо знаком... См. речь Зиновьева, стр. 846.

Стр. 333

...способом, который был указан членом Государственного совета Д. И. Пихно. См. речь Пихно, стр. 752-769.

Стр. 334

...о предложении, которое было сделано в речи графа С. Ю. Витте... См. речь Витте, там же, стр. 824-835.

Член Государственного совета Л. С, Стишинский уже по этому вопросу дал некоторые объяснения.... Речь Стишинского см. там же, стр. 824-835.

Стр. 335

Слушая красноречивые речи графа С. Ю. Витте и М. М. Ковалевского... Речь Ковалевского см. там же, стр. 853-866.

Речь по вопросу о национальных отделениях, произнесенная в Государственном совете 4 марта 1911 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1910-1911, стр. 1240-1241.

Ответ на запрос членов Государственного совета, данный 1 апреля 1911 года

Печатается по кн.: Государственный совет, 1910-1911, стр. 1781-1795.

Последняя публичная речь П. А. Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 года в ответ на запрос Государственной думы

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия четвертая. Часть III. Заседания 74-113 (с 7 марта по 13 мая 1911 г.). СПб, Государственная типография, 1911, стр. 2850-2863.

Запрос был сделан по поводу применения ст. 87 Законодательных основ при принятии законодательной меры о применении положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской (см. там же, стр. 2950).

Стр. 353

...мною уже даны разъяснения по тому же предмету Государственному совету... См. речь в Государственном совете от 1 апреля 1911 г.

Стр. 359

...Булат, с места... А. А. Булат, трудовик, член Государственной думы от Сувалкской губернии (от общего состава выборщиков).

Приложение 6. Убийство в Киеве Д. Богровым П. А. Столыпина

Печатается по кн.: А. Столыпин. «П. А. Столыпин», стр. 83-85.

Речь председателя Государственной думы, посвященная памяти П. А. Столыпина и произнесенная 15 октября 1911 года

Печатается по кн.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия пятая. Часть I. Заседания 1-41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). СПб, Государственная типография, 1911, стр. 1-4.

**Речь председателя
Государственного совета,
посвященная памяти П. А.
Столыпина и произнесенная 15
октября 1911 года**

Печатается по кн.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911-1912 годы. Сессия седьмая. Заседания 1-81 (15 октября 1911 г. — 25 июня 1912 г.). СПб, Государственная типография, 1912, стр. 3-5.